

БИБЛИОТЕКА
ТОМСКОЙ
ПОЭЗИИ
И ПРОЗЫ

УШЛИ, НО ОСТАЛИСЬ

Библиотека
томской поэзии
и прозы

УШЛИ,
НО ОСТАЛИСЬ

Томск
2025

ББК 84(2Р)6
Б59

Ушли, но остались. Библиотека томской поэзии и прозы.
Литературно-художественное издание – Томск, 2025. – 524 с.

УШЛИ,
НО ОСТАЛИСЬ

Издание Томской писательской организации

УШЛИ, НО ОСТАЛИСЬ

Память о товарищах по писательскому цеху важна для современников, но особенно – для потомков, тех, кто не застал этих достойных представителей писательской братии. Представленные в сборнике писатели ушли молодыми или в возрасте, но оставили заметный след в литературной жизни Томска и области.

В данном издании мы прежде всего вспоминаем членов Томской писательской организации, начиная с отцов-основателей: Леонида Гартунга, Вадима Иванова, писателей-фронтовиков Николая Бабушкина, Давида Лифшица, Руфи Тамариной.

Дань уважения хотелось отдать поэту российского масштаба Василию Казанцеву, уроженцу томского Севера.

Заслуженно памятны нам прозаик и преподаватель ТГУ Эдуард Бурмакин, литературовед Римма Ивановна Колесникова, автор произведений для детей и юношества, выпускник ТГПУ Владимир Шкалик; автор произведений в жанре фантастики Сергей Смирнов, журналист и поэт Валерий Сердюк, краевед Геннадий Игнатов, много сделавший для популяризации творчества нашего земляка Георгия Маркова.

В расцвете творческих сил ушли Александр Казанцев, Александр Рубан, Владимир Бельчиков.

Без стихов и песен Бориса Овценова немислим студенческий Томск 60–70-х годов.

Лишь после смерти по-настоящему зазвучал поэтический голос актёра и режиссёра Олега Афанасьева.

Такие авторы, как Владимир Антух, Павел Лобанов, Макс Батурин, Михаил Орлов, Владимир Брусьянин только начали свой путь в литературу, но заявили о себе ярко, своеобразно. В представленных произведениях виден их собственный почерк.

При отборе учитывалась личность автора, связь с писательской организацией, работа в городских литературных объединениях. Немногие широко издавались при жизни, но публиковались в местной печати. Это Любовь Кораблина, Владимир Жолнеровский, Георгий Плишкин (Томберг).

Ирина Павельева вступила в профессиональный союз писа-

телей в Омске, но прожила в Томске несколько плодотворных лет, училась и работала здесь.

Отдельный раздел посвящён ушедшим литераторам Северска, ближайшего соседа Томска. Ввиду специфики города они в основном варились в собственном соку. Но при этом участвовали в культурной жизни Томской области. Наиболее ярким представителем северчан является Михаил Карбышев, вошедший в большую литературу в зрелом возрасте.

Этот небольшой сборник – знак уважения и просто хорошая литература, которая может послужить нравственному воспитанию новых поколений.

Елена Клименко

Владимир Петрович АНТУХ

(1959–1995)

Родился 28 октября 1959 года в Томске. Поэт. После окончания десятилетки работал слесарем-паяльщиком, монтажником электромеханических и радиотехнических приборов и систем, наладчиком-монтажником испытательного оборудования на заводах Томска, грузчиком торгового дома «Нива».

Долгие годы посещал литературное объединение «Томь» при газете «Молодой ленинец» под руководством Александра Казанцева. Неоднократно участвовал в томских областных семинарах молодых писателей. В 1994 году был участником I Всероссийского совещания молодых писателей в Москве. Лауреат поощрительной премии областного литературного конкурса «Мой край родной» (1994).

С 1982 года печатался в газете «Молодой ленинец». Стихи публиковались в коллективном сборнике «Русский крест» (1994), в сборниках «Томские мотивы» (1998), «Томск – любовь моя и судьба» (2004), на страницах томских литературных журналов «Сибирские Афины», «Начало века», альманаха «День и ночь» (Красноярск), в периодических изданиях Кемерово и Томска.

Автор поэтического сборника «Граница времени» в кассете «Надежда» (Томское книжное издательство, 1989). Вторая книга «Знак Скорпиона» выпущена посмертно в 1995 году.

Скончался в Томске 27 марта 1995 года.

* * *

Судьба была ко мне строга.
А я не возражал.
Косил траву.
Вершил стога.
И баржи разгружал.
И засыпал я на земле
Под звоны комарья.
И возвращала силы мне
Родимая земля.

РИТМ ХОДЬБЫ

Со старта
Сразу в бой.
Я скорость набирал.
За бок
    соперник мой
Схватился и отстал.
А я доволен всем.
А я с дорогой слит.
Наращиваю темп.
Удерживаю ритм.
Но солнце зло печёт.
И небо всё седое.
Я жду,
Когда придёт
Дыхание второе.
Жестокая борьба.
В глазах туман и пот.
Спортивная ходьба –
Невыносимый спорт.
И всё внутри горит.
И неохота жить.
Но сохраняю ритм.
Пытаюсь сохранить.
А стадиона пасть
Ревёт над головой.
И я готов упасть
За финишной чертой.

КАМЕННОМУ МОСТУ

Стоят в ночи, безмолвны,
И цедят пустоту
Ростральные колонны
На Каменном мосту.
И помнят все не все,
Хоть годы пронеслись,
Что здесь опальный Ключев
Просил себе на жизнь.
Связуя две эпохи,
Свой тяжкий крест неси,
Сломавшийся на вздохе,
Поэт всея Руси.
Свой край степной покинув,
Приехав наугад,
Глядел с моста Мартынов
На хмурый, тихий град.
И видел он в лохматых,
Осенних облаках
Воздушные фрегаты,
Летающие в веках.
Неслись от ресторанов
Пролётки вдоль перил,
И Всеволод Иванов
С шарманкой проходил.
«Ты кто? Пришёл откуда
Под колокольный звон,
Шарманщик, хитрый Будда?»
– Из будущих времён.

* * *

Не лгите мне. Ничто не повторимо.
И в прошлом, как и в будущем – темно.
Я знаю сам, как ждать невыносимо
Из Томска в Томск летящее письмо.

Я знаю сам, что ждёт меня в итоге
На этом, мною выбранном, пути.
В какую б даль не выстались дороги,
Но лучшие остались позади.

За все стихи – бессонная расплата.
Сейчас не спят лишь грешники в аду.
И я, идущий мимо Магистрата,
Чтоб тенью стать на Каменном мосту.

**Отрывок из поэмы
«ЗВОН КАНДАЛЬНЫЙ»**

Ты не жалея коней, гони, ямщик!
Гони! Пускай храпят на взвозе кони.
В России кто не раб – тот бунтовщик.
Мне надо оторваться от погони.
Дорога под полозьями поёт,
И снег из-под копыт летит пластами,
И церковь Воскресенская блеснёт,
И осенит крестами, как перстами.
Последнюю надежду не резон
Терять – пускай погибель дышит в спину.
Кандальный звон и колокольный звон
В душе моей сольются воедино.
Я доберусь до тысячной версты.
Тайга страшна. Она гудит и стонет.
А впереди – могильные кресты,
А позади – отставшая погоня.

РОДНОМУ ГОРОДУ

Раньше их было полно везде...
Тащится по Томи
Самым тихим ходом,
Тяжело ударяя плечами по воде,
Может быть, последний
Из пароходов.

А на этом вот месте
Когда-то базар кипел.
Не смогли разобрать – взорвали.
Рвануло здорово.
Я его даже сфотографировать не успел:
Думал – он вечная принадлежность
Города.

Здесь сейчас
Похожий на элеватор
Театр.
И здание,
Напоминающее белый,
На мели сидящий пароход,
Если смотреть с реки –
Самых бредовых идей вместилище.
А гравий из Томи вычерпали.
Вода ушла. И вымахали
Вдоль набережной тальники.
Ещё до строительства
Крапивинского водохранилища.

Возвращаюсь домой
Через Воскресенскую по Ефремовской.
Куда-то спешат, не обращая
На город внимания, люди.
(Поздняя осень. Октябрь.
Слегка подморозило.)
Мимо дома Радищева, в котором не будет музея,
А гостиница – будет.
Мимо кафе «У погибшего озера».

Поскрипывают деревья
При ветре резком.
Он пронизывает насквозь.
С трудом продвигаюсь вперёд.
Мимо бывшей почтовой станции,
Где стёрта память о Чернышевском,
Мимо бывшего кладбища,
На котором стоит завод.

Мимо тюрьмы – не бывшей,
Помнящей Короленко...
Мимо жалких домишек, их приютил овражек,
С расстроеным иду и злым лицом
На постылый Каштак,
Где светятся огни многоэтажек
В созвездии Панельных Близнецов.

ВИЗИТ

Сколько добреньких сердец!
Отвечал я, если спросят:
«Вовка, где же твой отец?»
– А-а, собакам сено косит.

Накосился.
Вечер – сед.
Первый снег гулял по миру.
Он чужой велосипед
Со двора втащил в квартиру.

Улыбался, жизнь кляня,
Разворачивал гостинцы.
У него, как у меня,
Кривоватые мизинцы.

Я – большой.
Мне пятый год.
Я гляжу на угощенье.
Только мне не лезет в рот
Это сладкое печенье.

Кто его здесь должен ждать?
Для чего он заявился?
Он успел от нас сбежать
До того, как я родился.

Разберёмся до конца?
Это жизнь во всём повинна?
Я не видел в нём отца.
Он во мне не видел сына.

Завтра он уйдёт в мороз.
Будет жить – не маяться?
Только пачка папирос
От него останется.

Не запомню в свете дня
Черт его лица.
Хорошо, что у меня
Не было отца.

13.12.93

ДЕТСТВО

Мне никуда от этого не деться.
Там хватит места всяким чудесам.
И потому полынный запах детства
Меня опять тревожит по ночам.
Там голуби крутили в небе сальто,
Тележный гул висел над мостовой,
Теперь надёжно скрытой под асфальтом,
На очень старой Старо-Деповской.
Я помню всё. И шёпот тополей.
И страх, крадущийся на мягких лапах.
И первый клин осенних журавлей,
Летающий надо мной на юго-запад.
И бабушкины сказки по ночам.
И светлый праздник Пасхи с куличами.
И то, как я читать учился сам,
Об этом не рассказывая маме.
И первый друг. И игры на Задах,
Где мы с сарая прыгали в опилки.
Дрались. И шли карбид взрывать в бутылке.
И убегали прятаться в кустах.
Нам хорошо. Нам хочется расти.
Плохого будет много – ляжет ношей.
Но детство, что оставим позади,
Потом заставит думать о хорошем.
А журавли над городом летят.
И замер я на улице нелепо.
И всё гляжу, как тридцать лет назад,
В осеннее простуженное небо.

1.01.94

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Шёл к озеру старик и размышлял:
«Всё в жизни есть... Старуха надоела...».
Но кто-то думать старому мешал,
А это птица весело свистела.
Старик со скуки просто,
Без затей
Закинул снасть и отдыхал покуда.

Не знал, что в век высоких скоростей
Ещё возможно маленькое чудо.
И вот взметнулось чудо над водой,
И чешуя на солнце заблестела...
Сварил уху
Из рыбки золотой –
Та даже откупиться
Не успела.

* * *

Как отчаянно ветры дуют
За окном. И горят снега.
Сел на корточки и колдую
У погасшего очага.

Все поленья огонь охватит,
Не жалея смолистых слёз.
Разольётся тепло по хате,
Как по городу зло – мороз.

Я под танец огня-рыжовки
С этих рук соскоблю смолу.
Кошка вылезет из духовки
И растянется на полу.

Будут ходики громко чакать.
Остывая, дымиться чай.
Будет в полночи выть собака
И гореть на столе свеча.

Новый стих я душой учую
И прочту его.
А пока
Сел на корточки и колдую
У погасшего очага.

21.12.81–19.09.82

НЕПРАВИЛЬНЫЙ РОМАНС

Уходит дилижанс по выбитой дороге,
Наотмашь хлещет дождь, и тонет мир в дожде.
А писем не догнать. Не задержать. В итоге
Они придут в срок из прошлого к тебе.

Они придут в ночь дождя и листопада,
И сразу пёс цепной зальётся лаем зло.
Черна и холодна в ночи ограда сада,
Но будет на душе твоей от слов тепло.

Я думал о тебе бессонными ночами.
Я с именем твоим ложился и вставал.
А прошлое моё смеялось за плечами.
Смеялось надо мной. Но я не отвечал.

* * *

Тишина на сотни вёрст окрест.
Слякотно. Уже не моросит.
Безысходность душу не разъест.
Только память в прошлое скользит.

Нёс тебя по лужам на руках.
Потому что ты была моей.
И качались звёзды на ветвях
Вымокших, поникших тополей.

Город незнакомый и чужой.
Ветер в стену врезался, скуля.
Если что и было за душой –
Это только ночь и тополя.

Только сонный, только лунный след
На стене и крашеном полу...
Никого сейчас в том доме нет.
Канул он в сгустившуюся мглу.

Больше ни о чём не говорю.
Только помню тот, последний, взгляд
Женщины, которую люблю
И перед которой виноват.

Мне не сбросить груз своих оков.
С каждым годом давит он сильней.
На столе пятнадцать дневников.
Что мне делать с памятью моей?..

* * *

В злобе
Кидал письма
Одно за другим –
В огонь.
Сгорали
Твои мысли.
Сгорала
Твоя боль.

В печке огонь – светел.
Прошло всё –
Прочь.
Подхватывал строчки
Ветер
И уносил в ночь.

Вот и всё.
И печь остыла.
Кто – поймёт.
А кто – осудит.
Я хочу забыть,
Что было.
И не знать
О том, что будет.

Но в трубе в ненастный вечер,
Нелюдим и независим,
Вдруг затянет песню ветер
На слова
Сожжённых писем.

* * *

Синих строчек сдержанный взмах.
Ближе всех, конечно же, дальние.
Я Вам напишу при свечах,
Как во времена стародавние.

В лучшие мои времена,
Где Вас, к сожалению, нет.
Мне сейчас нужна тишина,
Зыбкий и мерцающий свет.
Только не от чёрной тоски,
Что ютится в каждом из нас.
Просто Вы мне стали близки.
Не сейчас – давно. Не сейчас.
В мир Ваш не открою окно –
Ветром не задует свечу.
Вам об этом знать не дано.
Потому что я не хочу.
Потому что свечи лишь повод –
Оборвался «фазовый» провод.
Потому что ночью ко мне
Замело следы на земле.

ИЗ ЦИКЛА «НОЧИ НОВОГОДНИЕ»

Сочился сквозь окна декабрьский призрачный свет
И падала гулкая ночь на соседние крыши.
И только какой-то нахальный и юный поэт
Всё лез в разговор и не думал о том, что он лишний.

Ты в сборище это попала случайно. Давно
Тебя потерял я – в разгар високосного лета.
Застолье шумело, и пело, и пило вино.
Но целую вечность мы были вдвоём – до рассвета.

Уже намечался январский простуженный день,
Когда мы покинули дом, тишины не нарушив,
И долго метались среди ненавистных нам стен
Внезапно прозревшие, наши мятежные души.

Пустынная улица. Город с похмелья не встал.
И только позёмка змеилась у нас под ногами.
Вдруг ветер тебя подхватил. А меня – освистал.
И нет никого. Я один. Ты уже над домами.

Тебя не вернуть. И звучит по ночам до сих пор
Чаканою Баха, а осенью чардашем Монти,
Лишь ветер, который тогда оборвал разговор
На самой щемящей, на самой пленительной ноте.

ТОЛЬКО СИМВОЛЫ

Перекрывая вой метели,
Вокруг меня
Или во мне,
Звучала музыка Сальери
И обрывалась в вышине.
И танец снежной, снежной пыли,
И память боли сквозь года,
Передо мною плыли, плыли,
Не исчезая никуда.
А ты метели не любила.
Не понимала.
Не ждала.
И потому шальная сила
Ко мне дороги замела.
Озноб ликующего танца
Передавался только мне.
И было выше сил скитаться
По заметеленной земле.

* * *

Мой век жесток. Прекрасен. И несносен.
Но этот сон пусть длится наяву.
По городам разгуливала осень
И осыпала под ноги листву.

Дарила золотым прощальным светом
И догорала в пепельной золе.
И только мы – бродяги и поэты –
Скитались по расхристанной земле.

Ты помнишь затуманенные дали?
И низкие стальные небеса?
По лицам ливни чёрные хлестали
И заглушали наши голоса.

В грязи тонули кони и повозки.
Нам кочевать и ночевать в пути.
И в преисподню рушились подмости.
Но нам ещё не раз на них взойти.

Нас ждут ещё не сыгранные роли.
И гулкие чужие города.
Поэзия рождается из боли.
Мне этой болью мучаться всегда.

* * *

Ничто в этом мире не ново.
Каких ещё милостей ждём?
Пусть раньше мы жили хреново.
А нынче – хреновей живём.
Пусть новый приходит «мессия»
И правит свой бал на земле.
Россия, Россия, Россия.
Ты вечно Россия в мгле.
Распутья. Раздумья. Тревоги.
Какой-нибудь надцатый год.
Гремя кандалами свободы
Россия сквозь время бредёт.

31.08.93.

**Олег Алексеевич
АФАНАСЬЕВ**

(1939–2002)

Родился 3 декабря 1939 года в селе Ям Подольского района Московской области. Скончался 4 декабря 2002 года в Томске.

Поэт, актёр, режиссёр. Окончил Высшее театральное училище имени М. С. Щепкина при Малом театре (1961 г.) и вместе с однокурсниками отправился в Казахстан «поднимать целину». В 1961–1972 гг. был актёром и режиссёром Павлодарского театра драмы имени А. П. Чехова. Награждён медалью «За освоение целинных земель». С 1972 жил в Томске. Работал в Томском областном театре драмы (1972–1980 гг.), Тульском драматическом театре (1981–1986 гг.), Томском областном театре юного зрителя (1986–2000 гг.), режиссёром народного театра Дома учёных в Томске.

Снялся в нескольких фильмах («Тайна Золотой горы», «Сыщик петербургской полиции», «Покушение на ГОЭЛРО»). Заслуженный артист России (1980). Лауреат премий обкомов ВЛКСМ – Томского (1979) и Павлодарского (1967).

С 1960-х годов печатал стихи в различных периодических изданиях Казахстана, Москвы, Томска. Первая книга – «Новые стихи» – вышла в 1969 г. в Алма-Ате. В Томске при жизни опубликованы сборники «Из неизданных книг» (1996), «Во времена «тире»» (2000), «Стихи» (2002). В Томске учреждена литературная премия имени О. А. Афанасьева.

* * *

А в небе белые овечки,
пастух за облако утёк.
Поговори со мной о вечном,
а я передохну чуток.

А лучше сказку расскажи мне,
какую хочешь, расскажи –
ведь всё равно непостижима
случившаяся с нами жизнь.

Давай не будем в ней копать,
ни в том, что тут, ни в том, что там,
и поглядим на всё сквозь пальцы,
как это свойственно шутам.

Да, мы шуты, и я, не скрою,
предпочитаю роль шута,
пока не устают герои
толкать народ туда-сюда.

Мы видим, как людей калечит
их бытия нелёгкий груз,
и не хотим, чтоб им на плечи
легла ещё и наша грусть.

Мы прыгнули без парашюта
и вниз летим, что я, что ты –
летим, летим и шутки шутим –
всегда так делают шуты!

* * *

Прошла зима, как снег растаяла,
промчался первых гроз табуң,
прошла, ушла и не оставила
ни одного табу!

Разрешено цвести и пахнуть,
чирикать, квакать и свистеть –
и мир распахан и распахнут –
пожалте петь и зеленеть!

Макушку северного полюса
земля склонила чуть на юг –
проклёвывайтесь, гладиолусы,
салат и кресс-салат, и лук!

Цветите, яблони и вишни,
Шагай, рассада, за порог
и в общем празднике не лишни
крапива и чертополох.

Морковь и свёкла, и редиска,
и полевые на лугу,
и в лес заброшенной радисткой
кукушка шлёт своё «ку-ку».

Согласно замыслам природы
идут зелёные полки,
и партизанят в огороде
молоденькие сорняки!

Победа! Торжествует лето
в лесах и на полях равнин
и мирное пространство это
осваивает хлорофилл!

ЗИМОЙ

Конечно, лес совсем не мёртвый,
но всё равно погиб, пропал –
стоят деревья, словно мётлы,
поставленные на попа.

А за деревьями крадётся
к закату солнце, словно вор,
и о весёлом не ведётся
теперь до марта разговор.

Замкнулся лес угрюмо, гордо,
вокруг торжественная жуть –
и птицы к родственникам в город
летят разжиться чем-нибудь.

Но беженцам везде не сытно –
и у чужих, и у родни,
и всё, что я для них насыпал,
склевали наши воробьи.

И городским сегодня туго –
то непредвиденный мороз,
то не предсказанная вьюга,
а то в бюджете перекос.

Мы недотёпы и тетери
и, к сожалению, весьма...
но всё равно придёт, я верю,
к нам щедрым спонсором весна!

* * *

Люблю слова,
«железо», например –
в нём нет желе, желёз, и жалости тем более,
в нём звон и лязг, предошущенье боли,
когда для исполненья крайних мер
пускают лезвие на волю!

А «дерево»?
Скажу – и мне тепло,
и вспомнятся деды, деревня, дева,
и скучны и бездельник, и трепло,
благословенно только дело.

А «родина»?
Не буду о большой, родник
на малой родине припомню,
студёною водой ведро наполню
и самовар раскочегарим у родни.

«Любимая»!
Люби...
Моя?
Иль маяться в аду?
Любимая, люби меня,
иначе я с ума сойду!

О слово русское!
Мне каждый звук твой мил –
приёмник, трансформатор, передатчик
энергии!
С которой покоряли мир –
и в первобытный миг удачи,
когда,
представьте, тишина,
ни одного сознательного звука –
и вот артикуляций мука –
и вещи обретают имена!

* * *

Я, если честно, не люблю летать,
не потому, что не отважен –
тоска – коленей быт налаживать,
с соседским локтем воевать...

Уснуть пытаться, бесконечно
глядеть на горы облаков
и сетовать, что пункт конечный
всё ещё где-то далеко.

Но вот уже и «ноу смокинг»,
и пристегнуть ремни велят –
и на тебя родная смотрит
в иллюминаторы земля.

Нет, я люблю, конечно, скорость –
(какой же русский, чтобы не?!)
за каждым поворотом новость
и марш-бросок по целине.

Но землю, родину, равнину,
прохладу липовых аллей,
калину красную, рябину,
печаль порушенных церквей,

её леса, поля, болота
с родным навозным запахом –
можно любить и с самолёта,
но лучше всё-таки

пешком.

* * *

Фотограф – кляц! –
как выстрел!

мальчик

застыл на стуле навсегда
в глазах испуг, в ладошках мячик
прощай, мой человечек!

да

так уж устроено на свете –
мгновение, и ты другой,
а тот не спросит, не ответит
и не уронит мячик свой...

фотографы – невинные убийцы –
где мальчик тот, что птичку ждал
где юноша розоволицый
где тот мужик, что принимал
на грудь не менее пол-литра
художник, умница, поэт
уже бледна его палитра
а птички нет как нет!

печальная, конечно, тема
зачем спешить, придёт беда –
душа возненавидит тело
и птичкой выпорхнет тогда...

ЖАЛОБА ДЕРЕВА

меня решили сделать сквером
осквернили
верхушку срезали
загнули ветви вниз –
чтоб рос и не как все деревья
в небо
а рос, как скверный повелел каприз...

и вот стою на праздничной аллее
и удивляется гуляющий народ
что я так необычен и затейлив
и не догадывается
что я урод...

* * *

новая жизнь комфортней
старая лучше пахнет
веник нарвать полынный
повесить в дальнем углу

раскусишь смородину, сразу
деревенское вспомнишь детство
отвечать на любые вопросы
«не знаю» честней всего

а тот, кто якобы знает
за это когда-то ответит
только голодный ребёнок
уже не простит никого

крупно запутались папы
у мам варикозные ноги
когда не успеваешь
допинг нужен тебе

а солнце встаёт над садом
а жизнь всё равно прекрасна
но когда понимаешь это
третий звенит звонок

я рос неловким мальчишкой
вырос нелепым дядей
но я ещё может сумею
заглянуть в двадцать первый век...

* * *

сентябрь, суббота, бабье лето
Россия на картошке вся –
такая уж у нас примета
как бабье лето, знает всяк

но если он не побирушка
не бич, не бомж и не босяк –
не на югах, не на пирушке
Россия на картошке вся.

и не форсируя усилия
но и прохладцей не форся –
ау, ты где моя Россия?
Россия на картошке вся.

пока стоит Россия раком
на запад взглядом не кося –
то никакой не страшен враг ей
Россия на картошке вся.

у нас ведь как – то то, то это
опять же вечно на сносях –
и чтобы выдержать всё это
Россия на картошке вся!

* * *

В. Костину

срубили дерево, сгубили
мотали, мучили его
и в результате получили
вот этот белый лист, и вот

он предо мной, он чист и робок
он бел, как чёрная дыра
и просит он его не трогать
и шепчет ласково – пора.

пока он чист, он суверенен
над ним ещё законов нет
он полон тайн и суеверий –
но вот является поэт –

и лист становится бумагой
и плоским – без вершин и ям
и по нему наш бедолага
хорей какой-нибудь иль ямб

летит в такси иль осторожно
ползёт из пункта А в пункт Б
а в сущности никак не может
дорогу отыскать себе

и мнётся лист, и рвётся в клочья
и гонит от стола тоска
и вскакивая среди ночи
покажется, что отыскал

все нужные слова! И зрячим
теперь ты будешь навсегда
и лист становится прозрачным
как в чистом роднике вода

и будешь пить её, и зубы
заломит вдруг от новизны
и всё – тушканчики, и зубры
финты форели, блеск блесны...

молчанье коршуна и мыши
подземный шорох, буйство вод
и реактивного неслышный
над городом твоим полёт...

гул колокола, колокольчик
над дверью друга, свежий сруб
и языка дразнящий кончик
между порочных алых губ...

короче, всё! Земля и небо
вся красота и тайны их
без противления и гнева
естественно войдут в твой стих!

но – спать уже пора и утром
что, как известно, мудреней
ты просыпаешься немудрым
а рассудительным скорей

и после тщательной прополки
трудов вчерашних ты вздохнёшь
и сдашься в плен – дойдёшь до полки
и томик Пушкина возьмёшь

себе границы обозначишь
отметишь кой-какой успех
и вдруг беспомощно заплачешь
конечно, в тайне ото всех...

МЕЛОДРАМА

крадётся осень и крадёт
у лета краски, и потери
всё явственнее, настаёт
пора – иные акварели

развесить за моим окном
и белым утренним туманом
окрестности заволокло
и дело, в сущности, за малым

чтоб всё дальнейшее понять
и разночтения отбросить –
премьерный занавес поднять
и пьесу под названьем «Осень»

смотреть из своего окна
но выключая рацию
и поражаться, глядя на
богатство декораций!

езде следы законной ржи
и умбры след в союзе с охрой
и лист осиновый дрожит
а тополиный сохнет.

в берёзе листьев бубенцы
как будто в золото отлиты
и восковые листья липы
как семенные огурцы.

какой художник своевольный
не пожалел открыть свой ларь –
и из него опал, янтарь
и цвет морковный, и свекольный.

приказано рябинам рдеть
а соснам незаметно ржаветь
а клёнам медленно редеть
пока их листья будут жарить.

и примитивный красный цвет
пурпурным станет и багряным
и лиственницы нежный свет
не закричит и не нагрянет

а будет скромно излучать
сквозь кедра синь свой цвет лимонный –
и всё это сначала моно
а после стерео звучать!

и разноцветьем покоряя
взлетать под небо будет звук
но тут какой-нибудь корявый
оставленный без листьев сук

в порыве старческого гнева
пообещает грозный суд –
оглохнет, как Бетховен, небо
и тучи мрачно поползут.

последнюю погубит зелень
все акварели смоем дождь
и тут уже ноябрь на землю
заявится, костляв и тощ!

и приведёт с собою кодлу
ветров колючих, холодов –
сюжет исчерпан и на коду
спектакль наш идти готов

прощальное прокрутит сальто
Пьеро – последний рыжий лист
и рухнет на планшет асфальта
и не поднимется на бис...

* * *

Вот и молодость нас покинула,
как мы скоро успели устать –
никогда мы не станем такими,
какими хотели стать!

Мы теряем углы, мы толстеем,
обретаем над нервами власть
и соломку ту самую стелем,
если требуется упасть.

Перемен постоянные рыцари,
остряки, мастера говорить –
как боялись мы повториться,
но больше всего –
повторить

этот путь отступлений проклятый,
когда ты от жизни бежишь,
бежишь на заранее якобы
заготовленные рубежи.

Вот и мы
окопались в конторах
и, хоть честно едим свой хлеб,
всё равно, всё равно нам укором
наши
семнадцать
лет!

* * *

себя не мнили Леонардами да Винчи мы
мы были винтиками
нас не жалели
но нас хотя б во что-то ввинчивали
теперь валяемся свободные
ржавеем...

Николай Фёдорович БАБУШКИН

(1913–1969)

Родился 2 декабря 1913 года в городе Ногинске Московского уезда. Работал чернорабочим на ткацкой фабрике. Окончил Ленинградский государственный педагогический институт.

Участник Великой Отечественной войны – с 1943 по 1945 гг., воевал на Карельском, 2-м и 3-м Украинских фронтах. Работал доцентом Самаркандского педагогического института (1938–1943), в Томском государственном университете (1946–1969). В ТГУ с 1946 года руководил кафедрой русской, а с 1952 – советской литературы. В 1950–1951 гг. был редактором многотиражной газеты ТГУ «За советскую науку».

Декан факультета поэзии и прозы Томского общегородского народного университета культуры, созданного в 1959 году при обществе «Знание».

Автор книг «Легенды голубых озёр» (1961), «Творчество народа и творчество писателя» (1966). Внёс большой вклад в становление Томской областной писательской организации. Был ответственным секретарём Томского отделения Союза писателей РСФСР. Принимал деятельное участие в подготовительных работах по написанию «Истории русской литературы в Сибири». Редактировал литературно-художественный альманах «Томск» (1946–1955).

Профессор, доктор филологических наук. Член Союза писателей РСФСР с 1963 года. Литературовед, публицист. Скончался 29 января 1969 года в Томске.

ЛЕГЕНДЫ ГОЛУБЫХ ОЗЁР¹

КАТ МАН ПУЧ²

Маленький Кат Ман Пуч спит в зыбке. Мать ласково взяла его из зыбки, полюбовалась им и посадила его на пол. Неизвестно, сколько прошло времени, но маленький Кат Ман Пуч стал большим. Тогда к ним пришёл человек, поклонился, осмотрелся и сказал:

– Зачем ты звал меня, Кат Ман Пуч?

Он сказал тому человеку:

– Надо лодку сделать, чтобы посадить в неё шестьдесят человек.

Семь дней делали такую лодку.

Кат Ман Пуч вышел, чтобы отправиться в путь. Осмотрел он лодку, посадил шестьдесят гребцов и сел сам.

Семь дней ехали они вверх по реке.

На седьмой день приехали к трём устьям Кадыски. Встретили на пути заводь. Она задержала их. До поту гребли, но не могли пройти.

Кат Ман Пуч вышел из-под крыши лодки и опустил в заводь монетки по обе стороны лодки.

Теперь лодка прошла. Подошли они к городу Кадыски. У города стоят семь больших рыб, за ними и стала лодка.

Тут стояли семь дней, и семь дней Кат Ман Пуч не выходил из-под крыши лодки.

А в это время в город пришёл низовский богатырь и начал пировать. Он хотел высватать дочь Кадыски – белую красавицу.

Невеста вышла на берег, спустилась к воде, ступила на первую рыбу и посмотрела вниз по реке. Она ждала Кат Ман Пуча, но его не было видно. Тогда она по спинам всех семи рыб дошла до лодки и спросила:

– Почему не приехал Кат Ман Пуч?

Он сразу же из-под крыши лодки вышел, посадил девушку в лодку. Поплыли они вниз.

После семи дней они опять встретили заводь. Опять Кат Ман Пуч опустил в воду деньги, лодка двинулась вперёд. Проплыли они опять семь дней и вернулись домой.

¹ Легенды голубых озёр. Томское книжное издательство, 1961, 48 с. Сост.: Н. Бабушкин и Я. Кошелев.

² Записана неизвестным корреспондентом сибирского исследователя Г. Н. Потанина. Хранится в его архиве (Научная библиотека ТГУ имени В. В. Куйбышева). Обработана доцентом Томского университета Н. Ф. Бабушкиным и доцентом Томского пединститута Я. Р. Кошелевым.

Стала дочь Кадыски женой Кат Ман Пуча.

Как-то они вышли вместе на берег. Жена спрашивает его:

– Куда ты высыпал деньги?

Он показывает ей на воду, а жена уже больше ничего не говорит.

Вернулись домой, стали пить вино. В городе тоже все веселились. Кат Ман Пуча стало клонить ко сну. Он и говорит:

– Я хочу спать, а если я усну, то меня не разбудить никому. Но у меня, видишь, висят семь мечей. Ты меня ткни в ногу седьмым, самым маленьким мечом, – и я проснусь.

Крепко он заснул, а жена его сидит дома. Затем она вышла из дому и взяла топор.

Мать мужа спрашивает:

– Ты куда идёшь?

Невестка отвечает:

– Иду дрова рубить, а привезу на лодке.

Свекровь ничего не сказала, она знала: дрова должна добывать женщина и летом, и зимой.

На дворе отец мужа тоже спрашивает:

– Ты куда идёшь?

Она сказала:

– Иду дрова рубить, а привезу на лодке.

Он тоже больше ничего не сказал.

Жена Кат Ман Пуча спустилась к лодке, отвязала её, оттолкнулась от берега и поплыла вверх. Проплыла она семь плёсов, хорошо правила лодкой, проплыла быстрину.

Когда плыла по седьмому плёсу, увидела на берегу много лесу. Она вышла на берег и стала рубить деревья. Но что-то в лесу раз затрещало, потом другой раз. Она насторожилась и видит: вышел из лесу человек. Она присмотрелась и узнала своего старшего брата. Он сказал ей:

– Зачем ты ушла к чужому человеку?

Подошёл ещё человек, женщина увидела, что с её братом пришёл низовский богатырь. Она хотела спрятаться за дерево, но было уже поздно.

Низовский богатырь властно приказал ей:

– Иди назад домой, Кат Ман Пуч крепко спит. Ты зашей ремнями его кольчугу, чтобы её нельзя было надеть. Мы придём и убьём его.

Женщина нарубила дров, наложила их в лодку и поплыла домой.

Когда она вернулась, в дверях её встретил свёкор и опять спросил:

– Ты куда ездила?

– Я рубила дрова, – ответила она.

Но свекровь сердито сказала совсем о другом:

– По лицу твоему видно, что ты виделась с низовским богатырём, след-то в глазах твоих остался...

Кат Ман Пуч спал. Жена его взяла кольчугу и стала её ремнями зашивать. Шьёт и думает, низовский богатырь на уме у неё, но он чёрный, страшный. Потом она посмотрела на мужа, он такой молодой, такой красивый... Она тогда распоролa ремни и повесила кольчугу на место.

Потом взяла самый маленький меч и уколола им мужа в ногу. Он проснулся, встал и сказал ей:

– Я хорошо выспался.

Кат Ман Пуч надел кольчугу, взял самый большой меч и вышел.

Низовский богатырь пришёл с войском. Стал Кат Ман Пуч рубить войско. Рубил три дня.

А в это время низовский богатырь отца его повалил. Кат Ман Пуч схватился с богатырём и убил его.

Другой низовский воин хотел в это время убить мать Кат Ман Пуча, но сын и его убил.

После того, как все низовские пришельцы были убиты, Кат Ман Пуч пришёл к своей жене.

У них потом родились сын и дочь.

Весь народ прославлял Кат Ман Пуча и его подвиги в борьбе с низовскими врагами.

И жену его славили: она осталась верна своему мужу, помогла ему в бою с худыми, кровожадными людьми.

ЧЕЧЕРЬГИНСКИЙ БОГАТЫРЬ¹

На Васюгане два богатыря жили. Один Кательгский, другой Чечерьгин.

Два кательгских старика поехали на обласке на охоту по Кильвату-речке. Когда возвращались домой, мимо Чечерьгино плыли, где богатырь жил и 30 семей хантов. Два мальчика, что на берегу играли, пустили в стариков стрелы и попали им в спины. Раненые приехали домой и всё рассказали.

Кательгский богатырь собирать народ начал. Войной решил пойти на Чечерьгино.

¹ Записана фольклорной экспедицией Томского пединститута в 1957 году в селе Айполово, на Васюгане, от З. С. Чечерьгина. Обработана Н. Ф. Бабушкиным и Я. Р. Кошелевым.

Пришли катальгские, застали их врасплох. Перебили всех. Богатырь только остался.

Спал он в это время на другой стороне речки, на бугре. Нити были растянуты вокруг его палатки с колокольчиками по углам. Когда катальгские стали искать его по лесу, колокольчики зазвенели. Проснулся и выскочил богатырь из палатки. Пустили катальгские стрелу, в колено богатырю попали. Преломил он древко стрелы и побежал. Конец стрелы так и остался в ноге. Катальгские преследовали его. Убежал богатырь на Долгий плёс, к Васюгану, выше Захарова чвора¹.

Пролежал раненный богатырь на этом плёсе семь дней.

По Игыл-Ягу, вверх по Васюгану, сестра богатыря замужем жила. Ехали они с мужем в гости. Богатырь попросил их подъехать к нему. Рассказал им, что чечерьгинские все перебиты, он один остался.

Богатырь сел в обласок к сестре и её мужу. Вода почти через край заливала обласок. Так был тяжёл и велик богатырь. Приехали в Чечерьгино. Люди все лежали убитые.

Богатырь снял с убитого брата кольчугу, одел подниз, сверху свою одел. Лук со стрелами взял. Лук и стрелы брата взял. Сестру и зятя попросил увезти его в Катальгу.

В Катальге заехали к одному старику, чтобы никто не знал.

Был ясный день. Гром вдруг раздался. Катальгцы удивились, на небо стали смотреть. Небо чистое, а гром гремит. Это богатырь чечерьгинский ударил щелчком по натянутой тетиве своего лука.

Второй раз гром ударил – сильнее первого. Чашки из рук катальгцев упали. В третий раз гром загремел. Катальгцы догадались: воевать кто-то к ним пришёл. Посоветовались, решили послать к богатырю своих людей помириться. Чечерьгинский богатырь сказал, раз они убили его людей, пусть отдадут ему 60 человек своих.

Умер богатырь через год. Люди обратно на Катальгу ушли. Старик со старушкой одни остались. Не взяли их катальгцы с собой, сами они идти не могли.

Когда они умерли, айполовские охотники похоронили их там, где богатырь похоронен был. И сейчас ещё на том месте заметна землянка богатыря. Речка с того времени Чечерьгиной называться стала. Раньше называлась Томан-сигат.

¹ Чворы – заболоченные луга.

ХРАБРЫЙ МАЛЬЧИК¹

На берегу голубого озера жила бабушка с маленьким внуком. Внука звали Итте. Когда подросток Итте, на охоту стал ходить, сети ставить. Бабушка говорит ему: «Ты на дальний берег озера не ходи. Там все караси одноглазые и утки все косые».

Итте бабушку не послушался. Встал он как-то рано утром, сел в обласок и направился на дальний берег. Поставил сеть. Осмотрел сеть – карась попал! Смотрит – два глаза у карася. «А бабушка говорила – один глаз!» – подумал он. Села утка тут на озеро. Выстрелил Итте из лука, убитую утку достал. Смотрит – у утки два глаза. «Обманула меня бабушка!» – сказал он.

Наловил Итте карасей полную лодку. Поехал домой.

Бабушка стоит на берегу и бранится: «Там злой, слепой старик. Съест он нас». Итте ответил: «Карасей поубавилось, а там их много. Старика не боюсь!».

Утром Итте опять поставил сети на том же месте. Смотрит – камыш колышется. Подумал Итте: «Караси направились к берегу, поеду посмотрю!». Отъехал немного, лодка на быстрину попала, сама поплыла. Итте думает: «Вот-то хорошо! Вода сама гребёт!».

Подплывает к берегу, видит – человек сидит, рыбу удит. Посмотрел Итте, а это слепой старик. Старик в это время сеть вытащил: нельма попала. Старик ударил нельму по голове топориком и в лодку положил. Итте ближе потихоньку подъехал, нельму за голову вытащил и в свою лодку переложил. Оттолкнулся и домой поехал.

Бабушка опять бранится: «Зачем ты к тому старику ездил? Он злой колдун!». Посердилась бабушка, посердилась, и стала рыбу в котле варить.

Наутро Итте опять поехал на прежнее место, опять сети поставил. Подъехал к берегу – опять тот старик сидит. Осетра он поймал. Большой осётр попал. Старик добил его, в лодку положил и говорит: «Не укради моего осетра, Итте!». Удивился Итте: «Как может слепой старик видеть?». Но осетра тихонько в свою лодку переложил. Оттолкнулся и поехал.

Слепой старик кончил ставить сети, щупает в лодке, а осетра нет. Закричал старик: «Будешь ты, Итте, съеден, не иначе! Как твой отец, будешь во мне лежать!». Итте крикнул в ответ: «Ты меня не съешь. Ты простаков только съедаешь!».

Приехал Итте домой, про старика бабушке рассказал. Бабуш-

¹ Записана неизвестным корреспондентом Г. Н. Потанина, хранится в его архиве. Обработана Н. Ф. Бабушкиным и Я. Р. Кошелевым.

ка опять бранится. «Ест он простаков, а меня не съест!» – сказал Итте.

Поужинали они с бабушкой. Свечерело. Слышат – шум, в бубен кто-то бьёт. Потом голос старика послышался: «Лозы¹, несите Итте сюда!».

На улице собака завизжала. Итте в один карман штанов брусок положил, а в другой – нож. Привязал себя ремнём к шесту, что в середине чума стоял.

Не смогли лозы оторвать Итте от шеста. Бабушку лозы унесли. Затрясся чум, ходуном заходил – это лозы подымать его стали. Потасили Итте вместе с чумом к хозяину. Старик встал, развязывать Итте начал: «Ещё привязался! Съел мою нельму, съел осетра. Теперь ты мне попался!». Развязал, проглотил Итте.

Очнулся Итте в животе старика. Достал из кармана брусок, достал нож и стал его точить. Старик говорит: «У тебя, дядя, внутри золочено и самоварной медью околочено, прямо как горница».

Старик рассердился: «А, ты ещё песни поёшь!» – и ударил по тому месту, где Итте сидел. Итте стал ножом тыкать. Старик закричал: «М-га! Чем ты там тычешь меня?». Итте ответил: «Это мои кости колют тебя!». Распорол живот, вылез. Вытащил бабушку. Пошли все к озеру мыться. Потом вернулся к старик. Внутри его отца своего и мать нашёл. Колдуна на костре сжёг.

Пошёл Итте к чуму, где колдун жил. Три дочери колдуна на встречу к нему вышли. «Вы что едите?» – спросил Итте у дочерей. – «Я ем человечесьё мясо», – ответила старшая дочь. «И я ем человечесьё мясо!» – сказала средняя дочь. «А ты что ешь?» – спросил Итте у младшей дочери. – «Я не могу есть человечесьё мясо. Я ем только рыбу». Взял Итте лук и убил старшую и среднюю дочерей. Младшую с собой взял, в чум отца привёл. Стали они все там жить и поживать.

ЛЕСНАЯ СКАЗКА²

Жил-был маленький мальчик. Отец его не вернулся с охоты. Мать вышла замуж за другого. Невзлюбил мальчика отчим. Жене всё время говорил: «Давай мальчишку в тайге оставим». Плакала мать, убитая горем. Как-то раз мать и отчим пошли на охоту, мальчика с собой взяли. Набили много белок. Домой возвращать-

¹ Лозы – злые духи.

² Записана фольклорной экспедицией Томского пединститута в 1957 году в селе Айполово, на Васюгане, от Г. Е. Толмочина. Обработана Н. Ф. Бабушкиным и Я. Р. Кошелевым.

ся надо. Отчим говорит жене: «Мальчишку в тайге оставим». Поплакала, поплакала мать, но согласилась. Нашли они охотничью избушку. Отчим дров нарубил, костёр в избушке разжёг. На три дня продуктов оставили. Мать говорит мальчику: «Снег начал таять. Мы с отцом пойдём в деревню, ты здесь побудешь. Через три дня дедушка лесной придёт, заберёт тебя».

Заплакал мальчик: «У меня нет дедушки!». «Как нет? Есть у тебя дедушка! – говорит мать. – Смотри, чтобы костёр не погас. Мы кресало с собой возьмём».

Завалили они дверь чурками и ушли. Отчим не велел жене даже оглядываться – так он не любил мальчика.

Мальчик сидел и плакал. Кончились у него продукты и дрова, костёр погас. Два дня он уже ничего не ел. Завернулся в шкуру и лежал на полу. Совсем замерзать стал.

Слышит, идёт кто-то. Подошёл к избушке и чурки начал разбирать. Испугался мальчик. Подумал, что это медведь пришёл. Дверь открылась. Мальчик притаился под шкурой.

– Ты живой? – послышался голос. – Я твой дедушка. Вставай, поешь.

Мальчик лежит, не отзывается. Дедушка подошёл и поднял шкуру: «У, да ты замёрз. Сейчас костёр разведу».

Мальчик открыл глаза и увидел лесного деда, седого и старого. Дедушка разжёг костёр, мальчика накормил. Спать легли.

Наутро дедушка говорит: «Идти надо к моей старухе. Я ей сказал, что на день уйду, а сам уже два дня в тайге».

Пошли они. К вечеру пришли к домику, который стоял между двумя кедррами. Старуха спросила у старика: «Ты кого это привёл?» – «Парнишку. Нам за сына будет. Подрастёт, промышлять начнёт», – ответил старик.

Долго жил у них мальчик. Большой уже вырос. Видит он раз, какой-то зверёк сидит на кедре возле домика. А вокруг кедры, у самой стены дома, охотник ходит, зверька высматривает. Стрелу пустил. Зверёк упал. Охотник зверька в сумку положил и ушёл.

Мальчик думает: «Почему это охотник к нам не зашёл?». Спросил у дедушки. Он сказал, что живут они в доме-невидимке. Они могут всё видеть, а их никто не видит.

Мальчик стал уже большим парнем. Промышлять стал белку, соболя. Захотелось ему в свою деревню сходить. Один раз он сделал вид, что на охоту собрался, а сам деревню искать пошёл. На берегу речки охотников много увидел. Они сидели и что-то ели. Когда он стал к ним приближаться, собаки залаяли. Удивились охотники: «Никого нет, а собаки лают! С чего бы это?». Подошёл парень к охотникам. «Здравствуйте!» – говорит. Охотники не от-

ветили. Один охотник ухо почесал, говорит: «В ухе что-то звенит. Будто кто-то «здравствуйте» сказал». Тогда парень крикнул, что было силы:

– Здравствуйте!

Охотники встали. Вокруг него ходят. С ним не разговаривают, посторониться не просят. Понял парень, что охотники его не видят. Одел лыжи и ушёл.

Дома ему старик говорит: «Ты к своим людям ходил. Вижу, тебе охота поговорить с ними. Иди завтра к охотникам. Как увидишь их, сними шапку. Они тебя увидят. Будут спрашивать, откуда ты, – не говори. Скажи, что промышляешь в урмане. А как захочешь уйти – шапку одень».

Назавтра он опять направился к охотникам. Подошёл к их стану. Шапку снял. Поздоровался. Разговаривать стали. Спросили, откуда он. Ответил, что охотник. Поговорили они, парень отошёл, шапку одел. Охотники и не увидели, куда он ушёл.

Домой парень вернулся. Живёт со стариками, на охоту ходит. Захотелось ему мать повидать. Старик догадался: «Проведать мать хочешь? Можно. Вот тебе олень. Верхом садись. Поводья не дёргай. Он сам тебя доведёт. Вот бичик тебе. Встретится по дороге тебе старая избушка. Половина крыши развалилась. Выйдет старуха-людоедка из избушки. Будет просить поцеловать тебя. Ты оленя не дёргай, не останавливай. Как ехал, так и езжай. Если остановишься, тебе назад уже не вернуться. Съест она тебя. Расскажешь матери и отчиму: тот мальчик, которого они бросили в тайге, это ты. Олень тебя будет ждать и отвезёт обратно.

Сел парень на оленя, и повёз он его к чуму отчима и матери.

По дороге избушку увидел, половина крыши провалилась. Дым из избы идёт. Ближе подъехал. Старуха из избы выбежала. Кричит: «Постой, сынок!». Думает парень: «Что она мной сделает, такая старая?». Взял и остановился. Просит старуха: «Дай я тебя, сынок, поцелую!». «Какой я тебе сынок?» – отвечает парень. «Ну, дай я хоть кончик бичика поцелую!» Парень опять думает: «Что она со мной сделает, такая старая? В седле я сажу крепко, пусть поцелует». Дал ей кончик бичика. Старуха как рванёт – парень так и вылетел из седла.

Долго ли, мало ли лежал он – очнулся на полу в избушке. Огляделся – старухи нет. Костёр разложен в углу. Вода кипит в котле. Парень решил: «Подстерегу старуху, кипятком оболью». Вскочил, стал возле двери. Старуха дверь открыла, он весь кипяток на неё и вылил. Закричала старуха, на снегу стала биться.

Оленя разыскал и дальше поехал. До деревни недалеко уже было. Он оленя отпустил и к матери и отчиму зашёл. Рассказал

им про мальчика, которого они в лесу оставили. Признался, что этот мальчик – он. Мать плакала от радости.

Пожил он дома немного. Отчим по-прежнему его не любит. Парень уговорил мать уехать с ним к бабушке: «Будем жить вместе!» – сказал он. Обрадовалась мать.

Разыскал он оленя. К бабушке приехали. В домик зашли. Удивился старик: «Ты жив? Думал, умер ты!». Рассказал парень про старуху. Старик сказал: «Ты убил людоедку. Она твоего отца съела. Охотников много съела».

Стали они вместе жить да поживать.

ПОЧЕМУ В БЕРЛОГЕ СПАТЬ НЕЛЬЗЯ¹

Один раз двое охотников отправились в лес. Снега выпало очень мало. Охотники пошли без лыж. Набили много белок. Остановились на ночёвку. Чай греть стали. Один охотник говорит: «Ночью снег большой будет». Взялись дрова собирать. Старую берлогу нашли. Говорить стали: «Полезем в берлогу. Тепло будет». После ужина легли в берлогу. Холодно стало. Закрыли лаз шубой. Сколько проспали, не знали. Однако много. Когда проснулись, открыли лаз берлоги, вышли. Глянули – весна! Снега уже нет.

Пошли домой. Залаяли собаки, свои вышли, узнали охотников. «Почему так долго ходили?» – спросили.

Ответили те: «В берлоге лежали!».

Ни один кет с тех пор не ночует в берлоге.

Думают, можно заснуть в ней на всю зиму.

¹ Записана профессором Томского пединститута А. П. Дульзоном в 1956 году на Елогуе от Н. Н. Тыганова. Сказка широко распространена у народов Сибири.

Максим Александрович БАТУРИН

(1965–1997)

Максим Александрович (Макс) Батури́н родился в Томске 9 января 1965 года. Учился на историческом факультете Томского университета.

Поэт. Занимался журналистикой. Считался лидером молодой томской поэзии рубежа 1980–90 годов. Вместе с Андреем Филимоновым и Николаем Лисицыным создал группу «Левых поэтов», концерты которой в Томске, новосибирском Академгородке и других городах Сибири собирали полные залы. В 1989 Батури́н, Филимонов и актёр студии пантомимы А. Скачков объявили о создании Всемирной Ассоциации Нового Пролетарского Искусства, которая запомнилась современникам уличными хэппенингами и спектаклем «Стремление к нулю» в городском Доме учёных.

Первые стихи опубликованы в 1988 в молодёжной газете «Молодой ленинец». Единственное прижизненное издание сборника стихов – «Сказано вам русским языком. Второй сборник стихов» (Новосибирск, 1994). В том же 1994-м, 14 апреля, газета «Томский вестник» поместила несколько его стихотворений («Я помню, как горел шпалопропиточный завод» и другие). В 1996 подборка его стихов «Свежевыструганная ночь» вошла в сборник «Ковчег», а также состоялась небольшая публикация в «Сибирских Афинах» («Из сборника «Айболит 666», 1996, № 3). Автор романа-эпопеи «Из жизни ёлупней» (в соавторстве с А. Филимоновым), писем, дневников и записных книжек.

Ушёл из жизни 26 апреля 1997. Посмертно вышел сборник «Стихотворения» (1997), состоялись публикации в антологиях («Антология русского верлибра», «Нестолычная литература»), на страницах томских газет и журналов. Подборка стихов опубликована в альманахах «Сибирские Афины» (2002, № 3), «Каменный мост» (Томск, 2004); «Гений офигений»/ Макс Батури́н. – М.: Выргород, 2024. – 242 с. – [Поэты антологии «Уйти. Остаться. Жить»]

* * *

Родное яблоко червя
я съел кишечнику в подарок.
Несла по дождичку меня
шестёрка пьяных санитарок.
Чего-то праздновал народ,
все пили, спали и плясали.
Мне фельдшер процедил: «Урод»,
и брюхо распорол усами.
Какой там, к дьяволу, наркоз,
какой, в болото, антисептик,
«Новосибирский совнархоз»
я видел надпись на кушетке.
Консервной банкою до дна
меня он вычистил трёхкратно,
из фляги синего вина
налил в две чашки аккуратно.
Насытив дух, очистив плоть,
мы разошлись, как в луже спички.
Лишь что-то в животе колоть
осталось слева по привычке.

* * *

Вы вся – изящество, вся – женственность, вся – нега,
у Вас меха и финская дублёрка...
С какою грацией Вы мучили ребёнка
за то, что он сжевал кусочек снега!
Его везли на санках Вы куда-то,
он был одет небрежно, как попало,
ему за шиворот снежинки задувало,
и он озяб, но всё-таки не плакал.
Он только крохотною нежною ладошкой
скатал снежок и ел его, мечтая
о том, чтоб Вы ему купили попугая,
или хотя б не прогоняли кошку.
Но Вы, питомица Макаренко Антона,
дитя лишили и невинной сей отрады.
Своим деяниям Вы, верно, были рады
и их считали проявлением бонтона.
Бог Вам судья – ребёнок Ваш. Однако
в моих глазах вся прелесть Ваша пала.
Я отвернулся и побрёл куда попало.
Будь я ребёнком, я б, наверное, заплакал...

* * *

Богиня ботанического сада
ты красишь волосы зелёною водой
твои колени цвета шоколада
не щекотал обходчик бородой

твои глаза прекраснее порока
ты далеко идёшь издалека
остановись у моего порога

* * *

Светке

Беременные женщины не спят
они впотьмах следят за плода ростом
или задумавшись лежат так просто
за девять месяцев свой перекинув взгляд

ВЫ ТОЧКИ ТИРЕ ТЕЛЕГРАФНЫЕ

Нас и без этого знают в лицо
в очередях за сорбитом и сыром
сухо в глазах а в штанах у нас сыро
на ночь смотря разболелось яйцо
А с наступленьем полярного дня
выпали волосы все до едина
лопнула лысины синяя льдина
все не ищите на стройках меня

* * *

Оле Цылёвой

Между нами есть тяжесть,
полутёмная верность.
Ты мне ночью расскажешь –
словно бритвой порежешь.

Я тебе изменяю
лишь с тобою самую.
Я тебя обоняю
недовытекшей кровью.

Мы друг друга не знаем,
лишь два сердца, как птицы,
раз вспорхнувши, летают –
и не в силах разбиться.

* * *

Ветер дует солнечными струями.
Тяжела похмельно голова.
Ничего с тобой мы не построили –
светлых дней бесплодна череда.

В чьём же прошлом нежность мы оставили?
В чьём же мире наша жизнь идёт?
Разлюбила ты меня, мечта моя:
мой теперь любить настал черёд.

27 августа

* * *

Я мучусь игрою во взрослого дядьку
я пью спирт
я курю папиросы
я посадил дерево
я издал книжку стихов
я целую тёток
я родил сына
я не мёртвый – я знаю
но кто же родит меня

7 сентября

* * *

Дочери моей, Софии, посвящаю

Мне нравится покорность пассажиров
что в зимний загружаются троллейбус

сопливою рекой они втекают

Мне нравится эпичность волейбола
с его богато убранною сеткой

болельщики толпятся у буфетов
За горизонтом гавкают гиены
у них желанье половое смолкло

Вот так и я своё тридцатилетье
без бороды и без жены встречаю

я в новую реальность отплыва-
ю-у-у-

9 января

* * *

В скиту не скифов золото ли тлело?
О чём поведал снежный дровосек?
Я полюбил тебя за злое тело,
и сон души нарушился навек.
Но сон испорченный – отнюдь не пробужденье,
и серебро снегов – не золото их.
Любовь телесная не знает восхожденья, –
душе пахать придётся за троих.
Кто любит Троицу – тот ведает иное.
Он пишет стих, как строит новый скит,
он, засладивший горечь зноя,
в дупле под снегом чутко спит.

29/30.01.1996

* * *

Я пахну и волей и пулей
мы виделись где-то в июле
остыла и плачет природа
а мудрости скоро два года
Вот куклы и дети уснули
а мамочки губки надули
опомнились что же мы пели
в том самом начале апреля
Тарелки на счастье мы били
и ноги разжатые ныли
потом чьи-то локти кусали
и жёнами бывшими стали
Пуховые наши постели
растаяли вместе с апрелем

ОКТЯБРЬ

Мой календарь роняет слёз листки,
он летом жив и от дождей промок,
он хнычет и рыдает от тоски,
совсем раскис и съёжился в комок.
А я смеюсь! Мне тишь неярких дней –
как цитрамон от боли головной.
Пусть сыплет дождь и дует ветер сильней!
Пусть лист шуршит под бодрюю ногой!
А календарь... Его я пожалел
и, усыпив, засунул в холодильник.
Пускай зимует. Я завёл будильник,
чтоб он весной проснулся и запел.

2.10.1985

ВДВОЁМ С КОТОМ ПО ЖИЗНИ МЫ ИДЁМ

(куски из эпоса)

Тщедушное тельце кота
я спас от ударной волны.
Как плакал он и хохотал!
Как голову тёр о штаны!
И зажили мы в унисон,
и пили с конфетами квас:
он счастлив был тем, что спасён,
а я – что животное спас.

* * *

Кот мне вцепился в пуловер,
а я бежал, летел,
я на занятия в универ –
ситет попасть хотел.
А кот кричал и даже выл –
боялся он машин.
Его я охлаждаю пыл,
хотя успеть, спешил.
И он страдал, и я страдал,
неслись мы, как болид.
О, как же я не рассчитал!

Как лоб кота болит!..
Ах, мой несчастный нежный друг!
Прости, прости меня...
Я так желал вдохнуть наук,
что чуть тебя не смял.

ДОЖДЬ ПРОШЁЛ

Из лёгких выветрив остатки CO₂,
я их наполнил пенистым озоном.
Бродя по свежевывымытым газонам,
я наблюдал, как нежная листва,
что тонкой зеленью укутала древа,
была слегка колеблема муссоном,
и, оглушённый впечатлений сонмом,
происходящее я понимал едва.
Вполокоёма полыхала синева.
Обрывки туч съедались горизонтом.
С ветвей намокших мириады звонких
прозрачных брызгов ветр срывал...

9-14.05.1986

* * *

К жаре был город не готов,
она подкралась незаметно.
О, как взлоснились искрометно
довольством мордочки котов!
Кончался май. Торговки квасом
к себе манили, как магнит.
«Победу одержал «Зенит», –
кричал динамик хриплым басом.
Был беспощадно-ярок день.
Он всё высвечивал жестоко:
в домах – асимметрию окон,
за ними – хлам и дребедень.
А я, все мелочи презрев,
бродил по грязным тротуарам,
предлетним обуян угаром,
и аромат впивал дерев.

26.05.1986

ВОСПОМИНАНИЕ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Две стройных фигурки в зелёном.
В руках автоматы из жести.
Мечтают об ангельской мести
и дышат тревожно палёным.
Их мамы гадают на гуще,
листают литые альбомы.
Не спят их замшелые бонны
и вяжут набрюшники пуще.
Один из них – бывший кондуктор,
он ждёт повышения в чине.
У них в вещмешках сигареты
и кофе в запаянных банках.
Мечты алкоголем согреты –
они о горячих испанках.
Ну что ещё нужно мужчине,
помимо хороших продуктов?
А вместо испанок горячих
на брата – по огненной пуле,
и обе фигурки незряче
в мадридские камни уткнулись.

Июль – 4.10.1986

* * *

За моей неприглядностью – ничего,
кроме попытки казаться приглядным,
а за этим дождём – только дождь.
А ты всё ещё от меня чего-то ждёшь,
называя меня своим ненаглядным,
обнимая и целуя меня всего.
Но я уже лишь посмертная маска
с себя самого. Я как из гипса,
да ещё вдобавок начинённый
своими дикими снами, опьянённый
необоримым желанием разбиться.
Сумеешь ли ты стать замазкой?

6.11.1986

ИЗ МОНОЦИКЛА «МОЯ ЛЮБОВЬ»

15.10.1985 г. – 25.04.1986 г.

1.

Мы говорить уже устали –
друг друга знаем наизусть.
И если я: часы отстали,
она сейчас же: ну и пусть!
Наш диалог давно болезнен,
но всё равно опять /опять!/
тащусь к знакомому подъезду,
вхожу, не в силах устоять.
Как лифт скрипуч, хотя и нов он!
Меня он мчит наверх, туда,
где, услышать хотя иного,
услышу то же, что всегда.

3.

Шепнула ты: рука уже озябла,
а я сказал: поставь её в карман.
О, я – тупой, бесчувственный болван!
Лишь через месяц понял я внезапно,
что в тот же миг и рухнул наш роман,
что я напрасно щебетал, как зяблик –
давно в сюжетах радужных мозаик
мои очки ушли на третий план...

* * *

И. С.

Быть с нею нравится – ах, как она смеётся!
О, жизнерадостности ей не занимать;
и с нею весел я, хотя – чего скрывать? –
я полумёртв, и сердце уж не бьётся...
А с нею встретившись, я чувствую невольню
желанье робкое пожить ещё чуть-чуть,
и свежей крови ток шлёт сердце, и вздохнуть
свободней хочется. Душе не так уж больно...

Владимир Николаевич БЕЛЬЧИКОВ

(1944–2011)

Родился в селе Завьялово Алтайского края 25 августа 1944 года. Скончался 31 января 2011 в селе Ефремкино Ширинского района республики Хакасия.

Поэт. Член Союза писателей России. Окончил факультет автоматике и электромеханики Томского политехнического института (1973). Участник «Дней поэзии ТПИ». Работал инженером и ведущим конструктором в различных отраслях. Вёл литературное объединение на Приборном заводе.

Автор сборников стихов «Любимая, останься на века!» (Томск, 2002); «Гоняю в прошлое коней» (Томск, 2004); «Это всё моя грешная жизнь» (Томск, 2005). Публиковался в сборниках «В политехническом опять звучат стихи» (Томск, 2003); «Политехники – родному Томску» (Томск, 2001); «Планета Политех» (Томск, 2005); «Сто десятая весна» (Томск, 2006); «Томские писатели» (Томск, 2008).

* * *

По кромке тоненькой заката,
По золотистым облакам,
По потемневшим берегам
Вдруг загудит гроза набатом!
И молний выплеснет бокал.
Вино пьянящее стихии
Захватит сердце и сожмёт...
И вот тогда пишу стихи я.
Поэт грозу годами ждёт.

* * *

Лес теплотой твоей дышал.
Среди берёз и елей стройных
Так был к лицу тебе пожар
Цветов оранжевых и знойных,
И этот неба лёгкий гул,
И шорох леса осторожный...
Но я не знал, что этих губ
последний раз коснусь тревожно.

Родным был дым.
И тень от дыма.
День угасал.
А из огня
Летели искры.
Мимо. Мимо.
А мне казалось – сквозь меня.

* * *

Дым костра и запах леса.
Он щекочет губы мне –
Этот лёгонький довесок
К синеве и к тишине.
Одинокая саранка
В хороводе огоньков.
Земляничная полянка
Белых крохотных цветков.
Я руками их не трогаю.
Я сорвать их не спешу.
Красотою их недолгою,
Как любовью, дорожу.

* * *

Обежав бугор поджарый,
Чьи изъедены бока,
К речке тропка побежала,
А по тропке – ты,

легка.

Платье брошено с разбега.
Ветер ловит всплески рук...
За тобой не раз я бегал,
А сегодня...

замер вдруг.

БАБЬИМ ЛЕТОМ

Светла, грустна сегодня осень.
А ты, печальная слегка,
Всё наблюдаешь, как уносит
На паутинке паука.

Я наблюдаю, как, волнуясь,
О чём-то думаешь своём...

Травинкой пристально любуясь,
Себя случайно узнаём.

* * *

Я часто ходил в эту заводь
поплавать
и телом сверкнуть
затаённо в воде.
И в травах кудрявых
(приходит на память...)
я падал, смеясь,
и тонул в лебеде.
Ещё я любил
озорные покосы,
девчонок, что старше намного меня.
Светлела, текла
изумлённо, раскосо
заря, как река, на восток от меня.
Спешащее детство.
Недолгая юность.

Овраги проели десятки морщин,
но это наследство
ко мне вдруг вернулось –
боярышник машет
из сонных лощин.
И машут мне ели,
и утренний воздух –
как в детстве,
но только
слегка тяжелей...
И образ далёкий,
возвышенный образ,
летит облаками
над дымкой полей...

* * *

Ты говорила: «Влипла я!
Ох, влипла я с тобой...».
Как шелестели липы
У нас над головой!
Ты говорила резко,
Рубила всё сплеча.
Слезинка, видно, вызрев,
Скатилась, горяча.
Как шелестели липы...
Хотелось закричать,
Кричать тебе, что влип я!
Но... продолжал молчать.

* * *

Утро девушка в вёдра
зачерпнула
и вся –
кормысло и бёдра –
за-ка
ча-ла-
ся!..

* * *

Над горной далью Киргизстана,
В ущельях зажигая свечи,
Заря малиновая встала,
Расправив каменные плечи.

Вдали забытое кочевье,
И пролетающий гомон дней...

Лишь только ты поймёшь, зачем я
Гоняю в прошлое коней.

НА РЫБАЛКЕ

На удочке тоненькой виснет рассвет.
И ветер неслышно застрял в камышах.
Всё замерло.
Будто и бега-то нет
в далёкую вечность.
В покое душа.

Вот веточка – козлик, вот корень –
волчище.
Эх, мышка-норушка, в какой ты норе?..
Мгновения детства...
Разбойники свищут
На самой рыбачьей и клёвой поре.

* * *

Дом за вишнями в палисаднике,
В небе крылья свистят голубиные...
Здесь вот розы ломались в садике.
И на теле остались ссадины.
Как хотелось нам быть любимыми!..
Но любимые замуж вскорости
Вышли, нас растеряв по свету.
Век двадцатый – ох, эти скорости
Укачали мою планету!..
Фотографии только дразнятся.
Вот звонок отзвенел последний.
Где вы, юные одноклассницы,
Где вы, парни из школы средней?..
Дом за вишнями в палисаднике.
Нет на крыше жилья голубинога.
Здесь вот розы ломались в садике,
Так хотелось нам быть любимыми!..

* * *

Любимая,
Останься на века!
Стелиться степью
Стану к изголовью.
От радости заплачу –
и река
наполнится
прохладой и любовью.

Любимая,
останься на века.
Я так хочу,
чтоб ты осталась вечной,
как эта речка,
эти облака,
как ветерок –
была б всегда беспечной.

Любимая,
останься на века.

* * *

Не по мне ли ты воешь, собака,
Дни судьбы моей сосчитав?..
Месяц острым серпом над закатом
Косит звёздное поле трав.

* * *

Зачем ты тетивой бровей пускаешь стрелы?
Душа пуста –
Вонзиться не дано.

* * *

От этих бурь такая дурь в башке!
И рвутся дни,
как почки на рассвете.
Опять ты там,
в загадочном Торжке,
куда таёжный улетает ветер.

Ты подарила, смелая моя,
мне подарила
песенные ночи.
И далеко, в чужих совсем краях,
ты за мольбертом
коротаешь ночи.

И не сомкнуть мне глаз,
не заглянуть:
ну что там ты ещё нарисовала?..
Матёрой лайкой
бьётся ветер в грудь,
и писем от тебя
мне раз в неделю
мало.

* * *

Я грешен сам!
А грешных – не люблю!
Мне подавай
невинную,
святую...
Обманом
поцелуй её ловлю.
И сам к себе
вдруг яростно ревную!

Так просто
сделать шаг
судьбе навстречу,
безжалостно
круша
и трепеща...
И крутит,
крутит
майский вечер
две полы белого
хрустящего плаща.

* * *

Часы на башне.
Плащ Ваш милый.

Совсем немного
под хмельком,
я подарил
букетик синий
простецких,
нежных васильков.
И посочувствовал себе –
в толпе,
а всё-таки тайком...

Моя любовь –
судьба чужая,
спешить ей к мужу суждено,
стоит печально,
рассуждая,
и смотрит
жалостно
в окно.

Часы на башне.
Ветер синий.
Автобус ваш
ушёл, дымя.
Мы параллельны
в мире линий –
останемся
раздельными, двумя!

Я не корю,
забывчивые дали,
не мне ль решать,
что грустно,
что смешно,
а ветер-гонщик
давит на педали,
срывая ветки,
листья заодно,
кромсая дни,
людей простых
надежды,
сметая
государства
и порок...

А я смотрю
ей вслед –
моей Надежде,
мечты своей
хранитель и пророк...

* * *

...И скользят со льдинок капли вниз,
И уже проснулась, и, ясна,
Вся в сосульках, вышла на карниз
По Шишкова улице весна.

Удивляют томские дома
В кружевах народных мастеров,
И стоят по городу тома
Закоулков, улочек, дворов.

По резным карнизам, по наличникам
Провожу я восхищённый взор.
Светлое и что-то очень личное
Навевает тонкий их узор.

* * *

А над Лагерным – вьётся музыка,
А по улицам – только парами.

Ты тревожишь аккорды, Усовка –
Молодая моя, гитарная.

Вспомни, Усовка, скоро сессия,
Заливаются соловьи.

Очень радостно, очень весело
Вторят им гитары твои.

Я иду. И встаёт приветливо
Корпусами – мой вуз лирический.

Главный полюс Моей Планеты –
Главный корпус Политехнического.

* * *

Шаг атак
порывисто хлесток.
И горит
подбитая «броня».
Я – подранок.
Сосенки-подростки
заслоняют
ветками меня.
Ускользает
цепкое сознание.
Тело с болью
поглощает бред..
Милая!
Земля моя родная!
Мне сегодня
Девятнадцать лет..

ЮНОСТЬ

Ты, мне, Родина, верь!
Мне осталось немного
до старта,
до бессонных ночей,
до тревожных солдатских дорог.
Если выпадет мне,
до последнего вражьего залпа
буду стойко беречь
я тебя от обид и тревог.
Полыхает заря –
кумачовые плещутся флаги,
на виски октября
оседает багрянец полей.
Я люблю эти светлые
чистые стяги
белоствольных берёз
и шагающих вдаль тополей.

Владимир Георгиевич БРУСЬЯНИН

(1953–2000)

Родился в селе Тегульдэт Томской области 26 апреля 1953 года. Скончался 30 марта 2000 года в селе Семилужки Томского района.

Поэт. Учился на филфаке ТГУ, служил в армии. Работал каменщиком, сейсморабочим в Эвенкии, машинистом в котельной.

Автор сборников стихов «Ветви грозы» (1993), «Обрешетка кровли» (1994), «День третий» (1997). Стихи публиковались в журнале «Сибирские Афины» (Томск), в томском журнале «Формула успеха». В 1997 стихи были опубликованы в красноярском альманахе «День и ночь» (№ 4), в центральных журналах «Знамя» (1999, № 1) и «Дружба народов» (1999, № 10). Несколько стихов вошло в сборник «Не вдруг напишется строка... Поэты Томского университета» (Томск, 1998). Посмертно состоялась объёмная публикация в журнале «Знамя» (2000, № 10). В 2001 в Томске издан самый полный сборник Брусьянина – «Стихотворения». В 2004 большая подборка его стихов напечатана в альманахе «Каменный мост», в 2008 – в журнале «Начало века» (№ 2).

* * *

Как голые руки на голых плечах –
доверчивый вечер. Улыбкой – печаль
полоски заката в осеннем дыму.

Как перед причастьем простясь – ни к кому
не пестую злости. Не слышу беду.
Бездумно молчу. Безоглядно бреду
по прелым иголкам и мокрой листве.
Ныряю во мрак. Выгребаюсь на свет
хмурающе-мглистых вечерних полян.

По шахматным клеткам осенних делян,
то бурым, то жёлтым – порхаю ферзём,
на время забыв, что придётся за всё
платить:
что забрел внедогляд-далеко,
что шёл и дышал беззаботно-легко,
беззлобно молчал и бездумно прощал,
за то, что с улыбкой печаль обвенчал,
за то, что в болоте каком не зачах,
за голые руки на голых плечах...

ИНТЕРМЕЦЦО

Играю сам с собой: слова,
засаленные в обращенье,
укладываю в строчки – как
бы сам с собой играю – втайне
надеюсь (всё ещё надеюсь),
что некто ненароком глянет
из-за спины и подивится:
сошлось... пожалуй, прав
сказавший:
поэзия – пасьянс шута.

НОЧЬ И ЛУНА

*В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!*

Николай Рубцов

Ночь и луна. Звёздно-синее небо
и лиловый снег на еловых лапах,
и чуть-чуть от счастья. Сегодня мне
почти ничего не надо – была бы

тропинка в сугробах, чтобы пройти,
или даже просто сугробы – и всё:
сам протопчу... Ночь. Луна, как с картины,
красивая смотрит: «Каин несёт

Авеля». Женщина спит или плачет,
или стонет, может быть, от восторга...
Не пропало б желанье. Троит мотор:
так уж время. Пока не загнулся. Значит,

ещё нужен... Так лунно-светло, лучисто-
звёздно. А если взглянуть за край...
Жаль, не умею складно соврать,
сказок рассказывать не научился.

* * *

Два следа в один трамвай.
Твоя остановка – дальше.
– Ну, мне выходить...
– Давай...
Всё верно: не надо фальши

дежурных «до встречи», «жди»,
туманных «звони», «приеду».
Там, дальше, твои шаги
прижмутся к другому следу,

сотрутся в пыли...
в пыли...
Забывать всё – и горя мало.
И сердце не заболит...
А ты мне «родной» стонала.

Так чудно – «родной», чудно –
лишь на ночь... Похмельно, нудно
за стёклами гасла ночь
и липко вползало утро.

И я тебя не узнал.
Ты стала невзрачней, глуше,
но бледный квадрат окна
степлел от твоих веснушек,

и я заглянул в глаза,
которых не встретил раньше.
Щемящая новизна
измотанной, отыгравшей!

Размытая тушь с ресниц,
солёные твои плечи...
Что я пожелал: «Приснись», –
что я не сказал: «До встречи», –

что руку поцеловал,
а надо бы было – губы,
и это твоё – «давай»,
конечно, забуду.
Забуду,

как лезло тупое «б...дь»,
а горлом скреблось «родная»!..
Забуду поблекший взгляд
на пыльном стекле трамвая,

и если тебя в другой
узнаю вдруг, и печалью
кольнёт, и махну рукой,
то – это лишь так, случайно...

* * *

Мы ждали машину, от пыли
чумазые. На мешки
пристроились, закурили,
отмахиваясь от мошки.

Сентябрь. Над озябшей рощей
серп месяца. Дымно-багров
закат. Первой тенью ночи –
прозрачно-лиловый покров

берёзам на блёклые плечи...
И выплеснулись, далеки,
две грусти: сронила колечко, –
двух женщин, – со правой руки...

И песней сплелись две скорби...
Огонь головни лизал.
От пыли першило в горле.
От дыма слезились глаза...

Надену я платъе, – плыли
две боли, – к милому пойду...
над нашим костром, над пылью,
за поле, в закат, в тайгу,

в еловую мглу – печалью
чуть внятно коснуться к снам...
Осенние звёзды мерцали,
как искры над дымом костра.

* * *

Закис ручей.
Зачахли у обочин
под пылью иван-чай,
ромашки. Гири на плечах:
печёт – нет мочи.
С ума сойдёшь, как жарит...
Лес – что курная баня:
пожары.
Даль в тумане.
От воды
болотом прёт.
Жируют пауты
да мухота,
да комарьё.
И липнет паутина...
Ни ветерка.
Берёза руки опустила.
Листва мертва.

ТРИПТИХ

1

рушатся стены
пыль оседает
на груди камней
и скрипит на зубах
(время покажет)

2

радуга справа
слева закат
влажные ветви
смолкающий шорох
(светлая память)

3

можно ль увидеть
пылинку слюды
смытую каплей
с гранита надгробья?
(весит ли слово?)

* * *

Весна распускается лаской.
Весна истаскается в грязь.
Пресветлая красная пасха,
в привычных чертах повторясь,
сластя, как сосулька, истает
не крест, не лампада, не суд...
Котомка – настолько пустая,
что я её сгорбясь несу.

* * *

Зимы холодное и ясное начало...

Николай Заболоцкий

А подморозило. Скрипит
под сапогами.
Чернеют в сумраке репы.
Меж облаками
затёрлась, скомкалась луна,
худая и пега.

куда летишь и что кто скажет, –
покуда под крылом не ляжет
Тунгуска белым полотном...
Толкнёт земля, кольнут лучи
сугробов, чертыхнётся «Ан-2»
и виновато замолчит,
как, вероятно, падший ангел.

2

Теплотрассы – тротуары.
Свет из окон – на стволах
сосен... к чёрту, Ванавара,
на кулички занесла
меня нелёгкая!.. Ненастьем
прёт тепло – и нет пути,
как бочком по теплотрассе, –
ведь грязюка – не пройти...

4

Мы били профиль к Тэтэрэ.
Вгрызаясь в листовки, натужно
орали и чихали «дружбы»
в лохмотьях дыма. ГТТ
меж рыжих рёбер сосняка
мотал пикеты на гусянки
и от стоянки до стоянки
полз вперевалку по пенькам.
И доставали комары –
особо на ночь глядя (впрочем,
какие там в июне ночи!
одно название...).
Топоры
давились, чавкая, ольхой.
Глотали комаров рубаки
с похлёбкой. Прел в консервной банке
чифир с утра... В тягучий зной
с рассветов втягивались дни,
рубцуя сбитую до крови
ладонь. Вытягивался профиль
в туманно-голубую нить...

5

Дождь тербит палатку.
Тлея, кряхтит костёр...
Только мы из распадка
вылезли на бугор –
свеженьким потянуло,
зелень разворошив,
треснуло, вновь сверкнуло
и до сих пор шуршит.
Все, до последней кукши,
спрятались кто куда...
Слушаем: «наши» глушат
вкрадчивый «голос»... Вода.
Радиохрипы... Вяло
дышит тайга. Слегка,
как из-под одеяла,
выпростался закат...

6. Тэтэрэ

Стволы разойдутся.
Раздвинутся ветви. Рука
со лба уберёт
паутину, сырую от пота.
И взгляд перекинешь
на плавные, как облака,
лиловые сопки...
И новая точка опоры –
слоистая древняя
круча – тебя вознесёт
над радужной шиверой
в сочно-зелёной окрайке
прохладной осоки –
до мягко-дремучих высот
тех царственных сопок,
увенчанных небом... Но ради ль
того, кем ты был
до последнего шага сюда –
крючка, кому всё,
в соответствии с модой, обрыдло
в неполные тридцать, –
горстями бросает вода
осколочки солнца
на мшистые камни обрыва?

8

Жди снега. Третий день подряд
течёт за ворот по запарке.
Дрова в «буржуйке» не горят –
дымят, сипят. Плеснёшь солярки –
печурка охает, шкворчит
в тумане от сырых штормовок...
Бродяги вечные, бичи
мы все, как есть, здесь. Не то слово –
бичи: мы алкашня... Хорош
бренчать: прислушайся, как сладко
уже запахший снегом дождь,
ласкаясь, трётся о палатку.

9

Ночь. Умелась метели
влажная пелена.
В лапах косматой ели –
сочным снежком – луна.
Студит иссиня-чёрным
звёздная полынья
дым над балкóм – копчёным
домом таких, как я.

*Ванавара – Семилужки,
1982–1988, 1996*

КАК СОЧИНИЛИСЬ СТИХИ

было в сне моём темно
я ей говорю
«память приоткрой окно
пропусти в зарю»
и проснулся бледный свет
затекал в окно
не цветасто было нет
но и не темно
и ходили за стеной
брызнул детский плач
заворочалось в окно
проорал пускач

и чуть глуше и ровней
дизель заурчал
«да так да а нет так нет»
изнутри стучал
дятел в кухне как вчера
капала вода
словно было в первый раз
то же что всегда

Семилужки

* * *

Ещё разок прокрутится погода –
и треснет лёд. И дёрнется река.
И мы к реке пойдём за ледоходом
под влажным ветром в тёплых облаках.
И поглядим приподнято-весенне
на эту прорву бросового льда...
Когда б не мы – не набрала б веселья,
не задышала б тёмная вода,
порвав, как ветошь, панцирную корку...
И ты мне подмигнёшь –
                    совсем чуть-чуть.
И щёлкнет раз-другой
                    твой древний «Зоркий».
И я тебя – не в строчку – захочу...
А говорили – я ещё поверил,
что счастья нет в привычном... Ерунда.
Ничуть не манит тот, далёкий, берег,
когда бормочет вешняя вода.

ВЕСНА ПРИШЛА

Запахла в тепле пихта́.
Оттаяла береста.
Лес с чёрного мутный стал.
                    Избёнки – та вкривь, та вкось –
                    как смотрят из-под руки.
                    Снег старой квашнёй раскис.
                    Собачка отрыла кость.
Темнеют смокра дымки.
Зиме, стало быть, конец.

Весна, стало быть, пришла.
Как пена, садится снег.
Дорога ползёт по швам.
Мутнясь, шебаршит вода
по тракторным колеям,
бежит под мосток... «День-два –
потонешь в грязи к...
А толку-то с той весны –
что только сказать: весна!»
Ну, стало быть, ото сна
прочухался, раз заныл.

* * *

Весна легко проклюнулась, но весь
апрель дразнила: то чуть подогреет,
то вновь морозит. По полям пестрели
под солнышком проталинки –
вот здесь
прошлась весна. А поглядеть на пруд –
зима-зимой: пусть рыхлый,
ноздреватый –
да всё же лёд... Мотая киловатты,
аж за полночь читал. Но поутру
вставал чуть свет, запаривал чифир,
варил свои – то пшёнку, то перловку.
Легко читалось, мыслилось преловко.
И так-то ни хрена не настрочил,
что притомило пуще пахоты...
Бездельничая, дышишь по погоде:
заморосит, растеплясь – и погонит
скачками по промоинам. Не ты
натуру ловишь в фокус, но она
тебя за шкуру тащит в понятия.
И набухают почками простые
слова: хоть то же самое – «весна».

* * *

Качанье маятника –
под «Рапсодию в голубом»
Джорджа Гершвина – память
об ушедшем волнами листвы
в солнечном ветре – тоска

золотисто-зелёного взгляда
бедняги-кошконки лишённой
материнства – не в такт залепляя
уши брехня животины
зачем-то обученной рассуждать
и считать – всего больше
жалко кошку – погладь
успокой успокойся –

ПЕРВЫЙ РАССВЕТ С КУКУШКОЙ

Первый рассвет с кукушкой.
Розовый парус над лесом.
Солнце заглянет в окошко
гостем желанным.
Юная майская свежесть.
Ясное зеркало мира.
Шорохи, скрипы, стуки
вылезут позже:
болью в области сердца,
пылью на книжной полке,
шастаньем по закоулкам,
злым празднословьем –
жоркие серые мышки,
рыжие паучары.
Заполонив, измажут.
Начисто сроят,
если не схватишь сути
в чвиканье ранних пташек,
в щедрых авансах кукушки,
в розовых сказках...

СЧАСТЬЕ?

Счастье. Душа пугливой,
если ей снова светит.
Ночью шумел ливень.
Утром шумит ветер.
Дымка и даль – вместо
пыли, жары, пота.
Вымытые до блеска
ровные доски пола –

плот на сырой верфи,
шаткий обломок суши.
В салки играют ветви –
стёкла скребут душу:
    что, если, стоя в центре,
    я лишь на шаг от края?
    вдруг не гребу к цели –
    только веслом играю?

* * *

И отпилось вздохом, и отлеталось,
и отходило, с понтом, далеко,
и строжится занозистая старость,
и ладит в лоб костлявым кулаком –
не увильнёшь...

    Приснилось – как в насмешку:
свистели за туманом про Париж,
я знал их –

    для порядка чуть помешкав,
вошёл... Уже оттуда, изнутри,
из глубины, где – сумерки и песни,
и запах то ли сосен, то ли пихт,
и треск костра, и где со всеми вместе
я, молодой, пел песни, водку пил –
не морщился, хватая нахаляву,
девчонку щупал, нежно ей шептал
на ушко, – рассмотрел, каким корявым
и непотребным пнём я нынче стал.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Стекло и ели между мной
и небом на рассвете –
вот еле-еле за стеной
задвигались соседи,
вот я встаю и кипячу
чифир, на чём-то путном
сосредоточиться хочу –
итак, приходит утро,
румянцем через всё окно
дразня и освежая –
с растущей горочкой блинов,

которые я жарю,
с прогнозами на ясный день
по «Радио Сибири»
промеж воскресных новостей,
иссякших на Сабине
(или Сабрине?), с трескотнёй
разжившейся сороки –
и прочею хернёй,
что так и лезет в строки...

* * *

Пепел зари вечерней.
Липовый мёд.
Выйдешь из заточенья –
воля добьёт.
Не к чему прислониться.
Трёп торгашни.
Блеф иллюзионистов.
Желчью тошнит.
Сунешься вправо-влево –
бред и враньё.
Не доконала клетка –
воля добьёт.
Как забредёт священник –
жди палача.
Пепел зари вечерней.
Липовый чай.

Подмосковье, 1999

* * *

Маленькие футболисты невдалеке
от путей
на грязно-белой лужайке –
в окне электрички. Сумрачный день
предновогодней оттепели. Жалко
отбросить, не повертев так и так,
любую малость: а вдруг да не малость...
Густая эмульсия, абсолютная полнота
сонного тепла и света. Осталось,
кажется, лишь чуть пристальней
поглядеть

на футболистов, что пробежали,
снег над сырой платформой, людей
на платформе, двух бабушек
в тёмных шалях,
собирающих по вагону на храм,
пассажиров вагона, корявые деревья,
голые под мокрым ветром, а там...
Там – пусто... в пустоте проступает Брейгель –
его охотники на снегу.
Даже не они, а снег под ними...
И деревья под снегом бегут. И бегут –
но быстрее – столбы...

Дважды подменили
время и место. И осталось одно
вечное «вечное», зыбкое под ногами,
когда секунды, как столбы за окном,
убегают, не убегая.

Подмосковье, 1998

ЧЕРЕЗ ПОЛГОДА

Что помню?.. Под слоистым небом
катился липкий снежный ком
и, разбухая, тяжелея,
давил, и душными ночами
распластывал на грязной шконке.
Лоснились телогрейки. Привкус
солярки был в еде, в воде,
и в воздухе, и в разговорах.
Пурга забила мокрым снегом
все щёлочки... Одни ангары,
цистерны, бочки и они –
пронырливые нюхачи,
усмешливые погонялы –
хозяевá – на бугорок
взобравшаяся чернь – рабы
по крови, по повадкам хамы,
что судят по себе – причём
достаточно резонно судят –
о людях, а верней, о самом

нечистом и животном в людях –
образчик новых русских. Я
был их рабом, что тоже помню...
Контейнеры, канистры, бочки
и закопчённые деревья
под сумрачным слоистым небом –
почти весь антураж. С того, что
имело место быть вдали,
метель срывала очертанья.

Подмосковье, 1999, май

* * *

Один раз мой тогдашний знакомый первого января, ещё в счастливые коммунистические времена, сказал: «Я отличаю портвейн от вермута и водку от всего остального вина», – и ушёл, потерявшись на горизонте. Исчез, но не стёрся, давая возможность другой раз поохотать по памяти. В том нежном возрасте мы как-то обходились без удручающих похмельных депрессий. Хотя в депрессии тоже есть своя прелесть: нет побудительных мотивов носить, надрываясь, на руках собственную дражайшую персону. Под яблочко целясь, застреваешь прищуренным глазом в Эйлеровых кругах, ограничивающих свободу передвиженья зоной формальной логики, почти математически-обезличенной, и девственно-чистые мишени сладострастно разрываешь за ненадобностью в клочки, уже вольный и лёгкий, как птица: хоть башкой об лёд, хоть удавку на шею. Жизнь есть помойка, и лучше не жить, если не можешь – таков головокружительный полёт воображенья. Умножая примерно три метра на этажи до земли, испытываешь некоторую тяжесть в теле, корректирующую душевный подъём. Так балласт в гондоле регулирует воспаренье шара, на котором полетели, возможно, к чёрту отважные аэронавты. «А, была не была», – думаешь, дожидаясь кирпичной зари: когда за окном хоть и звёздно, но темно и к тому же морозно – бррр, минус сорок три по Цельсию – совсем не хочется выходить за окно.

2000, начало января, Семилужки

Эдуард Владимирович БУРМАКИН

(1928–2015)

Писатель. Родился 12 октября 1928 года в городе Саратове. Скончался 21 апреля 2015 в Томске.

С 1946 по 1951 год учился на историко-филологическом факультете Томского государственного университета. После окончания ТГУ работал учителем русского языка и литературы в железнодорожной школе ст. Черепаново Новосибирской области. Затем преподавал русский язык, литературу и историю в Томской агрономической школе. С 1955 по 1962 гг. работал в томской газете «Молодой ленинец». С 1989 по 1990 – редактор газеты «Красное знамя».

Член Союза писателей СССР с 1964 года; автор прозаических произведений, печатавшихся в разные годы в журналах и отдельными изданиями в Томске, Кемерове, Новосибирске, Москве: повесть «Разводья» (1963), сборник рассказов «Ничто не проходит» (1964), повести «Осенний день» (1965), «Светлый лес» (1966), «Печальный август» (1973), «Балкон без перил» (1975), «Трое с одной улицы» (1976), роман «Три испытания» (1976), повести «К морю» (1978), «Сочинение на незнакомые слова» (1980), «Свидание на вахте» (1982), «Тополиная метель» (1987), «На краю грозы» (1988), «Томск уходящий» (1995), «Дверь» (1998), роман «Отсрочка исполнения» (2001), повесть «Упущенные возможности» (2003) и другие.

Доктор философских наук, профессор Томского государственного университета; автор около ста научных публикаций по проблемам культурологии (в том числе несколько монографий); основатель и многолетний руководитель межвузовской кафедры этики и эстетики.

ЗАОЧНИЦА

Повесть

1

Заочница была миловидна и натуральна. Он мысленно поправил себя: естественна. Но тут же подумал, что это уже будет из психологии, а он имел в виду лишь внешность. У неё были собственного, натурального цвета, не крашенные, чёрные волосы, и брови не щипанные, не подбритые, поэтому немного широковатые, и густые ресницы, за которыми голубые глаза, тут уж тем более не приходилось сомневаться в их натуральности. Почему он раньше не замечал, что есть у них такая симпатичная заочница? Она уже сдаёт экзамены за третий курс, а он только теперь обнаружил, что она такая хорошенькая. Кажется, Станиславский говорил, что мужчина с возрастом становится всё более эстетическим в восприятии мира и женщин. Ну вот, видно, и он достиг такого возраста.

Профессор кафедры культурологии Владимир Михайлович Вихров поёрзал на стуле, стараясь сесть так, чтобы заочница не заметила, как он к ней приглядывается. Он чувствовал, что эта девушка (или женщина?) влечёт его не только эстетически. Она сидела за столом, готовилась к ответу, а он поглядывал на неё, на её маленький рот с беспокойными губами, видимо, от волнения, всё-таки экзамен сдаёт; ему казалось, что она вся, вообще, всегда беспокойна, с повышенным эмоциональным восприятием; если она сейчас встанет и пойдёт, то все её движения будут быстры, стремительны, такие натуры способны на самые неожиданные и решительные поступки, способны влюбляться до самозабвения, отдаваться любви полностью, всем своим существом. Вот до чего он додумался, чувствуя, что заочница пробуждает в нём давно не испытываемые ощущения и желания. Как же получилось, что он ничего о ней не знает или не помнит, ведь третий год уже человек учится на факультете? Владимир Михайлович открыл зачётку заочницы и прочитал, что её зовут Анна Николаевна Немова. И он тут же вспомнил, что знает эту фамилию, помнит, как эта Немова уже однажды чем-то его удивила, надо вспомнить. А вот на фотографии было совсем другое лицо, совершенно девчоночье, с сурово сдвинутыми широкими бровями; видно, и в более раннем возрасте она была способна на решительные поступки. Правда, сейчас её лицо стало более женственным, тогда он решил, что Немова, конечно, уже женщина, познавшая плотское удовольствие; и это его заключение вызвало в нём краткое чувство, похожее на

ревность: ты, оказывается, уже с кем-то была близка, была в объятиях чьей-то страсти! Но эта догадка только раззадорила его воображение.

Невольно вспомнилась собственная супруга, Раиса, с которой он уже привычно, перед уходом на работу, на пороге, успел обменяться колкостями. Жена его решила, что она демократ, мыслящий прогрессивно и правильно, а супруг её застрял в старом совковом состоянии и поэтому не может принять ни новых идей, ни новых реалий. Она именно так выражалась, успев усвоить расхожую лексику радио-газетно-телевизионной болтовни. Она и внешность свою изменила соответственно новым взглядам, подстригла волосы до степени мужского полубокса, закрасив седину какой-то не определимой словами краской, носила брюки, отчего её и без того плоская фигура вовсе становилась доскообразной. Старуха ведь, считай уже, а всё за молодыми тянется; кажется, он догадывался, кому подражает его Раиса, скорее всего, её кумиром стала одна из руководителей Союза правых сил с японо-русской внешностью, вот она и одевается по-новому, и говорит с ним столь уверенным тоном, будто только ей известны все истины и тайны социальной жизни. Раиса ушла на пенсию с должности научного сотрудника (всё-таки кандидат исторических наук) областного краеведческого музея и предалась политике, несколько раз попадала в состав участковых избирательных комиссий, была наблюдателем на выборах от своей партии, ходила на собрания и диспуты и попрекала супруга за отсталость.

Вот и сегодня, на пороге, она успела попенять ему, что он не читал какую-то статью в областной газете, где представитель местного отделения партии правых рассказывает об их программе, а он, Владимир Михайлович, отстаёт от жизни, не понимает, какие необратимые демократические изменения уже произошли в стране. На что Владимир Михайлович ответил:

«А ты что-нибудь слышала о Поле Дельво?».

Раиса хлопала жиденькими ресничками и неуверенно сказала:

«Наверное, какой-нибудь современный коммуняка? Француз?».

«Нет, бельгиец. И не коммуняка, а знаменитый художник».

«Он-то при чём здесь? Я тебе о другом говорю!»

«А для меня художник важнее твоих правых».

Да! Дельво! Он умер в 1994 году, известен и знаменит в Бельгии, как Гоген или Ренуар во Франции, а для него абсолютно не знаком. Вот о чём стоит подумать! Он захватил с собой две ста-

тъи и журнальные снимки с картин бельгийского художника, зная, что у него сегодня консультационный день, но специально он никого из студентов не приглашал, поэтому рассчитывал, что сможет неторопливо перечитать статьи и ещё раз рассмотреть картинки из журнала, чтобы сделать для себя какие-то выводы и ответить своему немецкому приятелю. Но неожиданно пришла заочница, и всё равно у него и теперь есть время подумать над присланными из Германии сведениями о Поле Дельво.

Они познакомились на международном философском симпозиуме в Мюнхене, встретились в один из перерывов на выставке современного модернистского искусства, разговорились. Нового знакомого звали Юлиан Сосновски, он просил называть себя Юл, а Вихрова стал звать Вольдемаром. Юл неплохо владел русским, во всяком случае, всё понимал, лишь иной раз испытывал нехватку слов, ну и, конечно, замечен был акцент; скорее всего, он был по происхождению из поляков или даже из русских – Сосновский, сразу спрашивать было неловко, а позже, когда между ними установилась переписка, и вовсе было ни к чему выяснять этнические корни. Вихров перед поездкой в Германию усиленно занимался немецким, который учил только в школе, и кое-что стал понимать на уровне бытового общения и просматривая программы симпозиума. И вот у полотен современных модернистов, постмодернистов, суперреалистов и прочих, и прочих Вихров ходил с нескрываемой ехидной ухмылкой, что и заметил Сосновски, который был в числе тех, кто всерьёз и даже с восхищением обсуждали картины; Вихров улавливал отдельные слова, произносимые чаще всего по-немецки.

Сосновски подошёл и сказал, сразу угадав, что Вихров русский: «Простите! Мне показалось, что вам не нравятся эти произведения?»

«Конечно! Чему тут нравится?»

«Это очень современная живопись, соответствующая менталитету сегодняшних людей...»

«В этой живописи нет того, без чего не бывает искусства, нет мастерства!»

«Но, простите, я могу доказать обратное...»

Они оказались на противоположных позициях в своих суждениях о современной живописи. Вихров воспитывался в полунинтеллигентной семье: мать – учительница в младших классах, отец – бухгалтер; и он был убеждён, что самая лучшая живопись – это картины русских художников-передвижников, продолжателями которых затем стали советские живописцы, к примеру, Дейнека, Пименов, Корин, Лактионов, кто там ещё? Конечно, его вку-

сы со временем несколько расширились, он не возражал против импрессионистов, он готов был признать, правда, чисто оформительское значение некоторых полотен абстракционистов: почему бы не использовать эти узоры при внутреннем украшении помещений! Но признавал истинной живописью только реалистическую, идущую всё от тех же передвижников да вот ещё от лучших традиций русского портретного искусства, поэтому он восхищался работами Шилова, а Глазунов уже вызывал у него некоторые сомнения.

А немецкий его знакомец Сосновски придерживался совсем других взглядов и вкусов. Но, тем не менее, их вдруг ещё там, в Мюнхене, потянуло друг к другу, возник между ними, как говаривали в старину, некий магнетизм. И они неторопливо беседовали, испытывая взаимное удовольствие от общения. У Владимира Михайловича и в школьные, и в студенческие годы было много добрых товарищей и разнообразных знакомых, но вот закадычного друга не было; и теперь ему показалось, что если бы они с Юлом жили в одной стране, в одном городе, то стали бы истинными друзьями. Такое его ощущение было необъяснимо. Тем более что у них были разные вкусы и разные представления об искусстве.

Первое письмо написал Сосновски, вложив в конверт проспекты нескольких художественных выставок, состоявшихся в Мюнхене. Он ответил с признательностью, так начался и продолжился их заочный разговор и дружеский спор. Юл присылал ему и проспекты, и художественные журналы с репродукциями, и даже несколько монографий о знаменитых художниках, и собственные эссе. Вихрову было неловко, столько тратит денег Юл, а он ничем не может ему ответить, послал, правда, красивую книгу, посвящённую четырёхсотлетию своего города, конечно, это было неизмеримо мало в сравнении с дарами из Мюнхена.

Между тем, Юл, конечно, хотел обратить его в свою веру, приучить к восприятию современного искусства, объяснить его, насколько можно объяснить эту живопись.

И вот последним по времени стал бельгиец Поль Дельво, сюрреалист. Юл прислал сперва статью из русскоязычного журнала «Магические станции Поля Дельво», с несколькими цветными фотографиями его картин, а потом собственное эссе «Спасутся ли женщины в мире Дельво?». Юл писал, что Дельво «осознал и наглядно показал в своих картинах опасный надлом бытия человечества в нашем веке, «трещину бытия» – по определению Хайдеггера». Это уже было серьёзно, требовалось разобраться.

Магические станции казались ему понятными и вызывали знакомые ассоциации: как правило, это были пустые платформы,

от которых только что отошёл поезд, видны огни последнего вагона, или, наоборот, платформа пуста, потому что поезд ещё не прибыл, ожидание. И одинокая фигура женщины, смотрящей в ту сторону, где скрылся поезд или откуда он должен прийти. Всё это было понятно и даже трогательно, тем более что написано вполне реалистически, по законам предметной живописи. Вот только на одной из картин стояли несколько совершенно голых женщин, угаданный смысл исчезал. Видимо, думал Владимир Михайлович, здесь и начинается «сюр».

Женщины с грустными глазами на пустынном перроне – это ещё понятно, только почему они совершенно голые? И на других полотнах он рисует нагих женщин или полунагих с тщательно прописанным интимным темновойным треугольником, будто лесной колок среди хлебного поля, а женщина, кажется, нарочито, даже не пытаясь прикрыться, оставляет его на виду. Сокровенное это место выписано художником не только реалистически, а вполне натуралистически. Может быть, это должно выражать полную открытость, незащищённость женщины перед чуждым миром?.. Впрочем, это он уже пытается догадаться о смысле картин. Не только женщины не замечают собственной своей наготы, но и изображённые на многих полотнах мужчины тоже её не видят; художник соединил два разных мира, которые существуют одновременно, но не пересекаются и ничего не знают друг о друге...

Заочница зашевелилась за столом, и он подумал, что, возможно, она уже готова отвечать, посмотрел на неё и вдруг заметил, что у неё грустные глаза, несомненно грустные, как вот у этих женщин, изображённых на картинах Дельво. А лицо одной даже показалось ему похожим на лицо миловидной заочницы. И только он это уловил, как на мгновение представил себе свою студентку в таком же откровенном виде. Он чувствовал, что у него даже уши покраснели. До такого бесстыдства он давно не докатывался, даже в студенческие годы он не был пошляком и не поддерживал болтовню приятелей на плотские темы. Впрочем, после известных только ему событий, происшедших с ним на практике, в диалектологической экспедиции, он чувствовал себя старше, мудрее своих однокашников, ему тогда открылось такое сокровенное, какое, он в этом не сомневался, не было известно примитивным болтунам. И вот теперь, сию минуту, его стареющее воображение нарисовало то, что ему никак не пристало, и зачем же он обижает эту милую девочку, готовящуюся сдать экзамен, столь вульгарными фантазиями?

Ему и в самом деле было стыдно за свои мысли, и он обрадо-

вался, что заочница просто переменяла позу, подвинула к себе новые тетрадные листки, а отвечать ещё не собирается.

И вдруг ему стало смешно, неудержимо смешно над самим собой. Он достал платок, прикрыл нос и рот, сделал вид, что закашлялся, а сам старался удержать накатившийся дурацкий смех. Кому-нибудь рассказать об этом, обхохочутся, а узнай о его фантазиях Раиса, она бы произнесла грозную и длинную речь о том, что всегда подозревала его в безнравственности, причём непременно добавила бы, что эта безнравственность порождена самим возлюбленным им советским строем, заставлявшим людей лицемерить и ханжить. Стало ещё смешнее, и он подумал, что придёт домой да и расскажет Раисе об этом происшествии, случившемся с ним под влиянием разглядывания картин знаменитого художника Дельво.

Между тем заочница встала и направилась к преподавательскому столу, готова отвечать. Она была невысока, пряма, на ней были синие джинсы, под шерстяной кофтой белая шёлковая блузка безукоризненной чистоты, что, конечно, уже характеризовало её наилучшим образом, ведь заочники живут в общежитии, и не так просто там тщательно следить за платьем. Как и предполагал он, двигалась заочница стремительно, так что принесла с собой движение воздуха, на Владимира Михайловича повеяло живым теплом, её теплом. Они взглянули друг на друга, и он опять заметил, что у неё действительно печальные глаза.

Когда она заговорила, он тотчас вспомнил её и первое с ней общение на первом курсе, на втором он не преподавал, потому, видно, и забыл эту Анну Немову. А на первом курсе она тоже успела его удивить, вначале, правда, вызвав недоверчивую усмешку. Он дал задание студентам написать рецензию на любое художественное произведение: живопись, музыку, книгу, спектакль, кинофильм, телевизионную постановку, на любое, по желанию. Немова принесла рецензию на «Лебединое озеро», которое она видела в Большом театре. Тут-то он и усмехнулся: что же ты можешь ещё написать после того, что уже написано? Подумалось, что, может быть, переписала откуда-нибудь? Нет, он сразу понял: это не плагиат, это была рецензия, если называть написанное заочницей так, рецензия-воспоминание. В десятом классе вместе с другими успевающими учениками она ездила в зимние каникулы в Москву, и их сводили на «Лебединое озеро». Это оказалось самым сильным впечатлением от всей поездки. В своей рецензии она сообщила всё необходимое о постановщиках спектакля, добросовестно переписав с программки фамилии, назвала и всех исполнителей. Более всего ей понравилась Одетта-Одиллия, ко-

торая, по её мнению, легко, будто преодолев земное притяжение, птицей взлетала над сценой, а музыка Чайковского волновала до слёз. Конечно, строго судя, это была не рецензия, а, как говорили во времена его собственных школьных лет, отзыв. Но заканчивалась её рецензия-отзыв совершенно неожиданно: Немова написала, что весной они выезжали на вездеходе на дальние лебединые озёра. Оказывается, в их северном краю есть такие озёра, где с давних пор гнездятся и выводят птенцов лебеди. Каждую весну они возвращаются на родину; вот в это время они и были на этих озёрах. Она подробно и вполне выразительно написала, как большая стая белокрылых птиц опустилась на воду и, будто радуясь своему возвращению, снова взлетала и опускалась на воду и кружила по тихой воде, словно в радостном танце. Заочница писала, что она смотрела на этих прекрасных птиц, улавливала их радость, а в памяти, в душе её звучала великая музыка Чайковского. И даже злой чёрный коршун неожиданно появился – вертолёт, с которого, видимо, тоже увидели птиц и решили их рассмотреть поближе, вертолёт снизился и сделал круг над озером, вспугнув счастливую стаю белоснежных птиц.

И заканчивалась её рецензия неожиданно и непривычно, она написала, что пока будут на земле вот такие лебединые озёра, пока будет звучать музыка Чайковского, земной мир и человечество ещё не безнадежны...

Он теперь всё это отчётливо вспомнил, вспомнил, что без сомнений поставил Немовой пятёрку за этот отзыв.

Пока он слушал ответ заочницы об иконопочитателях и иконоборцах, ему пришла неожиданная мысль: а что если предложить ей посмотреть вот эти фотографии с картин Дельво и высказать своё суждение, может быть, даже написать курсовую? Ему теперь казалось, что Немова может подумать не так, как он, что ей могут прийти мысли оригинальные, до которых он в силу своего возраста и пола не додумался бы. Он всё более укреплялся в этом своём намерении и рассеянно прислушивался к тому, что говорила заочница.

Второй вопрос у неё был о немецком просвещении, и он, едва дослушав ответ, всё-таки не без некоторой неуверенности сказал:

«Вот посмотрите эти снимки с картин очень известного бельгийского художника Дельво и выскажите своё мнение. Приславший мне эти фотографии считает, что Дельво отразил некий надлом современной духовной жизни... А какие мысли возникнут у вас?».

Такое предложение можно было воспринять как дополнительный вопрос, наверное, она так это и восприняла и стала вни-

мательно рассматривать снимки. Когда она дошла до наиболее откровенных изображений, у неё заалели щёки, она ничего не сказала и продолжала перебирать фотографии. А Владимиру Михайловичу не терпелось узнать её мысли:

«Ну, что скажете?».

Она заговорила медленно:

«Больше всего... Не знаю, как сказать? Как-то тревожат, наверное, вокзалы. Пустые платформы. Поезд ушёл или ещё не пришёл. И вот одинокая фигура женщины...».

«Ага! – обрадовался Владимир Михайлович. – Вам тоже это близко!»

«Не то чтобы близко... У нас на Севере нет вокзалов. Железнодорожных, я имею в виду... И вот когда мы ездили в Москву, я насмотрелась на вокзалы и платформы, какая там своя жизнь, своё даже время...»

«Вот, вот! – радовался Владимир Михайлович. – Очень вы правильно заметили, даже время там по-другому течёт и меняется».

И неожиданно для себя разоткровенничался:

«Знаете, я был в другом городе, когда мне сообщили, что мать при смерти. И я помчался на вокзал. Прямой поезд ожидался только к четырём утра. И вот мне посоветовали ехать электричками: добрался до одной конечной станции, пересеживайся в другую электричку и дальше... Так и сделал. И насмотрелся вечерних и ночных вокзалов, то переполненных людьми, то полупустых, и два часовых пояса пересёк. Запомнился мне этот путь к умирающей матери. Торопился. Беспokoился, застану ли живой. А что ещё привлекло ваше внимание в этих картинах?».

Ему показалось, что заочница смотрела на него словно бы встревоженно.

«Вот ещё две картины, где женщины превращаются в деревья, – и добавила: – Если бы это было возможно! Пока лишь метафорически. И никто не может им помочь... Вот женщина бежит к мужчине, чтобы рассказать, наверное, что она увидела, попросить помощи, а он от неё явно убегает...»

Владимир Михайлович не без смущения придвинул снимок к себе, честно признаться, он не придал такого серьёзного смысла плохо различимым фигуркам на заднем плане: действительно, бегущая женщина, протягивающая руки к мужчине, который торопится уйти, чтобы ничего не видеть, ни в чём не принимать участие; может быть, ему даже известно, что происходит? Да, он не ошибся, заочница может увидеть в картинах этого сюрреалиста многое, что даже от него ускользает.

«Ну, что? Возьмётесь написать об этом художнике? Зачтётся.

Может быть, даже курсовая получится. Если согласны, я сниму копии с этих снимков и с двух статей, которые мне прислал приятель из Германии, у нас на факультете журналистики открыли новую учебную типографию с самым современным оборудованием, копии получите первоклассные. Завтра же будут готовы».

Так они и договорились, что завтра встретятся на факультете, и он ей передаст все копии.

Некоторое время он сидел в одиночестве, раздумывая о том, что говорил сам, что говорила заочница, и удивлялся, что его потянуло на странную откровенность, он много лет не вспоминал, как умерли его родители, один за другим, с разницей в два года, а тут вспомнил дорогу к умирающей матери, даже ту сердечную боль, необъяснимый страх и чувство собственного полного бессилия, какое он тогда испытывал. Странно, что он об этом заговорил с совершенно чужим человеком...

2

Владимир Михайлович не переставал удивляться своей жене Раисе, её агрессивному антисоветизму; откуда что взялось? Она была дочерью полностью советских людей: отец ушёл в отставку с должности райвоенкома, в чине подполковника, мать во время войны была санинструктором и познакомилась с будущим мужем в Германии, где они и зарегистрировали свой брак, и родили дочь Раису. В Германии Раиса пошла в детский сад для советских военнослужащих, а в школу уже поступила в Петропавловске-Камчатском, потом был сибирский городок Енисейск, а позже райцентр неподалёку от университетского города, где Раиса стала студенткой и уже на первом курсе женой Вихрова. Отец её не достиг высоких военных должностей, видимо, потому, что не хватало у него образования: призвали в армию после десятилетки, потом были краткосрочные курсы младших лейтенантов, и всё. Жена его в первые годы, ещё в Германии, работала в госпитале, а потом была просто женой офицера, который особенно долго на одном месте не задерживался. На последнем месте службы отца Раисы они обзавелись хозяйством: большой огород, полностью обеспечивавший их картошкой, овощами, разными соленьями и вареньями, выращивали поросёнка, держали кур и гусей. Теперь оставшийся от родителей дом и огород они используют как дачу, и летом Владимир Михайлович с удовольствием приезжает сюда, на берег Оби, помогает прополоть грядки со всякой мелочью, окупивает картошку и ждёт первых огурцов.

Пока были живы родители, Раисе не приходилось заботиться

о пропитании, и когда вышла замуж, родители снабжали молодую семью всем необходимым. Так что с этой стороны у неё не могло быть никаких претензий к советской власти, и сама она, хотя училась в разных школах, всё равно воспитание получала советское, была и октябрёнком, и пионеркой, и комсомолкой. Истоки её антисоветизма были Владимиру Михайловичу совершенно непонятны.

Он заканчивал университет, когда появилась Раиса. Вихров был тогда весьма тощим пареньком среднего роста, длинноносый, сероглазый, с густыми тёмно-русыми волосами на голове, которые, следует заметить, и теперь, в его солидном возрасте, неплохо сохранились, а седина придаёт даже особенную привлекательность его несколько вытянутому лицу. Все студенческие годы он избегал встреч и близкого общения с сокурсницами, виной тому было происшествие во время диалектологической экспедиции на первом курсе, когда ему открылось нечто важное, и он понял, на что сам способен. Он чуть ли не с остервенением набросился на учёбу, читал всё, что требовалось по программе филологического отделения историко-филологического факультета, и даже больше, сверх программы, его память теперь удерживала неисчислимое множество великих идей, раскрытых тайн человеческой психики, объясняющих мир и предназначение человека философских концепций. Поэтому всё, что теперь проповедовала Раиса, он мог бы опровергнуть с лёгкостью: всё уже было бессчётное число раз, всё, что она теперь говорит, – это старый обман, лицемерие, ханжество, низость, подлость, плохо замаскированная корысть, предательство, ненависть к ближнему, смертельное соперничество и лишь в очень редких случаях искреннее заблуждение, наивная вера и надежда. Мог бы он всё это объяснить Раисе, но ленился. Да, ему просто было лень заводить длинный разговор на эту тему, и времени, потраченного на дискуссию с женой, было бы жаль. Да и жизнь постоянно доказывает, что человечество не извлекает никаких уроков из прошлого и вовсе не намерено руководствоваться мудростью старых гениев.

Его же самого если и волновали современные проблемы, то они были в стороне от забот Раисы. Он возмущался, говорил на разных заседаниях, писал в газете по поводу ЕГЭ, о возмутительном и невежественном отношении к литературе, вообще к гуманитарным наукам, его просто бесило обезьянничанье с переходом на подготовку бакалавров и магистров...

Сильно переменилась Раиса, а когда он её встретил, то тотчас забыл о своём монашестве: тоненькая, доверчивая, наивная, нежная! Он называл её тростиночкой и говорил, что ему хочется быть

ей опорой, чтобы она прислонилась к нему и не качалась под ветром, тем более, не сломалась бы. И они поженились, Вихрова оставили в аспирантуре и сохранили место в общежитии, целую комнату, где они и поселились с Раисой. Дочь свою, Надю, они родили, когда Раиса тоже решила не отставать от мужа, который к тому времени успешно защитил диссертацию, и поступила в аспирантуру.

Их дочь Надежда вышла замуж за физика, получившего направление в один из закрытых городов, у которого даже названия не было, просто «почтовый ящик», и они считают, что именно по этой причине дочь до сих пор не порадовала их внуками, скорее всего, опасаются они пространства закрытого города, в котором живут и о делах которого знают не понаслышке. Конечно, в последние годы бурной политической жизни Раисы этот закрытый город тоже стал поводом для обвинения советской власти, вооружавшейся смертельным оружием, не считаясь со здоровьем своих граждан.

Тем не менее, у Владимира Михайловича были все основания считать свою семейную жизнь вполне удавшейся: они с Раисой были верны друг другу, не было никаких серьёзных увлечений на стороне, хотя он знал, что жена его явно равнодушна к одному из сотрудников музея, по его мнению, полному придурку, но с привлекательной, какой-то испано-итальянской внешностью киногероя. Он не раз по этому поводу острил и посмеивался над женой, она краснела, сердилась, и не более. Было бы крайне забавно, если бы теперь, в их возрасте, произошёл между ними серьёзный раскол по идейно-политическим причинам. Это было бы нечто из классики советской литературы: «Любовь Яровая», «Сорок первый», что-нибудь в этом роде – остаётся только рассмеяться по такому поводу.

Но вот заочница Немова его встревожила...

Он любил весну и начинал её ждать сразу после Нового года, а теперь тем более, будто принимался к зимнему ещё воздуху, ощущая заметное только ему начало пробуждения природы. Он и сам будто пробуждался после долгого зимнего сна, и причиной была не далёкая ещё весна, а темноволосая, голубоглазая заочница, с которой хотелось говорить, рассказывать о собственных переживаниях, о которых он давно не беседовал с женой, смотреть на неё, на её белоснежную блузку, открывающую высокую и тоже, на взгляд, шёлковую шею. Его потянуло к ней внезапно, будто кто-то толкнул в спину и одновременно вспыхнул яркий свет, позволивший увидеть, как привлекательна его студентка. Он в один миг понял, что с такими, как Немова, нельзя вести себя как с другими

женщинами, она заслуживает особого отношения и полной перед ней открытости, её нельзя обидеть, хотя сделать это чрезвычайно просто, потому что она чувствует и понимает людей гораздо тоньше и глубже, поэтому уловит любое, даже скрываемое от неё, истинное отношение или мнение. Он ведь вспомнил её рецензию-отзыв о «Лебедином озере», понял её искренность, силу, хоть и наивного, убеждения в том, что можно спасти человечество.

Такого рода мысли теперь и встревожили Владимира Михайловича.

Он, как и обещал, снял копии со статей и с фотографий картин Дельво и, неторопливо шагая по университетской роще, со скрываемым от самого себя возбуждением думал о встрече с заочницей, о том, что он ещё ей скажет по поводу будущей её работы о творчестве бельгийского сюрреалиста, о сроках написания, лучше бы курсовой, а вообще-то его просто волновала предстоящая встреча с ней. Он сам себя осаживал: этого ещё не хватало, старый профессор влюбляется в девочку-студентку! Ты хочешь продолжить этот банальнейший сюжет? Тебе же известна мировая классика! Ты попрекаешь других, что они не извлекают уроков из прошлого, а сам?.. Так он почти уговорил себя воспринимать заочницу просто как студентку, ничем не отличающуюся от всех остальных и не требующую некоего особого к себе отношения.

3

Он увидел её, стремительно идущую по длинному университетскому коридору; она попадала то в полосу света, уже предвсеннего, из старинных высоких окон, и тогда он успевал заметить её приветливую улыбку, предназначавшуюся ему, потому что она его тоже увидела, то оказывалась в тени, и он своим явно подсевшим зрением уже не мог видеть выражение её лица. «Такое ощущение, будто на свидание пришёл, – мелькнуло у него на мгновение, и он даже испугался: – Совсем сбрендил старикашка. Она же наверняка моложе твоей дочери!» Заторопился поздороваться:

«Здравствуйте, Анна Николаевна!».

«Можно просто Аня».

«Тем лучше. Пойдём на кафедру».

Чёрные свои волосы она туго связала сзади узлом, а спереди над выпуклым лбом они были ровными и гладкими, сегодня на ней те же джинсы, а блузка другая, сиреневая, и не было шерстяной кофты. Владимир Михайлович сообразил, что, видно, джинсы – это единственная современная вещь в её гардеробе, а вот блузка – это что-то старое, блузки носила его мама, и тёща носи-

ла, и у Раисы есть блузки, которые она уже не надевает; может быть, у Немовой блузки – это лучший праздничный наряд, и она так за ними следит, вот и эта, новая, абсолютно чистая и умело выглаженная. Все эти соображения странно приблизили заочницу, будто старую знакомую, только давно не виденную.

Он выложил перед ней все новые копии:

«Видите, получилось очень хорошо. Вы ещё несколько дней пробудете в городе? Тогда я бы вам рекомендовал пошарить по Интернету, может быть, что-нибудь и найдётся...».

Они обсудили, если будет получаться курсовая, возможный план работы, Владимир Михайлович признался:

«Я сразу попытался с позиций рационального мышления объяснить картины Дельво, но у меня ничего не получилось, да и не могло получиться, потому что этот художник, как и другие сюрреалисты, включает в содержание, в сюжет бессознательное, то, что действительно очень часто сопровождает наши самые разумные размышления и переживания, они существуют одновременно, но, если начать пересказывать такое содержание с одновременным называнием сознательного и бессознательного, получится галиматья, бред, вроде голой женщины на железнодорожной станции. Между прочим, Гёте считал, что художественное произведение производит на нас наибольшее впечатление не теми своими частями, которые рационально объяснимы, доступны нашему сознательному познанию, а теми, которые не поддаются сознанию, не переводятся на язык логики, но они-то более всего и впечатляют...».

Оказалось, что у заочницы есть небольшой портфель, и она теперь достала из него общую тетрадь и пыталась записать то, что говорил Вихров. Он это заметил и сказал:

«Не надо записывать. Я говорю самые общие и общеизвестные вещи, вы их можете прочитать. Просто мне хотелось бы настроить вас на раздумья по поводу работ этого художника, пробудить желание найти собственные объяснения и истолкования. Я вчера вспомнил вашу рецензию о «Лебедином озере», которую вы писали на первом курсе...».

Немова заметно смутилась:

«Наивно, неумело...».

«Зато искренне и неожиданно. Вот и сейчас я на то же рассчитываю. Скажите мне, вы так же и живёте на Севере?»

«Да. В Алексеевском районе, в маленьком посёлке рыбаков и охотников».

«О, да! Я этот район знаю. В студенческие годы был там с диалектологической экспедицией...»

И тут его заметно кольнуло в сердце и в мозг. Он вдруг заметил, кого так напоминает ему Немова – цветом волос, голубыми глазами, манерами. Нет, не может быть! Сколько ей лет? И он спросил:

«Простите, Аня! Такие вопросы считается неловким задавать, но мы же с вами деловые люди... Сколько вам лет?».

«Уже двадцать два года. Самая старая в нашей группе».

Он почувствовал облегчение:

«Господи! Как мало!».

И тут же сообразил, что та, о которой он теперь думал, годится лишь в бабушки Немовой, и какой же он сам-то старый! Спросил, опять забеспокоившись:

«У вас есть бабушка?».

«Да. Теперь надо сказать: была».

«Понимаю. А как её имя?»

«Как и моё – Анна, баба Аня».

Он мог успокоиться – ту звали Настя. Между тем заочница продолжала говорить:

«Есть и ещё бабушка, мать мужа. Вот с ней и оставила своих деток».

«У вас есть дети?»

«Двое мальчишек. Погодки: одному четыре, другому три годика».

«Конечно, скучаете о них?»

«Ещё бы! Да и они скучают, потому что остались с одной бабушкой, отец на охоте, он у нас профессионал. Теперь уж скоро вернётся, начнётся рыбалка, а там и охота на водоплавающую дичь откроется».

«Как я понимаю, ритм вашей жизни зависит от сезонов охоты?»

«Получается так. Мы живём в одном ритме с природой, с тайгой, рекой, озёрами, болотами и всем окружающим миром».

«А вот профессионал-охотник, к примеру, ваш супруг, как складывается его охотничий год? Есть у него выходные дни или отпуск, чтобы куда-нибудь съездить, отдохнуть?»

«В охотничий период выходных не бывает. Отпуск, конечно, можно выкроить. Но вообще-то охотник предпочитает и отдыхать на охоте. Его работа практически непрерывна».

«Я в студенчестве столкнулся с одной семьёй охотника... Ну, не с семьёй, с представителем... Короче говоря, мне кое-что известно из образа жизни охотников».

Ему и в самом деле это было интересно, но ещё больше хотелось беседовать с этой милой молодой женщиной, да, теперь ясно,

она молодая женщина, вступающая в пору наивысшего своего расцвета; и он ничего не может поделать с собой, его тянет к ней, и даже мелькает некая надежда, хотя он уже выяснил, что в лучшем случае годится ей в дедушки. Но были же примеры! Недаром он, видно, вспомнил Гёте, была же у того в старости благополучная любовь с совсем юной девицей! Или не было? Что-то он стал путаться... Итак, что же расскажет Аня Немова о своей жизни?

«Начну с осени. В середине октября охотник собирается на свои зимовья. Грузит нарты: продукты для себя и для собак, охотничье снаряжение, бензин, всё что надо. И начинается страда. До середины февраля промышляют белку, норку, соболя, потом до середины марта охота на медведя и лося. Со второй половины марта и весь апрель – рыбалка. Щука, язь, стерлядь, заготавливают икру. А вскоре открывается охота на птиц: утка, гусь. На боровую дичь у нас охотятся и зимой, и летом. Правда, летом ещё дикоросы заготавливают: белые грибы, начиная с середины июня, потом пойдёт ягода – в июле морошка, в августе брусника, голубика, черника, в сентябре клюква... А тут уж надо и к зимнему сезону готовиться. Вот я и считаю, что охотничья работа непрерывна...»

«Выходит, что и летом охотник может не быть дома, а на каком-нибудь промысле?»

«Конечно! Охотник и рыбак, если и выдаются свободные дни от основного промысла, всё равно где-нибудь чего-нибудь добывают. Натуры такие. Вот и летом бывают периоды рыбьей жировки, тут уж все на рыбалку. На Оби, конечно, красную рыбу ловят: стерлядь, осётр, нельма. Но и белой рыбой не брезгают: карась, чебак за милую душу идут: и свежими пожарить, и подвялить, посолить. У нас белорыбных водоёмов немерено. Тут и бабёнки, не говоря уж о ребятишках, все рыбалкой занимаются.»

«Вот как хорошо вы рассказываете, Анечка! Некоторые слова я вспомнил. Во время экспедиции записывал их.»

«Какие слова?»

«Ну, вот хотя бы: жировка, белорыбные места.»

«Ну, это у нас самые обыкновенные слова.»

«А я вот слушаю вас и молодость свою вспоминаю. В городе таких слов не услышишь. Вот ещё хотел спросить: гнусу, комарья, мошканы у вас, случайно, не убавилось? Я, помню, сильно от этого страдал.»

«Этого добра сколько угодно, – улыбнулась Аня. – Но сейчас есть много разных мазей, жидкостей отпугивающих, у охотников специальные накомарники. В деревне, если охота вечером посидеть на лавочке или на крылечке, курев разводим, курушку ка-

кую-нибудь жжём, ну, всякие гнилушки, чтобы дыму побольше. Да мы как-то привыкли уж. Даже малышня, детишки, почитай, нагишайкой на улице бегают, а терпят, хотя, бывало, комары так его начикают, что весь в волдырях, а он бегает, играет, только почёсывается».

Владимир Михайлович улыбался во весь рот.

«Вы даже не представляете, какое удовольствие мне доставили! Столько знакомых мне, ваших, северных словечек вы произнесли. Рад, что язык их не потерял. Спасибо. Ещё хотел вас спросить: как вы добираетесь до своего посёлка? Мы в экспедицию на пароходе плыли».

«Теперь у нас предпочитают самолёт. Зимой вообще только на самолёте можно долететь, и то лишь до райцентра, а потом вертолёт, но его приходится ждать, не всякий раз он бывает, да и погода часто подводит. А летом по Оби можно на «ракете» или «метеоре», а к нам небольшие катерки ходят».

«Видимо, вам в копеечку выходят поездки на сессии».

«Конечно. И некоторые мои родные не очень-то приветствуют моё желание получить высшее образование. Но без него меня не берут в школу на учительскую работу. Не век же мне уборщицей подрабатывать да в рыбную путину кашеварить в артели».

«Вот как вам, оказывается, живётся-то! И очень далеко от мира, который изображает Дельво».

«Можно увидеть общее. Он тревожится, насколько я успела понять, за судьбы женщин. Об этом стоит побеспокоиться».

«Ну что ж, ну что ж, это хорошо, что вы так говорите и, значит, от предложенной темы не отказываетесь?»

«Нет, не отказываюсь. Можно я буду вам частями посылать то, что напишу?»

«Конечно! У вас ведь есть письменные задания? Вот вы и вкладывайте странички для меня, станем переписываться...»

4

«Видишь на Луне пятна? Это шаман Урэр оставил. Он уехал жить на небо и прилип к Луне. Выдрался кое-как из кухлянки. Вон, видишь, темнеется? Рукавицы вон. Бубен. Хороший бубен у него был. Правая сторона светлая, солнце показывала, а левая тёмная – это Луна. И колотушка разноцветная была: часть красная, часть чёрная. Мне это всё Мурок рассказывала, а я тебе пересказываю, как запомнила, своими словами. Если, говоришь, тебе это интересно, то и слушай, и не перебивай меня.

Было это в такие давние времена, что ещё боги по земле меж

людей ходили. И верховный бог Нум был на земле. И схватывался со своими врагами Нгу и Кызы. Не было ещё никакого порядка. Каждый хотел, что получше, для себя захватить. И шаманы, было дело, между собой дрались. Чтобы стать главным, надо было убить того, кто это место занимал. Бог Нум сильно на это сердился. И услышал его один Урэр. Пришёл он к главному шаману и говорит:

«Наступило время сменить тебя. И должен я тебя убить, а я не хочу тебя убивать».

Удивился старый:

«Ты хочешь нарушить обычай? Или трусишь? Я готов сразиться. Я сварил крепкий рыбий клей и застывшие его пластины пришил к одежде. Попробуй, одолей меня!».

Урэр говорит:

«Я не боюсь тебя, и сил у меня много. Не хочу убивать тебя, чтобы стать главным. Несправедливый это обычай».

Старый говорит:

«Я своё место без боя не уступлю. Что же делать?».

И Урэр предложил:

«Давай состязаться в своём искусстве. Кто больше заклинаний знает и лучше их исполнит, тот и станет главным».

И начали они состязаться, исполнять свои песни и пляски, бить в бубен колотушкой. Далеко разнёсся гул от их бубнов, криков и песен; и собрались все другие шаманы и простой народ тоже, стали смотреть и слушать. Ударит старый шаман в бубен, закружится, завоет колдовские слова – и потемнеет вокруг, ветер засвистит, деревья гнутся. А начнёт шаманить Урэр – солнышко засветит, тепло станет, птички запоют. Опять старик заведёт свою песню – опять всё потемнеет, дождь со снегом посыплет, гром загремит. Он, видишь ли, считал, что шамана люди должны бояться, тогда у него над ними власть будет. А закружится Урэр, весело застучит в бубен – и снова посветлеет и потеплеет вокруг.

Это всем нравилось. Долго они так шаманили, и стали люди кричать:

«Урэр лучше!».

И тогда услышали все голос Нума:

«Победил Урэр».

Ну вот, стал Урэр главным шаманом, и долго им был. Хорошие времена наступили. Оленей прибыло, дичи всякой, рыбы, все сытые стали. И, наверное, от сытости стали люди ленивыми. И оленей пасти ленились, и охотиться, и рыбачить ленились. А без работы ничего не бывает. И тогда некоторые стали воровать у тех, кто ещё трудился. И оленей крали, и рыбу, и соболей.

Стали воров ловить и бить. И пошли сплошные драки и даже убийства. Вражда между людьми завелась. Правду сказать, ведь даже у самого Нума были враги. Чего ждать?

Добрый Урэр хотел уговорить людей. Шаманил, чтобы погоды были хорошие, чтобы болезни мимо людей проходили, живите да радуйтесь! Ничего не помогало. И стали люди разделяться на разные племена и враждовать между собой. И забыли они, что все из одного корня выросли. Теперь же говорили так: ваш род самый низкий, самый гнилой, неизвестно, каким ветром его сюда занесло, наверное, Кызы назло Нуму вас подкинул, а наш род самый лучший и красивый, и вы должны вставать на колени, когда наш человек мимо проходит. Вот и доказывали все свою родовитость.

Увидел Урэр, что не слушаются его люди, и уехал жить на небо. На чём, на чём? На оленях, наверное. Или на собаках. А к Луне прилип, потому что сильно разогнался, мог не на то небо попасть, Луна его и притянула. И где он там теперь – этого никто не знает. А след его – вон он, погляди на Луну внимательно, увидишь...»

Закончив рассказ, она рассмеялась...

5

«Вот какие сведения я выловила из Интернета и в статье А. Сигалова.

О Дельво написано более сотни книг и снято несколько кинофильмов. С 1982 года существует музей Поля Дельво в Сент-Идесбальде (Западная Фландрия). Крупнейшие музеи мира устраивают ретроспективы его работ.

Всё это для меня недоступно, поэтому я буду рассчитывать на собственные соображения и впечатления, которые, конечно же, возникают, даже если видишь лишь цветные фотографии с картин этого художника, ну и на статьи, которые вы мне передали.

Самое большое и вполне объяснимое впечатление оставляют вокзалы Дельво. Эта тема появилась у него ещё в ранней импрессионистской работе 1922 года «Вокзал в квартале Леопольд», а затем в пятидесятые годы. В 1957 году написаны: «Вечерние поезда», «Пригородные поезда», «Маленький ночной вокзал», «Ночной дежурный», «Весенняя пора», «Маленькая вокзальная площадь», «Вокзал ночью», «Вокзал днём». Всего до 1963 года он написал пятнадцать картин, изображающих провинциальные вокзалы и вокзальчики. Чаще всего на его полотнах опустевшие вокзалы, когда поезд уже ушёл, или они пусты, потому что только ещё ждут состава. И всякий раз он рисует фигуру женщины, что-то ожидающей, на что-то надеющейся.

В «Вокзале ночью» женщина стоит спиной к зрителю, но видно, что она, собираясь на вокзал, приделалась, на ней бордовое лёгкое пальто с чёрным пояском, по плечам распушены светлые, тщательно расчёсанные волосы, под правым локтем, очевидно, дамская сумочка. Скорее всего, она ждёт прихода поезда: что-то он ей привезёт?

И в «Маленьком ночном вокзале» в самом углу картины стоит женщина (скорее, девочка-подросток), смотрящая вслед уходящему поезду. Её поза свидетельствует, что она или опоздала к уходящему поезду, или с ним уезжают какие-то её надежды.

Есть и более сложные композиции с вокзалами и поездами. К примеру, в картине «Хвала свету», где изображена часть некоей античной комнаты, на пороге которой стоит лицом к зрителям полуобнажённая женщина, горит свеча, а за её спиной вокзал со всеми своими приметами: железнодорожными путями, составами, с открытыми светофорами.

Полуобнажённые или совершенно голые женщины появляются на вокзалах Дельво часто, и об этом должен быть особый разговор, особое объяснение. А вот сама найденная художником тема – вокзал – кажется очень удачной и плодотворной. Наверное, любой зритель, глядя на эти картины, вспомнит что-то своё, какие-то свои надежды, сбывшиеся и несбывшиеся мечты, планы или просто то, что раньше называли грёзами, оживает сложный и близкий каждому ассоциативный ряд, наверное, это и есть признак настоящего искусства.

Я уже говорила вам, что для меня вокзал – несбыточная мечта, у нас на нашем Севере железнодорожных вокзалов нет, а вокзал – это надежда, что можно куда-то уехать, что есть другие места на Земле, где, возможно, тебе будет лучше, где тебя ждут неожиданные счастливые случайности. Я до сих пор вспоминаю наш путь до Москвы и обратно, когда мы проезжали мимо стольких вокзалов: и ночных, и дневных, маленьких и больших, я, лёжа на второй полке, всегда смотрела в окно, видела или совершенно пустой перрон, или переполненный торопливыми толпами, и всё пыталась угадать, что за жизнь тут протекает, похожа ли она на мою или совсем, совсем другая? Отсутствие вокзала – это безысходность, безнадёжность хоть как-нибудь изменить свою жизнь.

Вот как глубоко и, может быть, надо сказать, торжественно объясняет тему вокзалов А. Сигалов, который пишет: *«...главное всё-таки в том, что в этих вокзалах есть магический и наивный стиль Поля Дельво, стиль, который делает их неповторимыми и типичными одновременно, который позволяет узнать их даже ночью из окна вагона... Он будто хочет сказать, что наша жизнь*

– это бесконечная дорога в никуда, с многочисленными остановками на станциях, вокзалах, полустанках, и они должны быть красивыми, эти остановки, красивыми и строгими, наполненные откровением снов и философским смыслом, ибо любая из них может оказаться конечной».

Несомненно, что вокзал у Дельво – это важный, философского уровня символ. Странно, что сам художник это отрицает. В одном из интервью он говорит: «Мои картины строго описательны». И ещё более определёнno: «В «Вокзалах» я не пользуюсь какими-либо символами или банальными намёками, например, связанными с отъездом и расставаниями. Я просто пишу поезда моего детства и, значит, само это детство. Обращаясь к прошлому, я пытаюсь оживить мои вкусы того времени и соединить их в определённой степени произвольно со свежими, обрётёнными только что. Меня совсем не интересуют занятные истории, скорее – что-то неожиданное, может быть, даже несовместимое с обычной жизнью. Я с огромным удовольствием пишу вокзалы, хотя отдаю себе отчёт в том, что сюжеты эти несколько ограничены. Но я хорошо знаю также, что стоит лишь слегка отойти от привычной трактовки, как картина приобретает новый смысл, а сюжет становится универсальным...».

Мне по-прежнему представляются вокзальные сюжеты полными символического смысла, но можно ли проигнорировать мнение и объяснение самого художника? Тем более, что в его объяснении есть очень важные подсказки для понимания «Вокзалов». Прежде всего он предупреждает от банального их истолкования. Далее он говорит, что вспоминает вокзалы своего детства и, значит, само своё детство. Это очень важное признание! Он говорит, что пытается оживить свои прежние вкусы и соединить их с теперешними, причём, как он признаётся, почти произвольно. Это один из методов его работы. Может быть, так и работают сюрреалисты? И не из детства ли, не из детских ли фантазий появились на вокзалах обнажённые женщины? Эти женщины представляются мне тоже какими-то знаковыми, символическими. Но я ещё не готова к тому, чтобы объяснить эти символы.

Но вот что я ещё прочитала в статье А. Сигалова: «...Дельво исполнилось 58 лет, уже три года он женат на Анне-Мари Мартеллар, женщине, с которой он познакомился задолго до своего первого брака и любовь к которой пронёс через всю свою долгую жизнь».

Вот что меня очень сильно взволновало и повлияло на восприятие картин Дельво. Неизвестно, почему он, любя Анну-Мари, женился на другой женщине, но он остался верен своей первой любви, в конце концов соединился с ней, по сути дела, уже в ста-

рости. Значит, на протяжении многих десятилетий были свежи и живы его чувства. Можно лишь позавидовать людям, способным на такое, удостоившимся такой любви, приносящей счастье.

Я и это принимаю как подсказку для понимания живописи этого художника...»

6

«Спрашиваешь про Мурок? Хорошо её знала. Я у неё жила. В шалашике: наверху дырка, а внутри огонёк разводят: обогреться да что-нибудь сварить. Они же по лесам больше. Избоя у них нет. Как назвать их? Вроде как остяки, только чёрные, и глаза узко прорезаны. Тут их природие.

Русских-то поначалу совсем не было. Туземцы были, от них, от остяков, и пошёл люд. Вот, говорят, ещё карагазы были, местные. Стали они в замуж русских брать, а русские их, всё и смешалось. Я тоже коренуха, здесь и родилась. Считаюсь русской, но чего у меня намешано – точно не знаю. Видишь, волос у меня чёрный, как у местных. Но, говорят, мои из ссыльных были, из раскулаченных, все здесь перемёрли. Я же ничего того не помню и не знаю.

Раз интересуешься, то вот тебе ещё одна сказка. Была такая богиня-мать. Назову её, как запомнила, вроде Ылонта, пусть так и называется. Она, может, и сейчас существует, только мы не замечаем её. А как же ей не быть! Она родит и хранит всё живое, книгу про каждую судьбу ведёт, в дупле прячет души ещё не родившихся. А потом, это, как тебе сказать? Мужиков ихним хозяйством снабжает, в нужном месте, что требуется, подвешивает, понял, про что я?

Ой, с тобой со смеху помрёшь! У тебя-то у самого всё на месте? Умора с тобой! Проверь, проверь, да богиню Ылонту поблагодари. А в каком дереве души человеческие хранятся – это только богиня и знает. Но ты имей в виду: дерево то может человеком обернуться. А может и наоборот случиться. Но я тебе не про деревья хочу рассказать.

Жила-была одна парочка: он да она. Полюбовно сошлись, в согласии жили, не тужили. И вот как-то зимой приезжают к ним два гостя, тоже охотники да оленьи пастухи. Молодая хозяйка принимает их приветливо, угощает строганиной, мясом варёным, чаем поит. Стелет постели: гостям одну, себе с мужем свою. Но что-то и гости, и мужик её не торопятся ложиться. Муж трубочку покуривает, с гостями негромко переговаривается. Хозяйка поглядела-поглядела на них, да и улеглась спать, думает, и мужик её тут же уложится. И что же она видит? Её муж укладывается на по-

стель гостей, а один из них, сбросив унты и кухлянку, идёт к её постели, ложится и начинает её обнимать. Она его отталкивает, а он лезет. Крикнула она мужа: «Сывсики!» – а тот отвернулся и вроде ничего не видит и не слышит. А дело-то простое. Был такой обычай, да он и сейчас у некоторых сохраняется: из уважения к гостю хозяин должен на ночь уступить ему свою жену. Вот Сывсики и уступил, а она то ли ещё не знала о таком обычае, то ли не захотела его исполнять и воспротивилась. У них уж началась нешуточная борьба с приезжим, но хозяйка изловчилась, вскочила с постели, схватила острый охотничий нож и выставила его перед собой, мол, не подходи, пырну в пузо... А Сывсики и головы не повернёт. Оскорбились гости-охотники, собрали свои пожитки да прямо среди ночи и укатили... Наутро молодые ни о чём не разговаривали, будто ничего и не было. Сывсики собрался проведать оленей и уехал с ночевой. А когда вернулся – заговорил. Ты, говорит, меня опозорила перед всем миром, надо мной все потешаются и дразнят меня трусом, что я бабы боюсь и по её команде живу... После этих слов стал он её бить и руками, и палкой. Но жена у него была молодая и сильная. Не стала она терпеть, а вырвалась и выскочила из дома почти нагишайкой. От злости и несправедливости плачет, слезами уливается и думает про себя, что ни за что не вернётся, лучше замёрзнет где-нибудь под ёлкой.

А всё видела хозяйка неба богиня Ылонта, стало ей от этого смешно. Ну, наверное, над мужиками смешно, которые не смогли покорить одну маленькую женщину. И так она расхохоталась, что небо затряслось и вспыхнуло северное сияние. А маленькую упрямку превратила она в самку соболя и сделала её хозяйкой леса. И стала эта соболиха назло всем, кто хотел её силой взять, помогать охотникам, которые ей поглянутя, наводить их на места, где всякая дичь и разный зверь водится. Молились на неё охотники. А который ей особенно понравится, с тем она вступала в любовную связь... Как, как? Изловчалась как-то. Ха-ха-ха! С тобой не соскучишься! Какой-то ты не сообразительный. Ну, может, она на то время опять бабой оборачивалась. Я у Мурок не спрашивала. Стыдно было. А ты спрашиваешь. Главное, что баба сама собой должна распорядиться. За тем боги следят».

7

«...Свою статью Ю. Сосновски назвал: «Спасутся ли женщины в мире Дельво?» Мне кажется, что в этом названии ключ к пониманию смысла практически всех картин этого художника – это судьба женщины в современном мире. Даже в его вокзалах глав-

ное не вокзалы, а фигура женщины, ожидающей поезд или простившейся с ним.

Сосновски справедливо выделяет картину «Большая аллея», приведу полностью его размышления: *«В пространстве картины «Большая аллея» разлит призрачный, мертвенный свет, раздвинут занавес, открылась широкая аллея, выложенная белыми плитами и уводящая к морю, к античному храму-зиккурату, где стоит с десяток женских фигур. Справа от аллеи плещется близкое море, а слева виден железнодорожный путь со всем своим путевым хозяйством. На рельсах стоит пустой товарный вагон, виден ещё один вагон... Три полуобнажённые женщины (одна из них с зажжённой лампой) спокойно и обречённо застыли в томительном ожидании некоего события. В начале аллеи стоит женщина в платье и шляпке. Это, вероятно, неофитка, сделавшая первый шаг в мир Дельво... Ещё одна душа покидает наш мир...».*

Стоит заметить, что и здесь вокзальные, станционные принадлежности выполняют очевидную символическую роль. Страшно вдумываться в смысл этой картины: *«Ещё одна душа покидает наш мир».* Может быть, эта женщина в обычном своём платье, в привычной для неё одежде, ещё не знает, что она уже переступила порог реального, земного мира, что она уходит в небытие, если говорить языком живых людей. А что её там ждёт? Может быть, то, что изображено на картине «Диалог»: на фоне абсолютно пустынного неба и моря, среди бессмысленно торчащих в пустом пространстве античных колонн, две обнажённые девушки, которым уже не о чем говорить, нечего обсуждать, диалог закончен, возможно, им предстоит превратиться ещё в одну античную колонну; никто ведь не знает, что происходит с людьми в другом мире.

И женщины на картинах Дельво действительно претерпевают разные метаморфозы; так, на картинах «Человек улицы» и «Рассвет» они превращаются в деревья. Тут я чувствую что-то знакомое, может быть, известное по мифам, легендам, и готова была бы обрадоваться, что женщины превратятся в деревья, убежав от злого реального мира, спасутся.

Но спасения нет. Мимо превращающихся в деревья женщин проходит мужчина, читающий газету, ему нет дела до всего окружающего, главное – газетные новости. Между тем, на заднем плане отчётливо видно, что деревья, некогда бывшие женщинами, засыхают и гибнут.

И в картине «Рассвет» изображены женщины, уже наполовину ставшие деревьями, они выбросили ненужные им теперь предметы: зеркало, бантик. А на заднем плане, я это заметила, вы помните, когда первый раз увидела фотографию этой картины,

торопливо уходящий мужчина и женщина, пытающаяся его остановить. Но спасения у мужчин женщины Дельво не находят; они либо не видят женщин, либо торопливо убегают от них, нуждающихся в помощи, потому и убегают, что те нуждаются в помощи.

И тогда женщины Дельво вспоминают легенду о Пигмалионе, пытаются создать и оживить статую прекрасного юноши; получается Пигмалион наоборот. Вот что пишет Сосновски о картине «Пигмалион»: *«Обнажённая женщина обняла мрамор (незаконченную статую юноши), но смотрит отрешённо куда-то вдаль... Не оживёт статуя прекрасного юноши. И не потому, что у него нет ещё рук и ног, а потому, что его некому оживлять, если бы это было кому-то нужно, ибо мир XX века обезбожен».*

И вот в картине «Хвала меланхолии» тоже появляется статуя юного греческого воина, на которого с надеждой и мольбой смотрит лежащая на тахте полуобнажённая красавица, а другая, стоящая слева юная дева, протягивает к нему руку. Но не оживёт юный грек, и женщины это поймут, вот почему на их лицах не только желание оживить статую, но и страх, неизбежность собственной гибели. На стене висят пустые рамки для картин; что в эти рамки поместят – это так же неизвестно, как и то, что ожидает нас в другом мире.

Позволю себе не согласиться с Сосновски, который постоянно пишет о том, что женщины гибнут в мире Дельво. Но ведь он сам говорит, что картины этого художника отражают надлом, происшедший в нашем мире в XX веке. Женщины гибнут не только в мире Дельво, они гибнут в нашем реальном сегодняшнем мире.

Вот и у французского художника Жана Дюпа тоже гибнут женщины. Сосновски пишет: *«В представлении женщин Дюпа мир уже погибает в надвигающейся тьме Армагеддона, ещё чуть видны безлюдные здания с мёртвыми арками и окнами (как на полотнах Де Кирико и Дельво). Происходит мистерия ухода из жизни...».* Значит, не только у Дельво гибнут женщины: превращаются в деревья, в античные колонны или топятся в море. Это событие мирового масштаба. И это не просто фантазии сюрреалистов! Не нужно быть феминисткой, чтобы встревожиться судьбой женщин. Их как будто выдавливают из современного мира, как будто они уже и не нужны больше. Да и сами женщины, борясь за равноправие, проникают на руководящие должности, которые традиционно занимали мужчины, и всем своим поведением начинают копировать мужчин, от одежды до мелких привычек, свойственных мужчинам, до крепких словечек.

А если к этому прибавить противоестественные половые связи, целые движения нетрадиционных любовников, разрешение в

некоторых странах регистрировать однополые браки, то вовсе не покажется фантастическим предположение о том, что человечество может обойтись и без женщин. Существует и некая научная теория, согласно которой дальнейшее биологическое развитие человека приведёт к тому, что люди вновь станут однополыми существами, как это было в какие-то неведомые времена у их далёких предков.

Пытаюсь представить себе мир без женщин. Без любви, без материнства. Это значит, что наши далёкие потомки не только не смогут понять великие произведения мирового искусства, насладиться стихами, воспевающими любовь, прекрасными ариями и романсами, замереть от восторга перед полотном великого художника, запечатлевшего обнажённую прекрасную женщину, они не поймут грех Адама и Евы, им всё это просто будет не нужно! С гибелью женщины погибнет и всё мировое искусство, которое не только изображало женскую красоту, но и вдохновлялось чувствами, свойственными только людям, любви и восхищения женщиной. Тогда действительно произойдёт великий духовный надлом и человечество перестанет быть человечеством.

Может быть, такие художники, как Дельво, и предупреждают нас о грозящей опасности?

И ещё мне кажется, что донести до зрителя эту тревогу за судьбу мира и людей и выразить её в живописи, наверное, нельзя средствами реализма, тут нужен другой метод. Не буду утверждать, что наиболее подходящим способом оказывается сюрреализм, но если всё-таки прочитывать символику в этих картинах, то тревожное чувство они вызывают несомненно...».

8

После первого курса он поехал в диалектологическую экспедицию собирать говоры русских жителей средней части бассейна Оби. Из парней поехал ещё Дима Иванов. Отправились с ними и три студентки: Зоя, Римма и Нина. Их руководитель, Вера Владимировна, тогда ещё только готовилась защищать кандидатскую диссертацию и совсем немного обогнала их по возрасту.

Самая первая часть пути была великолепной! Они отплыли на по-старинному комфортабельном колёсном пароходе, большую часть времени проводили на палубе, болтали, смеялись, девчонки затевали петь песни, и все жадно смотрели на лесные берега, на песчаные отмели, на бесконечные пустынные пространства; они все были городскими жителями, и всё увиденное привлекало их внимание: вдруг вздымавшийся ввысь жёлтый обрыв

высокого берега, голову приходилось задирать, чтобы увидеть, как на самом верху стоят прямоствольные сосны, а то пароход проходил под самым низким берегом, и видно было, как подмытые рекой кустарники сползали в воду, то мимо них тянулся длинный стреж-песок, и они успевали увидеть, как маленький катерок заводил длинную сеть, отмеченную жёлтыми поплавками; им что-то кричали рыбаки, капитан давал команду «стоп», и к борту быстро подгробала рыбачья лодка с рыбой, которую покупала пароходный повар, наверное, надо называть её коком, для команды, но и пассажирам можно было рассчитывать на уху. Пока они плыли, овеваемые тёплыми ветерками, то вовсе не замечали никакого гнуса, но едва они высадились на берегу села Алексеевского, как тучи комаров атаковали их безжалостно, они не успевали отмахиваться и бить себя по щекам, рукам и ногам. А им предстояло продвигаться ещё дальше на север, но уже не по Оби, а по её притоку к некоему старинному русскому поселению, где и предстояло разговорить хранителей народных говоров. Девчонки хныкали, можно сказать, откровенно ныли, переоделись в трико, завязали на головах платочки, становилось жарко. Они с Ивановым не снимали сапог, которые обули перед отъездом по совету бывалых рыбаков и охотников, и стареньких своих пиджачков, и тоже изнывали от жары, а руки и голова всё равно оставались во власти свирепых кровопийц. Пока они опять плыли на маленьком катере до неведомой Светлой протоки, немного спасал ветерок, но когда и здесь сошли на берег, то эскадрильи комаров, паутов, слепней атаковали их беспощадно. Спаслись тем, что люди, ожидавшие их катер, развели на берегу дымокур, к которому они все и примостились, и пока Вера Владимировна ходила представляться местной власти, договариваться о жилье, они сидели под защитой сладкого дыма.

И во все последующие дни спасались дымокурами, местные посоветовали мазаться дёгтем – руки, шею, по лицу и по лбу мазнуть – действительно на некоторое время гнус, кажется, отставал, но ненадолго, а потом надо было отмываться от дёгтя.

Они разместились в школе, в двух классах – в одном Вера Владимировна с девчонками, в другом они с Ивановым. Для девочек нашлись раскладушки, а им с Димкой предложили набить сеном два длинных мешка и постелить на пол вместо матрацев. Утрясли и заботы о питании: школьная уборщица и сторожиха, жившая при школе в отдельной комнатке с кухней и с отдельным от школьного входом, продала им картошки, солёного сала и согласилась варить обед, прибавляя к столу разную зелень со своего огорода, а другие соседки обещали продавать им молоко и яйца.

После того как они расквартировались, парни всё-таки скинули сапоги, пиджаки и рысцей побежали к реке, где, раздевшись до трусов и уже не отбиваясь от кровопийц, торопливо бросились в воду. Вот настало блаженство! Их тела стали недосыгаемы для кровососов, исключая голову, но тогда можно было нырнуть под воду, что они и делали с охотой, полнейшим наслаждением и весёлыми вскрикиваниями.

Так началась их экспедиционная жизнь. Они ходили по дворам, разговаривали, чаще всего со старыми людьми, вылавливали неизвестные им словечки. В тетрадках появлялись: чупыжник – всякий мелкий кустарник; бадяли – бродили, по кустам бадяли, едва выбрались; залог – густой лес; какрак – замёрзшая земля; чилида – высокий и худой человек; ожалка – крапива; анчун – пиджак; загальство – издевательство, и много других. Причём, если они узнавали эти слова от людей пожилых, то и молодые вполне их понимали и давали такие же пояснения их смысла.

Было три местных парня, ещё не доживших до призывного возраста, они, по слухам, учились в ремесленном в райцентре и теперь приехали домой на каникулы, их, конечно, загрузили всякой домашней, хозяйственной, огородной работой, но в свободное время парни проявляли откровенное любопытство и внимание к их девочкам, пытались заговорить, сострить, а то стали предлагать записать явно только что придуманные ими, просто искажённые обычные слова. Девочки посмеивались, даже объясняли, почему им такие слова не подходят. Но однажды один особенно надоедливый парень произнёс длинное матерное ругательство и предложил его записать как истинно русское выражение. Парни ржали до покраснения. Студентки сказали, что они пожалуются в милицию, и их привлекут за хулиганство. Матерщинник, не без остроумия даже, заметил, что милиция у них тоже состоит из русских людей. И тогда обнаружил неожиданные и выдающиеся способности Дима Иванов. Вечерком он пошёл на берег, где обычно и собиралась эта немногочисленная компания возле дымокура, вернее, сказать по-местному, курева, на свои посиделки. Он подошёл к ним и сказал:

«Слышал я, что вы большие знатоки русского языка, вот захотелось поговорить с вами по-русски. Знаете ли вы, едреный корень, в ухо, в рот и в глаз вас...».

Он завернул такую махровую матерщину, какой эта деревенщина вовек не слышала. Он говорил неторопливо и не останавливаясь, глядя в их явно растерянные лица, пока парни не стали иногда словно бы взлаивать то ли от испуга, то ли от восторга. Димка научился ругаться в своей городской уличной компании и

оказался очень успешным учеником. Сверх того, он явно обладал талантом филолога, чувством слова, мог с помощью, как писал поэт, суффиксов и флексий создавать новые ругательства. После этого парнишки стали значительно вежливей и прекратили свои дурацкие остроты.

Между тем их экспедиция, делясь на группы по два-три человека, выезжала то на лодке с мотором, то всё на том же вездесущем катере, то на лошадке в соседние посёлки, где, как им говорили, жили старые люди, уроженцы этих мест. А Владимиру пришлось поехать в один из таких посёлков одному, так получилось, что Дмитрий с Риммой уехали в один посёлок, а Нина и Зоя в другой; они же с Верой Владимировной расспрашивали последних, ещё не беседовавших с ними жителей Светлой протоки, и один старик сообщил, что неподалёку отсюда живёт старуха Мурок, которая знает не только разные местные слова, и русские, и хантыйские, и эвенкийские, и всякие вообще остяцкие, но ещё помнит много легенд и сказок; вот, мол, с кем надо говорить, если, конечно, она ещё жива. И Владимир с руководительницей экспедиции решили, что ему надо побывать у этой Мурок. Как раз отправлялся туда катер, и Владимир, наскоро собрав всё необходимое, поспешил на пристань.

На катере он и познакомился с Настей. Она была черноволоса и голубоглаза, посматривала на него с улыбкой, у неё вообще рот не закрывался от улыбки, усмешки и громкого смеха по каждому пустяку. Ему показалось, что она ровесница девочкам из экспедиции, и он очень удивился, когда в разговоре узнал, что она давно замужняя женщина и ей уже двадцать два года. Ему показалось, что она к нему с самого начала относится иронически, даже с насмешкой, как к мальчишке, занятому непонятным делом.

Он не стал об этом думать, но искренне расстроился, когда Настя сообщила ему, что Мурок нынче зимой пропала на охоте, и даже её тело не нашли. Его поездка теряла смысл, но Настя сказала, что жила некоторое время у Мурок и поэтому помнит кое-какие её сказки. И, пока они добирались до места, Настя успела рассказать ему две сказки или легенды, а может быть, это были самодийские мифы? Он не мог определённо сказать, потому что Настя призналась, что рассказывает так, как ей запомнилось, значит, у Мурок сказки могли существенно отличаться по форме и содержанию. Сверх того, рассказывала Настя в явно шутовском тоне, правда, обращённом больше к нему, а не к тому, о чём она говорила. Тем не менее, то, что рассказала Настя, ему понравилось, и он подумал, что надо записать услышанное, как только доберутся до места.

Между тем, Настя сказала: если ему интересно, то она и ещё что-нибудь вспомнит, только просит иметь в виду, что она замужняя баба, муж сейчас на рыбалке, а в деревне все на виду друг у друга, поэтому она советует ему остановиться у одинокой старухи бабы Нюси, её изба прямо на берегу, на краю деревни, по соседству с её домом, а уж она сама, как будет удобно, придёт к ним, и чтобы он не вздумал ходить к ней сам.

Когда они высадились на берег, Настя сама проводила его к соседке, объяснила:

«Вот, баба Нюся, я тебе постояльца привела. Из города. Что-то про нашу жизнь собирает, – и, повернувшись к Владимиру, спросила: – У тебя деньги есть?».

«Три рубля только. И на обратный рейс».

«Вот, баба Нюся, три рубля у него».

«Ну и куды с добром!»

«Ты сегодня баню не собиралась топить?»

«Как не собиралась? Собираюсь. Воды вот натаскаю...»

«А ты вот его заставь воду таскать. Он молодой и сильный. Кстати, пусть и попарится, а то, говорит, их всех гнус заел, пусть болячки прожарит».

И расхохоталась, как не раз уже хохотала, пока они плыли на катере. А потом почему-то решила показать Владимиру свой дом и объяснила, что у неё тоже есть баня:

«Вон, видишь, под шифером. Тоже буду топить, но пригласить не могу, – опять рассмеялась. – А ближе к дому – стайка, там у меня кое-какая скотинка водится, – и уж совсем некстати, показалось Владимиру, добавила: – У нас с бабой Нюсей в конце огорода есть хороший лаз, мы с ней там здоровкаемся да бабьи сплетни водим. Вон, видишь, где огорожа пониже, там и пролаз, хоть ко мне, хоть к ней...».

Хозяйка дала ему коромысло и два ведра, от коромысла он отказался и двумя ведрами, зачерпывая воду, коричневатую от разнообразного травяного и донного настоя, из безымянной таёжной речки, довольно быстро наполнил все необходимые банные ёмкости. Баба Нюся его поблагодарила и сказала, что она сильного жара не терпит, поэтому первая помоеется, а он потом, сколько будет душе угодно.

«И ты не брезгуй, я ить всё кипяточком ошпарю».

Уже совсем за вечерело, когда дошла и его очередь попариться. Он сразу же налил шайку горячей воды и вылил на себя, испытывая невероятное удовольствие, казалось, что все расчёсы от укусов тут же смываются и кожа начинает дышать свободно и без опаски. Потом он опять набрал горячей воды и стал мылить голову.

Он стоял спиной к двери, но ему показалось, что она бесшумно открылась, закрылась, и на него пахнуло прохладой. Он не успел ни испугаться, ни удивиться, как сзади чьи-то нежные голые руки обвили его и ласково провели по его животу, опускаясь всё ниже, а к спине откровенно прижались женские тугие груди. Он старался смахнуть с лица мыльную пену, обернуться, негромко спросил, уже обо всём догадываясь:

«Кто это?».

«Богиня Ылонта. Пришла проверить твоё мужицкое хозяйство. Есть ли оно у тебя?»

Настя была совершенно голой, она сама повернула его к себе лицом и впиалась в его губы. Он инстинктивно обнял её, как оказалось, совсем юное тело, плохо разбирая, что Настя в это время ему говорила. Он ещё не знал женщин и теперь испытывал потрясение до сердечного перебоя. А Настя знала, чего хочет, она подталкивала его к нижнему полку и, наваливаясь на него всё решительней, заставила лечь и прижалась к нему всем телом, целуя его и продолжая что-то говорить.

И вот на этом мокром и горячем полке в маленькой, тёмной деревянной бане и произошло его грехопадение. Об этом написаны великие стихи и песни, но об этом же сочинили непотребную похабщину, которую выразить можно только с помощью самых грязных ругательств. Чему верить, с чем согласиться?

А для него всё свершалось само собой, без его хоть капли сознательного участия. Его тело подчинялось природному инстинкту. Он едва не терял сознание от охвативших его невероятных ощущений.

Сколько это продолжалось, мгновение или долгие часы? Наконец он услышал её голос:

«А ты мальчишка! Полное дитё! Я поняла. Ну, что скажешь? Понравилось? Теперь девкам проходу не будешь давать?».

Она снова ластилась к нему, гладила по щекам, целовала, но сдержанно сказала:

«Долго с тобой я сейчас не могу. Ты ночью ко мне приходи. Запомнил, где огород кончается? Ну, вот, перелазь, только чтобы никого не было. И иди в стайку, сразу за дверь повернёшь, там лежак есть, мужик мой, когда сильно наберётся, ночует. Придёшь? Я, может, ещё тебе сказку расскажу», – и рассмеялась.

А он не знал, то ли ему смеяться, то ли плакать, молчал и кивал в ответ на всё, что говорила Настя.

Она исчезла так же быстро, как и появилась. Он вылил на себя шайку горячей, потом холодной воды, понял, что сил на мытьё больше не осталось, вышел в предбанник.

Баба Нюся приготовила чай, угощала старыми, не разломишь, сушками, видно, купленными по случаю в местном магазине или даже привезёнными из райцентра. Владимир с удовольствием пил чай и медленно приходил в себя.

Баба Нюся сказала:

«Я тебе постелила на койке. Иди, ложись, после бани-то, поди, разморило».

Он лёг на высокую с периной кровать, но понимал, что спать не сможет. Через некоторое время раздумий он догадался, что надо сделать: он скажет Насте, что женится на ней. Да! После того, что случилось, он обязан это сделать. Тем более что Настя очень привлекательна, и он готов её любить. Эти мысли его успокоили, и он стал ждать более глухого ночного часа.

Оказалось, что баба Нюся во сне сильно храпит, как пьяный мужик, и это было ему на руку. Он полежал ещё недолгое время и, бесшумно встав с кровати, выскользнул на улицу. По огороду шёл, невольно пригибаясь, но потом понял, что никто его в этот тёмный час не увидит, и он быстро перешагнул нарочно оставленную низкой изгородь, прошмыгнул в стайку. Там пахло коровой, которая шумно дышала, и навозом, слева за дверью была широкая, застеленная байковым одеялом, лежанка, на которую он и сел, а потом и прилёг.

Настя появилась бесшумно. Сразу навалилась на него, сунула руку под его рубаху, одновременно нацеловывая его в щёки и в губы.

Когда она от него отвалилась, легла рядом, он сказал:

«Я на тебе женюсь».

Настя расхохоталась во всё горло, но тут же зажала себе, а заодно и ему, рот.

«Ой, уморил! Как же ты женишься, если я давно замужняя?»

«Не знаю, разведёшься».

«Болтаешь, чё не следует. Не вздумай где проговориться, а то с тебя станет, а мне расхлёбывать. Ты знаешь, что я уж третий раз замужем? Вот то-то, что не знаешь! Я первый раз выскочила, когда мне пятнадцать лет было. Попался парнишка весёлый. Всё улыбался да на гармошке играл. Я и решила, что мы с ним так и будем всю жизнь весело жить. А он весёлый был оттого, что пил. Я совсем ещё душой была. Понесла от него, а бабы говорят: ты не вздумай рожать от такого, выродишь от пьяницы урода и будешь всю жизнь маяться. Вот я и сделала выживание. Ну, по-городскому, аборт. Только это в больницах так называют, а у нас бабки делают выживание. А парень мой весёлый долго не прожил, сгорел с вина... Второй раз я замуж вышла, когда мне семнадцать стало,

а новому мужу было тридцать пять. Позарился он на молодую. А человек оказался гадистый. Вздумал он меня бить. Из ревности. А и ревновать-то не к кому тогда было. Я не стерпела такого загальства и сбежала от него. Прямо зимой, в мороз. И прибежала я в шалашик к Мурок. Вот тогда я у неё целую зиму прожила... А тут болезнь навалилась на нас, споваль в деревне было больных. Мой тоже заболел да и помер от какой-то, говорили старые люди, огневушки, какой вся деревня, считай, переболела... А потом я и в третий раз замуж вышла. Ему сейчас пятьдесят два. Покладистый мужичок, сапоги бизоновые носит».

«Ты его любишь?»

«О господи! Какая любовь в наши-то годы? Считаться надо друг с другом, вот и всё. Он покуда считается, не дерётся, когда пьяный – сюда спать уходит. Мне и довольно. А вот детей у меня нет. Как сделала выживание от первого, так и нет. Ребёночка хочется, я всё-таки ещё молодая. Может, от тебя понесу? Ты такой молодой, не порченый, такой пригожий. Дал бы господь мне радости!»

Владимир весь повернулся к ней:

«И что?»

«Что – что?»

«Как же я?»

«А ты тут ни к чему. Это моё личное дело, понял? Моё личное! А если замужняя баба рожает, то, значит, муж виноват. И ты ничего такого в голову не бери! Тем более что ничего не будет, мне когда ещё фельдшер сказала... Завтра муж приезжает, и я тебя не вижу и не знаю, и здороваться со мной не вздумай! И сам с этим катером отваливай. Забудь про меня, как будто меня и не было».

Тут же опять прижалась к нему:

«Знаю, что не забудешь. Я же у тебя первая была!».

И он её не забыл. Уехал с тем же катером, всё пытался увидеть мужика в бизоновых сапогах, но не увидел, потому что больше высматривал Настю, а её не было, она не пришла на пристань встречать мужа. Во всяком случае, он её не увидел. И никогда больше не увидел и не встретил.

Все заметили, что с ним что-то произошло, но он ничего никому не объяснял, с излишним вдохновением пересказывал сказки Мурок и некоторые словечки, какие услышал от Насти.

И в следующие студенческие годы на него вдруг наваливалось воспоминание о Насте и мысли о том, что она на самом деле могла забеременеть и теперь родила от него ребёнка. Тогда он решил, что надо летом поехать в посёлок к Насте и всё выяснить. Но в экспедицию он больше не поехал, они отправились в соседнюю

область, а он откликнулся на комсомольский призыв и поехал в стройотряд.

Мысли о Насте не оставляли его долгие годы. Да что там годы, можно сказать, всю жизнь. Вот ведь встретил заочницу, чем-то напомнившую ему Настю, и полезли предположения, что, может быть, эта молодая женщина имеет какое-то отношение к Насте.

Наваждение.

А девочек он действительно стал избегать. Тут Настя ошиблась, он считал себя порченным, в том смысле, что уже знает, чего эти девочки могут желать. Пока не встретил свою Раису. Тростиночку.

9

«Инородное» в общем виде оказывается напрямую связанным с характерной для контрэстетики авангарда категорией «омерзительного» (как сопротивляющегося эстетической перцепции). Ему свойственны такие черты, как бесформенность, множественность и подвижность (символизирующие нарушение корреляции с «тождественным» как формообразующим началом). Эти черты отсылают к мифологеме хаоса и её философским приложениям («архе», материя и т. д.) и оказываются общими для ряда образов «иноного» у Левинаса и Бланшо.

Прямым выражением «инородного» как отверженного и исключённого оказываются для Батая «отбросы». Скотология имеет для Батая также и антропологический смысл: антропогенетический прогресс прямоотояния оказывается выражением «архитектурного» отвращения к «низу», но вместе с тем парадоксальным образом приводит к разрастанию «непристойностей животного вида»: именно в человеке реализует себя возможность чистого злоупотребления, связанная с игрой запрета и запретонарушения, и возвышение «человека-связки» представляет собой его головокружительное низвержение в пустоту».

Это я выписала цитату из автореферата кандидатской диссертации, который мне дала ваша аспирантка Катя Сурина. Не знаю, где это мне пригодится, но, наверное, я должна в каком-то месте рассказать о сюрреализме, который зародился во Франции, а в диссертации как раз идёт речь сразу о трёх французских мыслителях, которые (во всяком случае вот в этом отрывке из автореферата), на мой взгляд, очень выразительно характеризуют авангард в целом: когда они пишут об отбросах, о скотологии, разрастании непристойностей, особого отношения к «низу» и т. п. Если вспомнить, что солидной философской базой сюрреализ-

ма является фрейдизм, то многое объясняется, в том числе и в картинах Дельво.

Наверное, надо сказать, что сюрреализм проявился не только в живописи, но и в других видах искусства. В какой степени мне надо рассказывать о непосредственном предшественнике сюрреализма Аполлинере? Как известно, он считал, что поэзия может быть средством превращения повседневности в сверхдействительность, отсюда и идёт понятие сюрреализма.

Теперь снова о картинах Дельво. О тех, где он изображает голых женщин. Именно голых, это не классическая обнажённая натура, а просто голые женщины с некоторыми тщательно выписанными деталями, женскими признаками. Мне казалось, что это тоже одно из детских воспоминаний; мальчишки часто пытаются нарисовать либо голую женскую фигуру, либо какую-нибудь её часть. Вот и художник в зрелые годы вспомнил эти забавы. Также я считала, что эти женщины – память о его возлюбленной, с которой он был разлучён на долгие годы, но продолжал любить и не забывал.

Но, видимо, есть здесь и ещё что-то, мной не понятое. Вот картина «Красные банты», где единственной одеждой, прикрывающей только грудь, оказываются огромные красные банты. Красный бант появится и в картине «Лунные фазы – !». А в «Красных бантах» изображены три женщины: одна стоит доверчиво открытая взглядам, голая, с бантом на груди, другая сбросила бант, а третья уже накинула на себя погребальный саван. Конечно же, цель художника не просто написать голую женщину, но и пробудить мысль и чувство зрителя. Обнажённость женщин, видимо, доказательство их открытости, их готовности и желания любить и быть любимыми. Но в ответ они не получают никакого отклика. Это особенно ясно выражено в картине «Лунные фазы – !», где сидит голая женщина с красным бантом на груди, а рядом стоят двое мужчин, которые её не видят, а она, похоже, тоже их не видит. Все трое погружены в какой-то собственный мир, они не замечают начавшуюся разруху: опустевшая земля, валяются камни, как символ разрухи, а на втором плане юноша с дудочкой (это сюжет известной сказки) увлекает за собой голых женщин, он ведёт их к озеру, понятно, чем кончится не дальний этот поход. И в этих полотнах женщины у Дельво, не дождавшись ответного чувства или просто внимания, гибнут. Однако гибель женщин совпадает с гибелью, с разрушением, распадом мира.

Так я попыталась понять эти картины Дельво.

Перед самым отъездом я наткнулась на рецензию о произведении Ив Энцлер «Монологи вагины». Вот с чего начинается рецен-

зент: *«Скандалом это было давно – и не у нас. Свою пьесу о женском детородном органе американская писательница-феминистка впервые прочтала группе интересующихся в кафе-подвальчике на одной из нью-йоркских улиц ещё в 1996 году. Да, ахали, да, возмущались, да, краснели, да, призывали: «Смени название!». Но понятно же, что тем больше интриговало услышанное».*

Сегодня этот некогда шокирующий текст переведён уже на четыре десятка языков, спектакль идёт в сотне с лишним стран, а вслед за ним – в семидесяти шести странах – развернулось и целое движение «День V».

Не знаю, знакома ли эта Энцлер с картинами Дельво, но она увидела не всю женщину, а только один её признак. Эта часть тела и у Дельво прописана весьма натуралистически, но у него иная цель, он вещает о незащищённости женщины, её открытости, готовности к любви. У американской писательницы – это откровения «низа», о котором писали французские философы в цитированном мной автореферате.

«Мне гордо и радостно быть своей вагиной!» – восклицает одна из героинь спектакля. Похоже, в этом случае вполне обошлись без всякого сюрреализма. Рецензент приводит замечание из Интернета: *«Субкультура V», символически отождествившая женщину с её небольшой частью, «завершила начатое сексуальной революцией освобождение полового акта от всевозможных ритуальных и культурных посредников».*

Человечество понижается.

Нет, я не философ и к такого рода обобщениям не готова. И в то же время трудно не заметить, как скотология всё больше занимает места в современном искусстве, как подробно и любовно описывают современные писатели не только любовные забавы и утехы, но и самые примитивные отправления физиологических потребностей людей, убеждённые в том, что это очень интересно читать.

Неужели действительно жизнь человечества всё более становится безнравственной, бесстыдной? Хотя, как известно, мировое искусство всегда проявляло интерес к тому, что условно называют «низом», к эротике, очень откровенные эротические сюжеты сохранились и в живописи, и в поэзии. А ведь справедливо считается, что искусство – это то, что и выделяет человека из природного мира, отличает от животных, которые неспособны создавать художественные произведения; значит, на протяжении всей своей истории человечество ещё не преодолело плотской власти, плоть и плотские желания побеждают разумное и духовное? Я не нахожу ответа на эти вопросы.

И всё-таки то, что творится в современном искусстве, и то, о чём я намерена писать в своей курсовой, неизмеримо далеко от традиций русской (да только ли русской) истинной, высокой культуры!

Мне кажется, если бы Дельво знал наше сказание о деве Февронии, которая была обманута, но осталась верной данному обещанию и за то вознаграждена, он бы нашёл другой исход для своих женщин, гибнущих в этом надтреснутом мире.

Владимир Михайлович! Хочу вам написать несколько строк не по поводу курсовой. Конечно, я напишу работу о Дельво. Мне было интересно собирать сведения о сюрреализме, размышлять над картинами. Но какая безграничная пропасть отделяет всё это от нашей повседневной жизни! Для чего надо эту повседневность преодолевать, что и делает сюрреализм? Все ксерокопии, которые я привезла, мне приходится прятать от домашних, особенно от свекрови, которая изначально против моей заочной учёбы, и я бы ей никогда не смогла объяснить, что для того, чтобы получить высшее образование и потом преподавать в школе, я должна рассматривать и описывать картины, изображающие голых женщин. Не смогла бы я это толком объяснить и мужу. Это наша повседневность.

Муж сейчас на охоте. Я вам рассказывала: он профессиональный охотник и рыбак, окончил лесотехнический техникум, по специальности охотовед, ему очень нравится его профессия, считает её истинно мужской, работая, он одновременно получает удовольствие, поэтому вовсе не собирается ещё где-то учиться, чтобы иметь высшее образование. И вот нашей бабушке и не нравится, что я буду иметь высшее образование, а её сын только среднее, а по её мнению, муж должен во всём превосходить жену.

Правда, с собственным мужем у неё что-то не получилось, он сбежал от неё самым натуральным образом: поехал в город лечь глаза и не вернулся, сошёлся с лечившей его врачихой, воистину прозрел.

Я была бы готова нарушить традиционные недружественные отношения свекрови и невестки, но для этого необходимо и желание другой стороны, поэтому у нас так, как у всех, как всегда, типичная повседневность. И главным препятствием оказывается то, что свекровь уверена, что она очень умный человек, что в нашем посёлке умнее никого нет. До закрытия поселковой библиотеки она там работала: была и библиотекарем, и уборщицей, и сторожем. Теперь в этом помещении разместили опорный пункт милиции, очевидно, начальство считает, что милиция более эффективно будет стоять на страже общественной нравственно-

сти, чем библиотека. Книги передали школе, но, мне кажется, большая часть была просто расхищена, потеряна, поэтому и у свекрови осталось несколько книг, в том числе совсем старых, с оторванными обложками, с вырванными страницами, на древнерусском языке. Наша бабушка периодически их листает, что-то там вычитывает, когда ей кажется, что прочитанное имеет некое назидательное значение, то она подкладывает останки неизвестной книги ко мне на стол.

Сейчас уже ночь. Дети спят в комнате у бабушки, а я сижу за столом, горит настольная лампа. Очень люблю эти часы, а их случается так немного; вот я и разоткровенничалась, простите.

Ещё несколько слов. Вчера свекровь положила текст о граде Китеже и на полях отметила карандашной чёрточкой, чтобы потом стереть, следующие слова, цитирую так, как в тексте: *«...яко же святыи иоанн богослов во откровении книги своем написа о последнем времени глаголет, яко жена седя на звери седмиглавом нага и безстудна, в руках же своих держит чашу полну всякия скверны, и смрада исполнена, и подает в мире сущим любящим сея...»*.

Вот когда ещё определили, что зло несёт женщина, «нага и безстудна». Свекровкины намёки мне понятны, ну а человечество что ждёт? Может быть, на самом деле подступают времена, когда вместо мужчин и женщин выродится некое бесполое существо? И будет безгрешным?

Ещё раз простите, что расписалась не по делу. Анна.

Р. S. Сейчас мне вдруг пришла мысль, что бабушка положила мне этот текст после того, как всё-таки пошарила в моём столе и обнаружила репродукции с картин Дельво. Значит, придётся объясняться. Что же я смогу сказать, а?».

10

«Как хорошо на свете жить!»

Вот привязалась строчка из старой советской песни. Там ещё были такие слова: *«Сердце, как хорошо, что ты такое, спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!»*. Но у него в мозгу бесконечно повторялись только эти: как хорошо на свете жить!

И в какой-то момент он понял весь ужас этих слов, их издевательскую сущность по отношению к тем, кто уже не живёт, и ко всем остальным, кто ещё жив: как хорошо на свете жить, но это же временно, жизнь коротка, и у всех кончается неизбежной смертью. Как хорошо на свете жить! А вам больше уже не удастся пожить, изведать это удовольствие – осознание собственного существования, собственной жизни.

Людям редко приходят мысли и ощущение того, что они уже долго живут, зажились, пора бы и освободить место другим. Только уж если старческие хвори начинают одолевать человека, тогда он может спохватиться, что давно живёт, можно и остановиться. А чаще всего человек не чувствует, что он много прожил, и желание жить сохраняется практически в любом возрасте.

Но всё же бывают моменты, когда думающий человек вспомнит о своём возрасте и вдруг поймёт, что ему осталось совсем немного, и он испытывает испуг: ведь как хорошо на свете жить.

Недавно подумал о своём возрасте и Владимир Михайлович. Он разглядывал себя во время бритья в зеркале и стал понимать, что у него лицо, если говорить совершенно откровенно, старика. Шевелюра, правда, сохранилась густая, и пронизывающая её седина придаёт ей интеллигентную элегантность, и лицо, если не приглядываться, смотрится вполне свежо, но посмотрите попристальней и обнаружите, что оно всё в мелких морщинах, не оставляющих никакого сомнения о возрасте Владимира Михайловича.

Причиной была, конечно, заочница, которая теперь ему казалась не только очень красивой, но и большой умницей, так тонко и глубоко понимающей всю область его научных занятий, всё, над чем он размышлял всю свою жизнь, что он смог бы разговаривать с ней на самые сложные темы, как ни с кем другим, как никогда не смог бы говорить со своей Раисой. Он уверен, что Анна вполне бы поняла его фантазии о бессмертных культури-магинациях, о которых писал Голосовкер, или о новейших идеях концепта, о том тончайшем культурном слое, который невыразим вербально, но явственно ощутим, а без него нет смысла говорить о культуре.

Ещё ему бы хотелось передать Анне всю свою ненависть к слову «озвучить». Оно стало модным, его вставляют в устную и даже письменную речь, не думая. *«Президент озвучил своё решение...»* Как озвучил? С помощью барабана и трубы? Слушайте все и не говорите потом, что не слышали! Так, что ли? И теперь уже не общаются, не рассказывают, не высказывают, не выражают и т. п., а только озвучивают. Дошло до того, что в какой-нибудь рецензии можно прочесть, что в некоей монографии *«озвучены идеи...»*. Как в печатном тексте-то *«озвучить»*? Вихров даже написал об этом письмо в «Литературку», но, конечно, никакого ответа не получил.

А вот его заочница, он не сомневается, прекрасно бы его поняла. И что же? Допустим, он даёт себе волю и на самом деле влюбляется в Анну. Последняя любовь, последняя страсть! Он бы мог привести исторические примеры, они уж приходили ему в голову. Правда, тогда надо сделать и второе допущение, что и Анна от-

ветно полюбила его. И тогда обнаружит свою непреодолимость его возраст. И дело вовсе не в том, что он не сможет с молодой силой и страстью любить юную женщину. Главное будет в том, что у них, по сути, не будет будущего. Не так уж много ему осталось. В этом тоже проявление ужасающего смысла песенных слов: как хорошо на свете жить!..

В апреле, сразу после ледохода, они совершили первый выезд на дачу, точнее говоря, в родительский дом Раисы. Выслушивали доклад соседки, которая зимой приглядывала за домом, они отдали ей большую часть огорода, Владимир Михайлович топил печь, а Раиса делала первую, предварительную уборку: выставляла вторые рамы, их Владимир Михайлович должен был перенести с осторожностью в кладовку, мыла окна и полы. Потом, в другой раз, она будет белить и красить.

Она переделалась в лёгкий сарафан, повязала голову косынкой и стала походить на ту деревенскую девчонку, какой и выросла в этом доме, в этом селе, стала даже привлекательной, и Владимир Михайлович, который, ехидничая про себя, представлял, что его Раиса, как женщины Дельво, превращается в дерево, а говоря более конкретно, в доску, забывал об этом и с явным удовольствием поглядывал на оживлённую, помолодевшую жену.

Наводя порядок, Раиса одновременно не забывала о двух кастрюлях и сковороде, стоящих на растопленной печке, готовя что-то аппетитное к обеду. Это она тоже умела делать, хотя в городе явно отлынивала от жарений и варений. Теперь наступило время приятных ожиданий и счастливых надежд, потому что Вихров очень любил лето и всякий раз весной ждал его с нетерпеливым и радующим предчувствием.

А в обычные дни они с Раисой продолжали дискутировать. И чем больше его супруга защищала и превозносила существующие ныне порядки в стране, тем большую неприязнь к ним он начинал испытывать.

Раиса вдохновенно говорила о том, что она может всегда и везде высказать своё мнение по любому поводу. В том числе и критические замечания в адрес нынешнего правительства.

Он спокойно спрашивал: а зачем ей нужно такое высказывание и что оно ей даст?

Супруга с раздражением объясняла, что за это при советской власти её бы посадили.

Он отвечал, что и сегодня есть заключённые, не понравившиеся правительству или президенту.

Но чаще всего дискуссии сводились к вопросам продовольствия. Раиса попрекала мужа тем, что он в молодые годы мало

занимался добыванием продуктов, весь был погружён в свои научные занятия, в защиту двух диссертаций, в написание статей и монографий. Питанием занималась она, пока были живы родители, они хорошо помогали, потому что выращивали специально для них свинку, держали кур и гусей, не говоря уж о картошке и прочих овощах, коими они их полностью снабжали. А когда не стало родителей, то все заботы легли на её плечи, она заводила знакомства в продовольственных магазинах, на базаре, подлизывалась к директору рынка, к рубщику мяса и т. д. Зато теперь она без всяких хлопот и унижений, без очередей может зайти в любой продовольственный магазин, тем более в супермаркет, и купить всё, что требуется.

Владимир Михайлович отвечал, что в этих «суперах» продают супергадости, генетически модифицированные заграничные продукты, напичканные соей колбасы и мясные полуфабрикаты, а собственное сельское хозяйство в полном развале, страна потеряла продовольственную независимость. А сверх того, цены-то растут!

«Ты представь, что я ушёл на пенсию. Сможем ли мы с тобой прожить на эти жалкие гроши, которые будем получать от государства? Сама знаешь, что не сможем. Придётся переселяться в деревню, жить огородом».

Споры их разгорались особенно жарко после того, как Раиса посещала собрания своей партийной организации; тогда она приходила особенно агрессивной и начинала зло ругать давно свергнутую советскую власть, вспоминать государственную эксплуатацию простых советских тружеников, крепостную зависимость крестьян, преследование инакомыслящей интеллигенции и т. п.

И чем больше она ругала советскую власть, тем чаще Вихров вспоминал то доброе, что было при Советах, тем самым, вовсе не считая себя ярым сторонником социализма, он им становился. И всё чаще ему приходила мысль: как это глупо, что два старых супруга, проживших вместе целую жизнь, вдруг стали расходиться по политическим мотивам. Более естественным было бы, если бы он и на самом деле влюбился в молоденькую женщину и вовсе покинул свою политизированную жену.

Но первый выезд на дачу бывал у них всегда мирным.

Раиса пригласила его за стол. Угощала, как она объяснила, полевым супом, заправленным пшёнкой, картошкой и пережаренным на сале луком. А на второе – жареная картошка, любимое его блюдо.

После обеда он сходил на берег, посмотрел, какая могучая сила эта вздыбленная половодьем и полноводьем река, дохнувшая на

него мощью и великим пространством, по которому она катит свои желтоватые воды.

Потом он поставил раскладное кресло на крыльцо и весь предался тихому удовольствию спокойного сидения на весеннем солнышке, разглядыванию голубого неба, тёмных верхушек сосен близкого бора, где в своё время они будут собирать грибы и ягоды. Да, самое большое удовольствие – это думать, что впереди лето, длинное жаркое лето.

Как хорошо на свете жить!

В майские праздники Раиса совсем переселялась на дачу, белила и красила, а Владимиру Михайловичу надо было вскопать огород, на что уходило у него три дня; последним этапом было – под руководством Раисы сделать грядки для всякого мелкого овоща.

Учебный год продолжался, в мае он ещё читал лекции, вёл семинарские занятия, а там подкатывали зачёты, экзамены, защита курсовых, дипломных; он мог уезжать за город только в выходные дни и превращался в типичного дачного мужа. Накануне его приезда Раиса звонила по мобильнику и говорила, что он должен привезти, получался список; нагруженный сумками, отправлялся Вихров на автобус, зло ворча себе под нос на жену, сделавшую столько заказов. Но за городом его раздражение тотчас исчезало. Человек сугубо городской, он всё же любил деревенскую жизнь, реку, лес, чистую траву, вольный воздух, вобравший в себя ароматы ожившей природы. Даже комары были ему милы, напоминали не только о наступившем лете, но и о чём-то давнем, молодом. А в мае уже появлялись комары. Конечно, их было несоизмеримо меньше, чем когда-то на Севере, но всё же они были. Владимир Михайлович с удовольствием доставал старое кадило, как он называл консервную банку с пробитыми в боках дырками, складывал на дно немного бумаги и сухой травы, а сверху клал сосновые шишки и поджигал этот дымовой заряд; к банке была прицеплена проволока, за которую можно было кадило носить и помахивать им, как при церковной службе, душистый дым отпугивал комаров и всякий другой гнус. Если кадило сильно разгоралось, можно было сверху положить свежей травы, и тогда вновь шёл густой сладкий дым. Вот этой, по сути мальчишеской, забавой и развлекался с удовольствием Вихров, едва только появились первые кровососы.

А время подкатывало к летней сессии, должны были приехать заочники, значит, и Анна привезёт курсовую. Он заранее знал, что курсовая у неё будет отличной, и готовился сказать Анне добрые слова и, возможно, обсудить будущую работу над дипломной. Конечно, не обязательно на ту же самую тему, но всё же связанную

с эстетосферой культуры. И когда он думал об их скорой встрече, светлое предчувствие оживало под сердцем.

Как хорошо на свете жить!

11

В деканате ему передали курсовую Анны и сказали, что она просит её извинить, что не дождалась его, так как приехала на сессию вместе с двумя своими детьми, и Александр Фёдорович, который занимается на факультете общежитиями, пошёл устраивать ей с детьми жильё.

Вихров был крайне удивлён: почему с детьми? Лаборант Татьяна, девушка серьёзная, почти суровая, и немногословная, объяснила, что Анна сбежала от мужа. Как сбежала, почему сбежала?

«Он её бьёт», – ответила Татьяна.

«Бьёт? – переспросил Вихров и в удивлении добавил: – Как бьёт?»

«Ну, я не знаю, – отвечала Татьяна. – Руками, наверное. Кулаками».

«Кулаками? – почти бессмысленно повторил Вихров. – Да как же это? Разве это возможно?»

«Чему вы удивляетесь, Владимир Михайлович? Вполне обычное дело в семейной жизни. Бывают ведь случаи, когда жену действительно надо побить, чтобы она в ум вошла».

«Но Анна-то! Она не такая! Разве её нужно бить?.. И откуда вам это известно? Она сама рассказала?»

«Нет. Не сама. У неё есть земляки. И вроде как событие это получило огласку. Ну вот с детьми она и приехала. Она мало что нам говорила, но похоже, что сбежала от мужа».

«Невероятно! Представить себе не могу!»

«Владимир Михайлович, возьмите её курсовую», – напомнила Татьяна.

Он взял курсовую, пошёл к себе на кафедру, машинально стал листать работу, пытался её читать, но понял, что мысли у него заняты другим.

Ему представлялись ужасавшие его картины: здоровенный мужик, у которого кулаки, как кувалды, бьёт маленькую, изящную, хорошенькую Анну по голове, она падает, и он пинает её ногами. У него у самого произвольно сжимались кулаки, с каким бы удовольствием и силой вlepил бы он по роже этому громиле! Но надо же что-то делать! Нельзя же безнаказанным оставить такое поведение. Уж если Анна не выдержала и сбежала с детьми, то действительно жизнь её с мужем стала невыносимой. Что

делать, что делать? Конкретно ему, её научному руководителю, учителю? Что он должен и может сделать?

Из затянутых паутиной времени уголков памяти всплывало воспоминание о Насте, которую так напоминает его заочница Анна, не только внешне, голубыми глазами, темноволосой головкой, но, кажется теперь ему, и характером, натурой; вот ведь и Настя рассказывала, как сбежала от второго своего мужа, когда он стал драться, и, живя у Мурок, запомнила некоторые её сказки, в том числе ту, в которой молодая жена тоже убежала от мужниных побоев и превратилась в самку соболя. Ему легче было представить, что это не Анну, а Настю бил мужик в бизоновых сапогах, потому что узнал, что она изменяла ему с городским парнишкой, студентом. Она сама говорила, что у них все на виду, так что доложили её грозному старому властелину. Так эти воспоминания смешались с сегодняшним происшествием, что он начал ощущать себя чуть ли не виноватым, как был виноват перед мужем Насти.

Он вспомнил, что писала Анна по поводу фотографий с картин Дельво, будто свекровь добралась до этих картинок с голыми женщинами. Что ж, по-разному можно объяснить эти репродукции, особенно если не доверяешь человеку, подозреваешь его в способности к низменным поступкам. Да вот и сам он совсем недавно мысленно представил заочницу одной из героинь такой картины! Тогда голых женщин на полотнах старого художника можно воспринять и как намёк, как приглашение последовать примеру. Какая дурость! Но если ему пришли такие мысли, то почему бы им не прийти в голову, как он понял, не очень умной и злой женщины? Вполне возможно. Тогда он действительно виноват перед Анной. Так что же делать?

Прежде всего, конечно, надо повидаться с ней самой, расспросить. Может быть, пойти в общежитие? Но в какое? У них несколько общежитий. А в каком поселяются заочники во время сессий, он не знает. А может быть, их устраивают на частные квартиры по договорённости?

Тут ему пришла в голову мысль о том, что он может принять Анну с детьми у себя. Во-первых, в городской квартире. От этой мысли его на мгновение обдало жаром: Анна в его квартире, ходит, сидит за столом, принимает ванну, стелет постель. В конце концов, ему вовсе необязательно в это время тоже быть дома, он может уехать на дачу. Один вариант. А другой – поселить Анну с детьми, или только её детей, на даче. Надо позвонить Раисе, рассказать о случившемся, он уверен, она согласится. У них нет внуков и, может быть, его жене будет приятно повозиться с двумя маленькими, поухаживать за ними, похлопотать, покормить. Это

представлялось вполне реальным. О первом варианте тоже надо будет сказать Раисе, и, скорее всего, она быстрее согласится на второй вариант, всё-таки оставлять в городской квартире незнакомую женщину с двумя детьми ей покажется рискованным.

Итак, ему есть что предложить Анне. Надо решить, в какое общежитие идти.

Он отправился в деканат, чтобы узнать, где поселяют заочников, но тут пришёл Александр Фёдорович, молодой, симпатичный, в него влюблялись все студентки, старший преподаватель, который в свое время согласился взять на себя нелёгкую заботу по распределению мест в общежитии. Владимир Михайлович, стараясь не слишком выдавать своего волнения, спросил, что, мол, там случилось с его заочницей, почему пришлось устраивать не только её, но и её детей, и удалось ли выполнить эту, как он понимает, непростую задачу? Александр Фёдорович почему-то весело рассказывал, что у Анны муж в длительной командировке, а бабушка, с которой и оставались всегда дети, угодила в больницу, вот ей и пришлось приехать на сессию с детьми, но всё удалось устроить наилучшим образом: детей поместили в комнате коменданта общежития, женщины пожилой, но ещё очень крепкой и живой, которая даже с удовольствием взялась приглядывать за малышами. И надо заметить, что и дети очень спокойные и покладистые, остались с чужим человеком без всяких капризов.

Итак, Александр Фёдорович принёс новый вариант объяснения, почему заочница приехала на сессию с детьми. Наверное, так она сама говорила, её это устраивало, потому что истинная причина, о которой сказала Татьяна, обидна и унижительна, и, конечно, она её скрывает и будет скрывать, и неизвестно, каким образом это стало достоянием молвы. Значит, ему не следует заводить с Анной разговор на эту тему, чтобы её не обидеть, не доставить ей дополнительные неприятности. А он мысленно готовился к такому разговору, хотел произнести длинную речь, в которой бы всё объяснил, расставил по местам, помог бы Анне сделать правильные выводы и принять верное решение. Он чувствовал почти разочарование.

И помощь с его стороны в устройстве Анны с детьми на время сессии тоже отпала. Всё же он позвонил Раисе и, насколько это можно сделать по телефону, подробно объяснил ситуацию, конечно, сказал, что просто не с кем было оставить детей. Раиса слушала молча, не перебивая, спросила: а кроме него больше некому приютить детей? Он, уже сердясь, сказал, что нет. И она ответила: если положение безвыходное, то пусть привозит малышей, но заранее предупредит, когда именно привезёт их.

Они встретились на следующий день. Анна опять была в безукоризненно чистой блузке, приветливо ему улыбалась, а он с тревогой вглядывался в её лицо, будто хотел увидеть следы побоев или просто тяжёлых переживаний, а она ему улыбалась, но всё же он заметил, что лицо у неё осунулось, и под глазами тёмные круги, возможно, она плохо спала или вообще не спит по ночам от невесёлых дум и забот о детях.

Владимир Михайлович заторопился заговорить о курсовой. Он её успел прочитать, хотя не столь тщательно и дотошно, как делал это раньше, с карандашом в руке, но, тем не менее, вполне уверенно оценил работу на «отлично», о чём и сообщил Анне. Она была довольна, призналась, что не была уверена в своих рассуждениях о сюрреализме и конкретных картинах, потому что всё-таки ей понятней и ближе реализм, говоря более определённо, русский реализм в живописи. Потом они поговорили о возможности писать под руководством Вихрова дипломную работу, только Анне хотелось бы выйти за пределы какого-либо направления в искусстве, а может быть, попытаться проследить логику возникновения и смены разных художественных направлений и течений хотя бы в пределах двадцатого века. Он про себя усмехнулся грандиозности замысла Немовой, но не стал её разочаровывать, заметил лишь, что успех будет зависеть от того, сумеют ли они найти убедительную культурологическую позицию, культурологический аспект темы.

А потом всё-таки обратился к тому, что его волновало:

«Мне сказали, что вы приехали вместе с двумя детьми?».

«Да. Так получилось».

«Я хочу сказать, что если у вас есть затруднения в связи с этим обстоятельством, то я мог бы, вернее, мы с женой, я уж говорил с ней об этом, принять ваших парней у себя. Можно на городской квартире, или увезти их к нам на дачу, на свежий воздух...»

Анна улыбнулась.

«Спасибо, Владимир Михайлович! Мои парнишки устроены вполне нормально. На дачу им не стоит выезжать, они круглый год у нас дома на свежем воздухе, а в городе им веселее в общечитии, у коменданта, она очень добрая женщина. Там есть спортплощадка, студенты играют в волейбол, баскетбол, есть место для детей, не у меня одной дети, так что им там весело, и я спокойна».

«Во всяком случае, имейте в виду, что я готов помочь, если будет нужда. Мне сказали, что ваш муж уехал в командировку, а бабушка угодила в больницу?»

Немова улыбнулась вовсе не весело.

«Хорошо, что вам именно так сказали. Муж действительно уехал на совещание охотоведов в Колпашево, а бабушка, бабушка вполне здорова... Владимир Михайлович, ведь вы же знаете истинную причину?»

Вихров молча кивнул.

«Наша бабушка постаралась, чтобы это событие получило огласку. Она считает, что сын её наконец-то проявил настоящий мужской характер. А Андрей... Он слабохарактерный, поддается маминому внушению... Когда-то мы с ним вместе ездили в Москву, смотрели «Лебединое озеро». Он тогда уже учился в техникуме, но его отец, он ещё не ушёл от них, был директором школы и отправил его вместе с нами, десятиклассниками. И на наши собственные лебединые озёра мы тоже с ним путешествовали. Вполне романтичный был парень, очень живой, как у нас говорят, крутящий. Наверное, на этих лебединых озёрах мы и полюбили друг друга, – волнуясь, она стала употреблять привычные, местного происхождения, словечки. – Я знаю, догадываюсь, что позаочью говорят люди. Мне стыдно. Если бы вы знали, как мне стыдно!»

У неё навернулись слёзы, да и Вихров почувствовал некое стеснение в горле.

«Мне кажется, Аня, вы справитесь», – выдавил он из себя первые пришедшие в голову слова.

«Справлюсь. Но этому нужно положить конец. Так уже было, и я думала, что во имя детей надо терпеть и прощать, а теперь понимаю, что во имя детей как раз и надо это прекратить...»

«Скажите, – Вихрову вдруг пришла неожиданная мысль, – а фотографии с картин Дельво никакой зловещей роли не сыграли?»

«Зловещей роли не сыграли, но, тем не менее, были помянуты. Как подтверждение моей распушенности и возможного легкомысленного поведения в городе».

«Я предполагал, что так могло быть. Но тут уже действует невежество, с которым трудно бороться. Но я думаю, если муж вас любит, любит детей, то он должен приехать и просить у вас прощения».

«Так тоже было. Хотя, конечно, он, может быть, и любит меня, несомненно привязан к малышам. Но так уже было...»

«Мне бы хотелось с ним поговорить. Я бы нашёл необходимые слова и объяснил ему...»

«Спасибо, Владимир Михайлович! Говорить вам с ним, скорее всего, не придётся, но мне становится спокойней, зная, что есть и у меня союзники».

«А у вас там, на Севере, есть ещё родственники?»

«Нет никого. Мои родители погибли вместе. Утонули. Перевернулась лодка с мотором. Весной, в ледоход. Жила с бабушкой, папиной матерью. Она недавно умерла. Сказала: вот я тебя дорастила до замужества и передаю с рук на руки Андрею, пусть теперь он о тебе заботится. Андрей ей нравился...»

Вихрову опять пришли свои особенные мысли, и он спросил:

«А как звали вашу бабушку?»

«Татьяна. Татьяна Евлампиевна.»

«Я спрашиваю не из праздного любопытства. Вы мне очень напоминаете одну молодую женщину, с которой у меня была встреча в юности, в студенчестве. И вот мне вдруг начинает казаться, что вы действительно имеете какое-то отношение к ней. К примеру, она могла бы быть вашей бабушкой.»

«А как её звали?»

«Настя. К сожалению, ни фамилии, ни отчества её не знаю.»

«А всё-таки помните. У нас есть баба Настя. Но она мне не родня. И потом, она совсем-совсем старенькая. Живёт одна. Её муж, как рассказывают, был сильно старше её и прожил больше ста лет.»

«А дети у неё есть? Или внуки?»

«Кажется, у неё есть то ли внук, то ли сын, но живёт далеко, даже не в Сибири. Я слышала, что местные его осуждают: бросил старуху одну и ничем не поможет, а она уж не в силах и огород содержать.»

«Скажите, Аня, а имя Мурок вы никогда не слышали у себя в селе от кого-нибудь?»

«Мурок? Кажется, кто-то поминал это имя. Она была эвенкийка?»

«Скорее всего. Сказочница. Некоторые её сказки мне рассказывала Настя. Вы знаете, мы были знакомы с Настей, наверное, меньше суток. Полдня и одну ночь...»

И он вдруг признался, что это была особенная ночь, воистину ночь любви, что он решил даже, что женится на Насте, а она его подняла на смех, объяснила, что уже трижды была замужем и теперь замужняя, а утром даже не пришла к прибывающему катеру, на котором должен был прибыть её муж и отплыть он, Владимир; и он до сих пор не знает, как этот факт истолковать.

О, как это было далеко и необычно для беседы профессора со студенткой-заочницей, но Анна будто открыла в его скрытом мире какие-то дверцы, и он с охотой и полной открытостью пустился в столь давние воспоминания, о которых никогда и ни с кем не говорил. Даже с матерью, с которой был предельно откры-

венен вплоть до студенческих лет. И пока он признавался в своём юном грехе, ему стало казаться, что Анна действительно старше его по возрасту и умудрённей опытом жизни.

А заочница смотрела на него внимательно и поощряюще. Когда он, не без смущения, умолк, она сказала:

«Мне как-то хорошо было вас слушать. Вы так откровенны. Я в последнее время разочаровалась в людях. Я понимаю, почему, но я разочаровалась не в своих близких, обидевших меня, а вообще во всех людях. Сохранилось ли ещё хоть что-то истинно человеческое, может быть, следует сказать, божеское у наших современников? Или так было всегда? Тогда полная безнадёга... И вдруг вы рассказываете о том, что до сих пор помните одну отчаянную молодуху, которая одарила вас своей любовью. Я знаю такие характеры, знакома с такими женщинами, и вовсе не все они просто распущенные или развратные. Нет! Им недостало любви, о какой они мечтали. Поэтому вы о своей Насте не думайте плохо. Да я понимаю, вы так и не думаете, а главное, что думаете о ней спустя столько лет! Может быть, и она вспоминала вас всю свою оставшуюся жизнь. Она и катер провожать-встречать не пришла, потому что боялась выдать свои чувства, увидев вас, уезжающего от неё навсегда. Она же понимала, что это навсегда. Не думаю, что это была наша баба Настя, но я у неё спрошу. Можно?»

«Спросите, конечно».

«Хочу сказать ещё раз, что мне нравится эта история. Не знаю, но нравится. И немного расслабляет моё разочарование...»

«Рад, что несколько развеял ваше настроение. Простите меня за излишнюю откровенность. И каков ваш теперь план?»

«Закреть сессию. Я зимой хорошо сдавала, теперь у меня только два экзамена. За пятёрками я уже не гонюсь. А потом поеду с Ирой Черновой к ней в гости, на станцию Черепаново. У неё уже старенькие родители, поздний ребёнок, у них большой собственный дом с усадьбой, с огородом, с садом, где яблоки вызревают. Ира же, похоже, настроилась быть старой девой, а ребятишек любит, поэтому и работает в местном детском садике. Так что мне с моими мальчиками там будут устроены самые прекрасные условия. Я у них уже была. На первом курсе. Я ведь поступала на очное отделение. Думала, буду учиться в городе, а муж жить на Севере, будем приезжать друг к другу. Совершенная дурочка была. Но родился первый сынуля, взяла академотпуск, не успела его подрастить, тут и второй появился на свет, перевелась на заочное. Так что мой план – поехать в Черепаново. Это узловая станция, там идут поезда из Средней Азии, целые эшелоны с фруктами, аромат разносится на многие километры, яблоки, груши, арбузы, дыни,

гранаты продают прямо из вагонов по недорогой цене. А я представляю, как вечером уложу парнишек спать, пойду на станцию и где-нибудь там постою, посмотрю на приходящие и проходящие поезда, на электрички, на перрон, то пустой, то вдруг вскипающий торопливой толпой. У нас на Севере железнодорожных вокзалов нет. Вы, Владимир Михайлович, кажется, признавались, что тоже равнодушны к вокзалам? Поэтому понимаете, о чём я тут размечталась...»

Да, он тоже был равнодушен к вокзалам, и он хорошо понимал, о чём ему рассказывала его заочница Анна Немова...

13

Странное состояние испытывал Вихров после разговора с Анной, казалось, что теперь он сам перед ней разоблачился, оголился, отчего было неловко, даже стыдно, но одновременно желанно, у него временами путались, смешивались Анна и та юношеская Настя, ему начинало казаться, что он и в самом деле уже был близок с этой хорошенькой заочницей, и тогда испытывал чувство вины перед Раисой.

Раиса опять была в лёгком сарафане, с голубой косынкой на голове, скрывавшей её явно не женскую причёску, раздумывавшаяся, потому что только что полола грядки на их невеликом огороде, а теперь кормила его обедом. И расспрашивала о заочнице. За что её бил муж? Заметны ли следы побоев? Как зовут её мальчиков? Как ей удалось сбежать из семьи? Что она намерена делать дальше, как жить? Вернётся ли она к мужу?

Владимир Михайлович понимал, что вовсе не на все вопросы супруги может ответить, и это его приводило в смущение, потому что он считал, что вполне вмешался в события и готов быть заступником Анны, а на самом деле не знает многих важных подробностей. Отвечал по мере своей осведомлённости.

К вечеру загудели комары и активизировалась мошка. Владимир Михайлович с удовольствием извлёк из-под крыльца свой дымокур, запалил его, придавил свежей травой и стал ходить за спящей по двору Раисой, как поп с кадилом.

А сам между тем философствовал о том, что мало меняется человек и меняются человеческие отношения, что ещё в самых старых литературных памятниках, как было зафиксировано неприятие снохи и невестки, так и теперь это осталось непреодоленным барьером в большинстве семей, что слабохарактерные люди часто становятся особенно жестокими. Что нынешняя провозглашённая свобода пробудила в людях вовсе не самые лучшие

качества, а, наоборот, самые древние, дикие инстинкты, характерные для законов джунглей.

Раиса слабо пыталась заметить, что тоталитаризм тоже не самое лучшее общественное устройство, и он способствовал рождению очень несимпатичных человеческих типов.

Но, кажется, мысли её были далеки от того, о чём они заговорили.

Вихров поглядывал на свою жену, думал, что жизнь, по сути, кончается, и большая её часть прожита вот с этой женщиной, которую он когда-то назвал своей тростиночкой и испытал желание защитить её от неведомых, но буйных ветров; он и защищал, и теперь не даст её в обиду, только вот обиду-то может нанести он сам.

Он уселся в своё любимое кресло на крыльце дома, в ногах стоял самодельный дымокур, вполне успешно отпугивавший комаров и мошек, а сверх того доносивший такой густой смолистый и сенокосный запах, что Вихров вдыхал его с наслаждением.

Из комнаты донёсся встревоженный и громкий голос Раисы, она говорила по мобильнику с дочерью. Владимир Михайлович догадался, как только услышал, к кому она обращается:

«Надя! Надюша! Ты здорова? Ты давно не звонила и не пишешь. Я беспокоюсь. Как у тебя дела с Виктором? Всё в порядке?.. Ну мало ли что может случиться между мужем и женой!.. А с Клавдией Ивановной всё тоже хорошо?».

Это она уже о свекрови спрашивает, понимал Вихров, и невольно улыбался, испугалась, не обижают ли и её дочку, как обидели заочницу Немову. В конце концов, это важней любых политических пристрастий.

Вихров думал, что его заочница пробудет в городе ещё три-четыре дня, и он непременно с ней увидится и поговорит не так, как вчера, когда перед ней исповедовался, хотя, скорее всего, ей самой хотелось бы выговориться перед старым учителем, к которому она явно питала доверие, достаточно вспомнить её последнее письмо, в котором прорвалось много личного, вплоть до отношений со свекровью; он же вёл себя как последний эгоист, облегчил свою душу воспоминаниями и остался доволен, а на самые простые вопросы Раисы о случившемся с Анной ответить не смог, это надо исправить.

Потом он подумал, что учебный год ещё не кончился, и, значит, впереди его возлюбленное лето с жарой, с купанием в Оби, походами в бор по ягоды, по грибы, с комарами, от которых он так ловко научился смолоду защищаться и теперь посиживает вечером на крыльчке, вдыхая ароматный дымок...

«Дорогой Юл!

Ещё раз спасибо Вам за Поля Дельво! Я предложил написать о нём, используя присланные Вами материалы, своей заочнице; она справилась отлично и сдала мне превосходную работу. Ей удалось дать такое объяснение известным картинам Дельво, что я только удивлялся, потому что моё восприятие было другим. Может быть, все эти «сюры» и прочие «измы» ближе и понятней молодому поколению? Нет, нет, не думайте, что Вам уже удалось меня совертнуть, и я готов принять разнообразные формы авангардизма как истинно великое современное искусство. Нет! Я просто продолжаю искать в сознании людей истоки этих направлений в искусстве, а может быть, и не только в искусстве. Всякие духовные, нравственные надломы уже случались у человечества, и именно искусство помогало людям восстановить утраченную гармонию, потому что искусство и есть воплощённая гармония, идеал гармонии. Во всяком случае, в моём представлении оно должно быть таким. Поэтому моя главная претензия к разнообразным проявлениям авангардизма в том, что они разрушают гармонию и тем самым поощряют разрушение человека.

Но вот моя заочница нашла вполне приемлемое с позиций здравого смысла объяснение большинства сюжетов картин Дельво. Её, конечно же, более всего тронули вокзалы с одинокими женщинами на перроне, она уловила трагедию женщины в современном мире и тот прискорбный факт, что от мужчин им помощи не дожидаться. Может быть, этого и достаточно? Но ведь перед нами сюрреализм, который не истолкуешь с позиций здравого смысла, поэтому все рассуждения моей заочницы – это лишь уловленная поверхность смысла, а не его глубина, и Вам бы они показались весьма примитивными. А на мой взгляд, её рассуждения спасают сюрреализм, возвращая ему понятный общечеловеческий смысл.

Этот факт подтверждается неожиданным пересечением событий жизни моей студентки с темами разбираемых ею картин.

Но, боже мой, как это всё-таки далеко от нашей реальной жизни!

Вы там, в своём Мюнхене, живёте будто на другой планете. Я представляю себе великолепие старинной архитектуры, величие готических храмов, почти не прекращающиеся выставки современного изобразительного искусства, которые непременно посещают уважающие себя бюргеры, ваши великолепные октоберфесты, баварское пиво, сосиски, колбасы, наличие свободно-

го времени, когда всем этим можно насладиться, налюбоваться и даже попробовать на вкус.

Нет, не хочу прибедняться, у нас тоже есть чем полюбоваться, хотя бы и в нашем сибирском провинциальном городке, и с продуктами у нас сейчас нет особых проблем, если не считать, что они многим беднякам просто недоступны. Но дело не в этом. Материальное благополучие никогда не считалось на Руси достаточным основанием для счастья.

Вот почему и моя заочница закончила свою работу личным письмом ко мне, в котором тоже сказала, что такое искусство очень далеко от нашей реальности, от наших духовных забот. Меня это очень радует, может быть, даже больше, чем сама её работа, потому что у нас сегодня в искусстве тоже появилось множество фокусников и, чаще всего, бездарных экспериментаторов, которые ради привлечения публики готовы выставить напоказ не только голую задницу, но и то, что она периодически производит.

Конечно, до такой мерзости сюрреализм, в пределах моей осведомлённости, не доходит, но открывает путь бесстыдникам, снимая всякие запреты, отвергая каноны, правила и всё добытое в истории искусства.

И всё-таки, дорогой Юл, спасибо за Дельво! В конце концов, я со своей студенткой и на себя посмотрел с непривычной точки зрения.

Хотелось бы ещё хоть разок повстречаться с Вами в Мюнхене, а может быть, вы бы попросили командировку к нам? У нас в университетской библиотеке есть уникальные собрания немецких авторов начиная с семнадцатого века. А в художественном музее есть картины наших доморощенных авангардистов, которые с начала прошлого века всё пытаются навязаться нашему менталитету, а он их не принимает... Не буду повторяться.

Ваш Вихров».

Леонид Андреевич ГАРТУНГ

(1919–1994)

Писатель, педагог. Родился 13 мая 1919 года в Самаре, в семье военврача. Окончил исторический факультет Саратовского университета (1941). Работал в университетской многотиражке и в областной молодёжной газете. Осенью 1941 вместе с другими немцами Поволжья был переселён вместе с матерью и женой в Сибирь, в Томск. Работал столяром, плотником. Только в 1944-м получил возможность работать в школе. С 1950 жил в селе Калтай Томской области, 25 лет преподавал историю и физику в восьмилетней школе. Получил звание «Отличник народного образования».

В 1957 начал работу над первой повестью. В Томске вышли его книги – «Трудная весна» (1961), «Зори не гаснут» (1962), «Окно в сад» (1963). В Новосибирске опубликованы повести «Порог» (1968), «Завтра ты войдёшь в класс: Записки сельского учителя» (1972), «Повести и рассказы» (1979), «Нельзя забывать» (1985), «Был такой случай» (1988) и другие. В 1963 стал членом Союза писателей РСФСР.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДВОЙКИ

Прямо не знаю, с чего начать. В субботу, как только я вернулся из школы, мама поймала меня за рукав:

– У тебя на понедельник много уроков?

Этот вопрос меня смутил.

– Уроков? Нет. Сочинение...

– Всё-таки дотянул до последнего?

– Так получилось, то контрольная по физике, то...

– Это твоё дело, – сухо прервала меня мама, – но, будь добр, распредели своё время так, чтобы в воскресенье мы могли пойти к фотографу.

Я промолчал, хотя у меня были совсем другие планы. Если мама употребляет выражение «будь добр», то, значит, у неё то самое настроение, когда возражать бесполезно.

Но тут надо пояснить, зачем к фотографу. Тётя Кланя, мамина сестра, который уж год зовёт нас к себе в гости. И каждое лето мы собираемся к ней в деревню. Всей семьёй. Насколько помню, мы собирались всегда. Собирались ещё тогда, когда Женьки не было, а теперь ей пятый год. Нам всегда что-нибудь мешало. Наконец тётя Кланя потеряла надежду увидеть нас у себя и попросила прислать хотя бы фотографию. Это куда проще, но оказалось, что и тут неожиданные препятствия. Сначала у Женьки под носом месяца два сидела какая-то зловредная болячка. Потом что-то происходило у папы с мамой. Напрасно я голову ломал, чтобы понять, что же всё-таки случилось. Разве поймёшь этих взрослых? До тех пор я никогда не видел, чтобы мама плакала. У неё такой твёрдый характер. А тут два раза замечал на её глазах слёзы. А папа несколько дней сидел в своей комнате за книгами. А потом всё прошло, и оба опять стали весёлыми. Папа шутил, смешил и всё-всё делал. Мама возражала: «Я сама. Я сама», – но он всё-таки и за хлебом ходил, и лазил на чердак развешивать бельё, и вычистил ванну специальным порошком, и она стала белой, как снег. Вот почему я догадываюсь, что виноват был папа.

Теперь надо сказать о нашей семье и кто такой Серёжка Сакулин. Мама у меня радиомонтажница. Папа – слесарь-наладчик. Но папа не только работает, но и учится в политехническом институте. Заочно. Поэтому мама выделила ему для занятий отдельную комнату. А о себе что сказать? Особенно похвастать нечем. Учусь не плохо и не хорошо, но со следующей четверти решил взяться как следует. Иногда получаю пятёрки. Чаще – четвёрки. Ещё чаще – тройки. А изредка перепадают и двойки. От них, к сожалению, никто не застрахован. На двойки у мамы удивительный нюх.

Только я вернусь из школы, бросит на меня один-единственный взгляд и сразу определит:

– Опять схватил?

Терпеть не могу это «опять», как будто двоек у меня навалом.

Последнюю пару мне поставил Павел Александрович за сочинение «Почему я дружу с...». Вместо многоточия надо было, как он пояснил, поставить имя и фамилию «реального лица».

Реальным лицом я взял Серёжку Сакулина. Оба мы живём в одном доме, оба на пятом этаже, и наши двери выходят на одну площадку. И учимся в одной школе, и он, и я в шестом классе. Только он – в «Б», а я – в «А».

Серёжка мой друг. Вернее, бывший. Отчего он стал бывшим, это я расскажу потом. Он каждое утро бывал у меня. А я к ним ходил редко из-за Тоськи. Мне не нравятся её насмешки. Только я позвоню, она, открывая дверь, окликает брата:

– Серёжа, к тебе молодой человек.

И изо всех сил старается казаться взрослой. Когда она приходит к нам позвонить по телефону, то, набрав номер, тянет нараспев:

– Алле! Это ты, старик?

Старика этого я знаю – он учится вместе с нею в 9 «Б».

Носит она расклешённые брюки с бахромой. А походочка! Фу-ты ну-ты – не подступись! Красит ресницы и веки. И совсем ей это не идёт. Она и без того красивая. Но я не присматриваюсь. Ещё подумает, что влюбился. Когда родителей нет дома, курит сигареты. И мне предлагала, а я не курю и никогда курить не буду. У меня мечта: прожить не менее восьмидесяти лет, а если повезёт, и все сто. Каждое утро мы с папой занимаемся гимнастикой, а по воскресеньям я бегаю на лыжах – до Потаповых лужков и обратно. Славная разминочка.

Да, большая у Серёжки сестра. А наша Женька, по-моему, ни сколько не растёт. Всё такая же – маленькая, конопатенькая и, чуть что, кричит:

– Мама, Юлка опять делётся!

Юлка – это я. Р она не выговаривает.

Жаловаться любит, а на себя бы посмотрела. Настоящий чёрт в юбке. Что правда, то правда. В будни ещё ничего. Её уводят в детский сад, и там она за день выдыхается, а по воскресеньям, как бабушка говорит, «хоть святых выноси». Что Женька выделяет – даже мне, мальчишке, удивительно!

Обычно Серёжка брал учебники и приходил ко мне. А когда домашняя задача попадалась трудная, поминутно звонил телефон, и я объяснял ребятам, как решать. При этом Серёжка вздыхал с завистью:

– Тебе что не решать... У тебя мама работает на заводе математических машин.

Вот уж нашёл чем упрекнуть. При чём тут математические машины? Я и не видел ни одной. И мама – хоть на математическом заводе, всю математику забыла. Папа – другое дело. Он разбирается, но его я никогда не прошу помочь. Просто я люблю решать. Это для меня одно удовольствие.

Хуже дело обстоит с сочинениями. Павел Александрович учит нас писать сначала на черновик. Даже фотографию рукописей Пушкина показывал. Оказывается, у великого поэта всё черкано и перечеркано. Я тоже пробовал, но ничего из этого не получилось. Зачеркнёшь какое-нибудь слово, потом сидишь, думаешь-думаешь, да опять его же и напишешь. Так зачем, спрашивается, зачёркивал?

Во-вторых, Павел Александрович требует сначала составлять план – это ещё труднее, но тут я исхитрился, как делать. Здорово получается и совсем не трудно.

Ещё Павел Александрович пояснил: если мальчик дружит с девочкой, то и про это можно писать. Стесняться не надо. Вот это уже ни к чему – у нас в 6 «А» этого не было и не будет. Ещё чего не хватало – с девчонками дружить. Как будто мальчишек не хватает!

Павел Александрович работает первый год, но учитель что надо! Мы его любим за справедливость и за то, что у него самого голова варит. И рассказывает всегда что-нибудь новое. Вот про Гайдара, например, как Аркадий Петрович ходил на разведку в Киев узнать, занят он там или нет. И в последнюю минуту жизни он думал о спасении товарищей и предупредил их об опасности.

И вместе с тем Павел Александрович требует здорово. Требует, но не нудит и не распекает. Сказал, что надо, коротко и ясно, и точка. Не то что Нина Максимовна. Та как заведёт, остановиться не может. Костю Зотова на классном собрании так песочила, что он, бедняга, икать стал, остановиться не мог. Нина Максимовна даже испугалась, и сама за водой бегала...

Задавая последнее сочинение, Павел Александрович нам посоветовал: не разменивайтесь на мелочи! Постарайтесь схватить характер вашего друга! Вот я и схватывал весь субботний вечер, даже телевизор не смотрел. Работал. А Женька, как могла, мне мешала. Я занимался в папином кабинете, за столом, а Женька из-за портьеры стреляла мне в затылок горохом. Из детского пистолета. Из того самого, который я купил ей на день рождения. Купил, дурак, на свою голову! А когда я отобрал пистолет, Женька облила меня водой из детской клизмочки. И ведь попробуй – тронь её! Нельзя... Ребёнок!..

Но сочинение я написал. Папа прочёл, даже по коленке меня хлопнул:

– Здорово. Прямо как у Льва Толстого.

Но я и сам чувствовал, что здорово.

А в воскресенье, после завтрака, меня отправили в парикмахерскую. Там была большая очередь, и я попал домой только к обеду. Да ещё в глаз мне набрызгали одеколон. Шёл и на один глаз плакал... Впрочем, это ещё что. Пашка Дриго из нашего класса попал однажды к ученице. Она стригла его, стригла, чуть не полдня, всё старалась как лучше, а потом говорит: «Нет, ничего не получается». Взяла машинку и сняла наголо всё, что осталось. Да с расстройства ещё цветок на него уронила с высокой этажерки. Но, надо сказать, денег она не взяла, но это слабое утешение. Вот почему я теперь опасаясь ходить в парикмахерскую.

Остриженный и наодеколоненный, я благополучно вернулся домой. Мама слегка посердилась, что я долго ходил, и отправила меня обратно на улицу:

– Не стой над душой. Жди нас во дворе. Мы сейчас.

«Мы сейчас», – это только так говорится. Что касается папы, так он, правда, раз-два – и готов. А вот женщины... Женьку одеть – целое происшествие. Из вредности она падает на пол и дрыгает ногами. А когда папа выведет зарёванную Женьку, мы втроём ещё целый час будем ждать маму. Ей всегда «нечего надеть», поэтому она примеряет то одно, то другое, а потом начнёт искать свою парадную брошку с красными камушками, которую Женька давно приколола на платье своей кукле Ниночке.

С такими мыслями я снова вышел на улицу и тут увидел Серёжку. В руках он держал пихло, но ничего им не расчищал, а стоял с мокрым, обиженным лицом, обсыпанный снегом и, судя по всему, собирался заплакать. Шагах в десяти от него стоял длинный незнакомый мальчишка. Картина была ясна.

– Это он тебя?

Серёжка кивнул.

– Ты чего задираешься? – крикнул я длинному. Он сощурил глаза, как кошка, и кинул в меня снежком. Я успел нагнуться, и снаряд попал Серёжке в лоб. Вот невезучий!

Тогда я скомандовал:

– Прицел ноль семь! Одиночными пли!

И мы так дружно атаковали противника, что обратили его в бегство. Удирал – только пятки сверкали, а мы преследовали. Завернул за угол. Мы тоже. И вдруг их оказалось трое.

То ли они шли нам навстречу, то ли ждали длинного за углом. На бегу я крикнул:

– Серёжка, не тушуйся!

Двое против троих – не так уж плохо. Неужели же отступить без боя?

Вражеский снежок сбил шапку. Я наклонился поднять её, но не успел. Они налетели на меня все сразу. Получилась не игра, а обыкновенная драка.

– Серёжка, заходи с тыла, – звал я друга, но он куда-то исчез. Одному мне пришлось ой как туго. Удары сыпались на меня как град. Всё же длинного я сбил с ног хорошим ударом, но те двое повалили меня.

В этот миг чья-то сильная рука схватила меня за шиворот и приподняла.

– Что здесь происходит? – услышал я громкий голос.

Обернулся и увидел дружинника. Он был без красной повязки, но я знал его в лицо. Раза два он встречался мне у кассы детского кино. Я вспомнил даже, что он работает на том же заводе, что и папа.

Дружинник поставил меня на ноги и спросил:

– Где твоя шапка?

– Тут где-то.

Пока мы искали шапку, я огляделся. Ни моих врагов, ни моего друга нигде не было. В конце концов шапку, затоптанную в снег, мы нашли, а вот правая рукавичка так и потерялась.

– Ты не плачь, – подбодрил меня дружинник.

Но я не собирался плакать, а только делал несчастный вид, чтобы он не вздумал вести меня в детскую комнату милиции.

– Дяденька, – взмолился я. – Мне вот так домой надо...

– Беги-беги, – милостиво разрешил он.

И я побежал. Сгоряча я ещё торопился в фотографию.

Когда я прибежал к нашему дому, папа, мама и Женька уже стояли у ворот. Сегодня они управились удивительно быстро.

– Вот он, пропадающий, – обрадовался папа. – Мы за...

Он, видимо, собирался сказать «заждались», но внезапно умолк на полуслове.

– Разве ты... – начала было распекать меня мама, но, подняв глаза, осталась с открытым ртом. Так я никогда и не узнаю, что она хотела сказать. Но Женьке мой вид доставил неподдельную радость. Она захлопала в ладоши и закричала:

– Ага, вот и у тебя теперь болячка под носом.

Короче, мы печально и неторопливо отправились домой, так как для фотографии я был уже непригоден.

Должно быть, мамы всегда всё преувеличивают, а моя в особенности. Она считала, что меня чуть не убили, и даже хотела по-

звонить в милицию. Хорошо, папа её отговорил. В ход пошла домашняя медицина. Из носа у меня немного капала кровь. Поэтому в каждую ноздрю мама запихала по большущему куску ваты. От этого мой нос увеличил свой объём вдвое. К шишке на лбу мама приложила стебель алоэ и укрепила его двумя ленточками лейкопластыря. Оказывая мне первую помощь, она одновременно вела следствие:

– Опять задирался?

– И не думал, – возмутился я. – Но не мог же я не заступиться за Сергея!

– Никакого Сергея мы не видели, – возразила мама. – Вечно ты выдумываешь и выкручиваешься.

Слышать это спокойно я не мог. Меня обвиняют во лжи! Мама не знала, что уже год, как я дал себе слово всегда и всюду говорить только правду. И ни разу от этого своего обещания не отступил. Поэтому я кинулся к Сергею, чтоб он явился самолично и объяснил, как было дело, Открыла мне, как всегда, Тося.

– Вам кого?

По её лицу я понял, что она не узнала меня, а узнав, зажала рот ладонью и убежала. А что она во мне нашла такого смешного? Не смеюсь же я, когда вижу её с накрашенными глазами. А её тоже бывает трудно узнать.

Тося не предложила мне пройти в комнаты, поэтому я топтался в прихожей и не знал, что делать.

– Передай Серёже, чтоб он сейчас пришёл ко мне. Очень надо поговорить, – сказал я громко и ушёл.

Дома я прождал его целый час, но напрасно. Тогда я отправился к нему ещё раз. Опять дверь открыла Тося. На этот раз она не смеялась, а сообщила мне сухо и вежливо, совсем как взрослая:

– Сергей уже лёг спать.

Что оставалось мне делать? Как оправдаться?

Мама спросила меня:

– Где же твой свидетель?

– Он лёг спать.

– С этих-то пор?

Часы показывали только половину пятого. Конечно, мама опять не поверила мне.

– Попроси у неё прощения, – шепнул мне папа.

Я хорошо знал, как сильно на маму действует моё раскаяние. Стоило подойти к ней, потереться щекой о плечо и проговорить: «Ну, мамочка, ну, миленькая. Я больше не буду», – как она смягчится и простит меня. Но на этот раз я был прав и никак не мог выдавить из себя спасительных слов.

За обедом я обнаружил, что у меня не только разбита губа, но и шатается передний зуб. Однако это открытие не сильно меня расстроило. Зуб был молочный, ему всё равно скоро выпадать.

Вечер прошёл так себе. Мама сердилась на меня. А мне ничто не шло в голову – нет ничего обидней, если тебя незаслуженно считают лжецом. И всё же маме было меня жалко. Стеля постель, она спросила участливо:

– Болит губа?

– Нисколько, – отвечал я.

– Ох уж эти мужчины, – вздохнула она.

А что мужчины? Мужчины – народ понимающий. Ещё днём я заметил – верит мне один папа. Не только верит, но и сочувствует. Может быть, он сам когда-то попадал в такой же переплёт.

Утром, когда я проснулся, папа уже делал зарядку. Я тоже немного пофизкультурничал. Потом он осветил мою физиономию лампой и поцокал языком:

– Ай, ай, как же ты пойдёшь в школу?

Пришла мама, покачала головой и посоветовала:

– Ты уж сегодня не умывайся.

Не умываться я сразу согласился, но сидеть целый день дома – нет уж, извиняюсь. Так я и заявил, правда, несколько громко.

– Оказывается, ты не только обманщик, но и грубиян, – вспылила мама.

«Вот что значит не попросить прощения», – подумал я. А ведь я и не собирался нагрубить...

В класс я пришёл за пятнадцать минут до звонка. Шишка на лбу спала, но зато под глазом созрел огромный синячище и распухла губа. Что касается зуба, то он меня больше не тревожил – его я выплюнул в снег по дороге в школу.

Ребята как сговорились – каждый считал своим долгом спросить, кто это меня так отделал. Одним я сказал, что прыгал с парашютом и угодил на дерево, другим – что задержал и сдал в милицию опасного бандита, третьим – что упал с крыши нашего дома прямо на проезжавшую машину «скорой» помощи. Ребята хохотали, и я вместе с ними.

Я уселся за парту против открытой двери и ждал, когда по коридору пройдёт Сергей. Он появился перед самым звонком, прошёл мимо нашего класса, но в мою сторону не взглянул. Не взглянул так не взглянул. А напрасно. Всё можно было ещё исправить.

...На уроке литературы Павел Александрович пересчитал стопку собранных сочинений и вопросительно взглянул на класс.

– Кто не сдал?

Я поднял руку.

– Почему?

Я молчал. Глупо было рассказывать Павлу Александровичу, что сочинение я разорвал и кинул в урну перед самым его приходом.

– Почему? – ещё раз спросил он.

На лице его отразилось огорчение. Ему, видно, очень не хотелось ставить мне плохую оценку. После секундного колебания он всё же вывел в журнале двойку. Тогда я подошёл к учительскому столу и положил перед Павлом Александровичем мой дневник. Учитель удивлённо поднял брови.

– Поставьте, что я заслужил, – произнёс я твёрдо.

Внутри у меня всё кипело. Пусть бы кто-нибудь другой поставил двойку, но только не Павел Александрович.

Он внимательно посмотрел на меня. Про синяк ничего не спросил, лишь нахмурился и проговорил:

– Дневник? Это всегда успеется.

И, немного помедлив, добавил:

– Зайди-ка ты лучше ко мне, когда освободишься.

Заходить не хотелось, потому что не хотелось ничего объяснять, но как не зайти, если человек вежливо просит.

...После уроков я сидел перед ним в кабинете русского языка и литературы. Лицо у него было усталое. Слева и справа на столе возвышались стопки ученических тетрадей. И пришла мне мысль, что у учителя тоже жизнь нелёгкая. Вот бы взять и пригласить его в следующее воскресенье на лыжах до Потаповых лужков и обратно. Пусть бы он поглотал свежего воздуха. Сам-то он не выберется.

– Так что случилось? – спросил Павел Александрович. – Ты ведь хотел писать о Сакулине.

– Хотел, а теперь не буду, – опустил я голову.

– А он, между прочим, написал о тебе. И весьма тепло. Хочешь прочесть?

– Нет, не хочу.

– Сердитый ты.

– Ну и пускай.

Павел Александрович улыбнулся, некоторое время сидел задумавшись.

– Так, так... Тогда напиши на другую тему. Хотя бы о том, почему не хочешь писать о Сакулине. Ведь причины, вероятно, достаточно веские.

Ещё бы не веские. Мысленно я представил себе такое сочинение. Трудно написать его откровенно. Кажется, в моих несчастьях

виноват немного и сам Павел Александрович. Это он учил нас заступаться за товарищей, быть смелым и не сдаваться без боя.

– Там и про вас будет, – сказал я с сомнением.

Учитель усмехнулся:

– А чего ты трусишь? Хулиганов не испугался, а написать правду боишься?

«Хулиганов!» – я даже вздрогнул. Откуда он знает? Я ж ничего не говорил. Но в следующую секунду я догадался, откуда...

– Так как же решим?

Пришлось согласиться, двойку-то надо исправлять. Тем более – конец четверти на носу.

Вот я и пишу. То есть не пишу, а сижу и обдумываю. Передо мной чистая тетрадь. Первую страницу оставлю для плана. Его легче всего составить, когда сочинение уже написано. Да, я решил рассказать всё, как было. Павел Александрович обещал никому не показывать. И я ему верю.

А с фотографией дело опять откладывается. Синяк – штука серьёзная. Никуда его не денешь. Две недели, самое малое, фотографироваться нельзя. Что ж, пусть тётя Кланя подождёт. Ей не привыкать.

ПРОШУ ЯВИТЬСЯ В ШКОЛУ

Мама жалуется, что мой характер с каждым днём становится всё хуже. Я и сам замечаю. Вот хотя бы случай с макулатурой. Нина Михайловна, наш классный руководитель, молодая, но ой какая строгая, оставила нас после уроков и объявила:

– Каждый должен принести не менее двух килограммов ненужной бумаги. Понятно?

Чего тут не понять? Но как только она сказала «должен», мне сразу расхотелось участвовать в этом полезном деле.

Расхотелось – и всё тут! Как сердце чуяло. Ведь все мои напасти и начались с этой макулатуры.

Ребята несли старую бумагу и сдавали её завхозу, а я и не думал торопиться. Принесла, конечно, и Ладка-мармеладка. По-настоящему её зовут Ладина, но это же не имя, а смех!.. И вот эта Ладка притащила целый рюкзак старых книг. И пока ждала очередь взвешивать книги, я засёк одну – начало оторвано, начинается сразу со слов: «На третий день погони...». А дальше всё про индейцев.

Такую книгу – и в макулатуру! Я всегда говорил, что у Ладки в мозгах не хватает извилин. Она сама, правда, утверждает, что это у меня извилины лишние... Но, короче, я у Ладки эту книжку изъял, а она разнюнилась и помчалась жаловаться. Я перехватил

её у самой учительской, оттащил в сторону и дал слово, что за эту книжку сдам на её имя пять килограммов макулатуры. Ладка – хитрая. Тут же потребовала сдать двадцать. Я обозлился, но делать было нечего. «Чёрт с тобой, – сказал я. – Подайсь своими килограммами». Видно – целит она на первое место по сбору макулатуры в школе. Ну и пусть целит!

А мне всё-таки здорово повезло. Пацаны мою находку сразу оценили. На правах первооткрывателя начал её читать я. За мной занял очередь Костя Зотов, за ним Пашка Дриго, а следом целый хвост. Всех не упомнишь. Даже Зойка Пядышева из 6 «Б» записалась.

Книжка эта толстая-претолстая, а то, что нет первых страниц, даже интереснее. Начнёшь – и оторваться невозможно. В результате я схватил три двойки. По математике и физике – ещё куда ни шло, но по истории... Я сам удивился. У Нины Максимовны я меньше четвёрки не получал. Понятно, она рассердилась и даже вызвала в школу маму. Это было бы ещё ничего, но мама из всего этого сделала оргвыводы. В общем, она за меня взялась. Она редко берётся, но если уж берётся, то мне приходится ой как туго. Во-первых, она прикрепила над моей кроватью «Распорядок дня», которому я должен был следовать неукоснительно. День начинался с умывания под краном. Какая связь между успеваемостью и холодной водой – до меня не дошло. Во-вторых, мама зачем-то велела мне носить в школу костюм, который предназначался только к Новому году. В-третьих, никаких кино, катка и лыж, пока я не стану успевающим. Кроме того, в присутствии самого директора школы меня заставили обещать, что буду я учиться только на четыре и пять и вести себя примерно. В заключение мама попросила Нину Максимовну пересадить меня с последней парты куда-нибудь поближе. И с кем бы вы думали я теперь сижу? Конечно, с Ладкой-мармеладкой. Вот так... По идее, она должна оказать на меня влияние.

Встретила меня Ладка не особенно восторженно. Как только я перебрался на новое место, Ладка фыркнула и отодвинулась. Фыркать – это у неё такая лошадиная привычка. Может быть, это от неё не зависит, но зачем же отодвигаться? Первым делом я ткнул Ладку кулаком в бок, чтобы она поняла, что отодвигаться невежливо. Кроме того, я думал, что обиженная Ладка уприсит Нину Максимовну отсадить меня обратно. И вообще это не по правилам. Я выше всех в классе, значит, должен сидеть позади, а не перед всеми, как Останкинская башня.

Так вот, подвинтили мне гайки, и, когда всё успокоилось, стал я раздумывать, как жить дальше? Двойки – это полбеды. За неде-

лю можно все скосить. Хуже – с макулатурой. Дал слово – надо выполнить! Дома за ужином закинул удочку насчёт того, что нужно помочь сырьём нашей бумажной промышленности. На одни школьные учебники идут миллионы тонн... Папа это сразу понял по-своему и запер на ключ оба книжных шкафа. И совсем напрасно – больно нужны мне его Брокгауз и Ефрон. У меня была другая идея, и союзника я нашёл в маме.

А дело вот в чём: папа вечно дрожит над каждой газетой, не дай бог, если хоть одна попадёт в туалет! Он аккуратно складывает их по номерам, а потом не знает куда девать. Сначала лежат газеты в кабинете, потом в прихожей на сундуке. Это ли не золотая жила? Я только намекнул, а мама подхватила: «Давно пора прихожую привести в порядок. Стыдно перед гостями». Папа весь вечер ходил грустный, а к утру мама, должно быть, победила, потому что шепнула мне: «Бери санки и увози!».

Ах, как расчудесно начался день! Кто мог подумать, что станет он для меня днём сплошных неудач?..

Я так радовался, что вышел из дома за час до звонка. А санки нагрузил газетами. Получилась изрядная кipa. Хорошо, что помог Костя Зотов. Он зашёл ко мне за «Третьим днём погони». Получив книгу, он был на седьмом небе от счастья и с готовностью впрягся в санки. Всё складывалось просто замечательно: снег сверкал, светило солнце, небо было, как в мае. Я шагал позади санок, руки в брюки, и думал: «Бедный Костя, теперь его черёд получать двойки».

Мы двигались мимо горсада, как вдруг я увидел её. Она лежала по другую сторону железной изгороди, на свежем снегу, совсем как живая.

– Стоп! – воскликнул я. – Видишь?

Костя остановился, снял шапку, утёр с лица пот и уставился на сороку. Должно быть, она скончалась совсем недавно, потому что на её пёрышках не было ни одной снежинки.

– Вот это да! – восхищённо вздохнул Костя.

– Обожди, я сейчас!

Мне сразу пришла мысль, что её можно отдать Виктору Ефимовичу, и он сделает из неё великолепное чучело. И я полез через изгородь. Сороку осторожно поднял и положил за пазуху, но на обратном пути мне не повезло – о железное остриё я порвал на правом колене брюки. Здорово получилось – так и выхватил клин с ладонь величиной. «Ну, будет мне за новый костюм, – подумал я, но виду не подал, что расстроился. – Подумаешь, важность – какие-то брюки».

Явившись в школу, мы первым делом сдали завхозу газеты.

Они потянули целых девятнадцать килограммов. И всё это богатство я попросил записать на Ладку-мармеладку. Тут прозвенел звонок. Куда девать сороку? К Виктору Ефимовичу уже не успеть. Поэтому я сунул её в шапку и побежал в класс.

Вначале всё шло нормально. Голую коленку я прикрывал ладонью. Инна Максимовна рассказывала о Колумбе. Это было интересно. Сам Колумб, бедняга, так и не понял, что именно он открыл. По этому поводу мы немного посмеялись. Потом она рассказывала о гибели Магеллана. Его убили туземцы на каких-то островах в Тихом океане. Они между собой воевали, а он за одних заступился. Он был очень храбрый, но не надо вмешиваться не в свои дела. Плыл бы себе да плыл. В этом месте Ладка начала сопеть и сделала вид, что вот-вот заплачет. Я уверен, что Магеллана ей нисколечко не было жалко, а сопела она затем, чтобы угодить Нине Максимовне. И всё-таки она своего добилась – учительница два раза одобрительно взглянула в её сторону.

– А теперь, – сказала Нина Максимовна, – давайте закрепим пройденное.

И посмотрела на меня.

Я потёр лоб, чтобы показать, что у меня болит голова, но это не помогло. Она спросила меня о причинно-следственных связях между положением в Европе и поисками морского пути в Индию. Что такое причинно-следственные связи, я не понимал, а выдумывать не люблю. Терпеть не могу экать да мекать. Я честно признался, что не знаю. Тогда Нина Максимовна пригласила меня к карте: «Иди и покажи путь Колумба». Путь этот был обозначен жирной чёрной линией. Её и новорождённый показал бы, но не мог же я выйти и продемонстрировать всему классу свою голую коленку. Поэтому я мрачно пробурчал:

– Не пойду!

Нину Максимовну, видно, оскорбила моя строптивость. Она покраснела, нахмурилась и молча поставила оценку в журнал. Костя Зотов, который сидел на первой парте, обернулся и показал мне один-единственный палец.

Ну что ж, я большего и не ожидал.

– Теперь, – продолжала Нина Максимовна, – поработаем с книгой.

Ладка достала историю, отодвинулась от меня ещё дальше и даже повернулась спиной, чтобы не подсматривал.

А мне что делать? Вытащил я из парты сороку и несколько раз сорочьим клювом уколол Ладку в локоть. Она фыркнула и так посмотрела, как будто хотела меня испепелить. Но я не испепелился. А вот Нина Максимовна заметила неладное.

– Смирнов! Где твой учебник?

Я промолчал. Учебник я потерял ещё осенью, когда мы всем классом ходили в лес. Вот придёт весна, снег растает, и, возможно, найдётся учебник.

– С чем ты там возишься?

– Ни с чем.

– А ну покажи!

Взяла Нина Максимовна мою шапку, а из шапки вывалилась сорока прямо на колени Ладке. Ладка как завизжит и выскочила из-за парты! Она нарочно так громко завизжала, чтобы попало мне посильней. Что ей сделала сорока? Прямо театр!

– Убрать сейчас же эту дрянь!

Вот этого я от Нины Максимовны не ожидал.

Почему это сорока – дрянь? Вон она какая красавица, пёрышко к пёрышку!

Я встал, понурившись.

– Хорош, нечего сказать. Так-то ты выполняешь свои обещания директору школы?

Что я мог ответить? Ребята смотрели на меня и похихикивали. Я ещё успел шепнуть Ладке:

– Ну, ты у меня получишь.

Впрочем, сказал это я просто так, Связываться с ней было некогда. Я взял злополучную птицу за лапки и пошёл из класса. Последнее, что я слышал, уже за своей спиной, это голос Ладки:

– Нина Максимовна, он ещё грозитя.

Тоже мне – нашла время ябедничать.

Сороку я понёс к Виктору Ефимовичу. Но дверь в биологический кабинет оказалась почему-то запертой. Я постучал. Сперва тихо, потом посильнее. Тут около меня очутился завуч Иван Иванович.

– Ты почему не на месте? Что это у тебя?

Пришлось показать. Я ждал, что он начнёт меня распекать, но он только поинтересовался:

– И что ты думаешь с ней делать?

– Виктор Ефимович чучело сделает.

Завуч задумался, почесал лысый череп.

– Прекрасная мысль, но на этот раз тебе не повезло. У него сегодня уроков нет. И завтра тоже... Он будет только в понедельник.

Он ещё раз посмотрел на сороку и подмигнул мне:

– А хороша воровка!

Что хороша, я знал и без него, но как приятно встретить понимание. Особенно у взрослых людей.

– Может, в холодильник?

Иван Иванович с сомнением покачал головой. Да я и сам сообразил: ни папа, ни мама об этом и слышать не захотят.

Пришлось выйти во двор и положить сороку в мусорный ящик. Тут, между нами говоря, я отвернулся к глухой кирпичной стене и украдкой пустил слезу.

Потом вернулся в класс. Теперь мне было наплевать, разорваны мои брюки или нет. Есть вещи поважнее. Не произвело на меня впечатления и то, что Нина Максимовна потребовала у меня дневник и подмахнула в нём красной пастой: «Товарищ Смирнов, прошу явиться в школу по поводу поведения сына Юрия».

В этот день мне было уже не до учёныя. После первого урока я ушёл из школы и поплёлся к бабушке на Дальнеключевскую. Надо же было случиться, что у меня не оказалось ни копейки на трамвай. Вот так бывает – всё одно к одному.

Бабушка сперва обрадовалась, а потом испугалась:

– Что-нибудь случилось?

Рассказывать подробно не хотелось. Я показал дневник. Бабушка вздохнула сокрушённо:

– Эх, садовая твоя голова...

Это был её самый сильный упрёк. Больше, я знал, она сердиться не будет, и действительно, она тут же лукаво прибавила:

– Я тут кое-что припасла для тебя... Твоё любимое.

– Сосиски?

– Ну конечно.

Что может быть лучше сосисок? Но, как только хлопнула дверца холодильника, меня осенила счастливая мысль.

– Бабуля, – воскликнул я, – а ты спрятала бы в холодильник сороку? Не живую, конечно. До понедельника.

– Коли это очень нужно.

– Очень-очень!

Я не дал ей договорить, схватил пальто, попросил шесть копеек на трамвай и помчался обратно в школу. Совсем без дыхания я кинулся к мусорному ящику, но тут меня ждало жестокое разочарование – пока меня не было, приезжала мусороуборочная машина...

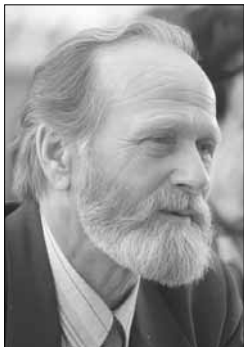
Домой я на этот раз так и не пошёл. Сперва бабушка накормила меня горячими сосисками, потом починила мне брюки. И так ловко получилось, что мама, может быть, и не заметит. После этого мы решали задачи по алгебре. Здорово решает старушка, только графиков они в своё время не проходили. Тут уж приходится выкручиваться самому. Потом я ел шоколадные конфеты и смотрел телевизор. Бабушка ни о чём не расспрашивала, но я рассказал ей обо всех сегодняшних событиях: про сороку и про Ладку, которая

теперь обязательно завоюет первое место по сбору макулатуры, и про Ивана Ивановича, который хоть и взрослый, но оказался понимающим человеком.

Спать бабушка уложила меня на диване и укрыла своим плюшевым пальто с мягким душистым воротником. Я уже собирался уснуть, как вдруг до меня дошло, что такое причинно-следственные связи, про которые всё толкует Нина Максимовна. Если б Ладка не сдала в макулатуру «Третий день погони», я бы не повёз на санках папины газеты. Не повёз бы газеты, значит, поехал бы в школу на троллейбусе и не увидел бы в горсаду сороку. Стало быть, не порвал бы брюки и не имел бы в дневнике зловещую запись: «Прошу явиться в школу...». Так получается, что всё в жизни зависит одно от другого. Возможно даже, существует связь между холодной водой и моей успеваемостью. Всё может быть...

Так кончился самый неудачный день в моей жизни. Очень захотелось спать. Веки прямо слипались. И всё-таки ужасно жалко было сороку. Она была настоящей красавицей в своём птичьем мире. Другой такой не найти. Её, чёрно-белую, такую аккуратную, я никогда-никогда не забуду.

Засыпая, я слышал, как приходил папа. Он и бабушка о чём-то долго шептались. Должно быть, они думали, что я уже сплю, а я лежал и улыбался – здесь, у бабушки, мне ничто не грозило. Что бы ни случилось, бабушка меня в обиду не даст.

Владимир Петрович ЖОЛНЕРОВСКИЙ

(1937–2018)

Родился 11 июля 1937 года в городе Колпашево Томской области. Окончил биолого-химический факультет Томского пединститута. Работал учителем и директором школы в селе Наумовка Томского района Томской области. Художник, охотник, печник.

Книги: «Светлая грань» (2002), «Остаться на этой земле» (2008).

Скончался 7 февраля 2018.

СИБИРЬ, ВТОРАЯ МАТЬ

Ты величава, ты сурова,
Сибирь моя, вторая мать.
Не подберу другого слова,
Не смею иначе назвать.

Ты всех начал моих начало,
Мой крест, молитва и купель.
Звезда Полярная качала
Мою с рожденья колыбель.

Твои стрижиные обрывы
Познал я с детства, и пески,
Кедрово-ягодные гривы,
Баркасы, лодки, обласки.

Твои медовые закаты
И травы в пояс на лугах,
Речные глубы, перекаты,
Зимой тайга по грудь в снегах.

Твои раскатистые громы,
Грибные щедрые боры.
Мостки дощатые, паромы,
И летний зной, и комары...

Всё это было. Было, было!
Я вновь бегу к тебе босой;
Уверен, ты не разлюбила,
Пошли в лицо мне дождь косой.

Пусть не коснётся нас остуда,
Сибирь, ты слышишь, никогда!
С тобой навеки я, покуда
Твоя беда – моя беда.

* * *

Земля – как имя женщины святое,
А рожь – что платье на ветру.
Коса – межа, заросшая травой,
В алмазных росах поутру.
Твой стан повязан поясом дороги,
Озёр бездонные глаза,
В росе лугов босые ноги,
Ресниц упругая лоза.

Твои уста – закат багряный,
А звёздный шёпот – небеса,
В твоих ладонях запах пряный,
И лунный гребень в волосах.

Едва заметное дыханье
Твоей целительной груди,
И сердца гулкое стучанье,
И пробужденье впереди.

Твой чудный сон перепелиный,
Во сне улыбка так ясна!
И грёз твоих полёт орлиный,
А пробуждение – весна!

* * *

Стою на остановке – минус сорок!
От холода попрятались все твари.
Седой туман накрыл полой пригорок,
И всходит Солнце, словно на опаре.

Большая золотая сковородка –
Ведь на такой ничто не пригорает!
А сам тяну пальто до подбородка,
Следя за Солнцем, как оно играет.

Вот если б завести в бадейке тесто,
Да поварёшкой лить на сковородку,
Да у печи найти удобней место, –
Завидно стало б даже зимородку.

Да самовар внести полуведёрный,
Сметану, мёд и сливочное масло.
Сворачивая в трубку блин покорный,
Макаю в мёд – вкуснятина... ужасно!

Глотаю слюнки, пряча нос в перчатку,
Такую мысль в сознании лелея.
Стуча ногой о ногу, грею пятку.
И даже стало чуточку теплее.

* * *

Где эти тёплые ночи,
Этот туман над рекой,
Где эти грустные очи,
Что унесли мой покой...

Где этот мост деревянный,
Имя твоё на бревне...
Вечно живой и желанной
Вижу тебя я во сне.

Где ты, любовь моя первая?
Как ты живёшь, отзовись!
Майскими тёплыми перлами
В жизнь мою снова ворвись!

Жар твоих губ и дыхание
Тщетно пытаюсь вернуть,
В явь воплотить из сознания,
В сумрак очей заглянуть...

В сердце по досточкам шатким
Летним туманом вошла,
И навсегда, без оглядки,
В светлую память ушла.

* * *

Весна сегодня снилась –
Ударило тепло.
И солнце в окна билось
Синицей о стекло.

И воробьи кричали,
И вытаял бугор,
И ручейки журчали,
Несясь под косогор.

А в нашей речке скромной
Весною, как всегда,
Водою ржаво-бромной
Подняло корку льда.

Кругом стояли лужи,
Слепили глаз лучи,
И как-то неуклюже
Бродили в них грачи.

Куда ни глянь, причинно
Во всём виднелась связь.
Корова вышла чинно
И с лужи напилась.

О КРАСИВОМ

Свой день заканчиваю топкою печи,
Сидением в прострации на кухне,
Питьём чаёв и поиском свечи,
Когда за рамой вечерок потухнет.

Попыткой тщетной что-то написать
И поиском «чего-то там» в газете.
А день ушедший с будущим связать
Я сделаю попытку на рассвете.

Рукой потрогаю панели у печи –
Исследую её обогреватель
И, коль они ещё не горячи,
Подброшу дров и лягу на кровати.

Ну и, конечно, сразу же засну.
А встану в полночь. В печке прогорело...
Трубу закрою. Спать уж не дерзну,
Поскольку рифма в голове созрела.

К столу присяду, загляну в листок,
Я что-то с вечера там записал курсивом...
Да, да, я знаю, груб наш мир, жесток,
Но я не о жестоком – о красивом.

МОЛОДОЙ КАРТОФЕЛЬ

За дверью август, грустный как икона,
И скоро лето с драхмою во рту
Достигнет лёгкой тенью Рубикона
И без оглядки перейдёт черту.

Давно цветёт картофель в огородах,
Коней гривастых поит Илия,
Гремя уздой и отражаясь в водах,
Там чья-то тень ещё, и тень моя.

Не повернув лица красивый профиль,
Склонив изящно плечи над водой,
В корзине моет женщина картофель,
Крахмальный, белый, в шкуре молодой.

* * *

Леса вечные скитальцы,
Заплетая след врагу,
У лесной избушки зайцы
Пишут строчки на снегу.

Ветер снег несёт, не ленится,
Сыплет в стылую трубу.
И у входа дров поленница
Слёзно просится в избу.

ПАРНОЕ МОЛОКО

Февраль. Зима ещё в разгаре.
Деревня снегом вся заметена,
Метель бушует, будто бы в ударе,
И валит снег, как плотная стена.

Но пусть морозы зимние суровы,
И пусть метель сугробы намела –
Парного молока из-под коровы
Сегодня мне соседка налила!

Парное молоко почти горячее!
Держа в руках сосуд, как снежный ком,
Бегу по улице, лицо от ветра пряча,
И греет, греет банка с молоком!..

НОВОЛУНИЕ

Скушно месяцу на небе,
Даже очень молодому,
Как и мне в моём «вертепе»,
Но, увы, уже седому.

Я берёзовых дровишек
В хату внёс – тепла алкаю.
А ему тепла излишек
С дымом в небо посылаю.

Я пишу, а он послушно
Сквозь окно глядит на строчки.
Будет нам вдвоём не скушно
В тёплой кухне, в уголочке.

ОСЕННИЙ СОН

Мне снился сон.
Чудесный, в стиле «ретро».
Я даже ощущал дыханье ветра.
И обонянье щекотал озон.
О нет, не сон,
Всё так реально было!
И я любил, и ты меня любила,
И чувства, и сердца стучали в унисон.

Пылал камин,
И танец светотеней,
Таинственных животных и растений,
Беззвучно возникал и исчезал.
Я хорошо запомнил этот зал.

И в полумраке,
В полукружье зала,
На скатерти зелёной два бокала
С рубиновым вином,
А за окном
Стояла ночь, накинув покрывало.

Бокалов звон,
Как сладкий страстный стон
Из наших уст
В единый звук сливался.
На ложе восходили, как на трон,
Любви восторг
Лобзанием взрывался.

И сон не шёл,
Природа не спала,
Богиня Осень не сошла с престола,
Она всю ночь лила колокола
И кисть рябины в косу приколола.

И сквозь окно,
Сквозь шторы, как сквозь сон,
Колоколов далёких перезвон
То возникал, то снова удалялся.
Любви напиток – слиты два в одно –
В сердец бокалах плакал и смеялся.

А над окном
Затейливый карниз
Удерживал и складки, и каприз
Спадающей на пол атласной шторы,
По полю изумрудному которой
Был вышит шёлком золотой пейзаж,
Напоминавший репортаж
В безвременье ушедшего Вчера.
Где было солнце, речка и... жара.

И взглядом гипнотическим
В углу
Всё то, что на стенах и на полу:
Тебя, меня – всю нашу драму,

Весь этот жизненный коллаж,
Беззвучно втягивал в себя,
Под амальгаму,
Змееголовый бронзовый трельяж.

А МНЕ ВСЁ КАЖЕТСЯ...

А мне всё кажется – кричит в лесу кукушка.
А мне всё кажется, что лето впереди.
А мне всё кажется, вот-вот войдёт подружка,
И я живу с надеждою в груди.

А мне всё кажется. Что вечно длится лето,
И небо светится с зари и до зари.
Я рву цветы с любимой для букета,
И тёплый дождь, и в лужах пузыри.

А мне всё кажется – слепит реки поверхность,
Стоим в воде – удилица в руках.
И нет разлук, и существует верность,
Живущая до нас во всех веках.

А мне всё кажется – босым, светловолосым
Бреду по травам, веря в чудеса,
И рядом ты, и мы сбиваем росы,
Теряя счёт минутам и часам.

А мне всё кажется – вот так раскину руки
И я взлечу с тобой под облака!
И боли нет, и нет душевной муки,
И так тепла в моей твоя рука.

А мне всё кажется, что это повторится.
Я в это верю, верю до конца!
Молю Творца, пусть мне во сне приснится
Твоё лицо и на губах – пыльца.

ДУХ СЕННОЙ

С утра весь день сенной гуляет запах.
Да запросто – по грядкам, по картошке,
По улицам, и даже в лес с лукошком,
Без страха жертвой стать в еловых лапах.

Заходит во дворы и там лежит в рулонах,
Такой пьянящий, свежий и вальяжный:
– Вот я лежу – скатился с небосклона,
А прочее, что есть, уже не важно.

Сам факт того, что я лежу, я есть.
Во мне всё главное, итог воды и света.
Я радость бытия, благая весть,
И будьте благодарны мне за это.

СОНЕТ

Не хочу, не хочу, не хочу!
Не хочу, чтоб ты стала серьёзной!
А быть может, что год високосный
Труден мне, а тебе по плечу?

Не хочу, не хочу, не хочу!
Ни за что никогда не смирюсь!
Одного лишь на свете боюсь –
Ветер прозы задует свечу.

Я хочу, я хочу, я хочу,
Я прошу, я молю, я кричу –
Поднимайся всё выше и выше!

Там, где горный струящийся свет,
И где всё вдохновением дышит,
Вижу твой убегающий след...

ВЕСНА СЕЛЬСКАЯ

Ревёт без устали скотина –
Инстинкты предков так сильны!
И эти звуки и картины
В селе обычны для весны.

Село по-своему встречает
В семье космический повтор.
И так никто весны не чаёт,
Как лес и солнечный бугор.

Идёт в природе перекличка:
«Я жив! А ты? А ты жива?»
И лось, и маленькая птичка
Спешат сказать любви слова.

И всеобъемлюще, и гулко
Звучит симфония весны,
И нет на свете переулка,
Где у людей глаза грустны.

Весна везде цветы роняет.
И на планете вновь и вновь
Зовёт, влечёт, соединяет
Святое, вечное – любовь!

ПОЛДЕНЬ

Цвет с сирени осыпается,
Под кустом бела земля,
Солнце в зелени купается,
Брызжут светом тополя.

За селом хлеба колышутся,
Даль дорогою пылит,
И легко и вольно дышится
Посреди родной земли.

Свод лазурный опрокинулся,
Жар исходит от небес,
И к реке тайком придвинулся
Разомлевший сонный лес.

Дремлет щука под осокою,
В глубине заснул пескарь,
На лугу траву высокую
Косит с присвистом косарь.

НОВОЛУНИЕ

В прищуре облаков,
В полоске убегающего света –
Начищенный до блеска
Узкий серп.
Сквозь месяц май
Просвечивает лето,
И звёздный ковш
Наполнил виночерп...
И ночь светла,
Бела, суха дорога,
Летучая бесшумно
Вьётсямышь.
И кажется,
Рукой достать до Бога...
В природе и душе
Спокойствие и тишь.

Вадим Филиппович ИВАНОВ

(1922–1968)

Родился 3 сентября 1922 года на маленькой железнодорожной станции Козулька в Красноярском крае.

Писатель, поэт. Член Союза писателей СССР (1957).

Детство прошло на таёжной реке Чулым. Учился в Ачинске, потом в Томске. Увлекался авиамоделизмом, радиотехникой, фотографией, химией. Писал прозу, стихи, занимался живописью, увлекаться которой начал ещё в школе. В 1948 было опубликовано его первое стихотворение. Очерки, рассказы, стихи стали появляться в сибирских изданиях. Первая книга – повесть «Однажды летом» – была издана в Красноярске в 1956. Сборник стихов «У нас весна!» (1957) вышел в Томске. Написал более полутора десятков художественных книг – повесть «Тайна СКП» (1962), рассказы «Друзья-товарищи» (1961), рассказы для детей «Шхуна с белыми парусами» (1962), сборник стихов «Январская тетрадь» и другие, около сотни картин.

Один из основателей Томской писательской организации.

В 1941 тяжело заболел, оказался прикованным к постели. Его поддерживала работа. На инвалидной коляске выезжал в рабочие коллективы на встречи с читателями. Его называли «томский Островский». Скончался 4 мая 1968 в Томске.

Награждён орденом «Знак Почёта» к 50-летию Советской власти.

ВЕЧНОЕ

В синих сумерках домики синие
Золотыми глазами глядят,
Как вдали, за озябшим осинником
Остывает апрельский закат.

И, пыльцу осыпая звёздную,
Ночь плывёт, как воронье крыло...
На пригорке, под старой берёзою,
От девичьего платя светло.

Чьё-то счастье там шепчется молодо,
Смех звенит колокольцем в устах –
Знать, настойку апрельского холода
Не считают помехою там.

Сердце бьётся с удвоенной силою –
Взбудоражила эта пора!
Я когда-то девчонку красивую
Заговаривал здесь до утра.

Было с ней хорошо и не холодно,
И, наверно, при взгляде на нас
Кто-нибудь вспоминал свою молодость
Так, как я её вспомнил сейчас...

* * *

Закончились зимы угожья
У марта межевых столбов,
И вновь в небесном половодье
Плывут паромы облаков.

И вновь, по колеям кочуя,
Устав от звонкого труда,
Бубенчики ручьёв ночуют
Под слюдяною плёнкой льда.

Рассвет сплетён из ярких радуг.
Идёшь, сминая мокрый снег...
А сердце сесть на ветку радо
И петь щеглёнком о весне!

Смешно, быть может, чувство это,
И сказано о нём давно,
Но каждый раз весны приметы
Пьянят сильнее, чем вино.

КУЗНЕЦ

За околицей вприпрыжку
Ветер носится с соломой.
День-деньской из кузни слышен
Молотков весёлый гомон.

Зорька спит ещё за лесом,
А кузнец разводит горны –
Ждут ремонта под навесом
Плуги, сеялки и бороны.

...Выхватит краюшку солнца
Из огня коваль искусный,
Молотом как размахнётся –
Сразу звёзды брызнут густо!

Неразлучны дни со стужей,
Только вдруг казаться стало,
Что куёт он не предплужник,
А весны начало!

СОЛНЦЕ

Голубые сверкают киоски,
Захлебнулась весельем гармонь.
Солнце всем положило по-свойски
На плечо золотую ладонь.

В глубине опрокинутой чаши
Всем оно и товарищ, и друг.
Я не знаю, что может быть краше
Этих сверху протянутых рук!

АГРОНОМ

Вода резвится в перелесках,
С земли смывая листьев прель.
А на реке ломает с треском
Метровый лёд силач апрель.

У агронома дел без счёта,
Но он пришёл взглянуть сюда
На то, как справится с работой
Апрельская вода.

Потом он зябь за светлой рощей
Исходит вдоль и поперёк
И, землю пробуя на ощупь,
В уме прикинет сева срок.

Ему волнуют сердце жарко
Просторы солнечных полей,
И ветер с запахом солярки,
И крик гортанных журавлей.

Когда ударит на усадьбе
Моторов первый, пробный гром,
Ему от радости сплясать бы,
Пройтись, как в детстве, колесом!

Ведь парню «стукнуло» всего лишь
Весною этой двадцать лет.
И жизнь лежит пред ним, как поле,
И ей, как полю, края нет.

СТИХИ О РАБОТЕ

Может бросить в беде непроверенный друг,
Может молодость рано покинуть кого-то...
Только ты – дело разума, сердца и рук –
Остаёшься нам верной, работа.

Знал я горькие дни и часы неудач,
Сердца я не щадил на крутых поворотах,
И в решении всех самых трудных задач
Мне всегда помогала работа.

Я от дела не прятался робко в кусты,
И успех мой пропитан был запахом пота,
Потому что была его матерью ты,
Наполнявшая день мой работа.

Если сердце сожмёт одиночества груз
Иль другая ко мне подкрадётся забота,
Мы с тобой заключаем надёжный союз,
И победа за нами, работа!

ЗОВЁТ ВЕСНА

Зовёт весна в простор бескрайний
Тропой нехоженой, туда,
Где с каждым днём необычайней
Поёт и шепчется вода.

Где две берёзки-полонянки
Взгрустнули в ельнике густом;
Где, может, девушку-веснянку
Ты повстречаешь за селом.

Она такая, что словами
О ней не можешь рассказать,
Она такая, что ночами
О ней ты будешь тосковать.

А может быть, любовь не встреть,
Охотничью изведав страсть,
Поднимешь бурого медведя
И пулю зверю вгонишь в пасть.

Там, может быть, чирков пугая,
Устав среди болот кружить,
Такого парня повстречаешь,
С которым можно век дружить.

И, может, мысль к тебе шальная
На вешнем воздухе придёт,
И ты, всё разом забывая,
Походный вытащишь блокнот.

Давая радости излиться,
Ты, как мальчишка, свистнешь вдруг,
И удивлённая синица
Вспорхнёт с пенька на голый сук.

Зовут, зовут весны дороги,
Манит простор в вечерний час.
Как жажда странствий в эти сроки
Тревожит и волнует нас!

ДЕВЧОНКА

Весенний день импровизирует,
Как музыкант, капелью звонкой,
А вдоль по улице красивая,
Не торопясь, идёт девчонка.
Она похожа на травиночку,
Что первой потянулась к свету,
На ней с опушкою ботиночки,
В руках – тетради и конспекты.
Плывёт над нею солнце яркое,
Даря лучей и бликов россыпь.
И пахнут снегом и фиалками
Её обветренные косы.
Лицо её почти что детское,
Зато в глазах, больших, счастливых
Достоинство таится женское:
Идёт – и знает, что красива!
Мальчишки делаются кроткими,
От незнакомых чувств немеют,
Бросают вслед ей взгляды робкие,
А подойти пока не смеют!
...Минуя синих луж разводья,
Идёт девчонка вдоль панели,
И, сочиня ей мелодии,
Бегут по клавишам капели.

ПЕРВЫЕ В ПОЛЕ

Не фыркают стальные кони
На поле в этот ранний час,
И светлые плугов ладони
Не поднимают влажный пласт.

Но, верный вешнему наказу,
Из леса вылетел скворец
И оглядел хозяйским глазом
Всю пашню из конца в конец.

Там, ножки тонкие пружиня,
Синичка совершает путь,
И слиток солнца в луже синей
Никак не может утонуть.

И, успокоенный, довольный,
Скворец оправил свой мундир,
Когда увидел, как на поле
Свернул с дороги бригадир.

ВЕЧЕР

Облокотился ясный вечер
На влажные поля земли,
Развёл по гнёздам птичье вече,
Закат весенний раскалил.

Дорога въётся на угорье
В мерешке тракторных следов,
И начинает с небом спорить
Огнями окон каждый дом.

В канаву, кончив пересуды,
Заночевать пришла вода.
В её серебряное блюдо
Неслышно падает звезда.

* * *

И не слышать, и не видеть
Ручья под снежным настом:
Такая хитрая вода –
Молчит себе, и баста.

Но он живучий, тот ручей,
Хоть и ползёт на ощупь.
Он ищет склона, ждёт лучей
И на судьбу не ропщет.

Наступит срок – его струя
Помчит, бурля, в кювете,
И голос звонкого ручья
Напомнит всем о лете.

А мы с тобой, скажи, когда,
Оттаяв постепенно,
Разговоримся без труда
О самом сокровенном?

ПОДРУГИ

Весь в мороси, в туманной мути,
Струёй пронизан сквозняка,
Осенний вечер неуютен,
Как комната холостяка.

Зал опустел... По тротуарам,
Слова о виденном шепча,
Идут задумчивые пары
Немолодых уже девчат.

Большой любви мелькнули крылья
Пред ними полчаса назад,
Воображенье покорили
И затуманили глаза.

...Идут по улице пустынной,
Порой вздыхая горячо,
За руку твёрдую мужчины
Приняв подружкино плечо.

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

Есть у тебя хороший муж,
Есть колобок сынишка...
Так для чего ж, так почему ж
Ты до сих пор мне снишься?

Мы вряд ли встретимся с тобой,
За что принять укор мне?
...Берёза сломана грозой –
Остались в почве корни.

НЕПОГОДА В МАЕ

Над зелёными полями
В пору жаркого цветенья
Вновь снежинки запорхали –
Холод начал наступленье.

И лазури нет в помине –
Словно небо вдруг ослепло.
Речка стала мутно-синей,
А тайга – полоской пепла.

Не видать пути-дороги,
Обжигает щёки воздух.
И испуганно в тревоге
Молкнут птицы в тёплых гнёздах.

Так в Сибири, хоть не часто,
Но случается весною.
Минет день –
и снова ясно
Светит солнце над землёю.

Жизнь порой столкнёт с невзгодой,
Ты в отчаянье впадаешь.
А беда, глядишь, всего-то –
Непогода в мае!

НАСТУПЛЕНИЕ ЗИМЫ

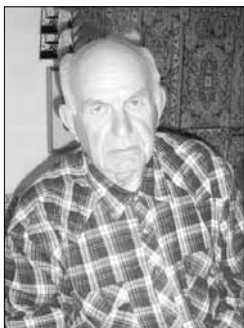
Октябрь под ветром догорит,
Набьёт канавы жаром листьев,
И в зыбком полыме зари
Буранным захлебнётся свистом.

А утром не поверишь ты,
Что это ночью совершилось:
Дома, мосты,
Бульвар, кусты –
Лебяжьим пухом всё покрылось!

Хоть свеж и нежен первый снег,
Но он уже простёган строчкой:
По целине ведут к сосне
Зверушьи мелкие следочки.

И вдруг под солнечным лучом –
Зимы вернейшая примета –
Снегирь заблещет под окном
Остановившейся ракетой.

И, стряхивая с пальцев боль,
С утра налепят ребятишки
На тёс ворот снежки – афишки
Зимы, прибывшей на гастроль!

Геннадий Иванович ИГНАТОВ

(1928–2011)

Родился 28 сентября 1928 года в деревне Цыганово Зырянского района Томского округа. Скончался 20 сентября 2011.

Краевед, поэт. Выпускник Томского железнодорожного техникума (1948), Красноярской военной школы механиков спецслужб Военно-Воздушных Сил (1950), Томского лесотехнического техникума (1961–1964). Служил в Московском военном округе дешифровщиком, начальником кинофоторазведывательного отделения. Работал председателем сельсовета (1945), технологом, зам. директора Асиновского леспромхоза (1948–72). Был председателем Асиновского райкома профсоюза рабочих местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий (1972–1989).

Автор сборников стихов «Путь на Кушлу» (Асино, 1994), «Цыганово» (Томск; Асино, 1994), «Цыгановские частушки» (Асино, 1995), «Частушки Причулымья» (Асино, 1996), «Деревня моя» (Асино, 2004). В 2005 издана книга очерков и воспоминаний «Далёкое и близкое». Ему принадлежит более 300 различных публикаций в периодической печати и коллективных сборниках.

Биограф Г. М. Маркова. В 1981 участвовал в организации первых на томской земле «Марковских чтений» (Асино), посвящённых семидесятилетию писателя. В 1986 вышла его первая работа об известном писателе-земляке – «Истоки» (Иркутск), через двадцать лет, в 2006, подготовил к печати новую книгу о Г. М. Маркове – «У истоков творчества».

Им собрана крупнейшая в Сибири коллекция книжной и малой графики, на основе которой в области было проведено более 150 выставок. В 1995 издан его каталог «Экс-

либрисы сибирского собирателя» (Асино). Был президентом клуба Библиотечно-эстетического центра г. Асино «Экслибрис», в фонд которого им подарены более 600 экслибрисов, а также «Пушкиниана» – собранные им книги и публикации о А. С. Пушкине. В музеи и в областной архив передал более 2000 различных предметов старины. Один из основателей Асиновского краеведческого музея. Организатор выставок, активный член разных обществ.

Заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин города Асино.

О встречах с Г. М. Марковым

Георгий Мокеевич Марков. Это особая страница в жизни советской культуры. О, как много он значил и в моей личной жизни.

Около тридцати лет мне посчастливилось довольно близко знать этого замечательного писателя, общественного деятеля, внимательного и доброго человека, общаться с ним во время его поездок на родину, бывать на встречах с ним в Асино, Новокусково, Томске, Москве. Приходилось видеть его в кругу семьи, родных и друзей, присутствовать, когда он вручал Ленинские и Государственные премии в области литературы, искусства и архитектуры в Кремле.

Приходилось мне бывать на пленумах и заседаниях правления Союза писателей СССР, на юбилейных вечерах писателей в Москве, вести с ним продолжительные беседы у него на квартире, на даче в Переделкине, в гостинице «Москва». Бывая с ним на природе на Чулыме и Бахтольской старице, пробовал отменную уху, приготовленную по его рецепту.

А начиналось всё так. В 1950 году проездом домой в отпуск во время службы в Советской Армии, в киоске Новосибирского железнодорожного вокзала я приобрёл только что вышедшую книгу Георгия Маркова «Строговы» и сразу же с большим интересом прочёл её. В книге были освещены события периода Гражданской войны в Сибири.

Об этих событиях ещё мальчишкой в своей деревне Цыганово я был наслышан от старшего поколения во время работы на покое, уборки урожая в колхозе. В деревне появлялись то белые, то партизаны. Кого-то расстреливали, кого-то пороли, кого-то насиловали, кого-то увозили с собой вместо любовниц...

И вот передо мной книга об этих событиях, написанная писателем из простой крестьянской семьи. С тех пор всё, что публиковалось в газетах, журналах о жизни и творчестве Георгия Маркова, стало для меня чем-то родным и близким. Я приобретал его книги, собирал публикации.

Первая же встреча с Г. М. Марковым состоялась 7 сентября 1963 года в зале заседаний Асиновского сельского и промышленного райкома КПСС. Затаив дыхание, я слушал его почти двухчасовое выступление о жизни, работе, творчестве безо всяких шпаргалок и был горд, что из наших парней вышел в люди такой писатель.

После выступления писателя несколько человек подошли к нему, и он дал им автограф. Я также подошёл к нему, и он написал на книге «Солдат пехоты» Иркутского издательства 1948 года: «Геннадью Ивановичу Игнатову – на добрую память о нашей пер-

вой встрече в Асино, в райкоме КПСС 7.IX.1963 г. Г. Марков». В то время я ещё жил в Тегульдете и на встречу попал случайно, находясь в командировке. В 1964 году я с семьёй переехал в Асино, где познакомился и стал периодически встречаться с сёстрами Георгия Мокеевича – Антониной, Анной, Зоей, а также с братьями Иваном и Фёдором.

Общаясь с ними, я слышал много интересных рассказов из истории семьи Марковых. Из рассказов я узнавал, что многие интересные факты не были использованы братьями Марковыми в своих произведениях. В виде очерков я стал записывать некоторые события из истории семьи в хронологическом порядке, работал в архивах Асино и Томска. Составил родословную рода Марковых, встречался и переписывался с людьми, знавшими семью Марковых.

В связи с занятостью на основной работе время для занятий по краеведению было весьма ограничено, поэтому в течение десяти лет мне удалось написать восемь очерков под общим названием «У истоков творчества», которые я передал Ивану Мокеевичу для ознакомления. Очерки ему понравились, и он порекомендовал отослать их Георгию Мокеевичу для ознакомления. Я отправил рукопись и получил от него следующее письмо:

*«14 января 1975.
Дубулты, под Ригой. Дорогой
Геннадий Иванович!*

Наконец прочитал Ваши наброски книги о Марковых. Очень взволновало меня это чтение. Достоверно, искренне, с большим уважением ко всем нам Вы нарисовали историю многочисленной Марковской «родовы». Вы так глубоко изучили весь материал, что у меня не возникло никаких замечаний фактического характера. Всё верно и точно – от начала до конца. Это делает Вам честь как историку и исследователю. Ведь в таком материале можно было сбиться на субъективную отсебятину и нагородить огороды бессмыслицы и выдумки.

Очень важно и второе качество рукописи: история семьи дана не в отрыве от истории общества, а наоборот, прошита её железной нитью.

И, наконец, рукопись имеет некоторые литературные достоинства: она легко читается, местами написана живо и увлекательно (особенно всё, что относится к отъезду и возвращению наших родителей из армии).

Судя по всему, какие-то разделы будут ещё пополнены и дописаны.

Естественно задать вопрос: что же дальше? Конечно, рукописи имеют ценность, когда они превращаются в публикации. Но как это сделать? И назрело ли время публиковать это? И кто возьмётся за это? Да и невольно возникает вопрос: интересно ли это широкому читателю? Ведь моё отношение и трепет и волнение объяснимо. А вот взволнует ли это других?

Короче сказать, – возникает много вопросов, которые требуют совета. А самое печальное в том, что во всём этом я Вам не помощник. Я крайне щепетилен в каждом случае, когда речь заходит обо мне. Да иначе и не может быть. Ни словом, ни делом я не помогал ни Еселеву, ни Смоляницкому, ни Петровой в их публикациях.

И поэтому, говоря Вам слова одобрения, я на этом и останавливаюсь. Возможно, что по окончании всей работы есть смысл посоветоваться с Томским обкомом КПСС, с Западно-Сибирским книжным издательством, с какими-то редакциями журналов. Несомненно, материал заслуживает общественного внимания.

Готов выслушать на этот счёт Ваши соображения и намерения. Черкните.

Прошу Вашего разрешения ещё немного поддержать Вашу рукопись. Мне хочется, чтобы её прочитали Агния Александровна и мои дочери Оля и Катя. Кроме того, я хочу дать почитать сестре Зое и кое-кому из самых близких моих друзей. Думаю, что Вы не будете в особой претензии. Завершилось издание моего 5-томника. Вам экземпляры отложены. Отложены Вам и некоторые зарубежные издания. Всё это я постараюсь Вам переправить. Мешает мне перегрузка работой, а поручить это довольно тонкое дело я не хочу, да и некому поручить. Всё моё семейство живёт очень напряжённой жизнью.

Я сейчас нахожусь в Дубултах, под Ригой. Здесь у нас Дом писателей. Живу уже вторую неделю. Скопилось много неотложной работы, пытаюсь её сделать. Через неделю вернусь в Москву. И вот тогда хочу приступить к рассылке книг. Я ведь не послал ни в Новокусково школе, ни в Асино районной библиотеке, ни в Вороно-Пашино школе и т. д. Должник, кругом должник.

Ещё раз спасибо Вам за минуты святого волнения. От души желаю Вам всяческого добра и успехов! Жму Вашу руку!

Г. Марков»

О том, что я работал над очерками, знал редактор газеты «Причудлымская правда» А. А. Смагин и просил их для публикации в газете. После того, как я получил письмо от Г. М. Маркова, в котором он положительно отозвался об очерках и назвал рукопись книгой

о Марковых, в газете был опубликован первый очерк, вызвавший большой интерес у читателей. Был опубликован ряд отзывов и просьб продолжить публикацию. И в 24 номерах газеты очерки были опубликованы.

Вот как отозвался о публикации очерков в газете «Причулымская правда» секретарь правления Союза писателей СССР, председатель Совета по работе с молодыми литераторами О. Н. Шестинский: «Местный литератор-краевед Г. Игнатов в 24-х номерах газеты опубликовал исследование о той жизненной народной почве, на которой выросло творчество Г. Маркова. Я прочитал это исследование залпом, как увлекательную повесть: в нём сочетаются описания быта Сибири, ярких, колоритных личностей, исторических событий, серьёзный литературный анализ, и всё это изложено языком настоящей художественной прозы. А опубликовано-то в районной газете. Какие интересные люди живут в сибирской глубинке и своим трудом поднимают эту глубинку до уровня большой литературы наших дней!» («Вопросы литературы», 1978 г., № 4, стр. 61-62).

А в книге «В поисках поэзии и правды», М., 1983 г., Г. М. Марков пишет: «...Интересно, что нашёлся один исследователь, который написал историю нашей деревни, нашу родословную, Геннадий Иванович Игнатов, краевед, историк. Когда читаешь, то поражаешься: за этой, казалось бы, частной историей встаёт большой общественный фон, история страны встаёт».

После опубликования моих очерков в газете «Причулымская правда» директор типографии А. Я. Чернышев переплёл их, и они были вручены Г. М. Маркову и Е. К. Лигачёву. Через два дня Лигачёв вечером часов в 11 позвонил мне, поздравил с публикацией и сказал, что прочёл очерки, как приключенческий роман, и не уснул, пока не дочитал. «Спасибо! Спасибо! Может быть, у вас есть какие-либо проблемы? Скажите, и они будут разрешены». Я сказал, что нет никаких проблем. Он хорошо отозвался об этих очерках на юбилейном вечере Г. М. Маркова в Москве, где и нам с сыном Александром довелось быть. В последние годы до отъезда в Москву Лигачёв несколько раз звонил мне на квартиру и интересовался, не возникло ли каких проблем.

Некоторые жители района покупали газеты с очерками и высылали их родным и знакомым в разные уголки страны. Так один из очерков оказался в Иркутске, его прочёл редактор альманаха «Сибирь» Б. Ф. Лапин. Он обратился с письмом в газету «Причулымская правда» с просьбой сообщить адрес автора очерка. Через некоторое время я получил предложение о публикации очерков в альманахе. И в шестом номере за 1975 год очерки были опу-

бликованы, а затем ещё через десять лет, в 1986 году, в Иркутске вышла книга очерков под названием «Истоки».

Г. М. Марков высоко ценил очерки. Он ежегодно приглашал меня в Москву, почти каждую неделю звонил по телефону. Его интересовала жизнь родного села, района, города. Иногда спрашивал о некоторых работниках, односельчанах, о проблемах села. Видимо, ему была необходима связь с людьми из родного края. «Когда крайне нужно позвонить, то звоните мне по прямому телефону 202-27-61», – говорил он.

Бывал с ним в его рабочем кабинете в Союзе писателей или на прогулке на даче в Переделкине, при встречах с такими известными писателями как В. М. Кожевников, В. В. Карпов, В. П. Катаев, С. В. Михалков, В. Г. Распутин, С. В. Сартаков, Л. М. Леонов, К. М. Симонов, Р. И. Рождественский и многими другими, он представлял меня как своего биографа, на что я говорил ему: «Георгий Мокеевич! Ну, какой я биограф?». На что он отвечал: «Главную работу по истории нашей семьи проделали вы, а воду подливать у нас умеют многие. На основе ваших очерков будут написаны ещё книги». И правда, ко мне приезжали и пользовались моими материалами И. П. Мотяшов, Н. П. Толченова, М. Н. Ломунова. Знакомились с очерками С. В. Смоляницкий, Г. А. Колесникова. Все они написали книги о жизни и творчестве Г. М. Маркова.

Иногда моё пребывание в Москве во время отпуска приходилось на выходные или праздничные дни, и тогда Георгий Мокеевич приезжал ко мне в гостиницу «Москва» или приглашал к себе на квартиру, или же мы уезжали на дачу в Переделкино, где вели продолжительные беседы на различные темы. Иногда в своей записной книжке я делал пометки об этих беседах. Расскажу о некоторых из них.

В беседе 10 мая 1980 года я спросил его, что он думает о культе личности Сталина. На что он ответил: «Вся наша семья очень много пережила в этот период. Были арестованы и затем расстреляны брат отца Василий Фролович, муж сестры Прасковьи Мокеевны Николай Емельянович Анучин, были арестованы муж сестры Клавдии Мокеевны Иван Игнатьевич Петрушин и брат Иван Мокеевич. Я склонен думать, что культ Сталина значительно сложнее, чем мы об этом знаем сегодня. Нужно ещё длительное время, когда будут доступны и изучены архивы, все источники этого явления. Я считаю, что Сталин сам был жертвой этого культа. Допускаю мысль, что ко всему этому явлению была приложена рука международного сионизма и агентуры фашизма».

Вспоминая этот период, Георгий Мокеевич рассказал: «Кандидатом в партию я вступил в 1929 году у водников, а в 1930

году был принят в члены ВКП(б). В Омске в 1935 году я проходил «чистку», но потом, после ареста брата Ивана, меня пригласили в обком партии, взяли партийный билет под видом проверки и не вернули. А вскоре исключили из партии и сняли с работы редактора молодёжной газеты. Я поехал в Томск и попытался устроиться на работу, но нигде не принимали.

Потом я встретил бывшего комсомольского работника, который работал директором винно-водочного завода, тот предложил мне работу кладовщика. Я отпускал водку, выписывал фактуры, но через несколько дней директор пришёл ко мне и сказал, чтобы я получил деньги – 4 рубля 50 копеек – за отработанные дни и уходил с работы, так как кто-то сообщил в НКВД, что здесь принимают исключённых на работу. Назначена была комиссия по проверке.

Я не пошёл в кассу, потому что могли арестовать. Повернулся и поехал к отцу в деревню Новокусково. Отец выслушал меня и сказал, что все эти дела не по Ленину, это ошибка и надо какое-то время переждать. И увёз меня в избушку на Чулым.

В марте 1937 года я подал заявление в Контрольную партийную комиссию в Новосибирске. Через адрес в Томске мне сообщили, чтобы я прибыл на комиссию. Поезд опоздал, и я напрямую быстро пошёл по указанному адресу в комиссию. Но по дороге встретил старого революционера с 1907 года в партии – Яна Петровича Рынкевича, которого хорошо знал. Увидев меня, он спросил: «Ты куда?». Я рассказал, что на комиссию. Но он вскрикнул: «Назад! Назад!». И рассказал, что всех, кто приехал на комиссию, арестовали, а ему удалось уйти через чёрный ход. «Надо переждать, может быть, даже уйти в подполье», – посоветовал он мне. Я не мог не поверить этому большевику.

Вновь я поехал к отцу в деревню и жил то на вышке в домике на Мокеевке, то в рыбацком стане, то в охотничьей избушке на Юксе, то на Чулыме. Но поскольку жена Агния Александровна жила в Иркутске, я решил поехать к ней с намерением обосноваться там на постоянное жительство.

В 1938 году приехал в Москву, подал документы и ждал рассмотрения моего заявления. Но шли недели, дело не двигалось. Многие жили там месяцами. Накопились сотни исключённых, в основном большевики, прошедшие подполье царской России. Потом стало известно, что готовится арест всех прибывших. Было решено всем разъехаться, уйти».

В одной из бесед я спросил Георгия Мокеевича о его образовании. Вот что он рассказал: «В 1930 году я поступил в Томский государственный университет, но в конце года был направлен

на работу в Новосибирск и перешёл на самостоятельную подготовку по программе ТГУ с целью сдать экстерном. Помогала мне Вера Наумова-Широких. К 1936 году я думал завершить университетскую программу, написать дипломную работу, но в связи с исключением из партии и снятием с работы учёбу пришлось прекратить.

Вторая попытка была в 1941 году в Иркутске. Дали согласие принять экзамены экстерном, но началась война и было уже не до этого. В связи с занятостью на работе просто не доходили руки.

Во время последних поездок в Томск мне предлагали в ТГУ «сдать экзамены» и получить диплом, но я счёл всё это неуместным. В анкетах всегда пишу «образование – незаконченное высшее».

Однажды в беседе я спросил Георгия Мокеевича об истории присуждения ему Сталинской премии за роман «Строговы». Вот что он рассказал: «Сталин невероятно много читал. Его нормой было ежедневно просматривать до пятисот страниц. Он владел чтением с листа. Внимательно следил за литературой и хорошо знал её. Роман «Строговы» был в печати и уже набран, а глава, где идёт речь о Ленине, несколько месяцев находилась в Кремле. Редактор уже говорил мне, что если на днях её не будет, то они будут печатать книгу без этой главы.

Дело в том, что после того, как Аллилуева, сестра жены Сталина, опубликовала свою книгу, в которой были допущены извращения, ошибочные личные впечатления, выводы, книга была изъята. Сталину было поручено просматривать такую литературу. Было принято постановление ЦК, в котором отмечено: всё, что имеет отношение в литературе к имени Ленина, Сталина, Свердлова, Дзержинского, Калинина, Куйбышева – публиковать только после просмотра Сталиным.

И вот роман «Строговы» был просмотрен Сталиным и одобрен. Поскрёбышев позвонил в редакцию, что книга одобрена и можно печатать. Книга была напечатана. После публикации появилось много положительных откликов. И хотя с нарушением сроков, с опозданием, но книга была выдвинута на соискание Сталинской премии.

Писал свой отзыв и Константин Федин, который рекомендовал присудить премию второй степени. При рассмотрении Сталин докладывал о содержании обсуждаемой книги, а решение принимало Политбюро.

Были случаи, когда Сталин прислушивался к мнению людей, знающих литературу. Так, когда обсуждалась книга Е. Е. Поповкина «Семья Рубанюк», Сталин сказал, что это скорее не роман, а

очень рыхлое повествование, и отклонил от премии. Это решение стало известно С. Н. Сергееву-Ценскому, который являлся почётным академиком. Он послал Сталину телеграмму: «Мне стало известно, что роман Поповкина «Семья Рубанюк» отклонён. Я считаю, что это неверно, и просил бы пересмотреть решение, так как роман написан хорошо и заслуживает внимания». Телеграмма была зачитана на заседании Политбюро, где Сталин сказал: «Сергеев-Ценский знает литературу лучше!». И предложил присудить премию.

О романе «Строговы» Сталин сказал, что роман написан интересно, на основе острых революционных и социальных событий, и предложил присудить премию.

Своей дачи Г. М. Марков не имел, а арендовал её у Союза писателей. Весело, непринуждённо проходили здесь встречи, когда собиралась вся семья Марковых. «Если у нас иногда собирается 10–12 человек, а вот у отца в Новокусково собиралось до 35 человек, – вспоминал он. – В предыдущие годы, когда я сам занимался садоводством, то были на даче и ягода, и яблоки, но когда поручили всё молодым, ничего не стало. Всё запустили. Все заняты своими делами. На даче больше всего растут ели. А вот две пихты, присланные из Сибири и посаженные Агнией Александровной. Был ещё кедр, но засох. Пихты и ели как-то действуют угнетающе, да и сосны тоже. Конечно, жизнерадостнее берёзки и смешанные леса, особенно красивы наши сибирские колки на полях. Когда были живы братья Иван и Фёдор, мы обсуждали вопрос о том, чтобы в Сибири, в лесу, где-то в селе или у села купить избушку, где бы мы встречались и занимались творческой работой. Причём Иван настаивал, чтобы она была на Чулыме, а Федор – чтобы на Оби или Томи. Но, к большому сожалению, оба они уже ушли из жизни и теперь это ни к чему», – с болью говорил он.

«Надвигается старость, но надо жить и работать. Старики говорили: о смерти думай, а рожь сей», – повторял он.

Обычно во время обеда в беседе с гостями дети также принимали участие. Эта традиция сохранилась в семье от Мокея Фроловича.

В семье Марковых очень любили пословицы, поговорки, а также высоко ценили меткое слово. Как-то, находясь в квартире Ивана Мокеевича, я листал дореволюционную книгу «Город Томск» издания 1912 года. В ней я обнаружил корешок почтового перевода, где для письма рукой Георгия Мокеевича было написано: «Мама! Высылаю перевод на «шило-мыло». Ваш Георгий». На корешке стоял почтовый штамп 1934 года.

Георгий Мокеевич не лишён был чувства юмора, и в детстве и

юности в святки, да и на вечеринке среди родных и близких людей его можно было видеть в юбке и кофте Евдокии Васильевны, повязавшего голову платком, он важно приплясывал и прохаживался по кругу, напевая деревенские частушки. Иногда мог нахлобучить фуражку и изображать Жигана из кинофильма «Путевка в жизнь», которого в фильме играл Михаил Жаров.

Глядя на число посетителей к Георгию Мокеевичу, на то, сколько эта текучка отнимает у него времени, я говорил ему, что всё это выбивает из колеи и мешает творческой работе. На что он отвечал: «Каждого из пришедших я должен выслушать внимательно и по возможности оказать помощь по существу, а где и советом. В нашем цехе нет писателей ниже Льва Толстого», – шутя говорил он.

Однажды мне удалось найти складную довоенную металлическую ручку, которой Г. М. Марков работал над первой книгой романа «Строговы». Я показал ему эту ручку, что это, действительно, его ручка. Потом спросил, какой ручкой предпочитает работать он теперь. «Я пишу только авторучкой, причём мелким убористым почерком. К. А. Федин писал ручкой с обычным пером и чернилами и не терпел авторучек. У К. М. Симонова последние годы были две стенографистки-машинистки. У всех свои привычки.

В Иркутске мне пришлось встречать Илью Эренбурга и Пабло Неруду, которые проездом остановились в городе. Прихожу утром в гостиницу, а И. Г. Эренбург уже печатает на машинке. Я спрашиваю у него: «Вы и здесь работаете?». А он отвечает: «У меня не так много времени, чтобы его попусту растрачивать, поэтому я и здесь, и везде работаю. Даже в вагоне, беру купе и всю дорогу работаю».

В беседе 10 мая 1980 года я спросил у Г. М. Маркова: «Как нужно рассматривать увлечение Л. И. Брежнева получением орденов, званий Героя, маршала? Всё это вызывает недоумение, люди спрашивают и даже возмущаются». На это Георгий Мокеевич ответил: «Не все люди выдерживают испытание властью и славой, не у всех хватает скромности и самокритичности. В народе это явление называют старческим чудачеством», потому и сравнивают «старый и малый». Затем я спросил: «Почему иногда по телевидению показывают Л. И. Брежнева в таком состоянии, что он не может связать двух слов, видно, что он очень болен?». «Всё это очень сложно, многое зависит от окружения того или иного деятеля. Трудно что-либо изменить или повлиять на сложившиеся установки, порядки», – ответил он. Меня также интересовал вопрос: «Почему так трудно он говорит, неужели не могут сде-

лать удобную челюсть для такого человека?». На это он сказал: «Лучшие специалисты не могут сделать удобного протеза. Дело в том, что во время войны он получил ранение челюсти, и это не позволяет сделать хороший протез».

19 апреля 1981 года зашла речь о песенном творчестве. Я спросил у Георгия Мокеевича, какие у него любимые песни. «Таких песен очень много. Начиная от песен юности А. Жарова «Вперёд, заре навстречу», «Ходили мы походами», на слова Е. Долматовского «Моя любимая». Но ближе всего песни на слова М. Исаковского «Огонёк», «Катюша», «Одинокая гармонь», «В лесу прифронтовом», «Летят перелётные птицы», «Услышь меня, хорошая», «Мы с тобою не дружили», «Где ж вы, очи карие!..», «Враги сожгли родную хату», на слова А. Суркова «В землянке», на слова А. Фатьянова «Золотые огоньки», «Где же вы теперь, друзья-однополчане», «Перелётные птицы», на слова М. Лисянского «Моя Москва», на слова Л. Ошанина «Дороги», на слова В. А. Агапова «Тёмная ночь» и некоторые другие», – так он ответил на мой вопрос.

В томской областной газете «Красное знамя» № 228 от 4 декабря 2020 года была опубликована информация П. Атарова «Единственный», в которой сообщалось: «Единственный писатель в мире, которому поставили памятник ещё при жизни, не Шекспир, не Гёте, а наш соотечественник Георгий Мокеевич Марков. Он удостоился этой чести после получения второй Звезды Героя Социалистического Труда». Земляки писателя были возмущены этой надуманной и безответственной информацией.

Это была попытка оклеветать имя дорогого для нас, сибиряков, человека и писателя, которого мы не понаслышке знаем лучше, чем некий Атаров, и сохраняем о нём светлую память, достойную его творчества и общественной деятельности.

И сотрудникам газеты «Красное знамя» следовало бы знать, что никто, никогда, нигде такого памятника не устанавливал. Хотя по положению дважды Героям Социалистического Труда на родине должен устанавливаться бюст. Мне довелось иметь к этому некоторое отношение.

В феврале 1987 года по приглашению Союза писателей я собрался ехать в Москву. Из Томского обкома КПСС позвонили в Асиновский горком партии, чтобы перед поездкой я зашёл к первому секретарю обкома Е. К. Лигачёву. Е. К. Лигачёв попросил меня, чтобы я узнал в Москве о готовности бюста Г. М. Маркова, который должен быть установлен на его родине. Прошло уже три года со времени присвоения звания, а с бюстом ничего не ясно.

В Союзе писателей я узнал, что бюст поручено создать известному скульптору Комову Олегу Константиновичу. Я созвонился

с ним, и он пригласил меня на следующий день 12 февраля к 10 часам утра в его мастерскую, которая находилась по улице Кастонаевской, дом № 1а.

В мастерской говорили о скульптуре. Он показал мне ряд своих работ, в том числе памятник Индире Ганди, памятник «Ленин и Крупская», работы пушкинской тематики. Когда же я спросил его о работе над бюстом Г. М. Маркова, он сказал, что от него не зависит, будет ли этот бюст, и показал мне два наброска карандашом портрета писателя. «Всё зависит от Георгия Мокеевича. Он был у меня всего два раза, а нужно, чтобы он побывал у меня хотя бы семь раз. Ссылаясь на занятость, он не посещает мастерскую». О. К. Комов просил меня, чтобы я переговорил по этому вопросу с Г. М. Марковым.

После встречи с Комовым я зашёл к Георгию Мокеевичу и передал слова скульптора и просьбу Е. К. Лигачёва, а также от себя лично просил о необходимости посещения мастерской. Выслушав меня, Г. М. Марков сказал мне: «Всё это никому не нужная суета. Думаю, что земляки проживут и без этого бюста». Но я всё же просил его посещать мастерскую. Всё это нужно для людей.

По возвращении из Москвы в Томск я зашёл к Е. К. Лигачёву и проинформировал его о встречах со скульптором О. К. Комовым и с Г. М. Марковым и просил его вмешаться в решение этого вопроса.

Но, к сожалению, бюст так и не был исполнен, а следовательно, нигде и не устанавливался.

6 июня 1982 года зашла речь о романах А. Б. Чаковского и И. Ф. Стаднюка. Георгий Мокеевич рассказал, что во время работы над своими романами они консультировались у В. М. Молотова, который в беседе им сказал: «Вот Марков знает, что такое большевизм, я с удовольствием прочёл его роман «Сибирь» и расспрашивал, что за писатель Марков, сколько ему лет. Я думал, что он сам прошёл ссылки в Сибирь, революцию».

«При создании образа Горбякова в романе «Сибирь» мною многое было взято из жизни отца писателя Василия Михайловича Кожевникова – Михаила Петровича», – заметил Георгий Мокеевич.

Беседуя с помощником первого секретаря Союза писателей СССР В. Я. Шорором, он рассказал мне: «За четыре года, как я работаю в секретариате, ни разу не слышал, чтобы Георгий Мокеевич когда-либо повысил голос. Если я не знаю какого-то вопроса, обращаюсь к нему. Он обычно говорит: «Я бы на вашем месте сделал вот так...». И подскажет оптимальный вариант. Если он не знает какого-то вопроса, то прямо говорит об этом. И его консульти-

ругут. Работать с ним интересно и легко, одно удовольствие. Его рабочий день официально должен начинаться с 13 часов, но он обычно приходит раньше – к 11, а иногда к девяти часам утра.

Как-то один из писателей пожаловался ему на то, что он выступал по радио и ему за двадцать минут оплатили всего сто двадцать рублей. Георгий Мокеевич выслушал писателя и заметил: «Знаете, ведь моя дочь Катя работает за сто двадцать рублей в месяц».

Находясь в мастерской народного художника России, профессора московского архитектурного института Якова Никифоровича Скрипкова, служившего в военные годы на Дальнем Востоке ответственным секретарём газеты «Натиск», органа 61-й танковой дивизии, я поинтересовался, не приходилось ли ему встречаться в годы службы с Г. М. Марковым.

Вспоминая о встречах с Г. М. Марковым, Яков Никифорович говорил: «Он произвёл на меня необыкновенное впечатление и поразил аудиторию своей эрудицией, ласковостью, культурой речи. Я вначале даже не знал, что он писатель, но мне хотелось с ним встречаться и говорить».

О романе «Строговы» я узнал в 1943 году, прочёл и был участником читательской конференции в Иркутске. В том же году мы встретились с писателем в Чите также на конференции. Георгий Марков был сотрудником газеты Забайкальского округа «На боевом посту». Было много корреспондентов из других газет. Мы жили в одной комнате пятеро, а койки были только на четверых. Марков предложил: «Давай мы с тобой будем спать на одной койке, мы оба худые, поместимся». И спали с ним три ночи. Он поразил меня простотой, доступностью, доброжелательностью, интеллектом. Огромное впечатление произвёл на нас его доклад «О сибирской литературе». Говорил он красиво, без всяких шпаргалок. Много цитировал. За свою жизнь лучшего доклада я не слышал. Мне хотелось написать его портрет. И до сего времени имею такое желание. На конференции я рисовал шаржи на Георгия Маркова с надписью: «О нём не судите строго вы, написан роман им «Строговы». Были шаржи на И. Молчанова-Сибирского, И. Луговского:

«Блестят на солнце лбов Монбланы
И мощных лысин ледники,
О, если б эти великаны
В стихах так были велики».
На мой шарж на А. Гайдая был чей-то стих:
«Зелёные клёны шумят, не смолкая,
В зелёных стихах Александра Гайдая».

Георгий Мокеевич очень заинтересовался этими шаржами, часть из них он забрал с собой для публикации.

В армии на мои стихи постоянно исполнялись строевые и лирические песни: «Песня миномётчиков» (муз. В. Голованова), «Посылка» (муз. В. Голованова), «Партизаны» (муз. В. Голованова), «Песня Яковлевцев» (муз. В. Голованова), занявшая первое место на конкурсе, «Походная строевая» (муз. А. Хибарного), «Песенка снайпера», «Героическая красноармейская», «Марш забайкальских танкистов», сатирическая пения «Весенние романсы Фрица и Ганса» (муз. В. Голованова).

Мои лирические стихи, частушки, плакаты, сатира в стихах, карикатуры постоянно печатались в газетах.

С Г. М. Марковым мы постоянно поддерживали связь, на стихи обычно отвечал И. И. Молчанов-Сибирский, а на прозу – Георгий Марков».

В переписке с Ольгой Георгиевной, старшей дочерью Г. М. Маркова, я спросил у неё, каким был её отец в быту, дома, на отдыхе. Вот что она сообщила: «Очень спокойный, уравновешенный, абсолютно лишённый злости и зависти. Жестоко пострадал в 1937 году, остался самим собой и не поколебался в своей правоте.

Вечерами на даче папа любил разводить костры, чтобы вся семья, оставив все дела, посидела у огня. В эти минуты он много вспоминал о молодости, о родном крае.

Отец любил собирать гостей, сам ехал в «Прагу», накопил «вкусности». Обожал родственников – это было как ритуал: примерно раз в полгода встречаться у нас. Любил наших друзей, всех хорошо знал. На даче мы часто играли в городки. День рождения у меня 25-го августа. Обычно мы его отмечали на улице, с обязательными «городками» перед чаем и костром напоследок. Очень интересовался, как меняется жизнь Подмосковья и города. Иногда в воскресенье говорил Марине: «Садись, Маринка, за руль, поедem в Одинцово (или куда-нибудь ещё), посмотрим, что там нового». Или мне: «Пойдём обедать в ресторан «Москва», посмотрим с высоты на город (с последнего этажа гостиницы)».

Любил ходить «по кругу» в Переделкино, иногда во время прогулки вдруг хлопал себя по лбу: «Всё, Оля. Быстро домой. Поймал!». Это значит, что та бесконечная творческая, невидимая работа в мозгу временно завершена и требует записи на бумаге. Работал много и жадно. Однажды нам перебежала дорогу кошка. Мы повернули. Она нас догнала и опять перебежала. Мы посмеялись, мол, обратно пойдём? Не пошли. А наутро у папы произошёл инфаркт. Вот и не верь в приметы!

Умирал отец тяжело, из больницы мы его взяли, ибо так ему

обещали. Не знаю, откуда, наверное, Филипп принёс, все последние дни перед папой на тумбочке стояла иконка. Предпоследние слова были «берегите маму». Всю жизнь он её очень любил.

Последние слова – что-то о работе, о «Литфонде», в котором в это время уже процветали дразги. Всё рушилось, всё ломалось...

...С папой я много ездила, вот тогда, в 1968 году, мы проплыли по Томи и Оби до Колпашево на катере «Культработник». В определённых местах мы причаливали к берегу и везде встречались с людьми и районным начальством. Был конец августа, стояла чудная погода, но на берегу жизнь отравляли нам комары.

В то время в обкоме папе сказали: «Выберите себе место на Томи, и мы построим вам там домик». Реально отец понимал, что жить в нём не сможет: расстояние от города, работа в Союзе писателей, проблема с продуктами делали это неосуществимым. Но мечту эту он лелеял, сказочную, неосуществимую мечту – иметь заимку на реке в родном месте. И вот, проплывая, вдруг мы увидели песчаный мыс и, чуть отступив от берега, заросли кедровника. Красота и тишина. «Вот тут бы...», – выдохнул папа и замолчал. Я как сейчас помню это место, освещённое вечерним солнцем, зовущее и недосягаемое...».

Во время поездок в Москву обычно я останавливался в гостинице «Москва», где мне бронировали номер. Гостиница находилась недалеко от Союза писателей и от квартиры Г. М. Маркова.

Мой сын Александр живёт в Ленинграде. Однажды Георгий Мокеевич говорит: «А что же вы не пригласите к себе Сашу? Места в номере у вас хватит, а ему будет интересно». Я звонил в Ленинград, и сын появлялся у меня в номере и вместе со мной участвовал во всех мероприятиях. Он хорошо фотографировал и сделал в разное время немало снимков с участием Г. М. Маркова, многие из которых публиковались в газетах и книгах.

Георгий Мокеевич был удивительно внимательным человеком, иногда я просто неудобно себя чувствовал, видя, сколько внимания он уделяет моей персоне.

Обычно он каждый вечер звонил мне и предлагал программу на следующий день. Например: «Как вы смотрите, если 16 мая 1980 года вас пригласят на вручение Ленинских премий в Кремле?». Конечно же, мы были рады с сыном такому приглашению. И вскоре к нам в номер приносили приглашение.

Вручение премий происходило в Свердловском зале Кремля. В первом ряду сидели кандидаты в лауреаты Ленинских премий, нам дали билеты в середине второго ряда. Заседание открыл председатель комитета по Ленинским и Государственным премиям в области литературы, искусства и архитектуры при Совете

Министров СССР Г. М. Марков. Он вручил дипломы и удостоверения, а также медали лауреатов известным артистам И. В. Ильинскому, А. И. Райкину, В. В. Тихонову, В. С. Лановому, А. Б. Соловьяненко, поэту Е. А. Исаеву, писателю Н. В. Думбадзе, художнику Д. А. Шмаринову и многим другим. Аркадия Райкина привезли из больницы, и чувствовал он себя не очень хорошо. В зале находились родные, друзья лауреатов, которые сердечно поздравляли их. После официальной части к нам подошёл Георгий Мокеевич, при нём мы с сыном поздравили Вячеслава Тихонова, Василия Ланового и Егора Исаева с присвоением звания и обменялись несколькими словами. К сожалению, фотоснимков с этого замечательного события нам сделать не удалось, так как при входе фотоаппараты нам предложили сдать в камеру хранения.

10 февраля 1987 года Георгий Мокеевич вручил мне приглашительный билет в Большой театр на заседание, посвящённое 150-летию со дня гибели А. С. Пушкина. В билете было указано второе место в седьмом ряду партера. Моими соседями по месту оказались С. В. Михалков, Е. А. Исаев, А. Д. Дементьев, С. П. Залыгин, М. Карим. Они заняли места после официальной части, до этого были в рабочем президиуме.

В восемнадцать часов на сцене появились члены президиума, с левой стороны направо заняли места С. Михалков, К. Лавров, Г. Свиридов, В. Воротников, М. Соломенцев, Е. Лигачёв, Н. Рыжков, А. Громыко, М. Горбачёв, В. Захаров, Г. Марков, И. Архипова, Л. Леонов, Т. Хренников, Г. Уланова, В. Терешкова и другие. Заседание открыл министр культуры В. Г. Захаров, выступали Г. М. Марков, Е. А. Исаев, Б. И. Олейник, Ч. Т. Айтматов, И. В. Абашидзе, Г. В. Свиридов, К. Ю. Лавров. Затем был объявлен перерыв, после которого шла большая художественная программа, посвящённая А. С. Пушкину.

Благодаря вниманию Георгия Мокеевича много интересного довелось увидеть в Москве, встречаться с известными писателями, поэтами. Многие из них дарили свои книги с дарственными надписями. За долгие годы таких встреч в моём книжном шкафу набралось более 1500 томов. Среди них книги К. М. Симонова, Н. С. Тихонова, Я. В. Смелякова, А. В. Сафронова, Н. К. Старшинова, А. А. Суркова, Р. И. Рождественского, Л. И. Ошанина, Л. А. Озерова, С. В. Михалкова, В. А. Кочетова, В. М. Кожевникова, Г. И. Коновалова, М. А. Шолохова, А. Г. Алексина, И. Л. Андронникова, А. Л. Барто, М. В. Исаковского, В. П. Катаева, Л. М. Леонова, В. В. Липатова, А. И. Приставкина, С. П. Щипачёва, М. С. Шагинян, А. Б. Чаковского, К. А. Федина, Л. К. Татьяничевой, Л. Н. Мартынова, А. С. Иванова и многих других.

Георгий Мокеевич любил родной край и своих земляков. Как

только у него появлялась возможность, он периодически приезжал на родину. Таких посещений было немало. Коротко расскажу об одной из встреч, которая, к сожалению, оказалась последней. О предстоящей поездке он предупредил меня. Я высказал ему просьбу А. Д. Колтыкова о том, чтобы во время пребывания писателя в районе организовать встречу с активом района и в завершение поездки выехать на природу. Я предложил ему поехать на Бахтольскую старицу, где он бывал мальчишкой с отцом на рыбалке. Он сказал, что выполнит просьбу.

Из обкома партии позвонили, что Г. М. Марков будет в Асино 26 августа 1979 года. Утром А. Д. Колтыков, В. А. Никитенко, А. В. Крикунов и я выехали встречать гостя на границу района.

В 10 часов 30 минут Г. М. Марков и секретарь обкома партии по идеологической работе П. Я. Слезко на «Чайке» подъехали. Вышли из машины, поздоровались, переговорили и поехали в горком партии, где в кабинете первого секретаря была непродолжительная беседа. А в 12 часов в зале заседаний горкома была встреча с активом района. Зал был полон, люди стояли в проходах. Георгий Мокеевич говорил более часа о работе писателя, а также о Союзе писателей. Было задано много вопросов, на которые он ответил. Многие из актива попросили автографы. Он выполнил все просьбы. Затем поехали в ресторан на обед, где в малом зале был накрыт стол. В рюмках было налито красное вино, но Георгий Мокеевич только пригубил. На обед подали свежую бруснику, сибирские пельмени, пирог с рыбой.

После обеда поехали в Новокусково. У библиотеки, на строительство которой Г. М. Марков передал Ленинскую премию за роман «Сибирь», а также передал в фонды библиотеки около трёх тысяч книг с дарственными надписями писателей, писателю хлеб-соль вручил председатель сельского совета М. Ф. Мигунов и две очаровательные девушки в русских сарафанах. В библиотеке знатный механизатор района В. Г. Левзак вручил символический сноп пшеницы. Осмотрели библиотеку, альбомы, книгу «Голос читателя». В читальном зале произошла встреча односельчан с писателем. Георгий Мокеевич говорил о новокусковцах, о войне.

Встреча была настолько волнительной, что у писателя навернулись слёзы. Работники библиотеки попросили его сфотографироваться с ними. Снимок был сделан. Замечу, что всю поездку запечатлел на фотографиях мой сын Александр.

Из библиотеки вышли и проехали по улицам села, а затем подъехали к сельскому кладбищу, где постояли у могил близких Георгию Мокеевичу людей – матери Евдокии Васильевны, отца Мокея Фроловича, старшего брата Павла, сестры Клавдии.

По первомайской дороге проехали к паромной переправе, откуда на служебном катере ДОКа добрались до устья Бахтольской старицы, где была поставлена палатка и рядом с ней был разведён костёр. Л. В. Калинина и Н. Н. Клюева готовили уху. В одном ведре варили нельму, весом килограммов пять, а во втором булькала уха из стерляди. Рыбу по просьбе А. Д. Колтыкова поймали рыбаки-любители В. Н. Кольцов и А. В. Ковалевич. Они ночь провели на рыбалке.

На обед были приглашены руководители горкома и горисполкома. Мы с Георгием Мокеевичем пошли искать место, где была землянка его отца. Но нас ни на минуту не оставляли вдвоём. П. Я. Слезко заметил это и резко произнёс: «Да оставьте вы их хотя на минуту одних». Это подействовало.

Мы прошли через луговину и на берегу отыскивали место, где была землянка. От неё осталось только небольшое углубление. Здесь я сделал снимок Г. М. Маркова на фоне старицы, который очень нравился ему. Снимок был опубликован в «Литературной газете». Этим снимком открывается пятитомное собрание сочинений писателя. Затем мы вернулись к палатке, где наши повара разливали уху. Выпили по рюмке коньяку. Произнесли тосты за здоровье гостя, за его творчество.

Георгий Мокеевич много рассказывал о своих поездках за рубеж, о связях писателей, о работе Союза писателей и о многом другом. Разговор был искренним и непринуждённым, с юмором. Слушая писателя, глядя на его могучую спортивную фигуру, удивительно красивое пышущее здоровьем лицо, не могло возникнуть мысли о том, что эта его встреча на родине окажется последней.

Многие годы общаясь с Г. М. Марковым и другими известными людьми, я пришёл к выводу: чем выше интеллект человека, тем он проще, доступнее, внимательнее.

Мне много раз приходилось бывать в рабочем кабинете первого секретаря Союза писателей СССР Г. М. Маркова, когда к нему приходили посетители с просьбами и жалобами. Даже когда мы бывали на прогулке на даче в Переделкине, то обязательно кто-нибудь остановит нас с просьбами к Георгию Мокеевичу. И всякий раз я удивлялся вниманию, терпению, простоте, доступности и доброте этого замечательного человека.

Мне довелось иногда обедать с Георгием Мокеевичем на даче, на квартире, в столовых, ресторанах, в буфетах. И всякий раз я удивлялся, сколь мало он ест хлеба. Возьмёт в руку кусочек со спичечную коробку и весь обед закончит с этим кусочком. Я как-то заметил ему, что мы ещё закажем хлеба, на что он ответил:

«Я так же, как и вы, когда-то употреблял хлеб с кашей и лапшой, но когда стал много ездить за рубеж, то от этой привычки пришлось отказаться».

Удивительно было видеть, как он красиво кушал рыбу. Так работает её, что весь скелет рыбки остается целёхонек, ни одна косточка не нарушена.

При приезде к реке он обязательно спускался к воде, умывал лицо и не утирал его. Оно высыхало на солнце. Это было непременным ритуалом на Чулыме, на Оби или на Томи. Некоторые любители спиртного иногда спрашивают, как Г. М. Марков относился к выпивке.

Мне приходилось с ним выпивать у него на квартире, в ресторанах, на юбилейном вечере, на пикнике с ухой. Обычно эта выпивка ограничивалась единственной рюмкой для него и то только в нерабочее время.

Когда же мне приходилось бывать у него на квартире или на даче в Переделкино, то перед обедом или ужином Георгий Мокеевич раздвигал дверку шкафа, в котором стояли бутылки с винами и водкой, и, обращаясь ко мне, говорил: «Ну что, Геннадий Иванович, будем соблюдать русский обычай, и что выпьем?». Обычно я отвечал: «По рюмке «Посольской» можно». И мы, чокнувшись, выпивали. На этом выпивка и заканчивалась. Я никогда не видел Георгия Мокеевича изрядно выпившего. Он всегда знал место, меру и время для подобных мероприятий.

Как-то раз за разговором я допоздна задержался на квартире Георгия Мокеевича, и он предложил переночевать у него в кабинете. Я согласился, поблагодарил за внимание, и мы продолжали беседовать. Наши разговоры то и дело прерывали телефонные звонки. Звонит кто-то из ответственных работников ЦК КПСС и говорит о том, что надо снять с работы Всеволода Кочетова, который в то время работал редактором журнала «Октябрь». На что Георгий Мокеевич ответил: «Не снимать Кочетова надо, а таким секретарям Союза писателей, как Михалков, Тихонов сходить и попроведовать его в больнице, где он лежит после инфаркта. Вот это будет по-товарищески», – говорил он.

В конце 90-х годов прошлого века злопыхатели пытались оклеветать Г. М. Маркова, обвиняя его в злоупотреблении по изданию своих книг. Журналистка Ильина дописалась до того, что утверждала, будто книгами Маркова завалены склады и их никто не приобретает. Это являлось злонамеренной клеветой и не соответствовало действительности. Мне в те годы более 17 лет приходилось бывать по работе в Асиновском, Зырянском, Тегульдетском, Верхне-Кетском, Первомайском и Туганском районах,

где я всегда посещал книжные магазины, и всюду книги Маркова пользовались большой популярностью и спросом. Приобрести их можно было только случайно. Обычно на них записывались на очередь в обществе книголюбов. В городе Асино на очередь записывалось иногда более ста книголюбов, а книжный магазин получал из Новосибирска 10–20 экземпляров на весь район.

В библиотеках города и сёл, чтобы получить книги Маркова, также велась очерёдность. Чтобы получить и прочесть книгу, приходилось ожидать очередь иногда не один месяц. Герои Георгия Маркова были любимыми героями жителей всего Причулымья.

Говоря о творческом процессе Георгия Маркова, брат писателя Иван Мокеевич вспоминал: «Иногда Георгий работал невероятно быстро и плодотворно. Как-то в 1930-х годах в Новосибирске, работая редактором газеты «Большевицкая смена», он пришёл вечером на квартиру и говорит: «Вот осталось до двенадцати всего один час, а потом мне нужно сдать передовицу в типографию». «А когда же ты будешь её писать?» «Сейчас», – говорит. И садится за стол писать. Я отошёл, чтобы не мешать. И, правда, просидел он около часа, написав передовицу в газету, и тут же унёс её в типографию».

В 1972 году, находясь в Москве, Иван Мокеевич больше недели жил у него в кабинете на квартире. Наблюдая за ним, вот что он сообщил: «Творческий рабочий день начинался в пять часов утра и кончался в девять часов. Работал он тяжело, выглядел напряжённым и возбуждённым. Иногда начинались головные боли. И тогда он очень часто тёр лоб выше бровей левой рукой.

Хочется зачитать несколько выдержек из писем Георгия Мокеевича, которые характеризуют его как человека.

В письме от 15.07.1942 года брату Фёдору Мокеевичу Г. М. Марков пишет: «Часто, оказавшись где-нибудь далеко-далеко, на краю земли, думаю о всех нас, и не знаю почему, но что-то горькое-горькое поднимается на душе и хочется тихо-тихо заплакать. Смотрю на каждого в отдельности и вижу «оборванные струны», «потерянные надежды», «не увенчавшиеся порывы», и, наконец, «утраченные иллюзии». Чуется, что вслед за днями тяжких испытаний будут дни света и радости. Пусть тогда, хочется сказать, судьба будет к этим, в сущности, хорошим людям поблагосклоннее и поласковее».

В письме к Мальцеву Александру Фёдоровичу от 12.11.1952 Г. М. Марков пишет: «Осенью с моей младшей дочкой было ещё одно приключение. Она упала с карниза нового дома, в который мы переехали ещё в августе. Врачи признали сотрясение моз-

га. Мы сильно переволновались, но как будто бы всё обошлось по-хорошему».

Из письма Г. М. Маркова к сестре Антонине Мокеевне от 26.10.1968: «Нынче летом был натиск родных и знакомых. Посетило 37 персон! Был смешной случай: когда привезли бельё в прачечную, там сказали: «Это что, от учреждения или детский сад?». Были, конечно, поражены, но факт остаётся фактом. Причём жили у нас по трём адресам: на городской квартире, на даче и у Оли. В обстановке суеты, конечно, наши писательские планы несколько нарушились».

Работая над составлением родословной Марковых, мною в архивах была найдена запись в метрической Книге Богородице-Казанской церкви села Новокусково за 1911 год о рождении Г. М. Маркова 7 (20) апреля 1911 года. Я сделал выписку из Книги, заверил её и при встрече вручил Георгию Мокеевичу. Он посмотрел и поблагодарил меня за то, что я сделал его на один день моложе, так как во всех книгах дата рождения считалась 6 (19) апреля 1911 года.

«Ну что же, исправляйте дату рождения», – посоветовал он мне.

Георгий Мокеевич был удивительно чутким, наблюдательным и внимательным человеком. Как-то за обедом у них на квартире я неосторожно капнул на галстук. Я попытался незаметно протереть салфеткой, но он, видимо, заметил всё это, и когда пошёл провожать меня на троллейбус, положил в мой карман свёрток в бумажном пакете. Я поблагодарил его, а когда пришёл в свой номер в гостинице «Москва», то увидел, что в пакете оказался новый галстук, который хранится у меня до сих пор как подарок.

За время встреч Георгий Мокеевич подарил мне более 70 книг с дарственными надписями на русском и иностранных языках, а также два издания собраний сочинений в пяти томах. Им была подарена коллекция памятных медалей, часы, папка для бумаг, некоторые сувениры. Все эти предметы переданы в Асиновский краеведческий музей. В последний мой приезд в Москву он подарил мне набор, в котором были ручка с золотым пером и карандаш.

В феврале 1987 года, в день моего отъезда домой, я был на квартире Георгия Мокеевича. Он предложил мне забрать бронзовую скульптуру А. П. Чехова работы академика М. К. Аникушина. Она стояла в его комнате на подоконнике. Я попытался её поднять, но она оказалась очень тяжёлой. Я поблагодарил его за столь щедрый подарок и сказал, что билеты на самолёт мною уже куплены. А этот подарок нужно отправлять багажом на поезде,

а времени уже нет, пусть он останется до следующего приезда. Но следующего приезда в Москву не получилось. 25 сентября 1991 года после тяжёлой продолжительной болезни его не стало. Ушёл из жизни замечательный писатель и человек, верный сын сибирской земли. Но остался огромный мир, созданный в его произведениях. Это романы «Строговы», «Соль земли», «Отец и сын», «Сибирь», «Грядущему веку», повести «Земля Ивана Егорыча», «Завещание», «тростинка на ветру», «Моя военная пора», «Орлы над Хинганом». Остались книги с его публицистическими статьями о гражданственности, литературе, писательском труде, воспоминания о видных деятелях литературы, литературные портреты. Остались рукописи произведений, над которыми он работал последние годы: «Не поросло быльём», «Сквозь годы», «Старый тракт». Г. М. Марков жил в очень сложные и трудные, но прекрасные годы, наполненные созидательным трудом нашего народа, во имя светлых идеалов, в которые он свято верил и до конца боролся за их осуществление.

Большим другом и спутником была его жена Агния Александровна Кузнецова, но о ней я расскажу в отдельном очерке.

Мною собрано огромное количество материалов о жизни и творчестве Г. М. Маркова, а также его братьев Ивана и Фёдора и его жены А. А. Кузнецовой. Всё это я безвозмездно передал в Томский областной архив, который просил меня об этом. Прежде чем передать, я посоветовался с Агнией Александровной. Она одобрила моё намерение. В моём архиве фонд из 1443 дел, в том числе по Г. М. Маркову – 1223, в которых 6652 письма 1043 корреспондентов, 1043 фотографии, 215 писем Георгия Мокеевича ко мне и родным, 623 письма к нему от частных лиц, 580 от организаций и учреждений. Все произведения писателя, изданные в разные годы, в том числе и на иностранных языках. Многие публикации в газетах и журналах. Думается, что настанет такое время, когда люди будут жить не одним днём, но и интересоваться своими корнями, литературой прошлых лет, классикой, а не только фантастикой, приключениями, криминалом и сексом. Ведь мы не должны быть Иванами, не помнящими родства.

Александр Иннокентьевич КАЗАНЦЕВ

(1952–2007)

Родился 21 ноября 1952 года в городе Зырянске Восточно-Казахстанской области Казахской ССР. Скончался 13 апреля 2007 в Томске.

Поэт, писатель. Член Союза писателей СССР (1984), ответственный секретарь Томской писательской организации (1987–1995). Окончил Томский политехнический институт (1975). Работал старшим инженером в Томском политехническом институте на кафедре радиационной химии (1975–80).

С 1980 года – руководитель областного литобъединения «Томь» при редакции областной газеты «Молодой ленинец». Создатель и руководитель литературного фонда имени М. Л. Халфиной (1996–2000). Редактор литературного альманаха «Сибирские Афины» (1993–2007, 50 номеров). Руководил литературной студией средней школы № 14 Томска. Вёл литературное объединение «Молодые голоса» при ТПУ. Организатор смотров-конкурсов молодых поэтов имени Михаила Орлова. Входил в состав редколлегии журнала «День и ночь» (Красноярск). Член редколлегии журнала «Сибирские огни» (с 1999). Член правления Союза писателей СССР (1990). Секретарь правления Союза писателей России (1995). Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств.

Первые стихи опубликованы в городской газете Зырянска «Заря Востока». Первая журнальная публикация состоялась в казахстанском республиканском журнале «Простор» (1970). В студенческие годы занимался в литобъединении «Молодые голоса» (руководитель Т. А. Калёнова), его стихи были напечатаны в московском альманахе «Поэзия». Участник 6-го Всесоюзного совещания молодых писателей (1975).

Автор книг стихов «Стиранные вьюгами поля» (М., 1978), «Рассветное чувство» (Новосибирск, 1981), «Радость и тревога» (М., 1984), «По закону сохранения любви» (Новосибирск, 1984), «Трудный возраст» (Томск, 1987), «Из жизни дождя» (М., 1991), «Адамово ребро» (1997), «Приворотное зелье» (М., 1998), «Ласковая наглость» (2000), «Первый снег» (2002), «Поздний свет» (2005), «Между нами» (2006). Посмертно издан его «Дневник сумасшедшего года» (2007). В 2009 вышел сборник его поэзии «История любви», изданный ТПУ. В 2004 большие подборки его стихов опубликованы в филадельфийском литературном альманахе «Встречи» (США), во Франции – в газетах городов Лион и Ди.

Книги прозы: «Послушницы любви» (Томск, 1994), «Озарения Нострадамуса» (М., 1996), «Князь ласковый» (Томск, 1998), «Месть шамана» (2000), «Слепой ангел» (2001, совместно с А. Богданом). Книги для детей: полусказочная повесть «Дед Пихто и другие» (1990), стихи «Фимкины игрушки» (2006). Для ТЮЗа им написана пьеса «Ванюша, Иван Петрович». Произведения Казанцева переведены на казахский и польский языки. Переводил казахских поэтов с 1992 по 2002 год.

Награждён значком «Отличник культурного шефства над селом». Лауреат премии Томского комсомола (1981). Лауреат премии имени П. И. Макушина (2003). Был членом КПСС (с 1986).

* * *

Жил пацан, звали попросту – Шурка...
И не верил, дурак, что умру...
На берёзоньке тонкая шкурка
Просвистит обо мне на ветру.

* * *

Язык изменчив.
Суффиксы ломая,
Сминая окончаний телеса,
Проходит время ордами Мамаю,
Подобием стального колеса.
Живуча лишь система корневая, –
Восходит постепенно из корней
Речь новая, могучая, живая,
Предшественницы гибче и точней.
Естественно.
И всё же странновато:
На будущих наречьях говоря,
И Пушкина, и Гоголя когда-то
Потомки не прочтут без словаря.
Но всё-таки изведуют блаженство
И, может, позавидуют тайком:
Какие создавались совершенства
Таким несовершенным языком!

* * *

Ты приносила бельё с мороза.
Как оно пахло, хрустело как!
Мне ты казалась ещё моложе
С хрупкой охапкой белья в руках.

Песня метели врывалась в двери,
Ночь за порогом темным-темна.
И замирал я, глазам не веря:
Эта девчонка – моя жена!

* * *

Словно девка замуж вышла,
Осень в зиму перешла,
Стала строже, глаже, выше
И задумчиво светла.
Сразу тусклы и давнишни
Стали прежние деньки,
Юбки пёстрые девичьи
Уложила в сундуки.
Лишь, бывает, у калитки
Глянет зыбко, далеко.
Каплю алую калины
Вденет в белое ушко.

АНАСТАСИЯ

Тебе ещё всего-то три недели,
Тебе ещё в коляске, как в постели,
Просторно – вот насколько ты мала!
С надеждою, тревогой и любовью
Я, твой отец, склоняюсь над тобою,
Анастасия, девочка моя!

Но время незаметно пронесётся,
И мир перед тобою распахнётся,
Бескрайними просторами маня.
Всё ново будет, будет всё впервые –
И ласточки, и травы луговые,
Анастасия, девочка моя!

Когда-нибудь, наверное, весной
Любимый назовёт тебя родною,
Откроется, ни слова не тая.
И ночью той, высокой, тёмно-синей,
Какой ты будешь вечной и красивой,
Анастасия, девочка моя!

Созвучие имён необъяснимо.
В душе моей живут неразделимо
И дочь моя, и русская земля.
Обязан я пред совестью и веком,
Чтоб выросла хорошим человеком
Анастасия, девочка моя!

* * *

Ларисе

Снимали тогда мы временку
В четырнадцать метров квадратных.
Из них два «квадрата» – под печкой,
Которая возвышалась
Как раз посредине жилища,
Его таким способом хитрым
На спальню и кухню деля.

Та печка, белёная мелом,
Не зря посредине стояла –
Она самой важной персоной
У нас во временке была.
Кормил я её ежедневно
Охапкой поленьев смолистых,
И, с жадностью их поедая,
Сердито гудела она.
А ты у печи хлопотала –
Откуда уменье такое?!
И две наших «комнаты» полнил
Божественный запах борща.
Когда к нам друзья приходили,
Вносил я широкую плаху,
Которая в сенцах стояла,
Гостей поджидая всегда.
На два табурета ту плаху
Мы клали, чтоб вышла скамейка,
Чтоб всем на весёлом застолье
Удобное место нашлось.

Зимой вырастали сугробы,
Большие, едва не до окон.
А стёкла совсем обмерзали,
И рано темнело у нас.
Но было тепло во временке
В любую трескучую стужу.
Лишь вьюга за окнами выла,
Да нас не могла запугать.

А пёс престарелый хозяйский,
Отпущенный на ночь побегать,
За дверью рычал недовольно,
Пока не впускали его.
Вбежав, у порога ложился,
Мохнатые вытянув лапы,
И долго, задумчиво, грустно
Глядел, не мигая, на нас.

В июне нас птицы будили,
С утра начинавшие спевку,
И с яблонь хозяйского сада
Летели в окно лепестки.
А после дождя лягушата
Скакали почти у порога
И нас не боялись ни капли
И смелостью нравились нам...

Я только хорошее помню.
А стоит ли помнить плохое?
Ничто не могло помешать нам
В те годы счастливыми быть.
Я верю, любимая, верю –
Вся жизнь наша будет такою.
Для этого только и надо:
Как прежде, друг друга любить.

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

Отгудели метели.
Вновь капли стучат.
И грачи прилетели –
На берёзах кричат.

Тишь московских окраин
После стылых ночей
Ошарашена граем
Заполонных грачей.

Там, где сыро и грязно,
Где не ходит никто,
Бродит старый Саврасов
В допотопном пальто.

Отставной академик
В серебре седины.
Ни детей и ни денег,
Ни любимой жены.

Гаснут зренья остатки –
Видно, к предкам пора.
На коленях – заплатки,
А в кармане – дыра.

Хвори в старческом теле...
Но лучи – горячи,
И грачи прилетели,
Прилетели грачи!

Жаль, что нынче не просто –
Отходился, увы! –
Выйти к белым берёзкам
За пределы Москвы,

Постоять и подумать
У замшелых оград.
Что его вот не будет.
А они прилетят...

* * *

Завидна эта участь,
Столь схожая с блаженством, –
Спокойно жить, не мучась
Своим несовершенством,
Тревог не ведать ранних,
Сомнений и бессонниц,
Чтоб, как хмельной охранник,
Подрёмывала совесть.
Да только не научен
Беречь покоя злато.
Всё что-то жжёт и мучит,
И вдаль зовёт куда-то.
В лицо мне встречный ветер!
В нём радость и тревога.
Поэтому, поверьте, –
Светла моя дорога.

НОЧЬ НА ЧЕТИ

С. Алексееву

Что ж, дружище, подогреем
Чай, заваренный кипреем.
Спать не хочется пока.
Пусть звенят комарьи стаи,
Пусть мы здорово устали –
Посидим у костерка.

Слышишь: скрипы козодоя...
Вон туманы над водою
Поднимаются, как сны.
Хорошо!.. Давай, Серёга,
Посидим ещё немного –
Я отвык от тишины.

Пастухов уснули кони,
Тёлки спят в своём загоне,
В ноздри всасывая мрак.
Только Шарик без успеха
Вновь облаивает эхо –
Нет поблизости собак.

В небе – темень. А на чёрном –
Звёзд сверкающие зёрна.
Утром птицы их склюют.
Видишь, там – во мгле глубокой –
То ли спутник одинокий,
То ли станция «Салют».

Космонавтов тоже двое.
Может быть, как мы с тобою,
Призадумались в тиши...
Много значат почему-то
Эти робкие минуты
В становлении души.

Проясняется былое,
Оседает мутью злое,
И не то чтоб чистота
Разом душу заполняет –
Просто что-то в ней мерцает,
Как высокая звезда.

ПРЕДЗИМЬЕ

Из леса я в сумерках вышел.
Стога вдоль дороги видны.
Повисла над выпасом бывшим
Коровья лепёха луны.

Теперь уж недолго до снега –
Рукою подать до зимы.
В тяжёлое, низкое небо
Винтами восходят дымы.

Селение. Стёкла в потёках
От хмурых осенних дождей
И светятся окна в потёмках,
Как души хороших людей.

* * *

Словно вечность не встречалась ты со мною,
Все дела позабывала и пришла...
И весна приходит за зимою
По закону сохранения тепла.

Поцелуем разбуди перед рассветом
И засоню, дурачась, назови...
И любви не убывает в мире этом
По закону сохранения любви.

Пусть не сразу – где ж там сразу, в кои веки?! –
Отмечаются неправда и мура...
Человечность побеждает в человеке
По закону сохранения добра.

ПРОШЛОЕ ЛЕТО

Перемешались стрижи и мысли,
Слова с листвою перемешались...
Ржаные тучи над полем висли,
По небу плавно перемещались.
Дожди летели, смеясь и плача,
Их на ладони ловили клёны.

И мир, поверивший вдруг в удачи,
Был мокрым, трепетным и зелёным.
Сгибались дуги упругих радуг,
Глаза хмелели от их расцветки,
И молодая, шальная радость
Сверкала в каплях на каждой ветке.
И снова звонкий народ пернатый
Кругом насвистывал без печали,
И с немощёных дворов «пираты»
Чужие грядки опустошали.
Над лугом воздух звенел от зноя
И от кузнечиковых созвучий.
И уходили в обнимку двое,
И пропадали в траве дремучей.
Не разобрали земля и выси,
О чём те двое в траве шептались...
Перемешались шмели и мысли,
Слова и травы перемешались.

* * *

Всё опасней, всё круче наклонные плоскости,
Всё шатучей мостки, всё безумнее мгла...
Я люблю, я люблю эту женщину, Господи,
Сделай так, чтоб всегда она рядом была!

Рухнул веры настил, и судьба чёрным вихрем заверчена,
Достаёт нас вражда языками огня...
Понимаешь, Господь, мне нужна, мне нужна эта женщина,
Если есть ты, Господь, то её сохрани для меня.

Был я буен и груб, а теперь – воплощение кротости,
Жаден был до удач, а теперь я и малому рад...
Я искал, я искал и нашёл эту женщину, Господи,
Сделай так, чтоб она не пополнила список утрат.

В небе молнии след – как большая, ветвистая трещина,
Но вернуться должны синева и покой к небесам...
Сделай, Господи, так, чтоб счастливой была эта женщина.
Нет, не делай, я сам... Остальное я, Господи, сам!..

СТАРУХА

Сижу на скамье у высоких ворот
И слушаю в плюше потёртом старуху.
«А мой как ушёл в сорок первом на фронт,
Да так не вернулся – ни слуху ни духу.

Не знаю, за что мне такая напасть.
Жила себе тихо и вроде безвредно.
Ну как это без вести можно пропасть?!
Мужик не иголка, чтоб сгинуть бесследно».

Ещё говорит: «Не смирилась никак.
Сама уж не верю, что он возвратится,
Но каждой весной сажаю табак
Ему на махорку. Авось пригодится».

В КРАЙНЕЙ ИЗБЕ У РЕКИ

Чтоб мог рассказать он с экрана
О битвах, гремевших давно,
В деревню снимать ветерана
Навелись люди кино.
В грязи перемазали джинсы –
Нашли, где живёт ветеран.
Да бабка-хозяйка божится,
Что болен сегодня Иван.
А тот вдруг закашлялся сухо
Да песню рванул на печи.
Всплеснула руками старуха:
«Уж коли напился – молчи! –
И сразу гостям – извиненья:
– Мол, это, конечно, грешно,
Да выпил старик от волненья –
Ведь страшно сниматься в кино!...»
Обратно киношники едут.
А в крайней избе у реки
Поёт ветеран про Победу
И машет культяпкой руки.
Жена его взглядом не колет –
Негромко толкует своё:
«Ну полно... Поспал бы, соколик!
Герой ты мой, горе моё!...».

* * *

Власть морозов окончится скоро –
По теплу стосковалась земля.
Господи, снегу-то сколько
Навалила эта зима!..

Так в природе устроено мудро
(В том разумная воля видна),
Что за ночью приходит утро,
За зимою всегда – весна.

Снег, подобно тревогам, тает,
Свет смывает потёмок тушь...
А в душе моей не светает,
Всё не кончится скрежет стуж.

Прах надежды ветрище вертит...
Если в бурях не устою,
Помолитесь, кто в бога верит,
За безбожную душу мою.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Не скрип уже, а скрежет снега
В морозном слове «Рождество».
Сибирь. Нисходит стужа с неба,
Её свирепо торжество.

Да здесь не выжил бы младенец –
Пещера выстыла б, увы,
И, на спасенье не надеясь,
В снегах увязли бы волхвы.

Тайга трещит от стужи зверской.
Но, несмотря на чары льда,
Горит с надеждой вифлеемской
Над Томском первая звезда.

* * *

Последние чёрные грузди –
Кручёные рупоры грусти,
Волнушки – с росой рюмашки,
Опят конопатых компашки –
Вот сбор мой в осеннем лесу.
Ведро – аж с горою – несу.

Ворона, летя против ветра,
Кричит мне не шибко приветно,
«Червонцы» шуршат под ногами,
Что век не расстанусь с долгами,
А с неба, покамест скупа,
Летит вместо манны крупа.

Но сами ведут меня ноги
В бревенчатый дом у дороги,
Где дышит печурка упруго,
Где стол накрывает подруга,
Где скоро, грустны и тихи,
Родятся вот эти стихи.

ПОПЫТКА ЗАВЕЩАНИЯ

...А когда я этот мир покину,
Посадите надо мной калину.

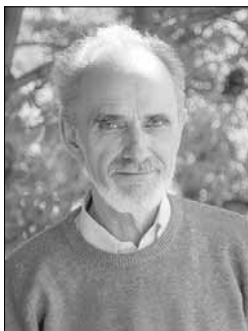
И согдится это деревце простое
Всем зимующим пичугам для постоя.

В гроздьях ярких, вопрекор морозным страхам,
Хватит ягод – прокормиться бедным птахам.

Ничего, что птичий посвист будет грустным, –
Да и я ведь не был златоустом.

Пусть висит салют калины надо мною,
А стихи мои – за снежной пеленою...

Но и я, глядишь, в годину тягот
Протяну вам горсть морозных ягод.

**Василий Иванович
КАЗАНЦЕВ**

(1935–2021)

Родился в деревне Таскино Варгачерского сельсовета Чаинского района Томской области 5 февраля 1935. Скончался 2 февраля 2021.

Поэт. Окончил с золотой медалью Подгорненскую среднюю школу, затем с красным дипломом историко-филологический факультет Томского государственного университета (1957). В 1963 году принят в члены Союза писателей СССР. В 1971 году окончил Высшие литературные курсы. Работал учителем, журналистом.

Печататься начал в 1953 году. Первая книга стихов «В глазах моих небо» вышла в Томске в 1962 году. Автор более двадцати книг стихов, вышедших в Томске, Новосибирске, Москве. Среди них – «Лирика» (1964), «Прикосновение» (1966), «Поляны света» (1968), «Русло» (1969), «Солнечные часы» (1976), «Выше радости, выше печали» (1980), «Свободный полет» (1983), «Счастливый день» (2004) и другие.

Лауреат литературных премий имени С. Есенина, имени А. Твардовского, «Имперская культура».

Жил в городе Голицыно Московской области.

* * *

Облака в воде качая,
Размывая берега,
По тайге блуждает Чая –
Молчаливая река.
Почему же она – Чая?
Потому что – цвета чая.
В ней берёзовый настой,
И – смородина, и верба –
Сама родина, наверно,
Растворилась в речке той...
Я живу вдали от Чаи.
Пароход давно отчалил
От лесистых берегов.
Но со мною – запах кедра,
Но со мною – свежесть ветра,
Горький привкус ивняков.
Потому что я в начале –
В дальнем детстве – жил на Чае.
Потому что – Чаей плыл,
Потому что – Чаю пил.

* * *

Упало дерево в траву.
Я подошёл к его вершине.
Устало приподняв главу,
Оно ещё витало в сини.
Листва ещё не пала ниц.
А всё ещё была в паренье.
Несмятая – как оперенье
У только что убитых птиц.
Она ещё свежо дышала.
Жила. Высокая душа
У самых ног моих лежала,
Доступностью своей страша.

1968

* * *

Когда-то я любил...
Терзаясь скрытным нравом,
Я нёс свой юный пыл
Кустам, деревьям, травам.
Безмолвно я бродил.
Но был прекрасно понят.
Я всё давно забыл.
Они – доныне помнят!
Случайно окажусь
Средь них – сбегутся разом.
Слезами обольюсь,
Внимая их рассказам.

1971

* * *

Виноват, что в полях синеватых.
Под лучами высоких светил
Слишком скоро прощал виноватых,
Слишком мягко, нестрога судил.
На других чересчур полагался...
И на первый не зарился ряд.
Ждал, надеялся... слишком боялся
Виноватым прослыть – виноват.

1972

* * *

Не внемля строгому запрету,
Боясь в пути нарушить срок,
Во тьме, в земле, на ощупь – к свету
Идёт, идёт, идёт росток.
Дорогой тесной, незнакомой,
Сквозь сеть истлевшего листа.
Чрез слой запаханной соломы.
Сквозь тяжесть тяжкого пласта.
Пробьёт заслон последний – выйдет
Туда, где путь ветрам открыт.
И в предрассветной мгле увидит,
Что свет – внутри его горит.

1977

* * *

Человек, глядящий вдаль...
У него лицо – другое.
Неподвижное. Глухое.
Что – в лице его? Печаль?
Или зреющая дума?
В волнах грохота и шума,
Пыльных, спутанных дорог
Как вдруг стал он – одинок!
Тени тёмные легли.
Всё лицо – дымком повито.
Отодвинуто. Размыто.
Как туманный
Лес
Вдали.

1973

* * *

Я ехал огромной страной.
Пространство дрожало, гудело.
Как белый огонь, надо мной
Тяжёлое солнце летело.
И ветер, как огненный вал,
Катился, крутящийся, рядом.
В тяжёлой листве закипал.
Свергался – крутым водопадом.
И птица – сквозь ветер – светясь –
Лавину летящего вала
Стрелой пробивая – неслась!
Неслась – и вдали отставала...
Леса расступились, бурля.
Пространство – ревущее – мчалось,
Стеной – подымалась земля.
Громадное – небо качалось.

1973

* * *

В шумящей жизни, в торопливой –
Ни в горький, ни в счастливый час
Своей души тенелюбивой
Не выставлял я напоказ.
Не обнажал её бесстыдно...
Но было бы до слёз обидно,
Когда б в летящих днях, среди дел,
Её, в тени неясно видной,
Так и никто не разглядел.

1974

* * *

Шумит, ветвями шевеля,
Рябина. Пышут жаром стены.
А приглядишься – лишь поля.
Да копны смётанного сена...
Привидится – что дом стоит.
Поблёскивают влажно стёкла.
На половице свет лежит.
Округлый. Плавающий. Тёплый.
В окне листва. И тень от крыл –
Молниевидная, сквозная.
...И я тут жил. И вечен был.
И вечность протекла земная.

1974

* * *

С каждым годом трудней и трудней
Мне с родными встречаться местами.
С тишиною над гладью полей.
Холодком – над сырыми песками.
Им сулить – ничего не сулил.
Но всё чаще среди шума земного
Выплывает: оставил, забыл...
Не сдержал изначального слова.
Кличет в далях незлобивый край...
Пишет мать: «Ничего мне не надо.
Только ты иногда приезжай.
Повидать буду, старая, рада».
И от этого – сердцу больней.
И встают оправданья несмело.

Для единственной в мире моей
Ничего-ничего я не сделал.
Только встречи трудней каждый раз.
В душу пристальной смотрит пригорок.
Неужели последний мой час
На земле этой – будет мне горек?..

1974

* * *

Отцветает одно, зацветает другое...
Всё темней, всё округлее лес вдаль.
Как легко в этом солнечном, блещущем
От травы исходящем живом холодке!
Здесь, где утренним облаком тает
Пышно к небу приподнятый луг,
Невозможное счастье витает –
Как забытого голоса звук,
Каждый миг на меня налетает,
Каждый миг – ускользает из рук.

1974

* * *

Тропа бежит через полянку.
На лес густое солнце льёт.
Подует ветер – наизнанку
Сырые листья повернёт.
И тотчас будто бы взметнётся,
Сорвавшись с места, деревцо.
И светом радости зальётся
Его туманное лицо.
Душе милее нет награды,
Чем этот свет, блеснувший вдруг.
А выше света и прохлады –
Залепетавших листьев звук!

1974

* * *

Последний осколок заката
Бесследно погас на лету –
И тихо толпой виноватой
Деревья пошли в темноту.

И следом – притихшие травы,
И стог, и в кустах озерцо.
Куда вы. Куда вы. Куда вы?..
Мне холодом веет в лицо.

* * *

Волны колыханье.
И свет на волне...
А трав полыханье –
На той стороне.
Здесь – вербы кривые.
И солнце на льне.
А сосны прямые –
На той стороне!..
Я выкосил чистый
Заречный покос.
И шорох душистый –
К себе перевёз.
И жаркие сосны –
Отправил к себе.
Их жар светоносный –
Витает в избе.
Далёко уехал...
В ночной тишине –
Далёкое эхо...
На той стороне!

1976

* * *

Смородина поспела, переспела.
Поджаренно усохла на корню.
Среди зимы подголублённо-белой
К губам сухую ветку приклоню.
Гроздь потеплеет и залиловет.
И ветвь неясно вспомнит о листе.
Как будто сердце зябкое овеет
Не красота – лишь мысль о красоте.

1973

* * *

Висячие ветви берёз,
По ветру летящие косо.
Свинцовый, в шершавинах плёс.
Колючая ровность покоса.
Вдали начинает кружить.
Торопятся шумы отхлынуть.
Осталось копну завершить.
Последний навильник закинуть.
Уже охладила мне грудь.
Уже мне в глаза поглядела.
Хочу – чтоб помедлила чуть.
Хочу – чтоб скорей налетела!

1973

* * *

Тебя и милой, и желанной
В душе своей назвать бы мог.
Когда б не этот взгляд туманный –
Заботы вечной холодок.
Черты твои меня – смущают.
Печальные черты твои
Неясное напоминают –
Что выше счастья и любви.

1973

* * *

Степи, горы прошёл и дубравы.
И на землю упал тяжело.
Ну и что, что ни счастья, ни славы
Это странствие не принесло?
И бесплодной томимый заботой
День протёк?..
Оглушило, как гром,
Что-то между тоской и свободой,
Чернью вод – и ветвистым огнём.

1973

* * *

Вот здесь прошла беда.
Смотрю сквозь дымку лет.
Вот – тень её следа...
Ступаю в страшный след.
Беда меня ведёт.
Беда меня крепит.
Беда меня – гнетёт.
Беда меня – хранит.

1973

* * *

Ужель это я, как к земле припадая,
Вдыхая – так близко! – сухую смолу
И ветки засохшие грудью сминая,
Карабкался вверх по литому стволу?
И вот оно – небо. Бесплотно и сине.
Прохладная ветвь шелковисто блестит.
Как радостно хвоя свистит на вершине!
Внизу она так никогда не свистит.
И белое облако рядом кудрявится.
И мнится – не облако мимо плывёт,
А дерево валится, валится, валится...
Совсем наклонилось. Сейчас упадёт.
Чернеет далёкая лента дороги.
Замедленно, плавно вершина кружит.
Дрожат от усталости руки и ноги.
Бесстрашное детское сердце – дрожит.

1973

* * *

Надмирно, как на кручу круча,
Провально-далека, легка,
Высь поднялась – на тучу туча
И облака на облака.
И эти клубы белой пены,
Воздушный снег – за слоем слой –
Внезапно брызнувший, мгновенный
Разрезал дымный свет косой!

Он глубь небесную раздвинул –
Неудержимым ветром гроз
В лицо пахнул! Из жизни вынул,
В день сотворенья перенёс.

1974

* * *

Солнечно и росно.
В солнечном строю –
Солнечные сосны.
– Я тебя люблю!
И душа другая
Там, в другом краю,
Вскрикнет, отвечая:
– Я тебя люблю!
Озеро глухое.
Частые кусты.
Вспыхнувшая хвоя.
Мокрые листы.
Ветер. Глубь просвета.
На душу мою
Налетает лето.
Я тебя люблю.

1974

* * *

Трава вскипает слабым плеском.
Трясина, как квашня, пытит.
За отдалённым перелеском
Уютно трактор тарахтит.
В лесном оттаявшем краю
Иду по ветреному маю.
И студит голову мою
Смолистый ветер. И пою –
Легко, беззвучно. И свою
Жизнь тороплю – зачем, не знаю...

1974

* * *

Низкой ветви замедленный взмах.
Узкий ствол в зеленеющей лоске.
Это солнца лучи в волосах?
Или палых хвоинок полоски?
Светоносного лета пора.
Отблеск ягод наполненно-спелых.
Это солнечных пятен игра?
Иль – сверкание плеч твоих белых?
Где-то в высях – качанье ветвей.
И стволы – зелены, величавы.
Сквозь сиянье улыбки твоей
Прорастают душистые травы.
И гудят полусонно шмели.
И восходит цветов колыханье.
Уст раскрытых пыланье? Земли –
Распростёршейся, близкой – дыханье.

1975

* * *

Вздувшейся речки пыланье.
Первое утро с теплом.
Первый цветок на поляне.
Первый из облака гром.
В первом – в аллее соседней –
Влажном дыхании лип
Слышишь ли – вьюги последней
Сдавленный, гаснущий всхлип?
Нет – только вод полногласье!
Нет – только огненный свет!
Лишь – беспощадное счастье!
В радости – жалости нет!

1974

* * *

Дверь – настезь длинным сквозняком!..
Набито вздулись занавески.
Как выстрел, холод острый, резкий
Пронзил оторопевший дом.

Сверкнула высь, блеснули воды.
Плеснул огнём кремён дорог.
Простора, счастья и свободы
Ударил в сердце смертный ток.

1976

* * *

Машина мчит, мотор гудит,
Струятся тени по окошку.
В вагон вошедший инвалид
Растянет старую гармошку.
И режёт по сердцу звук –
Как сталь по ране обнажённой.
И враз прихлынет давний луг.
Осенний, ветрено-студёный.
И, как тяжёлая волна,
Невыразимая для слова, –
Невыносимая война
Окатит холодом сурово.
Всплеснётся детства дальний год...
Из глубины его, тревожа,
Надежда первая блеснёт –
Что так с печалью горькой схожа.

1977

* * *

В начало дней своих взгляну –
А там беда и ужас.
Как будто двери распахну –
А там и ночь, и стужа.

Протяжно долог. Тонок, дик,
Как голос вьюги в поле,
Летит, летит, не молкнет крик
Тоски, страданья, боли.

Там кровь и горе. Там – война.
Война загородила,
Закрыла всё собой. Темна,
Мрачна её картина.

И потупляет взгляд душа...
Не то, чтобы страшится,
А морем слёз людских дыша,
Своей слезы стыдится.

И не в пример милее ей
Из детских лет тревожить
Воспоминанья светлых дней.
Такие были всё же.

* * *

Через год, через два, через двадцать
Всё равно оглушённо поймёшь:
Никуда, никуда не деваться
От судьбы, занесённой, как нож.
Никуда – даже если заплатишь
Неотступным, сверлящим стыдом.
Даже если тот нож – перехватишь,
Вспять его обратишь остриём.
От блестящего, острого взгляда,
Наведённого в сердце тебе,
Никуда и деваться не надо.
Надо выйти навстречу судьбе.

1978

* * *

– Пора счастливая была –
Когда всё смел и мог.
– Пора счастливая прошла,
Когда всё смел и мог.
– Зачем же ты не брал всего,
Когда всё смел и мог?
– Вполне хватало и того,
Что жил. И смел. И мог.

1979

Михаил Михайлович КАРБЫШЕВ

(1922–2007)

Родился 21 ноября 1922 в селе Десятово Богородской волости Томского уезда. Скончался 11 марта 2007 в Северске Томской области.

Поэт, прозаик. Участник Великой Отечественной войны. В кровопролитных боях под городом Шахты (январь 1943 года) был тяжело ранен, до конца войны находился в госпиталях. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями. После войны закончил Новосибирскую музыкальную студию, работал начальником клуба. Три года учился в Палехском художественном училище. С 1951 года трудился на заводе разделения изотопов Сибирского химического комбината, работал в клубах и Домах культуры.

Своё первое стихотворение написал в 57 лет. Много лет был участником литературных объединений «Берёзка», «Друза». Почётный гражданин города Северска (1999). Член Союза писателей России с 1979 года.

Автор сборников стихов «Характеры» (1984), «Раздумья о земле» (1986), «Деревянный ковшик» (1987), «Стихи и поэмы» (1996), «Михайлов день» (1996), «Свет мой, женщина» (1997), «Живи, любовь прекрасная, живи» (2002), а также поэмы «Кухтеринские вертепы» (1994). В 2004 году издана книга прозы «Десятовские были». После смерти издан сборник «Годы и стихи» (2009).

* * *

Мне не надо летать во Вселенную,
Она – вот она – за окном!
Бесконечная и нетленная,
Окружила наш старенький дом.
В ней отец мой расставил ульи
Между звёзд, на краю сельца.
И корова наша Красуля
Всё мычит на созвездье Тельца.
Избегая друг с другом встретиться,
Бродят Гончие Псы по двору,
И всю жизнь Большая Медведица
Ищет Малую – в тёмном бору.
Здесь, бывает, звезда сломается,
Потекут небеса по углам,
И наш дед под навесом мается,
Чинит старый вселенский хлам.
А потом в три хлопка с коленей
Отряхнёт золотой наструг:
Разлетятся по всей Вселенной
Звёзды яркие с дедовых рук.

* * *

Моя деревня в сто домов
У кедрача стоит.
Моя деревня в сто дымов
Уж двести лет дымит,
Клянёт весною комаров,
Под осень мошкарю.
Моя деревня в сто дворов
Стоит в глухом бору.
Река торит из бора в бор
Свой бесконечный путь.
В ней моет рыжий косогор
Свою большую грудь.
А возле бора, на краю,
На косогоре том
Поставил дед избу свою,
Теперешний наш дом.
Моя деревня подросла,

Над домом молодым
Завязан в тридцать два узла
Сто первый дедов дым.
Он, этот дым, в жару, в буран,
Откормленный на щак,
Луну бодает, как баран,
В горячий рыжий пах.
Зимою выйди на крыльцо
В любую из ночей –
И хлебным запахом в лицо
Пахнёт из ста печей.
Нет, не из ста – из ста одной,
Из русской той печи,
В которой бродит дух мясной
И зреют калачи.

КРАСНОЕ СЛОВО

Перебираю в памяти людей,
Что умерли на родине моей,
В моём селе Десятове – хорошем.
Похоронили их в зелёной роще.
Всех с почестями их похоронили
И в памяти навеки сохранили.
Вот жил Евграф Васильевич – кузнец,
Не только был в делах он молодец –
Поправить жатку, лемех наварить,
А как умел он славно говорить!
Болванку брал из огненного горна,
На наковальне молотом проворно,
По-озорному мят бока металлу,
А речь его то лебедем летала,
То плавно, словно реченька, текла,
То будто нива вешняя цвела.
Немало слов сказал он на веку,
При этом что ни слово, то в строку.
Но умер он – его свалила старость,
А после смерти что кому досталось?
Да с каждым поделился он, как с другом:
Для пахаря оставил лемех к плугу,
Счастливому – подкову над крыльцом,
А мне оставил красное словцо.

* * *

О нас больших горюет мама
И сквозь проталинки в окне
Глядит, припав к холодной раме,
Но... только месяц в вышине.
О нас больших она страдает.
И, если долго писем нет,
На картах стареньких гадает,
Отставив в сторону обед.
И, прошлогоднюю открытку
Перечитав в двухсотый раз,
Поставит снова чай на плитку
И выйдет ждать у дома нас.
А вдруг да милые примчатся!..
И ей опять не поспалось.
И копит карточное счастье
Да серебро своих волос.

БАБЬЕ ЛЕТО

Кочанов капустных хруст,
Бабье лето – бабья грусть,
Бабья песня по душе,
Щи в кастрюле, мёд в ковше.
Убрала с гряды морковь –
К сорока годам любовь.
В сорок с полем убралась –
Миловаться стала влать.
Сорвала с плеча платок,
Бабье лето с ноготок.
Бабье лето – бабий жар,
А уж солнышко под яр.
Надо бабе всё успеть:
И поплакать, и попеть,
Загустить сурьюю бровь,
Распалить в душе любовь.
Бабье лето – в сорок лет
Зацвела, как маков цвет!

БАБЫ РУБЯТ КАПУСТУ

Перед самыми холодами
Бабы рубят капусту,
Чтоб завтраки с пирогами,
Чтобы щи были густы.
Через избу – корыто,
Сразу на восемь сечек.
Начинается битва,
Начинается сеча.
Чистят, моют добела
Молодую капусту.
Аж мурашки по телу
От капустного хруста.
Катерина Петровна
Положила начало:
Этак ровненько-ровно
Сечкою застучала.
Да вздохнула поглубже,
Да запела повыше,
Бабы грянули дружно –
За три улицы слышно.
Дед проснулся на печке,
Сотворяет молитву:
«Вот уж сеча так сеча!
Настоящая битва».
Баба – крошки с ладошки,
Деда с печки – под мышки,
Посадила к окошку:
«На вот, ешь кочерыжки».
И пошли, зубоскалки, –
То про то, то про это,
Как на пахоте – галки
Возле ворона-деда.
Посолили капусту,
Перетёрли до хруста,
А тугие вилочки
Прямо целыми – в бочку.
И, как праздник подкатит,
Так хозяйка из кадки
Тот вилочек мочёный,
Хрящеватый, кручёный, –

На широкое блюдо
Да к столу с этим чудом,
Сверху политым маслом,
Будто солнышком малым.

ОТЕЦ ЖАЛЕЛ КОНЯ

Моей матери Е. В. Карбышевой

Семикилометровая дорога,
То в горку, то под горку – на поля.
И каждый день от чёрного порога
Шагала мать.
Отец жалел коня.
Котомка с хлебом, туес с простоквашей
Да две корзины ломают сгибы рук –
Носила терпеливая Дуняша.
Темно в глазах, в ушах звенящий звук.
Шла от одной зари к другой навстречу –
Из тёмной ночи шла к началу дня.
Ломило ей натруженные плечи,
Но как же быть?
Отец жалел коня.
Придя на ток, стирала с глаз росинки,
Брала ведро и мчалась за водой,
Варила суп под трепетной осинкой,
Чтоб угодить хозяину едой.
Потом снопы пудовые вязала,
Ножами руки резала стерня,
А после в ночь, спеша домой, шагала
Опять пешком –
Отец жалел коня.
Несла в сумках усталость, боли, страхи,
Придя домой, упасть бы на кровать.
Да где уж там: мальчишечьи рубахи,
К корыту встав, стирала ночью мать.
Топила печь, пекла за завтра хлебы,
Спала часок, не потушив огня.
И, встав с зарёй, молилась молча небу,
И в поле шла.
Отец жалел коня.

ЧТОБ НЕ СМЕЛ Я

В раннем детстве бабушка-старушка
Мне совала хлебную краюшку –
И шагал я, бедный, босиком
К речке за гусиным косяком.
А за мной летело сто наказов:
Чтоб я, грешным делом, не проказил,
Чтоб без дела рот не разевал,
Чтоб с Аркашкой в драку не встревал,
Чтоб не смел, охальник и бездельник,
Девкам в косы впутывать репейник.
Чтоб не проворонил я гусёнка,
А не то прибьёт меня – бесёнка.
Приходил на речку я и сразу
Забывал сердитые наказания.
Тут по небу, будто два челна,
Проплывают солнце и луна!
По протоке мельник-хлопотун
С острогой плывёт, как бог Нептун.
Вот он бьёт стремительную рыбу...
А на сером камне у обрыва
Коршун ест цыплячьи потроха.
Ох и вздует бабка пастуха!

* * *

Ты – как белый туман,
вот была и растаяла.
Может, шальные ветры
тебя унесли?
Может, звонкое солнце
в зарю тебя вплавило?
Может, стала ты
девственным криком земли?
Может, стала ты в поле
раскидистой вербою,
Может, вздохом огня,
может, взмахом крыла.
Ты на зов мой откликнись,
любовь моя первая,
Расскажи, где была?
Расскажи, как жила?

ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ

1.

Солнце по холмам
        ударило лучами,
Пробивая синь,
        пробивая стынь.
К солнцу конопатыми
        плечами
Повернулись
        голые кусты.
Косачи в таёжных
        вырубках дерутся,
Пробивая пух,
        испуская дух,
Рассыпая кровавые бусы
Под ноги красавиц капалух.
Взяв в земле разбег,
        голубой подснежник
Пробивает снег,
        пробивает лёд.
А весна присела
        на валежник,
Ледяную корочку грызёт.

2.

В бору гуляют гуды-перегуды,
И бор гудит, как колокола медь.
И на поляне заспанное чудо:
Стоит худой взъерошенный медведь.
Спросонок рявкнул бойко и картаво,
Потёр мохнатой варежкой глаза –
Вокруг него весна в лесных кварталах
Ломает зимних зданий корпуса.
А на ветвях лесное население
Уже гремит ключами от квартир.
Лишь старый снег на празднике
        весеннем
Лежит вокруг, застиранный до дыр.

РЕЧКА ПОРОС

Речка Порос, речка Порос,
К речке Порос сердцем прирос...
За малиной, за калиной,
К речке – за смородиной,
И за клюквой дали крюка
По болоту бродами.
Не напрасно вдаль шагали,
Били землю пятками.
Вон у Веры и у Гали
Кузова с опятами.
Растянул паук тенёта,
Ловит в сети солнышко,
Есть охота, пить охота,
А воды на доньшке.
Через яму жёрдочка,
Через лужу палочка.
Не споткнитесь, Верочка,
Осторожно, Галочка!
Ой, Порос, ой, Порос! –
С рябью да с веснушками.
Весь опятами зарос,
Да ещё волнушками,
Да ещё калиною,
Да ещё малиною...
Я хожу за Верою,
Вовка за Галиною.

У МОЕЙ ФАМИЛИИ

*Памяти легендарного героя
Великой Отечественной войны
Дмитрия Михайловича Карбышева*

У моей фамилии
За спиною были
Тыщи километров
Фронтowych дорог.

По моей фамилии
Из орудий били,
Но её, упрямую,
Не свалили с ног.
Как на огонь-пожарище,
На мою фамилию
Из брандспойтов вражеских
Ринулась вода.
И, морозом скована,
Русская, рисковая,
Огненными строками
Вмёрзла в глыбу льда.
Да, моя фамилия
Стала вечной силой,
Неприступной крепостью
Родины моей.
Она кровью спаяна
На века с Россией,
Она жизнью связана
Неразрывно с ней.

**Римма Ивановна
КОЛЕСНИКОВА**

(1928–2009)

Родилась 6 июня 1928 года в селе Каянча Онгудайского района Ойротской автономной области (ныне республика Алтай) Сибирского края. Скончалась 2 февраля 2009 в Томске.

Эссеист, литературовед. В 1946 году закончила Кузедеевскую среднюю школу. Окончила историко-филологический факультет ТГУ (1951). Работала учительницей литературы и русского языка в г. Белово Кемеровской области и в Томске. В 1960–64 годах – аспирантка. Затем последовательно: ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры советской литературы ТГУ. В 1967 защитила диссертацию на тему «У истоков советского романа в Сибири». С 1979 года доцент кафедры эстетики и культурологии ТГУ; с 1995 года – кафедры «Теория и история искусства» Института искусств и культуры ТГУ.

Особое место в её творчестве занимает цикл литературных очерков, статей и зарисовок о сибирских писателях: Л. Сейфуллиной, В. Шишковой, В. Обручеве. Ею обнаружены в Томске акварели М. Волошина. Многие годы занималась поисками рукописей репрессированных сибирских писателей, среди них – публикация рукописи повести В. Я. Зазубрина «Щепка». Ещё аспиранткой отыскала вернувшегося из Колымлага писателя Ф. И. Тихменёва и сделала немало для изучения его рукописей и для выхода его книги «Вторая колея» (2003).

Автор статей и исследований по проблемам литературы и искусства – об А. С. Пушкине, В. А. Жуковском, о сибиряках Э. В. Бурмакине, В. Н. Макшееве, Т. А. Калёновой, Василии Казанцеве, Б. Н. Климычеве, Б. Овценове, В. Брусьянине, Вадиме Месяце. Составитель и комментатор книг из серии «Писатели земли Томской» – «Земля Санникова»

В. Обручева (Томск, 1989); «Колдовской цветок» В. Шишкова (Томск, 1991).

Редактор сборника «Не вдруг напишется строка. Поэты Томского университета» (Томск, 1998). Была членом редколлегии журнала «Сибирские Афины». В течение нескольких лет руководила редакцией газеты «За советскую науку» (нынешней «Alta Mater»).

Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

В 2005 вышел её сборник «В книге судеб ошибок не бывает», в который вошли эссе о В. Я. Шишкове, Г. Н. Потанине, В. А. Обручеве, А. П. Казанцеве, П. И. Макушине, его дочери Елизавете, В. Н. Наумовой-Широких, В. С. Ильине, Н. Ф. Бабушкине, В. П. Астафьеве. Во втором издании книги (2007) она рассказывает также о В. И. Казанцеве, Г. А. Месяце, Р. А. Карначук, Т. А. Калёновой и С. А. Заплавном.

«Я всматривалась-вчитывалась-вслушивалась в эти людские сокровища с почтением, сочувствием, с радостью узнавания и гордостью за свой любимый, единственный для меня в мире город Томск».

ЖРИЦЫ АФИНСКОГО ХРАМА

*Последние святые,
которые остались на Земле,
– это библиотекари.*

Д. С. Лихачёв

Скоротечна и стремительна река времени. Вот уже по самому краю, соскальзывая в Лету, идут мои сверстники, мои милые сокашники, сокласники, сокурсники.

А в памяти всё живёт «как будто сейчас», «как вот только что». Не вчера ли, кажется, со свеженькими аттестатами взрослости мы ехали в Томск «поступать»? А сегодня тоскующий взгляд провожает, благословляя, уходящих в своё завтра самых младших, самых поздних моих студентов.

В закатных лучах нашей старости они красивы и любимы, как молодые боги. И так же дороги и неповторимы, как были милы, загадочны и неповторимы самые первые ученики.

И по законам жизненного круга всё чаще и ярче вспоминаются люди того поколения, закат которого приходился на наш восход. Среди других в моей памяти живут три замечательные томички, исполнившие волю провидения на поприще Научной библиотеки Томского университета.

Но сначала немного о времени и обстоятельствах.

Томск, 1946 год

На желанный во снах и наяву долгожданный томский берег вместе с другими, мечтавшими стать студентами, меня выплеснула абитуриентская волна лета 1946 года.

Алтайско-шорской провинциалке Томск раскрывался как причудливое смешение давнего с сегодняшним. Взгляд задерживался на том, чего не замечал ни в Ойрот-Туре (так назывался тогда Горно-Алтайск), ни в Сталинске (так именовался Новокузнецк), ни в Кемерово, ни в других промышленных сибирских городах, включая «социалистический Чикаго», как то горько, то гордо обозначали тогда Новосибирск.

По дивным томским мостовым ходили «старики» (с нашей семнадцатилетней точки зрения) и «старушки» в манто, в пенсне, в туфлях на «французских», «шведских» или других далеко не модных каблуках. Бархатная или соломенная шляпка с вуалеткой, ридикюль с цепочкой, зонт-трость спокойно вписывались в нормальную для нас военно-послевоенную современность с костылями, с «деревяшками» (изредка и с «фабричными» протезами), пустыми рукавами, чёрными повязками на лице. Шинели, фуфайки (на литературном «телогрейки», сапоги (редко хром, сплошь военное благоприобретение страны – кирза), полевые сумки, фибровые трофейные, но чаще родные фанерные чемоданы, бабушкины баулы и саквояжи или просто мешки с лямками (по-солдатски – «сидоры» или «сидора»)… И по всей этой экзотике – отдельными блёстками – шик и уверенное достоинство новеньких, с иголки, в ремнях поперёк и наискосок, эмвэдэшников и важно упитанных партсекретарей.

Уникальный стиль. Неповторимая этика. Энергичный, подвижно нищий образ жизни. Реактором его, как нам внушали, был всенародный пафос восстановления разрушенного войной народно-хозяйственного механизма, винтиками и болтиками которого были и мы, послевоенные студенты.

Хлеб и другой минимум для удержания души в теле – только по карточкам. Жёсткая прикрепленность к определённой столовой и магазину. Жильё – общежития и коммуналки (хотя от прежнего Томска кое-где сохранились, как замороженные мамонты, дореволюционные профессорские квартиры в восемь комнат). Даже наш благополучный сокурсник-томич Дима Иванов, сын директора драмтеатра (тогда человека мерили по его общественно-служебному статусу), обитал с родителями где-то за кулисами. Даже почтенные наши преподаватели-доценты, а случалось, и доктора наук, жили жертвами студенческого хаоса в общежитиях (тогда лексикон ещё не обогатился презрительно-грубым «общага» и ещё не было (как есть теперь) общежитий для научных работников).

На первом курсе, кое-что разглядев и сообразив, мы больше всего поражались тому, что история-то, оказывается, жива и сегодня. Одновременно, рядом с нами, были-жили, работали на нас «бабули с вуалетками», в подшитых валенках и в дореволюционных кружевных (уж не брабантских ли?) воротничках. Вот они, живые, милые, настоящие, не воспоминания, не «факты исторического прошлого» и не дела «давно минувших дней», а реальные, доступные со всеми в полной мере им свойственными атрибутами большой культуры, обаяния и достоинства. В их доброжелательной самоот-

даче угадывались привычки их богатейших биографий и чёткость их смысло-цвето-звуковой памяти, населённой теми, о ком мы узнавали только из литературных и научных источников.

Постепенно проясняется «крупный план». Вот Вера Николаевна Наумова-Широких, дочь писателя-народника Николая Ивановича Наумова, печатавшегося в «Отечественных записках» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Она – директор научной библиотеки ТГУ. Вот Елизавета Петровна Макушина – заведующая профессорским читальным залом. Она – дочь сибирского купца-миллионера, просветителя-мецената, общественного деятеля, книжника, большого в истории Томска и Сибири человека.

Наблюдая их, нетрудно было поверить легендарному Герману Лопатину, который не раз убеждался на практике: главное – добраться до Томска, «оттуда уже не так далеко в Париж».

А вот Любовь Александровна Панова – живое воплощение стиля жизни дореволюционных томских служащих. Всю энергию – умственную, физическую, душевную – она отдавала работе, подчиняя себя ей не по времени, а по исчерпанности, законченности, завершённости и качеству дела.

«Лизанька» и «Любочка» – так называла их Вера Николаевна, взаимно для них бывшая «Верочкой». А для нас – они только библиотекари. И пиетет наш был своеобразным. В общежитской комнате мы играли в «Верочку, Любочку и Лизаньку», устраивая в подражание им «юбилейные» и «тематические» выставки (своих и чужих конспектов, книг, фотографий, учебников, писем...). А наиболее артистичная и наблюдательная из нас Гея Шехова водила «а ля Наумова-Широких» экскурсии читателей – т. е. жителей соседних комнат, «геологинь» или «химиц», – демонстрируя аристократизм манер, интеллигентность тона, фрагменты «свободного владения» французским, немецким или итальянским... При нашей скромной культуре для веселья достаточно было непринуждённости манер и обращения семидесятилетней Веры Николаевны к семидесятичетырёхлетней Елизавете Петровне и с их высоты совсем уж молоденькой (чуть за пятьдесят) Любви Александровне по уменьшительно-ласкательным именам. Мы-то ведь выросли в холоде официоза «педагогических дистанций», которые сегодняшним молодым, когда «всё наоборот», пожалуй, невозможно и представить.

Со временем узнавалось больше. Оказалось, наши «три грации» были «железными рыцарями», спасавшими библиотеку в экстремальные времена. И персонально в них жизнь явила нам пример русского стоицизма, колоритного сибирского характера и патриотизма.

«Любочка», или Л. А.

С Любовью Александровной Пановой мне довелось много лет жить в одном доме. И о некоторых особенностях её образа жизни, об отношениях её с бытом воленс-ноленс приходилось слышать от общих соседей.

Советский универсализм бытового самообслуживания был ей чужд и неорганичен. Она даже мыть свою голову и себя нанимала прислугу, ибо сама не умела, а ведь зарплата была далеко не министерской. Но через всю жизнь в себе и собою она пронесла то мироустройство, где служащие служили, кухарки варили, няни нянчили и т. д. Без помощи прислуги ей ничего не стоило попасть впросак. Про неё рассказывали анекдоты (но это было правдой!). Например, в магазине полуфабрикатов, услышав «Да!» на свой вопрос «Готовы ли котлеты к употреблению?», она так – полуфабрикатами – их и употребила... Отболев несколько дней по этому или в других случаях по другому поводу, Любовь Александровна, придя на службу, непременно писала свой очередной каллиграфический (я их видела) шедевр, «нездешний» по содержанию.

«Библиографа Научной библиотеки Томского университета Пановой Любви Александровны

Заявление

Прошу не оплачивать мне рабочие дни 3-го, 4-го, 5-го мая. Причина: заболевание...»

Или: «Прошу удержать из моей зарплаты заработок за дни: 17, 18, 20, 21-е. Эти дни я не работала, так как болела после двух случаев падения на улице». Подпись. Дата. Год.

Иногда после просьбы не оплачивать она добавляла: «Если же мне будет не очень плохо, то домашняя работа у меня есть – последние страницы французского текста (в копиях, конечно) для перевода из Строгановского альбома 1807 года. Л. Панова, 6 июня 1973 года. Вечером».

А ей уже 78, но принципы, если они есть, остаются принципами, совесть совестью. Как сказал бы, прищурившись, Грибоедов голосом Фамусова: «Вы нынешние, нут-ка?!». Это ведь очень далеко от хронического «не пошла», «ушла», «отпросилась с работы». При такой требовательности к себе Любочке за 52 года работы в библиотеке так и не удалось узнать, что такое административное взыскание.

Маленькая, всегда как-то уютно-округло укомплектованная, она десятилетиями ходила в двух вариантах одной и той же одежды. Один – летний. Другой – зимний. Поскольку зима у нас три четверти года, томичи знали Любовь Александровну по тём-

но-синему на вате, с меховым воротничком, на все пуговицы туго застёгнутому пальто. Над воротником – чёрная фетровая шляпка или она же, сверху повязанная тёплой зимней шалью. На ногах – зашнурованные до щиколоток, казалось, ещё гимназические ботинки или суконные ботики. В руках – «сумочка с обедом». Сама собранность, упакованность, целостность. И кто бы со стороны мог догадаться о том, какой огромный, звучный и красочный мир несёт в себе эта тихая невзрачная «бабулька», которая отроду никогда никуда не выезжала из родного Томска.

Родилась она 26 июля по ст. ст. 1895 года в семье служащих Сибирской железной дороги. Закончила частную женскую гимназию с золотой медалью. И с аттестатом 1-й степени – Томское музыкальное училище по классу фортепьяно. С открытием в Томском университете осенью 1917 года историко-филологического факультета поступила на романо-германское и на отделение классической филологии. В студенческие годы прирабатывала преподаванием и аккомпаниаторством в музыкальной школе М. Л. Шидловской и в Народной консерватории (была такая в Томске в 1921 году). Проучившись пять лет, она не получила диплома: незадолго до выпуска факультет закрыли.

Любовь Александровна всю жизнь писала в анкетах: «незаконченное высшее». И с этим незаконченным она свободно владела французским и немецким, легко читала итальянские, латинские и греческие тексты разных направлений и эпох. Мало кто из истинных книжников и учёных её не знал. Деловая, контактная, высокого профессионализма и порядочности специалист, за полвека она побывала на разных должностях, вплоть до и. о. директора. Но главной и любимой для неё была работа с рукописями, первопечатными, средневековыми и другими раритетами. Как библиограф редких фондов, знающий древние и европейские языки, Любовь Александровна была мэтром исследования старинных и редких изданий, описания ценных строгановских и других дарственных коллекций. Она подготовила к изданию два тома старинных томских рукописей XVII–XVIII веков (сорок печатных листов!), исследованных историками ТГУ.

Работала Любовь Александровна почти до конца своей долгой жизни и вышла на пенсию в мае 1974 года, когда ей было 79 лет...

Елизавета Петровна

С Елизаветой Петровной Макушиной свёл меня И. Г. Эренбург, вернее, его книжка «День второй», названная почему-то романом. «В те времена, когда люди любили не Америку, но классиче-

ский стиль и велеречие, они шутя называли Томск «Сибирскими Афинами», – так начинает автор томскую тему... «Жил в Томске купец Макушин. Он был известен как поборник просвещения и благотворитель. Он построил технологический институт... Потом он умер. Он завещал похоронить его не на кладбище, но во дворе построенного им института, а на могиле вместо креста поставить памятник: кусок рельсы, лампочка и надпись – «Путь к знанию». Завещание было в точности выполнено. Лампочку, однако, вскоре стянули; все в городе знали, каков путь к знанию, но лампочек в городе не было. Рельса ещё стояла на месте, но некто Шегиц уже выдвинул проект использования старых рельс для ширпотреба: из рельс, по его словам, можно было изготавливать превосходные утюги».

Всё это И. Эренбург писал в Париже в декабре 1932 – феврале 1933 года. А я в Томске осенью 1947 года простодушно обошла дворы всех корпусов политехнического (т. е. недавно технологического) – ни рельсы, ни вообще каких-либо следов каких-либо могил... С недоумением своим подошла однажды к Елизавете Петровне. Потом-то я поняла, конечно, что с таким вопросом обращаться было, по крайней мере, так же глупо, как напрямую верить писаниям Эренбурга.

Но «Лизанька» (в самой глубине взгляда чуть мелькнуло удивление), внимательно глядя в моё лицо, спокойно, вразумительно и тактично объяснила, что могила её отца в полном порядке, она во дворе-палисаде Дома науки имени П. И. Макушина на Соляной площади у Белого озера. А Эренбург всё спутал или не уяснил себе. И наверху вертикально стоящего рельса всегда, круглосуточно горит лампочка. А Эренбург экстраполировал свою любимую метафору всеобщей разрухи на эту деталь томской истории.

Нам, студентам-литераторам, разрешалось иногда по просьбе преподавателей заниматься и брать книги в профессорском зале. Пристрастная ко всяким сведениям о Томске, я видела в Елизавете Петровне не только жрицу богини мудрости Афины, но и немножко символ своих надежд. Так уж случилось, что рождённая в медвежьем углу у Телецкого озера, я ещё в младенчестве из хаоса мира вычленила Томск. Невнятные разговоры взрослых: ... бабушка... дедушка – Томск. Тёти... дяди... Колпашево – Нарым... ссылка – Томск. Не оправдавшиеся надежды на выздоровление отца: «Папа поедет в Томск». Позднее открытки с видами Томска и до сих пор самая любимая из макушинской серии: «Сибирь. г. Томскъ. Университетъ. Разстояніе от С.-Петербурга 4284 версты». (Справа то же по-французски.) Чем не проекция будущего? Потому-то после школы всем – родителям, соклассникам, даже

начальнику милиции, который, выдавая мне паспорт с выпиской, советовал не ехать «так далеко», потому что «в Томске большая преступность»: – Нет, нет, только в Томск!

И вот он, старинный, лиричный, печальный, в тополях, во множестве прекрасных лиц, в том числе и в лице Елизаветы Петровны.

Конечно, я легко нашла у Дома науки могилу П. И. Макушина, просила извинения у Лизаньки за невежество, и с тех пор ни разу не прошла мимо этого прекрасного, в силе скандинавского модерна, дворца, не поклонившись мысленно могиле отца Елизаветы Петровны и её светлой памяти тоже.

Между прочим, по её облику я заметила, что природа сохраняет лучшее и ценное в человеке своими способами. Так, умное сильное лицо Макушина с фотографий как бы спроецировалось (в женском, конечно, варианте) в лицо Елизаветы Петровны. А ещё тридцать лет спустя я увидела в Москве внука Макушина, Петра Ивановича Скокана, и опять удивилась прочности «фамильной» внешности. Крупные голова и фигура. Отчётливо-детальное лицо с хорошим спокойным выражением и очень внимательным взглядом.

И Елизавета Петровна, тётушка его, тоже была по-женски крупной, особенно рядом с полновато-миниатюрной Любочкой и суховато-подвижной Верой Николаевной. Статная, с полными ногами, неторопливой ровной походкой. Простая и респектабельная. Она как-то по-особому, как от всего сердца любую вещь, выдавала книги читателям, обращаясь с теми и другими немногословно, как с надёжными друзьями.

Когда Елизавета Петровна была за книжной стойкой, располагавшейся сразу налево от входа, весь профессорский зал, с его двухсветным пространством, венской мебелью, зелёными настольными лампами, с идеальными пропорциями и кружевной лепниной, казался мне престольным праздником с любящей мудрой хозяйкой во главе.

Я приставала к ней с вопросами, где, что читать о томской старине (тогда нам мало что было доступно, даже «бульварный» детектив «Томские трущобы» и тот хранился за семью печатями в спецфонде, который назывался фондом устаревших изданий).

Удивляли и примагничивали к Елизавете Петровне её такт и доброжелательность: ни тени так демонстративно модного сейчас раздражения и «интеллигентской» злости-обиды на государство. А ведь Советская власть не очень-то сохранила результаты и ценности великих трудов отца Елизаветы Петровны, его коллег и помощников, среди которых ближайшей и преданнейшей

была она, старшая дочь. Какие пресеклись достижения! Какие перспективы и надежды! Какие исчезли люди!.. Впрочем, мне это стало понятно (и то не совсем) много времени спустя. А ей-то ведь с самого начала всё было яснее ясного. Она была и умница, и труженица, и ко времени утверждения в Томске Советов ей было 47 лет.

Отличная выпускница женской гимназии, слушательница «Бестужевки» в Петербурге, студентка общественного факультета Бельгийского университета в Брюсселе. С домашних каникул после третьего курса она не вернулась в Брюссель. Отец просил помогать ему: его публичная библиотека в Томске с отделениями в губернии за 28 лет разрослась и требовала опытного заведующего. Дочь встала за библиотечную конторку и была 20 лет помощницей и советницей отца, до полной экспроприации макушинского дела. А оно было грандиозным. По последней составленной ею справке для отца в 1919 году в Томской губернии было 600 народных бесплатных сельских библиотек-читален с книжным фондом в триста тысяч экземпляров.

С 1920 года Елизавета Петровна служила в Научной библиотеке ТГУ.

Когда моё туземное поколение появилось здесь, её общий служебный стаж составлял 47 лет, потом ещё десять. На пенсию она вышла в свои 83 года. Но боги продлили её жизнь до 90: надо же было ей хоть немного отдохнуть.

Царство ей небесное, но она в него не верила. Да будет ей земля пухом, но она завещала своё тело анатомическому музею мединститута. Пусть будет долговечной, светлой и лёгкой память о ней в истории Томска... Жилось ей здесь нелегко.

Наумова-Широких

Для молодых трагизм людей и «чужих вещей, воспитанных при свете огней угасших и ушедших лиц», обычно чужд и далёк и как бы оправдан «древностью». Ничего не поделаешь: «живая подлость возраста иного». К тому же ресурс страдания, отпущенный каждому, целиком уходит на преодоление собственных ежедневных, ежечасных трудностей.

Наша студенческая жизнь была хронически беспросветной и со всех сторон подконтрольной. Но вопреки всему и благодаря таким вот Жрицам Добра и Науки, родительскому и учительскому подвигу, яростно верилось в связь с прошлого с будущим, в силу и самоценность отеческих и томских традиций. Тема «Сибирь литературная. XX век» для меня стала любимой. С позиций

здорового смысла выбор безрассуден: писатели 20–30-х годов почти все репрессированы, документов – кот наплакал, краеведение с позиций близкого коммунизма – термин просто ругательный, а название «сибирская литература» вызывало недоумение и в лучшем случае воспринималось как бессильная инерция позорного областничества. А эта «химера» давно уж и прочно была разоблачена ещё «настоященцами», ещё С. Родовым и А. Курсом в конце 20-х годов и их преемниками – охранителями идейной чистоты советской науки и искусства в последующие годы.

Но любить, хотеть, волноваться поисками – кто запретит? Среди немногих я писала курсовые и дипломную по Сибири. И потому именно судьба подарила мне краткую впечатляющую дружбу с Верой Николаевной Наумовой-Широких. Инициатива, хотя и стихийно, исходила от неё (а причина – от меня). К новогоднему маскараду 1949 года студенты нашей группы с азартом готовили массу оригинальных костюмов. Сверкающий «подлинным» шлемом и доспехами, весь станиолево-серебристый Ахиллес, лихой врун «Тартарен из Тараскона», «дядя Сэм с Шапоруж» (с Францией т. е.) и ещё немало интересного, кроме традиционных принцев, гусар, цыган, домино и ночей.

Новогодний бал в актовом зале (теперь аспирантский зал Научной библиотеки). Я – «Осень»: по голубому не наклеенный, а летящий на тонких ниточках – густой осенний листопад. На голове – венок Флоры (полсеместра рисовались, вырезались, оклеивались блёстками сотни осенних листьев и всяких плодов). Костюм «очаровал» (так она сказала) Веру Николаевну, и меня призывали к ней. «Ах, какая прелесть, как чудесно!.. Золотая осень... Солнечный сентябрь в нашей Университетской роще!.. О!» Мне дали третью премию (две первые тоже были наши).

В наступившем году Вера Николаевна вела у нас факультатив по истории русского театра. Группа приходила к ней в библиотеку, в большую выставочную комнату с печкой-плитой в северо-западном углу, на плите – крошечные (по нашим общежитско-коммунальным меркам) чайники, кружечки, чашечки... Видно, комната была для неё и «отдыхательной» (после Веры Николаевны долго, вплоть до пуска высотной пристройки, там располагался директорский кабинет). Нас каждую неделю ждала большая выставка книг и репродукций на тему лекции.

Обслуживали выставку «Любочка с Лизанькой». Всё это само по себе давало многое, хотя в научно-теоретическом плане спецкурс был малоуспешным. По нашему требовательному мнению (а мы уже слушали К. Э. Гриневича, А. П. Дульзона, Н. А. Гуляева, А. И. Данилова, П. В. Копнина, Н. Ф. Бабушкина и немало других

зубров), недоставало академизма. Любая тема, начинаясь широко, научно и идейно целенаправленно, скоро и непременно сводилась к личным воспоминаниям Веры Николаевны. А ей было что вспомнить...

Но мы не думали тогда, что, может, это-то и было самое неповторимое и ценное в сочетании с редкими книгами, с лито- и фотографиями, с отдельными странными раритетами типа письма А. Н. Радищева к царю с просьбой о помиловании. Письмо это Вера Николаевна, по её словам, нашла на томском базаре среди таких же «никчёмных» старых бумажек, из которых продававшая стаканами пареную калину женщина делала кулёчки.

Нас, своих слушателей, Вера Николаевна водила в книгохранилище. И всё было почти по Эренбургу: «Она повела девушку на верхний этаж. Там хранились самые ценные книги. Она сразу хотела показать всё: и Баратынского, и французскую революцию, и Минерву с совой...» «Это «Лоджи» Рафаэля. Посмотрите. какая красота. Какая красота!».

Спецкурс длился недолго. Вера Николаевна заболела, затем уехала в Москву... и наше театроведческое образование завершилось. Но, как оказалось, не моё. Какое-то время спустя, однажды вечером (когда все нормальные служащие дома) Вера Николаевна увидела меня в библиотеке около всеми любимого великолепного трюмо перед лестницей на второй этаж. Светски спросила о моих делах, пригласила зайти к ней в кабинет. Уютно, тепло, большая картина на противоположной от директорского стола стене.

С тех пор я имела удачу бывать там немало вечеров наивно внимающей и благодарной слушательницей.

Обычно мы сидели в креслах tet-a-tet, на некотором расстоянии через её стол. Разговор, с чего бы ни начинался, сразу входил в любимое для её (теперь и моего возраста) русло воспоминаний («...и розы, душистые розы на белом, на лёгком снегу...»). Вера Николаевна поднималась, чтобы достать что-нибудь из шкафа, с полки, из ящика стола, прочесть и показать мне: сувенир, надпись на книге, телеграмму, письмо... М. Горького, стихи П. Антокольского.

Всё это было как с «других берегов», из «других сюжетов», но в то же время вполне от мира сего, потому что подкреплялось документально и совпадало с уже известной мне научно-литературной информацией. А где не совпадало, принималось на веру: само наличие такой рассказчицы было достаточным удостоверением. Я пересказывала кое-что девчонкам в общежитии, иногда с лёгкой (по глупости) иронией.

Будь я тогда воспитаннее и умнее, без этого неистребимого комсомольского нигилизма к дворянскому прошлому, мне бы её монологи стенографировать. Такого никто никогда не расскажет, а что там от истины, что от личности – время бы всё отредактировало. Но, думалось, во-первых, что она сама обо всём этом напишет, во-вторых, что это многие знают и потому не исчезнет, в-третьих, я-то ведь только гость случайный, «с краю тихонько стою...».

В юности не думаешь о том, что всё проходит быстро и многое бесследно. Река забвения Лета, в отличие от людей, не сентиментальна. Недавние мои попытки найти семейный архив В. Н. Наумовой-Широких заглохли. Ада Ивановна, внучка, тоже библиотекарь, ничего определённого не говорит и, наверное, как все внуки, мало что знает о бабушке, хотя внешне очень походит на неё. В Научной библиотеке хранится только личное дело. Михаил Родионович Филимонов, с послевоенных лет до конца 80-х бывший сначала заместителем, а потом преемником Наумовой-Широких, написал хорошую, строгую книжку о библиотеке и, не успев обработать большой побочный материал, умер.

Словом, всё по неписаным сибирским законам: щедрость пропорциональна богатствам, всё отдаётся бегущему времени и случайным прохожим.

Теперь трудно восстановить поводы и логику наших разговоров. В памяти остались наиболее впечатлявшие меня фрагменты...

Вера Николаевна рассказывала о своей молодости, о гимназических и студенческих годах. О светских сторонах жизни в доме отца в Томске, где бывали В. Г. Короленко, С. С. Синегуб, Д. А. Клеменц, А. И. Иванчин-Писарев, Э. Г. Салищев, С. И. Коржинский... и где первые уроки французского давал ей К. М. Станюкович. Вспоминала о знаках влюблённого к себе внимания, о том, как кто-то из очень известных писателей пил шампанское из её тувельки. Курьёз!?

Мне вообразилась наша типичная послевоенная обувь, пусть даже и с дореволюционным коэффициентом, всё равно: ффу... Оказалось не страшно: бокал ставится в тувлю и так, в тувельке, подносится ко рту и выпивается без прикосновения к нему руками. Гусарские штучки. Охотно верю. В свои за семьдесят Вера Николаевна была в неплохой форме: в её старческой усохлости, в белёсой невнятности черт, волос и выцветших глаз всё-таки просматривался какой-то шарм. И эта артистическая манера говорить размеренно и чётко. Дикция глубокая, мне казалось, от характерного для Наумовых (отца, её и внучки) не совсем обычного устройства рта: высокие узкие скулы как бы удлинённым сверху вниз и слегка выпяченным вперёд замком зубов создавали для гортани дополнительное акустическое пространство, как бы маленькое эхо.

Мне нравилось, как она говорила, она, наверное, это видела.

Она вспоминала о сокурсницах, преподавателях и гостях «Бестужевки» (Высших женских курсов в Петербурге), о том, как проходили выездные занятия в Италии, Греции, Франции (студенческая образовательная экскурсия с руководителями-профессорами, 1898/99 учебный год).

Первые студенческие месяцы в Петербурге она жила в семье Д. И. Менделеева, близко знала Любу Менделееву и историю влюблённости в неё Саши Блока (меня озадачивало и ошеломяло неожиданное сближение великого поэта с земными делами... «он лазал к Любе через балкон»).

Часто говорили об отце: после сидения в Петропавловской и Кронштадтской крепостях он очень страдал от чахотки, и Верочке после гимназии пришлось самой прирабатывать на жизнь и на учёбу. Как отличная выпускница «Бестужевки», она была оставлена на кафедре для дополнительной специализации. Зарабатывала преподаванием в гимназии и частными уроками (по рекомендации) в доме потомков поэта Н. А. Хомякова. Хозяин дома – крестник Н. В. Гоголя, и здесь хранился гоголевский семейный архив. Для Веры Николаевны это было поводом пригласить своего профессора русской литературы И. А. Шляпкина, который с учениками подготовил академическое издание «Из семейного гоголевского архива».

Но всё-таки в основном и главным образом она рассказывала о своём служении библиотеке, об изощёренных усилиях по спасению её (и, как я понимала, себя).

Томск укрывал в своих объятиях Веру Николаевну трижды, каждый раз спасая от бед и гонений. Первый раз в отрочестве из-за политических преследований, которым подвергался отец (он в Петербурге был чиновником по крестьянским делам, много выступал в прессе как писатель-народник, был связан с сибирскими областниками). Тогда Верочка жила здесь с 9 лет до окончания Томской Мариинской женской гимназии.

Второй раз судьба прибила её к Томску с волною белых беженцев в 1918 или 1919 году. Муж, инженер, в данных обстоятельствах – белый офицер, умер от тифа. Она с двумя детьми осела в Томске, стала преподавать литературу в университете и работать в библиотеке. За жизнь приходилось бояться с двух сторон, и с рев- и с контрреволюционной (дочь революционера и жена белого офицера). Балансировала. Может, поэтому для неё библиотека оказалась надёжнее и привлекательнее. Да и в наше время ещё было видно, что общительность и артистизм Веры Николаевны здесь были уместнее. (Об этом же говорит и третья её возвраще-

ние в Томск, речь о котором чуть ниже). Мы-то были младшими зрителями её триумфального представительства на разных уровнях в качестве главной жрицы храма Научной библиотеки ТГУ (пока «Любочка с Лизанькой» и послевоенным подкреплением в лице М. Р. Филимонова и Д. П. Маслова вкупе с другими, закалёнными тяжким опытом, работали, работали, работали...).

«Героиня русского романа»

Но, наверное, в прежние времена было не так. Моё сознание в картинах воспроизводило её ошеломляющие рассказы о единборстве с разными массовыми покушениями на библиотеку. Начитавшись И. Эренбурга, я расспрашивала о том, что было, чего не было. И, вспоминая в ролях, Вера Николаевна водила меня по комнатам, показывая, где, как, что было. Действительно, многое походило на подвиг книгоспасения и христианского стоицизма.

Наверное, примерно так же Вера Николаевна рассказывала и Эренбургу. А он по принципам своей поэтики, гиперболизировав и сгустив, создал образ «последней могижанши» – подвижницы в умирающем Томске. Героине своей дал имя Наталья Петровна Горбачёва и отвёл ей десятистраничную главку. «Каждый спасал то, что ему было дорого». Она спасала «...не свою жизнь, не добро, не революцию. Она спасала книги». И в самом деле, если судить по тому, что рассказывала нам на занятиях и, в частности, мне по тому или иному поводу Вера Николаевна, создавалось впечатление, что вся её директорская жизнь – это экстремально-охранная функция и напряжённо-тревожная дипломатия. И только в силу личного её бескорыстия и самоотверженности библиотеку не сожгли, не очень разворовали, не экспроприировали и, говоря словами Салтыкова-Щедрина, произведения ума человеческого в отхожую яму не свалили.

Нам, послевоенным, достался прекрасный читальный зал с паркетом, с экзотическими (ну и что же, что искусственными?) пальмами под ещё доступными хорами (чудесным романтическим балконом для музыкантов во время бала), со светлыми лицами культурнейших библиотекарей («У нас свой закон: всё для читателя»). И когда мы ходили за Верой Николаевной по натёртому паркету актового зала, трудно было представить, как она умоляла, ублажала, устрашала солдат, которые не однажды располагались тут на постой: лежали, курили, плевали, грызли орехи, чуть ли не приводили лошадей...

А ведь и правда: биография библиотеки похожа на многосерийный триллер или роман ужасов.

С лета 1915 по февраль 1917 года в библиотеке «стоял» 39-й Сибирский запасной полк. В актовом зале и смежных комнатах были 2-ярусные деревянные нары, на которых спали-отдыхали солдаты, а в первом этаже – командные и интендантские службы.

Потом примерно так же использовали библиотеку Томский ревком, Временное Сибирское правительство, Директория, Верховный правитель Колчак и снова Советы.

Вера Николаевна оказалась здесь в колчаковские дни. «В Томске хозяйничал генерал Пепеляев. Город наводнили военные... Пришельцы вели себя, как настоящие варвары, превратив Томск в скотный двор...». Были расхищены и сожжены многие ценности... Пришли болезни: сыпной тиф и холера (из документальных источников).

20 декабря 1919 года утвердилась, наконец, Советская власть, но ещё долго актовый зал оставался то клубом для собраний, то площадью для митингов. «Традиция» продолжилась в 1935–1936 годах, когда в зале «крутили кино» и для всех желающих устраивались платные танцы. А в «огневые роковые жестокие сороковые», когда главный корпус ТГУ занял эвакуированный завод, актовый зал стал складом-арсеналом всех университетских богатств и научных сокровищ. Гербарий Крылова, зоо-, палео-, минералогические музеи, все библиотеки факультетов, кафедр, кабинетов, оборудование лабораторий. А вслед за этим – бесценные рукописные фонды Пушкинского Дома из Ленинграда, экспонаты Толстовского музея из Ясной Поляны и т. д. и т. п.

Студенты занимались в библиотеке сидя на лестницах, прилонясь к музейным шкафам и витринам в коридорах...

– Да, видал виды наш милый читальный зал, это надёжное архитектурное дитя бесподобного томского зодчего А. Д. Крячкова. Илья Эренбург в общих чертах знал этот библиотечный «сериал» до конца 20-х годов, когда приезжал в Томск. Как читатель, как человек сам по себе у Веры Николаевны он не вызывал доверия: был не очень-то щепетилен насчёт книг. «Мог спокойно и в карман положить». Поэтому, когда она ему показывала редкости, то «держала книгу за один конец, пока он держал за другой». («Книги не воруют, их любят самозабвенно»).

Но Илья Эренбург как писатель!.. О, Вера Николаевна ценила его ненасытно-всасывающую память и моментальный синтезм. Гордилась: «Вы знаете, он меня изобразил!». Звучало, как – увековечил! А мне за неё было обидно, мне казалось тогда, что изобразил он её грубо и карикатурно. «Она была одинока, немо-

лода и некрасива. Никто не знал даже, как её зовут, говорили «библиотекарша». Глядя на неё, люди думали, что она похожа книжного жучка и что в её голове только номера каталога». Или: «Она сидела, закутанная в какое-то старое тряпье. Из тряпья торчал сухой острый нос. Глаза тревожно посвечивали. Изредка заходил в библиотеку какой-нибудь чужак. Увидев Наталью Петровну, он шарахался прочь: она походила не на человека, а на сову».

Справедливости ради надо заметить, что авторская метафора Совы, сопровождающей богиню мудрости Минерву (римляне звали её Афиной) – одна из лучших частей книги. Конечно, в ней тоже есть накладки. Кроме «построенного Макушиным» технологического института и утраты могилы, там и «томичане» вместо «томичи». Да какие! Они (иностранцы – Р. К.) глядели на томичан, а томичане глядели на них, понять друг друга они не могли. (Ну просто Кук и туземцы!) Там и «садик перед университетом», и дачи среди «кедровника» на другом берегу Томи. Автор путает аборигенов земли томской с шорцами и ойротами (у него – ойратами). И вообще «Томск – город без достопримечательностей».

Но в целом главка о библиотеке и библиотекарше выразительна и впечатляет. «На эстраду (в студенческом, теперь аспирантском, читальном зале до конца 70-х была эстрада в три ступеньки высотой. – Р. К.) вскарабкалась маленькая щуплая женщина в вязаном платке и закричала: «Сейчас же уведите этих солдат! Они сидят внизу и курят. Каждую минуту может начаться пожар... Разве вы не знаете, что в нашей библиотеке десятки инкунабул?». Она молила бородатых крестьян: «Это народное добро! Это такое богатство!». Она кричала на щеголеватых офицеров: «Вы не смеете так говорить! Это не казарма! Это Строгановская библиотека!». Они стреляли друг в друга. Они хотели победы. Она хотела спасти книги».

Я смотрела на вполне ухоженную барственную Веру Николаевну и в унисон с Эренбургом верила в то, что она могла быть победительно сильной и что именно из книг вливалась в неё жизненная энергия. «Она раскрывала старые книги и подолгу любовалась фронтисписами»... Когда же, измученная, она готова была пасть духом, она раскрывала «Лоджи» Рафаэля и замирала в тёмной холодной библиотеке. «...Музы показывали дивные свитки... богиню мудрости сопровождала Сова. Могла ли Наталья Петровна догадаться, что она похожа на эту грустную птицу?»

Да. Такая могла прервать нить профессора-доброжелателя: «Значит, по-вашему, я должна была всё бросить и уехать в Париж? А что стало бы с библиотекой?». Илья Эренбург хотел показать Европе подвиг русских интеллигентов по спасению культуры. По-моему, в романе есть и автобиографический персонаж. Это

немецкий профессор Плихтер, который ездил в Томск «для изучения камлания шаманов». Там общался с «библиотекаршей» и с таким же нище-голодным профессором Томского университета Черницким, «специалистом по тунгусам».

Вспоминая их у себя в Иенском университете, Плихтер закончил научный отчёт о поездке таким выводом: «И вообще всё население России, включая даже передовые умы, охвачено мистицизмом, который абсолютно непонятен для европейского сознания». Наверное, и для писателя увиденное в Сибири тоже во многом было загадочным, как книга Бытия, из которой он взял название и эпиграф: «Да будет твердь среди воды. И стало так. И было вечер, и было утро: день второй».

Кроме писателей И. Эренбурга, А. Жарова, П. Антокольского, Вера Николаевна с подробностями вспоминала о других важных визитёрах библиотеки. Одним из первых при ней был А. В. Луначарский, путешествовавший по Сибири в мае 1923 года «с племянницей» («...от твоей юрты до моей юрты горносталя следы на снегу» – эти стихи тогда особенно нравились ему).

В 1932 году в библиотеке были академики С. И. Вавилов, В. Л. Комаров, И. П. Бардин. «Своим» гостем бывал Р. И. Эйхе – тогдашний партийный хозяин Западной Сибири. В 1936 году – ещё не «враг народа», а нарком просвещения А. С. Бубнов. В первую военную зиму – вездесущий Емельян Ярославский: «Знаете, редкая и старинная книга – моя слабость». Вера Николаевна боялась таких, потому что знала. Недаром в книге Эренбурга появилась фраза: «Она боялась также, что приедут люди из Москвы и увезут самые ценные книги...».

И действительно, ведь приезжала в апреле 1930 года бригада наркомпроса типа «чрезвычайной тройки»: Л. З. Энштейн, А. С. Петровский, М. Я. Шик – и отобрала из Строгановского и других фондов, и увезла больше двух тысяч (2000!) редчайших книг и альбомов. Среди них – уникалы «на пергаменте, украшенные известными художниками Франции, поразительной красоты альбомы на атласе инкунабулы, роскошные дарственные университету издания». После этой акции (уж не была ли она в какой-то мере спровоцирована и рекламно-патриотическим энтузиазмом самой Веры Николаевны?) навсегда исчез из библиотеки бесподобно фантастически ценный кабинет графических искусств.

Помимо официальных, важных VIP-персон, через библиотеку так или иначе на глазах Веры Николаевны прошли пути и многих других, прекрасных и неповторимых людей, не по своей инициативе оказавшихся в Томске. Как могли, здесь занимались ссыльные учёные: искусствовед С. Н. Дурылин, геолог-почвовед Р. С. Ильин,

член-корр. Академии наук лингвист А. Г. Ильинский (двое последних расстреляны в Томске). В библиотеке бывали читателями и гостями актёры «Второго МХАТА», работавшие в Томске в 1928 году.

В. Н. Наумова-Широких для многих была культурным ориентиром не только в силу личных, но и исторических обстоятельств. После 1922 года много лет в городе не было ни одного гуманитарного высшего учебного заведения. Вера Николаевна со своим русско-французским литературным образованием и биографией как бы заполняла вакуум. Она выступала (работала) везде: в народном университете, на курсах повышения квалификации, в городском театре, в Доме Красной Армии, в соседних городах и сёлах... Библиотека устраивала (иногда даже на площади Революции) популярные книжные выставки с мини-лекциями. Всё это создавало ореол.

Привлекательным и, может быть, главным человеческим качеством Веры Николаевны был дар общения. В этом плане её фамилия была синонимом судьбы. Широта контактов часто наводила на весьма умные последствия.

Например, Сергей Николаевич Дурылин – неиссякаемый генератор и реализатор творческих идей – помог Вере Николаевне составить план и отчёт-программу преобразования и усовершенствования библиотеки, а также докладную записку о необходимости организации в университете педагогического факультета. В 1930 году педфак был открыт. Вера Николаевна получила кафедру русской литературы и заведовала ей до преобразования факультета в пединститут.

Успехи её как библиотекаря вскоре достигли апогея. Н. К. Крупская на примере отчётов-докладов Веры Николаевны отмечала, что в работе научных библиотек «бьёт новая, социалистическая струя». Председатель Совнаркома РСФСР приводил её в пример другим директорам библиотек: «...Таких... как Наумова-Широких, у нас ещё единицы... а нам нужны... тысячи».

Об успехах Веры Николаевны, кроме рассказов, грамот, ценных подарков, говорили и совсем уж оглушительные документы. Например, сохранилось письмо наркому просвещения, в котором Н. К. Крупская «очень просит распечатать» из правительственного резерва и дать В. Н. Наумовой-Широких трёхкомнатную квартиру в Москве. Приказом Крупской (зам. наркома просвещения) в сентябре 1937 года Наумова-Широких «переброшена» в библиотеку им. В. И. Ленина заместителем директора и одновременно (!) главным библиографом Всесоюзной Книжной Палаты, и одновременно (!!) оставлена на своей должности, при своей зарплате и квартире в Томске.

Не сумевшего всё правильно понять вр. и. о. директора (ректора – Р. К.) ТГУ нарком вразумлял, например, такой вот телеграммой: «Нарком просвещения РСФСР Тюркин. Томск. Университет. Журавкову. Прекратите издевательства Наумовой-Широких. Отмените уплату квартирных. Выплачивайте зарплату. Обеспечьте... Наумова-Широких будет отсутствовать продолжительное время». И ещё я видела подписанное Тюркиным письмо: «Господину министру просвещения Франции» (без фамилии и регалий) с уведомлением о том, что Наркомпрос РСФСР командировывает «профессора» (!) В. Н. Наумову-Широких «для ознакомления с библиотечной работой...». Это была, по рассказам Веры Николаевны, прекрасная почти четырёхмесячная поездка по Франции, Бельгии Чехословакии. Ну просто всё, как в плоховатых, но торжественно ей посвящённых стихах П. Антокольского:

...Но где тот переулочек немощённый...
Где злые хлопья снежного тумана?
В какую даль вы смотрите, грустя,
Вы, героиня русского романа,
Сибири снежной милое дитя?

Моё общение с Верой Николаевной прервалось так же беспричинно, как возникло. Раздваиваясь-растраиваясь-расчетвержаясь между всем вокруг интересным и необходимым, я еле успела написать и защитить дипломную и сдать госэкзамены (где незабвенный профессор И. М. Разгон меня почти засыпал по основам марксизма-ленинизма. «Тройку» поставили из снисхождения к двум «пятёркам» по специальности). С нас спрашивали всё в полном объёме и с почти военной строгостью. Заходить к Вере Николаевне как-то не приходилось, и спонтанных встреч не случалось. Потом я уехала по распределению. А в мае 1955 года Вера Николаевна умерла.

Но в моей памяти, как и всех, кто их знал, они живут – эти «три грации», три неповторимые и непохожие друг на друга жрицы Минервы, три верные служительницы Афины – богини женского труда, мудрых решений и науки. Судьба знала, чем порадовать нас, с детства обездоленных репрессиями и войною. Она ввела нас в научную библиотеку, как на светлое жизненное торжество. Ввела в тот момент, когда там всё шло по восходящей: оживлялось, восстанавливалось, разрасталось из глубоких и крепких корней.

**Любовь Михайловна
КОРАБЛИНА**

(1958–1983)

Любовь Михайловна Кораблина (Татишвили) родилась в Молчановском районе Томской области. Окончила филологический факультет Томского университета. Преподавала в ГПТУ № 27. Стихи публиковались в томской периодике: многотиражной газете ТГУ «Alma mater», городских молодёжных изданиях, сборнике «Завтрашнее утро», альманахе «Каменный мост». Автор книги «Буду...» (Редактор-составитель Н. Г. Нестерова, Томск: Фак-т журн. Том. ун-та, 2006. – 124 с.).

* * *

Моя провинция, сентябрь!
Как солнечны твои дороги!
Твои воспоминанья строги
И сладостны, сентябрь!

Ты – позднего тепла свирель,
И терпким запахом согрето
Мгновенное, как стон и хмель,
Томительное бабье лето.

Пусть не постичь твоих глубин,
Пусть ветром календарь залистан...
Сквозь пыльный полог паутин
Ты – гимн первоначальных истин.

Всё повторится. Во дворе
Ещё листва не облетела...
Рябины трепетное тело
О новом бредит сентябре.

* * *

Было в жизни – детство и зрелость,
И меж ними – почти без слов –
Так легко нам, так ласково пелось
На два голоса про любовь.

Было в жизни – плоды и завязь,
А меж ними – зелёный цвет.
А меж ними – судьбе на зависть
Выбран был счастливый билет.

Было – бал... И балетом белым
Тело пело, веслом плыло...
Пленом пены и платья кипело.
Пылью, пеплом былём поросло!

* * *

Не осилить великий разлад
Расползавшихся в стороны строк...
За стихами – не Бог – крылат,
Утончённый и мудрый Бог...

Нет, не крылья у смуглых плеч,
И не гордый и злой полёт –
Чтобы душу свою сберечь –
Просто жаворонок поёт...

* * *

Во мне живут прекрасные стихи,
Живут, как в море волны и приливы –
Не приживаясь. Как под ветром гривы –
Вдруг оживают странные стихи.

Вот так любовь забытая живёт.
С ней нет забот, забав и треволнений,
Пока осатанелым вдохновеньем
Губ избалованных мне не сведёт.

* * *

Дождя промчалась пляшущая нить.
Стоят в бреду осиновые рощи.
– Ну как, кричу, – на свете надо жить?
И кажется, что ветер шепчет: – Проще.

* * *

Не Воскресенская гора –
Земли и солнца воскресенье...
Летели листья до утра
Над церковью – грехопаденьем.

И солнца беззаботный клин
Был притягательно непризнан,
И жить хотелось до седин
Наполненной и светлой жизнью...

Жить, всё нелепое простив
Судьбе, что день за днём листает,
Пусть воскресенские кресты
Опять проводят листьев стаю.

ЗАДВОРКИ

Задворки. И хозяином ли, гостем ли,
Ты здесь – как будто в цирке за кулисами.
Тут на ветру оставленные простыни
Пропахли подгоревшей кашей рисовой.

И на углу – в афишу одинокую
Давно уже, печатно и старательно,
К такому непонятному «барокко»
Вписали два таких понятных, матерных.

А от витрин, где пахнет рыбой тающей,
К церковной башенке с боками круглыми
Несётся, вслед за голубем взлетающим,
Смех женщины к сияющему куполу...

Родства не помнят улицы парадные,
Знать не дано им истину короткую...
Но магистралей праздничная радуга
Начнётся и закончится задворками.

* * *

Жене

Как две планеты – два гадальных блюда!
Какая сила их едва коснулась
И нас коснулась –
Нам не разминуться!
Обуглит нас короткое «Люблю вас».
Нам не отвлечься и не отмахнуться.
Не разминуться... «Можно на минуту?» –
«Навек хотите?» Пусть они смеются –
Мой красный плащ – он всё равно салютом!
Он всё равно – не ризою, но сердцем
Запляшет – хвост невиданной кометы.
И в этом взрыве, в этом страшном блеске,
Неразминувшимся, что нам до пепла?!

* * *

Я пишу тебе из города.
Ах, из города далёкого...
Надо мною небо вспорото
Взмахом радуги высокой.

Надо мною небо – тучами.
Небо тучами лохматыми.
Дождь потоками колючими
И тоской меня охватывал.

Если я скажу об осени,
То не сделаю открытия.
Мне цветы сегодня бросили
Из окошка общежития.

В этом городе непонятом
Не дождёшься неба просини.
Мне цветы сегодня бросили
И об осени напомнили.

* * *

Как долго падал этот снег!
Устало падал, обречённо.
И чей-то тихий, светлый смех
Восславил грусти утончённость.

Неисчерпаемость легла
На отгоревшие газоны.
И осень долго не могла
На всём поставить крест резонный.

И примирилась с тишиной
Холодных окон сонность.
И, может, лишь в тебе одной –
Классическая завершённость.

БЕЛЫЕ НОЧИ

*Придут незаметные
белые ночи...*

А. Блок

Придумайте что-нибудь писем короче,
Прохладней июля, светлей перекрёстка...
Придут незаметные белые ночи.
Сегодня пока всё удобно и просто.

Придумайте город в дожде неприглядном.
Залива роптанье, обычного громче.
Прогулку придумайте долгую за город...
Придут незаметные белые ночи.

Промокшие розы придумайте. Пойте
Про светлое небо, про тёмные очи,
Когда, постучавшись в отзывчивый зонтик,
Придут незаметные белые ночи.

НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ

Последний вздох... Последний луч...
Но боли в сердце не отпустит.
Ступай, луна! Ступай, не мучь
Приливом высочайшей грусти!

Стакан вина – за то, чтоб жизнь
Не прервалась концом беспечным.
За то, чтобы в одну из тризн
Упасть на холод Чёрной речки!

В мученье всё же понимать,
Как ночь светла, как воздух выстыл...
Слабея, всё-таки шептать:
«Жива... За мной – последний выстрел».

О ТЕНИ ДЕТСТВА!

О тени детства! Вы – апофеозом
Тех дней, где ненавязчиво и прямо
Доха дышала маминым морозом
И счастьем тайным – тот печатный пряник...

Там счастье из кармана доставалось –
Не под восторг – под сладкое молчанье...
Кто мне аукнет? Как бы откликнулась
На зов душа – моё первоначало.

В руках судьбы таинственные спицы
Увяжут всё мучительно и просто...
Что мой очаг? Гвоздика ли в петлице?
Иль холст, доныне не проткнутый носом?

Иль это я – морозом и духами
Пропахла? И меня ничто не ранит...
И кто-то в душу прямо мне пихает,
В первоначало, этот древний пряник...

* * *

Мои лета –
Сырым апрельским ветром,
Дождя и снега избранным безумством.
Мои лета...
И юбкою намокшей
К моим коленям льнут мои лета.
Мои лета
Со слипшихся ресниц
Слезой и солнцем
Опадают в лету.
Летам вослед –
Мой незаметный вздох...
Мои лета –
В меня влюблённый отрок
Два дня подряд...

ОДА ПОБЕГУ

Нежной была и недоброй. По краю
Крадучись. Крылья – в твоей горсти.
Горем и гордостью заклинаю,
Вспыхнув и съёжившись – отпусти!

Медное солнце двенадцати Африк,
Тёмная плоть твоего ребра,
Милости клад и комок анафем –
Я и поныне – сестра ветрам.

В тёмном загоне царя Георгия
Так олениха в трубной поре
Глазом косит. И зрачки её строгие
Так отливают на дымной заре.

Так она страстью измучена древнею –
Бегом насытиться. Чтоб у ног
Ветер плясал. Ни узды, ни стремени!
Воля – и песня, и боль, и бог.

Я БУДУ...

Г. П.

Я буду богиней, я буду богемой,
Я буду Бодлера еврейкою бешеной...
Я бездною буду – губам побелевшим.
Я буду бедою, я буду богемой.

Я блудом и бредом. Но только не братом.
Отравленным бромом. Отборною бранью.
Не бродом – а бритвой на шее граната,
Неприбранной бровью больного Рембрандта.

В забавах любовных –
Не буду любая.
На бардов плюгавых –
По крыльям – ни грамма.
Повязкой набедренной,
Шрамом Барклая
И бесом в ребро –
Безбородому браме.

Не буду ничьим
Приключением дачным.
Багиру – по венам,
Весло – по буруну.
Беременных баб –
По барометрам брачным.
По бархату –
Блажь в баритоне драгуна.
Багровый привет
Проституткам Бродвея.
Я буду богиней.
Я буду богемой.

* * *

С. А-ву

Поглотит – от ступней и до запястий
Случайной связи ласковая пасть.
Не отрицайте пагубные страсти!
Не пагубная вовсе. И не страсть!
Всё губит нас. Какой-то голубь глупый
В голубоватом воздухе повис
Для чистоты. Покусывая губы,
Усугубляю голубя каприз.
Для чистоты – так, что сама хмелею –
Руками шею обвиваю – хмель!
И нежное услышав – «Дульсинея!» –
Сквозь землю провалюсь и сквозь постель!

* * *

Какая ночь... Недуг или прозрение?
Но всё равно – конец за снежным месивом.
Я знаю много песен невезения,
Но ни одной не знаю – равновесия.

Я выбрала. Я идолам бисирую.
И выбрана. И – бесконечно – сирая,
И, сдерживая приступы бессилия,
Я всё ж не умираю – балансирую.

Канат – как жизнь. Но где падём мы замертво?
Канат сплетён искуснее гексаметра.
Но вынести каната колыхание
Не жизни не хватает нам – дыхания.

Он, этот мир, весь розовый, меж липами.
А мы... Мы сжаты собственными хрипами,
Так страшно, так беспомощно солилируем...
Но балансируем, всё балансируем.

Мы – между горем и раскатом гомерическим,
Мы средь курносых и средь профилей аттических.
Как пуля в лоб – могли такими быть всесильными.
Но между пулею и лбом мы балансируем.

Над пустотой спелёнутый мессия
В качалке так младенец с тёмно-синими...
Он под твоё курлыканье, Россия,
Ещё не понимая, – балансирует...

Пока ещё сомненье не испытано,
Пока ещё не сглазили софитами...
Пока ещё не подхватила улица,
Пока ещё не знает, что не сбудется.

Я – ничего... я счастья не просила бы.
Я счастлива. (Я вышла за красивого.)
И звёзды – мимо – в августе трассируют.
И прям их путь... Над тем, что балансирует.

* * *

Что я могу вам обещать?
Два слова ласковых – устало
О незначительных вещах.
И рядом быть. И быть нестарой.

Вся наша непохожесть – бред.
Я не приму ничьи советы.
Мой путь оправдан. Он прогрет
Взаимностью Луны и лета.

Мой путь... Я плачу ли? Пою ль?
И жду чего – любви? Успеха?
Мой путь, мой ветреный июль
С надорванным недобрым смехом.

Мне нужно мало. Ни о ком
Вдруг размечтаться безответно,
Ступать по полу босиком
И верить, что душа бессмертна.

* * *

Ты опять – с моим портретом мучиться.
Отложив кастрюли и вязанье,
Снова я – прекрасная натурщица.
Соучастница. Покорно зябну.
Помогаю лёгкою насмешкою,
Помогаю ценными советами...
«Нарисуй таинственную женщину
С тёмным взором и губами детскими».
Наконец упали кисти кучею:
«Всё вместил, что есть в тебе от бога...».
Отступаю. С полотна пахучего
Смотрит воплощённая тревога.

* * *

Всему – черёд, всему – пора,
Пора и мне уже смириться...
Так властно ветер веет в лица,
И так трезва его игра...

Но всё ж игра. Судьба – орлица,
И синий цвет её пера
Не позволяет до утра
Спокойным ясным сном забыться.

Всё превратится во «вчера»,
Но будет сниться, сниться, сниться.

* * *

Соединенье кормящей руки
С голубем сизым.
Союз воркованья,
Рани и сини... Пустяк – расстоянье.
Главное – крылья сильны
и легки.
Друг мой залётный,
мой древний приют,
Званный и жданный,
Все – гром средь неба.
В тёплой ладони
Призывного хлеба
Мирные крохи
Бесцельно живут.

* * *

Вот город. Пустота вернулась
В него с умчавшейся листвою.
И несравнимый тяжкий ужас
Пред наступающей зимой...
Всё кажется: как только берег
Реки затихнет подо льдом –
Неумолкающих истерик
Не выдержит усталый дом.
Он рухнет под напевы вьюги.
Обломки ставень и ворот.
И всё, что знали друг о друге,
Пришедшим снегом заметёт.

Давид Львович ЛИВШИЦ

(1911–1964)

Родился в 1911 году в городе Каинске (Куйбышев) Томской губернии. Скончался 28 февраля 1964 года в Томске.

Поэт, драматург, журналист.

После школы преподавал в начальной школе пос. Левино Новосибирской области. В 1929 семья переехала в Томск. Окончил Томский инженерно-строительный техникум (1932). Преподавал в Томском ФЗУ связи, работал на строительстве завода дорожных машин. Был заместителем редактора многотиражной газеты завода «Металл», ответственным секретарём газеты «Красное знамя». Руководил литературным кружком при этой газете. В 1934 поступил в Томский госуниверситет, после 1-го курса перевёлся на истфак Московского института истории, филологии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (ИФЛИ). После окончания института (1940) работал младшим научным сотрудником отдела древних рукописей Московского исторического музея. В начале войны перешёл на работу воспитателем ремесленного училища. В сентябре 1941 вместе с училищем был эвакуирован в Томск, работал преподавателем в Томском музыкальном училище.

С февраля 1942 по май 1945 был на фронте, воевал в звании старшего лейтенанта (командир стрелковой роты 191-й Краснознамённой стрелковой дивизии на Волховском фронте, помощник начальника оперативного отдела штаба дивизии, секретарь дивизионной газеты). Участвовал в боях под Ленинградом, в Прибалтике. Имел два ранения и две контузии. Боевые награды: медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией», орден Красной Звезды. Демобилизовался в марте 1946 г. По направлению Всесоюзного комитета по делам высшей школы устроился на кафедру истории СССР ТГУ ст. преподавателем. Ру-

ководил литературно-художественным кружком ТГУ. С 1948 – преподаватель истории Томского музыкального училища.

Арестован органами МГБ 11 августа 1950, обвинён в антисоветской агитации и приговорён к лишению свободы на 10 лет. В ноябре 1955 попал под амнистию, был досрочно освобождён. В октябре 1958 реабилитирован за отсутствием состава преступления. С 1958 – технический редактор, сотрудник Томского книжного издательства. В 1960–1964 – начальник издательского отдела Бюро технической инвентаризации Совнархоза.

Первое стихотворение было опубликовано в 1926 г. в новосибирской газете «Юный ленинец». Его стихотворения публиковались в дивизионной, армейской и фронтовой газетах. В 1947 в Томске издан его сборник «Стихи разных лет» с предисловием Н. Ф. Бабушкина. Автор стихов, поэм и рассказов, публиковался в журналах «Знамя», «Сибирские огни», в альманахе «Томск», в газетах «Красное знамя» и «Советская Сибирь». Автор пьесы в стихах «Университетская роща», поставленной на сцене Томского драматического театра в марте 1962 (режиссёр М. А. Юфа).

* * *

Ты принесла букет лесных гвоздик,
и я, разлукой близкою волнуем,
к твоим губам в последний раз приник
порывистым, горячим поцелуем.

Ты подняла печальные глаза,
отпрянула и что-то прошептала.
Мой друг!
Пройдёт военная гроза,
и мы всё повторим сначала.

Я поцелуй последний сберегу,
грома врага с утроенной отвагой.
Я отомщу заклятому врагу
за то, что взгляд твой затуманен влагой,

за ранние морщинки матерей,
за слёзы, что расплылись на конверте,
за злые вести у дверей,
раскрытых холоду и смерти.

За всё с врагами рассчитаюсь я
в строю бойцов, которым страх неведом.
Прощай...
Прощай, любимая моя,
и верь: с победой я приеду.

СОЛНЦЕ

В последний час перед закатом
оно купалось в облаках
над лесом лапчатым, лохматым.
И стыли блики на стволах.
И золотился каждый атом
седого снега на ветвях.

Бросался ветер хвоей колкой.
Дрожали веточки осин.
Дуб, устремляясь вверх, над ёлкой
Простёр могучий балдахин.

Как витязь, клён в блестящих латах.
В подвесках ледяных – ольха.
За ними – строй вершин зубчатых,
одетых в белые меха.

И всё тянулось, хорошея,
в пространство, в золотой простор, –
туда, где над моей траншеей
взметнулся огненный костёр.

РИСУНОК

Из И. Неходы

Я счастлив.
Достаю из-под шинели
Письмо заветное
от дочери моей.
Её караули –
всех слов милей.
Они мой взгляд
и сердце обогрели.
Сюда,
где тишь
дробят раскаты грома,
Прислала дочь
рисунок свой
простой:
Дом деревянный,
деревце у дома
И две ромашки
на горе крутой.
А над трубой –
круг солнца
золотой.
Лучей
багряно-алые
ресницы.
Глаза
сомкну лишь, –
мне тот домик снится
И две ромашки
на горе крутой.

В Сибири,
    в Томске,
        там,
            где тихо ныне,
Рисунок свой
    набрасывала дочь.
И солнышко,
    похожее на дыню,
Безлунную
    мне осветило ночь.
Мы только что
    вернулись
        с поля боя.
Я показал
    письмо
        своим друзьям.
В буран и стужу
    жарко стало нам
От солнышка,
    зажжённого рукою
Любимой дочери.
О, грёз моих тепло!
Рисунок твой
    всегда ношу
        с собою.
Я достаю его,
    когда мне
        тяжело,
В короткие
    мгновения
        до боя.
И снова чувствую
    бодрящих сил
        прибой.
Ведут на бой
    в седых
        раскатах
            грома:
Дом деревянный,
    деревце у дома
И две ромашки
    на горе крутой.

СОЛДАТУ ДОРОГ ЧУТКИЙ СОН

Солдату дорог чуткий сон,
Смежающий глаза,
Когда окрасит небосклон
Рассвета бирюза,

Когда под всполохи зарниц,
Под шелест вешних трав,
Роняет он из-под ресниц
Слезинки на рукав,

Когда улыбка разомкнёт
Суровые уста
И грёз неведомых полёт
Пьянит,
        как высота.

Пусть до атаки только час –
Так сладок этот сон.
И, может быть,
В последний раз
Любимых видит он.

ВОЛК

Притрусил – взлохмаченный, поджарый.
Встал у ног – и воет надо мной.
Я лежу, израненный, под старой
обомшелой, кряжистой сосной.
Сыро на болоте у реки.
Жизнь уходит. Кровь едва сочится.
Серый ждёт, но не поднять руки –
ноет перебитая ключица.
А глаза его, как светляки.

Вечереет. Зыбится туман.
Кровь густеет. Холодеют веки.
Видно скоро, вместе с болью ран,
отлетит и жизнь моя навеки.
В грудь вонзятся острые клыки.

Вороньё на пиршество слетится.
Серый ждёт, но не поднять руки –
ноет перебитая ключица.
А глаза его, как светляки.

Сумрак надвигается стеною.
Пятна крови стынут у плеча.
Зверь всё здесь. Смеётся надо мною,
взвизгивая тихо и урча.
Судорожно в сердце и виски
тихими толчками кровь стучится.
Серый ждёт, но не поднять руки –
ноет перебитая ключица.
А глаза его, как светляки.
Ни звезды. Всё гуще мрак ночной.
Синие круги перед глазами.
Может, это немец надо мной
ляскает звериными клыками?
– Погоди, проклятый! Погоди!
Мы ещё померяемся силой.
Будет пуля у тебя в груди!
Будет дно реки твоей могилой!
Воешь, пасть клыкастую ощеря?..
Получай за горе, за потери!..
Воронёный ствол плеснул металл
в глаз фосфоресцирующий зверя.
Глаз потух. Умолк предсмертный вой.
В луже крови плавает проклятый.

Диск луны встаёт над головой.
Воздух пахнет тополем и мятой.

* * *

Я шёл, как все, с оружием в руках.
Я видел, как вошёл наш путь в былины.
Как мы в выдавших виды сапогах
От Волги дошагали до Берлина,
Как в майский вечер расцвела земля
Победными салютами Кремля.

И пусть мой путь был временами горек –
Я счастлив, что прошёл его, и тем,

Что воплотил его, хотя бы как историк,
В скупые строки песен и поэм,
Что можно так мой подвести итог:
Он бился сам и описал, как мог!

СВОЯ ЗЕМЛЯ

Здесь всё мне памятно... И липы над рекой,
и небосвод прозрачный над деревней,
и стрехи чёрные на колокольне древней,
и по холмам разлившийся покой.
Вот здесь был дом. Я в нём увидел свет.
Играл в саду, мужал и жизнь бы прожил...
Всё это враг навеки уничтожил.
И дома нет. И сада больше нет.
И юность перечёркнута войною...
Но я недаром ел солдатский хлеб.
Я закалился, возмужал, окреп
в сражениях за кровное, родное.
За всё, что мы Отчизною зовём,
за всё, что нам в сто крат милей и краше
лишь потому, что снова стало наше,
хотя б испепелённое врагом.

КУКУШКА НАКУКОВАЛА

Кукушка накуковала
солдату сто двадцать лет.
Лежит солдат у завала,
а ног у солдата нет.
Последняя вспышка сознания.
Бикфорд поджигает солдат.
И рушится мирозданье.
И в небо дубы летят...
Пусть сердцу в груди не биться,
пусть тускл, неподвижен взгляд, –
лгала бестолковая птица:
бессмертен советский солдат!

МЫ – ПЕХОТА

Вновь и вновь впадая в забытьё,
я не помню, как из-под обстрела
к медсанбату вынес он моё
бледное страдающее тело.

Но когда шершавая рука
вытерла на лбу росинки пота,
я спросил его, очнувшись:
– Кто ты?..

Словно дуновенье ветерка,
донеслось простое:
– Мы – пехота!

ДВЕ ПРЯДКИ

Комбат погиб от раны пулевой.
И я – наследник сумки полевой
и грозного второго батальона...
Коптилка светит робко, потаённо.
Скребётся мышь в земле над головой.

Майор, майор! Я принял на себя
всё то, что ты, страдая и любя,
нёс в чистом сердце русского солдата.
Но тем, кому всего больней утрата,
что напишу я, о тебе скорбя?..

В его бумагах, в тоненькой тетрадке
я обнаружил две кудрявых прядки.
Одна из них черней смолы была.
Другая – словно горный лён, бела,
Принадлежали обе ленинградке.

В планшетке я нашел её портрет,
оставшийся от тех весёлых лет,
когда она красивой и нарядной
входила в парк. А рядом был блокадный
портрет, которому и года нет.

Разителен контраст. В музей бы их.
В груди моей восходит горький стих.
Я вижу улиц хмурые громады,
тень женщины у грозной баррикады.
седую прядь в кудряшках смоляных...

Суровое блокадное житьё!..
Я буду бить проклятое зверьё,
и в бой пойду без страха, без оглядки,
за волосы седые ленинградки,
за скорбь её, за мужество её.

Ветра войны перевернут в тетрадке
последний лист. И я найду те прядки,
с которыми сражённый наповал
комбат почти два года воевал...
Но что... что напишу я ленинградке?

ТЫ ПРОХОДИШЬ В ШИНЕЛИ СЕРОЙ

Ты проходишь в шинели серой.
Сапоги кирзовые трут.
Дорогая! Какую мерой,
кто измерит твой ратный труд?
Локон выгорел золотистый.
В завитках на висках седина.
Не согнись, дорогая, выстой!
Отшумит, отгремит война.
Снова вспыхнут в глазах смешинки.
Мягкой, нежной станет рука...
Мы разгладим твои морщинки,
мы оденем тебя в шелка,
мы твой дом уберём нарядно,
лучший в мире совьём венки,
пух лебяжий, цветные рядна
у твоих мы расстелем ног,
посвятим тебе мадригалы,
путь твой огненный воспоём,
чтоб жила ты, цвела, сверкала,
как живёшь ты в сердце моём!

В ЗЕМЛЯНКЕ

Когда умолкнут навсегда
орудий грозные раскаты,
я приведу тебя сюда,
в свои подземные палаты.
Здесь, под накатом из ольхи,
на нарах из жердей сосновых
я сочинял свои стихи
и размышлял о днях суровых
при тусклом свете камелька...
Здесь отдыхал я после боя,
подмяв устало под бока
клочки заиндевелой хвои.
Здесь вспоминал я дом родной,
грустил, мечтал о счастье новом.
И ты всегда была со мной
под этим закоптелым кровом.

ЧЕТВЁРТАЯ ВЕСНА

Три года он не замечал весны.
Три года шёл, упрямо сдвинув брови,
дорогою лишений, бед и крови,
суровою дорогою войны.
Четвёртая – последняя. Забрёл
солдат в лавчонку старого венгерца.
Теперь лишь чуть приотворилось сердце:
купил и спрятал куклу наш орёл.

СЕРДЦЕ ПОЁТ

И снова за окном Россия,
родная ширь передо мной,
кусты, как девочки босые.
Осенний лес, уже сквозной.
Едва успела нарядиться
в цвета пурпурная земля,
раскинула цветные ситцы,
кружится, листьями маня.

Осенний вечер. Над откосом
дым серебристой бахромой.
И сердце бьётся в такт колёсам,
Поёт:

Домой!
Домой!
Домой!

* * *

Шлифует ливень мутное стекло.
Рябина за окном шуршит кистями.
Неистовые молнии когтями
рвут тучи заблудившейся крыло.
Мне непривычно: сухо и тепло.
Стою, прижавшись лбом к холодной раме.
В груди моей просторно и светло.
Шинель висит в передней за дверями,
и от неё нигде не натекло.

* * *

Морзянку выбивает дятел
на губчатой сухой коре.
Дробь точек. Паузы – тире.
Но шифр неясен. Верно, спятил
пернатый мой телеграфист.
Стучит, стучит, а всё без толку...
Заря позолотила ёлку.
Восход по-прежнему росист...
Я в ворохе багровых пятен
сичу на обомшелом пне.
А ведь когда-то был понятен
язык всех птиц таёжных мне!

ПРИВЕТЛИВА РОДНАЯ СТОРОНА

Приветлива родная сторона.
На ранний клёв плывёт сержант запаса.
Журчит неторопливая волна,
и кажется, что за кормой кунгаса
пристроилась в кильватер тишина.
В чешуйках серебристых гладь реки.

Чуть шелестит прибрежная осока.
В кисейной зыби тонут тростники.
Как брызги, залетевшие высоко,
мерцают звёзд весёлых огоньки.
Журчит неторопливая волна.
Плывёт солдат. Плывёт на ранний клёв он.
Плывёт, впервые ощутив сполна,
что отгремела, умерла война...
И миру мир надолго завоёван
и выстрадана эта тишина!

ВЕСЕННЕЕ

Люблю я весною разбуженный город,
и ласковый ветер, порхнувший за ворот,
и крик воробьёв, позабывших о стужах,
и лужи, и мир, опрокинутый в лужах,
и первую прозелень из-под булыжин,
и тополь, который ещё не подстрижен,
и сердце, стучащее с песнями в лад,
и песни, которые в небо летят.

СТАРЫЙ ДОМ

Был дом как дом: обычный городской.
Не из роскошных, но не тесноватый.
В саду играли дети день-деньской.
Цветами пахло, тополем и мятой.
Пришла война. И, кажется, серей
стал старый дом с обветренным фронтоном.
И женщины толпились у дверей,
навстречу выбегая к почтальонам.
Так и стоял он до конца войны
нахмуренный, ветшая без ремонта...
Был день как день. В погонах старшины
хозяин – управдом – вернулся с фронта...
Облазил он весь дом до чердака.
Взошёл на крышу. На родные дали
взглянул и засмеялся. И слегка
звенели в такт блестящие медали.

А утром, надев комбинезон,
ударил в рельсу черенком лопаты.
И облепили дом со всех сторон
жильцы его – вчерашние солдаты.
Сам управдом огромной стрекозой
ползёт с ведром и кистью по стремянке.
А небо отливает бирюзой
и вторит песне перебор тальянки.
За управдомом я наверх полез.
Смотрю – дивлюсь: художник, несомненно,
разбрызгал кистью синеву небес
на вновь оштукатуренные стены.
Повеселел, принарядился дом.
Не подведёт жильцов в мороз, в ненастье.
Он, как хозяин, с бурями знаком.
И, как хозяин, он достоин счастья.

**Павел Васильевич
ЛОБАНОВ**

(1966–2001)

Родился 13 марта 1966 года в Томске.

Поэт, писатель. Окончил среднюю школу № 18. Выпускник физико-технического факультета Томского политехнического института (1989).

Автор публикаций в журналах «Юность» (1997), «Уральский следопыт», «День и ночь» (Красноярск, 1999, № 4), «Сибирские Афины» (1997, № 3; 2000, № 3; 2001, № 2), в сборнике «Ковчег» (рассказы, 1996), «Иллюзии Пигмалиона» (стихи, 1996), «Мороз и солнце» (рассказы, 1999), «Молодые голоса» (стихи, 2000).

Книга прозы «Лунный свет» вышла в Томске уже после его гибели. Его стихи и проза выходили на страницах журнала «Сибирские Афины» (стихи, 2002, № 25), альманаха «День и ночь» (Красноярск, 2003, № 6–7), сборников «В Политехническом опять звучат стихи» (2003), «Планета Политех» (рассказы, 2005) и др.

Скончался 27 июля 2001, г. Томск.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

Я последний романтик в городе,
Я люблю гулять под дождём.
Холодные струйки бегут по лицу,
Гаснут фонари,
Воздух чист...
Я всегда гуляю один.
Девушки стали практичны
И мокрой одежде предпочитают
Сиденье в «Вольво» или тёплую постель.
Зигмунд говорит, что я не прав
И задержался в сексуальном развитии,
Но когда я встречаю его под дождём,
Не здороваюсь, делаю вид – не узнал.
Я – последний романтик, гуляю один,
Но ничуть не жалуясь:
Ведь струйки, бегущие по плечам,
По животу, – это так приятно.
И старикашка Фрейд тоже совсем продрог.

О ЛЮБВИ

Ольге Рычковой с любовью

Нас друг другу в объятия бросит
Огневая внезапная страсть
Пасть разинет и вовсе не спросит
«Не хотите ль во чрево попасть»

Как иона китом мы проглочены
К богу будем напрасно зывать
Он ответит «Ну что же вы хотите
Раньше не было надо зевать»

А глотать не захочет – мы слёзно
На коленях будем просить
«Поглоти нас пока не поздно
О не вздумай голодным уплыть»

ПРИМЕРКА ЧЁРНОГО МУНДИРА

Ну чем не немец – дисциплине предан я,
Люблю приказ, парад и униформу.
Блестит погон, бок обняла шлея...
Грозится пальцем бабушка моя:
«Ишь, вырядился... У, татарский морда».

РАЗГОВОР С ДРУГОМ

Не надо слов ты мне не отвечай
Поставим кружку на плиту и высыпем весь чай
И будем говорить о том о сём
Но вдруг поймём что хвастаем да врём

* * *

Я не хотел терять лица
И всюду бился до конца
ИТОГ: Теперь хожу я гордо
С необщим выраженьем морды

* * *

Аквариум клетка для рыб
Тело ловушка души
Книга тюрьма для слов
Не пиши.

* * *

Начальство что сердце ему не прикажешь

* * *

Поэтический полигон
Выхожу как пророк полугол
И скорей начинаю строчить
Пусть посмеют меня учить
Всяк пустырник и Пастернак
И другой корнеплод и злак...
Выхожу – сам себе господин
На большую дорогу один

* * *

Не отдавай поэт своё творенье
На суд и вкус ни хама ни глупца
Вари вари своё произведенье
Себе лишь доверяя до конца

А если горек плод трудов твоих
Рот сардонически кривит оскома
Сам виноват – сырым остался стих
Сам и терпи – не пробуй на знакомых

ПИР ВО ВРЕМЯ ЗИМЫ

Будут верой все согреты
Не жалеете ни о чём
Если раньше был ты жертвой
Скоро станешь палачом

Все равно нужны Вселенной
Любит Бог своих детей
Мил ему учёный эллин
Люб наивный иудей

Волк и заяц лис и птица
Все живут в одной семье
Если хищник не родится
Жизнь зачахнет на земле

Без микроба без чумного
Жизнь людская не полна
Я дурак – и что такого
...Выпьем за чуму до дна!..

* * *

Сквозь невод вселенной
Я проскользнул шутя
Средь многих поколений
Единственный дитя

Я смертный и бессмертный
И жизнь моя – кино

Но в нём весна, зима и лето
Листов осенних без числа.
И нет единственной приметы,
Которая бы нас вела.

Нет механизма, нет завода,
Закона нет, диктата нет,
А есть стихи, любовь, погода,
В чужом окне полночный свет.

МОЛЧАЛИВАЯ ИСПОВЕДЬ

«После» не значит «вследствие»
«После» не значит «до»
Что мне – гордиться девственно –
Синею бородой?..
Я не растил не пестовал
И не мечтал о ней
Ты же глазами детскими
Видела – всё длинней
Тени растут склоняются...
Не поднимая глаз
Буду не жить а маяться
«Это – в последний раз»
Снова сомкнулись на горле
Пальцы и не вздохнуть
Бьюсь я с собой как в агонии
Сделай хоть что-нибудь
Что ж ты сдалась, что ж мешкала
Жертвою стала простой
Ох нелегко мне девушки
С синею бородой

* * *

Симвóлы царствия иного
И в мире дольном нам даны.
Мы в облаках читаем слово
И слышим голос тишины.

СТЕКЛО

В сем зеркале я выгляжу гигантом,
Каких давно не видел белый свет.
Я не зарюю своего таланта,
Пусть даже бы его на в помине нет.

* * *

Летнее время
Даже если захочешь сойти с ума
Или просто застрелиться
Придётся делать это на час раньше.

2 МАЯ 1997

Памяти Макса Батурина

Дверь была щербатая
Надпись мелом внизу
«Алиса – в Стране чудес»
Отец сказал
«Пропадает где-то
Опять у него новая»
Новая женщина была с косою
Но очень костлява

НАГЛЫЙ ПЛАГИАТ

Когда девушка уходит
То меняются её портреты

ПОЭЗИЯ

Хочешь изменить порядок вещей
А меняется только порядок слов

ЗА И ПРОТИВ СУИЦИДА

Быть сосредоточенным и одновременно
отрешённым
Это вполне возможно
Если не мешают навязчивые мысли
И самочинные перепады настроения

Как я устал от усталости
От собственной агрессивности и мизантропии
От неожиданных словно и не моих желаний
И слишком привычных идей

Впрочем кажется именно всё это
Обычно и называют личностью
Что ж я без неё как-нибудь обойдусь

Пусть исчезнет умрёт
Оболочка-то останется
Сосуд полный незамутнённого внимания

* * *

Если над тобой издеваются
Значит это кому-то нужно
Скорее всего самому тебе

* * *

Она не знала слов
«Инновация» и «юдофоб»
Писала «из кладези» и «монпасье»
Это её не портило
В глазах редактора
То есть моих

Я перестал быть редактором
И вся её любовь как-то быстро прошла

* * *

Скоро в транспорте ездить буду бесплатно
Став заслуженным донором городской канализации
Кровь из носа вторую неделю

«А подставлять не надо было
Людам которые машут руками
Словно мельницы ветряные»

Я почти Дон Кихот
И стихи мои иллюзорны
Разве пишут так настоящие поэты

* * *

Стихотворения приходят из пустоты
И снова в неё возвращаются
Я их не записываю
Впрочем кажется одно уже записал

* * *

Всё моё отличие от поэта
Состоит в том что я не поэт

ЗАВИДУЮ

До блеска мыт до хруста свеж
Ты шпаришь в свой Париж
Гладка как вымя твоя плешь
Её не утаишь

Есть в жизни тёплый бельэтаж
А есть изнанка крыш
Я нынче получил карт-бланш
По-русски значит – шиш

Босым пришёл я в этот мир
По битым стёклам – марш
Есть в каждой мышеловке сыр
А в мясорубке – фарш

Но я – не мясо для котлет
Безвкусен и жесток
Я лучше крепко сжав кастет
Пробью тебе висок

* * *

Я мог бы всю жизнь простоять на одной ножке
Глядя на известковую поверхность стены
Tabula rasa которой едва коснулись несколько рук
Я мог бы всю жизнь читать газету правда

Единственный номер от 12 декабря 1979 года
Я мог бы не произнести больше ни звука
До той самой минуты пока уста мои
Не запечатает своим воском трудолюбивая пчёлка смерть
Ни одной женщины ни часа работы
Никакого действия
Ни строчки ни буквы
Кажется мир уже и так существует
А я больше не одержим потребностью
Хоть что-то в нём изменить

Голос из-за спины
Надейся надейся

* * *

Лучшие способы писать стихи
Косой по росе
Вилами по воде
Помелом в воздухе
Пальцем в небе

* * *

В трагедии собственной жизни
Я слишком искусный актёр

6 ИЮЛЯ 1999

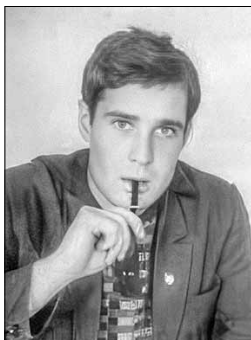
Два моих стихотвореньца
Напечатаны были в «Юности»
Полтора года тому назад
Я увидел их только сегодня
Давно перестав чего-либо ожидать
В особенности дебюта в столицах

Раньше я был типичным непризнанным гением
С виду гордым внутри несчастным
А теперь могу играть роль поэта
Вовсе не чувствуя себя таковым
Четыре листа ксерокопий
Пять бутылок темного «Крюгера»
Два автографа «Ну ладно Аля
Напишу здесь» «И ещё
Вот здесь» «А здесь уже написал»

Сколько ненужных стихов
Осталось ненаписанными мной
За полтора года
Неужели теперь не удержусь

**СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ
ВО ВРЕМЯ БОЛЬШИХ НАПРЯГОВ И НЕПОНЯТОК**

Мир тесен а свет просторен
Его не поймашь в сети
Здесь воры и горя горы
Так что ж растворяюсь в свете

Борис Иванович ОВЦЕНОВ

(1947–2010)

Родился 11 апреля 1947 года в посёлке Коммунар Исетского района Тюменской области.

Поэт, автор и исполнитель песен, журналист.

В 1966–1967 учился в Томском политехническом институте. В 1968–1969 работал в строящемся северном городе нефтяников Стрежевом, сначала – в стройотряде, затем – в многотиражной газете. В 1974 окончил филологический факультет Томского государственного университета. Был сотрудником редакции томской районной газеты «Правда Ильича». Жил в Томске.

Творческий путь его начался в конце 60-х годов в Томске. Стихи и мелодии тогдашнего студента ТПИ, а потом и ТГУ пел весь студенческий Томск. В 1993 в Тюмени вышел его единственный сборник стихотворений «Этот печальный праздник...». Стихи публиковались в томских и кузбасских газетах, в сибирских поэтических сборниках, томских журналах «Сибирские Афины» (2003, № 2) и «Начало века» (2008, № 1), в томском альманахе «Каменный мост». В 2005 состоялась публикация в сборнике «Земной поклон», в котором были собраны стихи поэтов Приисетья.

Скончался 12 февраля 2010 в Томске.

ВЕСНА В ТАЙГЕ

Тайга проснётся только в мае,
Стряхнёт снега с ресниц не вдруг,
Но в чаще, глянь, уже мелькает
Пушистой тенью бурундук!
Цветастый дятел крупной дробью
В рассвет повеселей стучит.
Косяк гусей над гулкой Обью
Призывно-радостно кричит.
В тени вовсю сквозит ознобом.
Но там, где солнце горячей,
Вдруг шевельнётся под сугробом
Ещё невидимый ручей –
И ты почувствуешь, как трудно
Земной промёрзшей глубине
Идти навстречу крикам трубным,
Навстречу северной весне!

ТОМСКАЯ АКВАРЕЛЬ

Непогода с утра
Возвращала нам зиму в апреле.
Неприкаянный снег
Душу рвал ощущеньем тоски.
Прилетевшая стая
Нахохленных птиц свиристелей
Приютилась и мёрзла
На кронах берёз городских.

Ах, капризный апрель,
Для Сибири – последнее дело!
Хоть была ни к чему
Эта снежной крупы кутерьма –
В город вышла зима,
И своим карандашиком белым
Очертила деревья,
Дорогу, людей и дома.

Не на выпавший снег –
Мы на птиц удивлённо смотрели.

В поведении птах
Поражала причуда одна:
В мокрых кронах берёз
Тихо слышалось пенье свирели.
Предвещала тепло
Прилетевшая рано весна!

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В Аникино – пурга
вьёт нити снежных зёрен.
В темнеющих логах
тальник тяжёл и чёрен.
Поникший, он застыл
в холодном мире этом.
И всё ж хранят кусты
апрельскую примету!
В ней – праздничные дни,
они близки, поверь мне.
Ты только не спугни
шмелей на ветках вербы!
Неважно, что вблизи
они – комочки почек.
Пушистый их визит –
весны отважный почерк!
Им вовсе нелегко
от скорбных потрясений
являть собой приход
всех вербных воскресений –
что след лыжни сотрут,
и льдом на речке треснут.
Но вновь снега умрут,
и вдруг душа воскреснет,
и тёплый пар земли
зиме поставит точку,
когда взлетят шмели
и выстрелят листочки!

СУДЬБА РЕКИ

Река мелеет постепенно.
Теряет гладь и глубину.
Как будто сходит по ступеням,
Ведущим с берега ко дну.
Давно ль в ней жили ширь закатов,
И шум лесов, и те года,
Когда не знала перекатов
Большая светлая вода
И людям праздники и будни
Несла, спокойна и строга.
Но вот пришли однажды люди
И распахали берега.
И осушили мелководье,
Вблизи повывели леса.
И потускнели на разводьях
Реки прекрасные глаза.
Она ещё течёт привольно,
Не тащит камешки по дну,
Но каждый год с глухою болью
Вода теряет глубину.
И этот миг однажды канет:
Река почувствует, спеша,
Как разбивается о камни
Её глубокая душа.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Синее – морозное,
Снится наяву
Это небо звёздное,
Под каким живу.
Столько снега звонкого
Намела Земля
В голубые, тонкие
Лунные поля!
Там петляют, светятся,
Прячутся в кусты
От следов Медведицы
Заячьи следы.

Яростно озвончены
Лаем за версту,
Подминают Гончие
Снега чистоту.
Оседают вьюгами
Звёздная пыльца,
И звенит упругая
Тетива Стрельца!..
В домике лесничего
Слышу – вдалеке
Скрип саней Возничего
По Большой Реке.

* * *

В. Воробьёву

Чувство чуть неземное
Кто-то мне подарил:
Зов природы весною –
Взмахом ангельских крыл!
Божьи слуги и предки,
Может, и ни при чём.
Только в мае нередко
Снятся речка и чёлн,
Ягод красная осыпь,
Запах леса грибной,
Повернувшийся косо
Рыбий бок под волной,
Настоявшийся, сладкий
Вкус ухи от костра,
Под намокшей палаткой
Долгий звон комара!..
Повезло бы с погодой,
Чтоб узреть не спеша,
Как живём на природу
Отлетает душа!

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

(Полдень)

Ветер ли тронет тугую стрелу тростника,
Птица ли вскрикнет и в небо свечою взовьётся –

Вспомнится полдень. Сверкнёт синей лентой река,
И благодарным толчком сердце на зов отзовется.

Там, у реки, в многоцветьи некошенных трав,
В царстве стрекоз, тёплых запахов, ветра и света,

Мальчик беспечный, покинув селенье с утра,
Вольною птицей живёт, постигая фантазии лета.

Школе природы неведома горечь причин
Хода планет, взмаха крыльев и свежести красок.

Мальчик впервые таинственный мир приручил,
Весь, целиком! – и торжественный полдень
прекрасен.

Мальчик владеет богатством, он счастлив и юн.
Взрослая жизнь лишь игра в этом мире, не боле.

Бьют родники. Земляникою пахнет июнь.
Мудрость ещё не несёт ни печали, ни боли.

Речка всплеснёт и прохладой загар освежит.
Нет на Земле ни измены, ни лжи, ни укора.

Радостный длится урок воспитанья души.
Время платить и разбрасывать камни – не скоро.

Вот он мне машет рукой, призывая меня.
Я бы вернулся, да жизнь в его мире мгновенна.

Дважды в поток не войти. И, колени обняв,
Я его жду на закате у края Вселенной.

СЛОВО

Нет имени тебе, мой дальний

А. Блок

Золотая пора узнаванья!
Скрипнет дверь, ты покинешь жильё:
Мир, ещё не имевший названья,
Вдруг шепнёт тебе имя своё!
Имя есть и скворцу, и сосне,
Васильку и задумчивой речке.
Так пленителен речью сердечной
Каждый шаг по родной стороне!
Но, чем дальше уходишь от мест,
Где впервые слова прозвучали,
Тем настойчивей слышишь окрест
Горний, облачный голос печали:
«Лес и птицу, цветок и волну
Ты пленить чуждым именем волен.
Но душой не избавлен от боли
Быть у отчих названий в плену!
Воротись, чтоб у края лесного
Вновь принять, не вставая с колен,
Изначально русского слова
Добровольный и радостный плен!».

* * *

С этой болью,
Видно, не расстанусь.
И никто не скажет,
Отчего
Тяжкая нахлынула
Усталость
На границу сердца
Моего.

За обман
Неверие заплатит.
За судьбу –
Бессонница в ночи.
Человек
От этого не плачет.
Но народ

От этого молчит.
Боль страны –
Как рана ножевая.
От неё не скроешься
Вдали.
Что же делать?
Ведь душа живая
По России горестной
Болит.

ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКОГО

В дивном русском краю,
На пространствах глухих и неизвестных,
Мир сказать не рискнёт,
Что случится с тобой и со мной.
Он на каждом из нас,
Дальний отблеск кровавого знамени.
Вот и ненависть жжёт,
И обходит любовь стороной.

Всё ж придётся самим
Постигать, почему век от века нам
Бестолковая жизнь
Сходит с рук, хоть горька и смешна.
Покаяния ждём?
Но в державе покаяться некому.
Среди тех, кто бы смог, –
Гробовая стоит тишина.

В нас то зависть, то злость.
По лесам не схоронены павшие.
Меж веселья живых
Сиротеет и стынет душа.
Неужель не поймём,
От великих обманов уставшие,
Что не стоит мечта
Даже лёгкой слезы малыша!

Но... кружит карнавал.
В моде маски, сатиры и травести.

Вновь забавой толпе –
Красный факел, топор и петля.
И пророчит судьба
Нам во всём докатиться до крайности,
Чтоб, разрушив, начать
В понедельник, с похмелья, с нуля.

АПРЕЛЬ-86

Как февраль ни артачился –
Апрель миновал,
И в судьбе обозначился
Иной перевал.
Всё подспудное, зимнее
Оттает в душе.
Май проклюнется ливнями
На крутом вираже.
Ветер яростно мечется
По дачным местам.
Вроде вера наметилась
Газетным листам.
Дни грядут невозможные,
Дверь срывающая с петель.
В каждом – радость тревожная
Или горечь потерь.
Вороша пережитое,
Мы стоим у межи:
Возникает забытое
Настроение жить.
От надежды – до топота.
Средь позорной войны,
Среди атомной копоти –
Блики тёплой весны.

ПРАВ ГОГОЛЬ

Прав Гоголь – такова стезя
Лицу не постороннему:
В России жить никак нельзя
Без права на иронию.

Вишь, птица шустрая с утра
Пытается, прилежная,
Уйти серёдкою Днепра
В пространство зарубежное!
Не стоит спрашивать внове,
Зачем себя на выселках,
Подобно унтерше-вдове,
Страна усердно высекла?
Знать, выпал нам такой удел:
Судьбу переиначивать,
И тройке шалых лошадей
Оглобли поворачивать!..
Над кем смеёмся? – спросит друг.
Он прав до неприличия,
Но жизнь вращается вокруг
Вопроса Городничего.
Слезой жилетку окропи
Чиновной проституции –
Иль право смеха закрепи
Поправкой к Конституции!

ДВЕ МЕЛОДИИ ГОДА

1

Вот и всё. Вот и осень.
Золотые дожди.
И задумчиво очень.
И просторно в груди.
Стынет в сумерках мгlistых
Свет озябшей зари.
В сад слетаются листья,
Как на снег – снегири.
Дней последняя воля,
И нахлынет пурга.
Словно мамонты, в поле
Замирают стога.
Над пустынною рощей
Птиц летящих канва.
Жизнь сложнее и проще.
Ждут очаг и дрова.
Еле движется речка,
Но мороз победит...

И в побеленной печке
Огонёк загудит.
Дело тут не в погоде.
Говорим без прикрас.
Просто что-то уходит
Безвозвратно от нас.

2

Но однажды в апреле
В предвечернюю тишь
Звонко спрыгнут капли
На завалинки с крыш.
Засмеёшься, застонешь!
В день какой – не поймёшь,
Ты подставишь ладони
Под ликующий дождь.
В мире радостном, новом,
Что всплеснёт у окна,
Есть прекрасное слово.
Это слово – весна!
Горячо, удивлённо
Вспыхнут губы твои.
Будет шёпот влюблённых,
Мягкий трепет хвои,
Свет луны на осоке,
В поле – тень борозды,
И высоко-высоко
До зелёной звезды!
Полон звёздного зова,
Вздых в груди затаи:
Возвращается снова
Всё на круги свои.

* * *

Где ж, весна, твои глаза
Синие?
Надоела полоса
Зимняя.
Нелегко квартирный плен
Выдержать.
Хорошо бы в спящий лес
Выбежать.

Заплести тропинок нить
В кружево.
Сок берёзовый испить
В кружечке.
Потревожить тишину
Возгласом.
Вдоволь чистого глотнуть
Воздуха!..
Встретит нас панельный дом
Стенами.
Мы уже не будем в нём
Пленными.
С жизнью новыми полны
Связями,
Скажем: нас глаза весны
Сглазили!

ПЕСНЯ О ВОКЗАЛЕ

(Томск-1)

Вот опять расставание с городом,
И знакомый вокзал Томск-1.
Старый друг мой, простой, негордый,
В путь-дорогу меня проводи!
Я волнуюсь, а ты спокоен:
Расстаёмся ведь не до седин.
На прощанье махнёшь рукою,
Томск-1, Томск-1.

О тебе второпях забывают
И покинуть тебя спешат.
Только ты необидчив, я знаю.
Уж такая простая душа.
Незаметно пожмёшь плечами
И лукаво вослед поглядишь:
Ты ведь первым друзей встречаешь,
Томск-1, Томск-1.

Столько этих вокзалов на свете!
Но вот этот вокзал мне мил.
Томск-1 меня юным встретил,
В город дружбы мне путь открыл.

Возвращаюсь из дальних далей.
Свет зелёный, свети, свети!
Он опять меня ожидает,
Томск-1, Томск-1.

ЧЁРНАЯ ЛЕСТНИЦА

Мне осталось с тоски лишь повеситься.
В этом ты виновата сама –
Общежитская чёрная лестница,
Ты не первого сводишь с ума.
Каблучки простучали точёные,
Как по сердцу прошлись моему!
Все зовут эту лестницу «чёрною».
Вот сейчас я узнал, почему.

Ей давно надо стать бы нарядною,
Вроде той, что ведёт прямо в ЗАГС.
Только ей ни к чему всё парадное:
Расцветает любовь на глазах!
Здесь слова исчезают учёные,
И не требует пропуск вахтёр.
По ночам с этой лестницей чёрною
Тихо струны ведут разговор.

У неё постоянно поклонники.
И наука – своя у неё.
Первый курс и студенты-дипломники –
Все проходят площадки её.
Пусть года у студента – как месяцы,
Но однажды у всех на виду
К этой чёрной, задумчивой лестнице
Я к тебе на свиданье приду!

Михаил Павлович ОРЛОВ

(1949–1986)

Родился 27 октября 1949 года в Томске. Скончался 6 июня 1986, Томск.

Писатель, поэт. Член Союза журналистов (1975).

Служил в армии, потом работал токарем, авиамехаником, матросом, корректором, корреспондентом областной газеты. Учился на физико-математическом, филологическом и историческом факультетах Томского пединститута, но ни один факультет не окончил. Знал несколько европейских языков, великолепно разбирался в философии, истории и мифологии.

Последние годы переписывался с Вениамином Каверинным, весной 1986 года встречался с ним. Каверин написал о нём повесть под названием «Силуэт на стекле». Первое стихотворение было напечатано в газете «Социалистический Донбасс» (1971). Написал более ста рассказов и эссе. Фантастических, юмористических, исторических. В последнее время работал над научным трудом «О метафоре» и романом о периоде колчаковщины в Сибири. При жизни публиковался очень мало. Стихи выходили на страницах альманаха «Огни Кузбасса», юмористический рассказ был опубликован в «Литературной газете». В июне 1986 в газете «Советская Россия» было опубликовано его эссе «Хлебное поле Ваг Гога» и рассказ.

В 1989 году, через три года после смерти автора, издана его первая и единственная книга «Травы чужих полей» (Томское книжное издательство, 1989, 336 с., ил.), в которую вошли исторические миниатюры, эссе, фантастические новеллы, рассказы, стихи. Предисловие «Поэзия прозы» написал Вениамин Каверин: «Книга его полна свежих мыслей, проникнута поэтическим и глубоко современным отношением к жизни. Не признание, а призвание одушев-

ляет её и приводит к уверенности, что Михаил Орлов занял своё, неповторимое и заметное место в литературе». В сборник «Вполне порядочный мир» (1990) вошли его рассказы «Ночь в степи», «Среди всех стихий», «Долина голубоглазых фей».

Стихи публиковались в сборниках «Ступени роста» (специальный выпуск газеты «Молодой ленинец»), «Молодые голоса» (2000), альманахе «Сибирские Афины» (2001).

В ТПУ восемнадцать лет проводился конкурс молодых поэтов имени Михаила Орлова.

МОИ СТИХИ

Как древняя блудница Вавилона,
Усядусь у обочины на камень
На самом людном пыльном перекрёстке,
И свой товар бесстыдно предложу
Влюблённой паре и гулящей бабе,
Скупцу, скопцу, лентяю, дураку,
Швее, ткачихе, токарю, шофёру,
Профессору литературных щей,
Чтецу, лжецу, лягушке, попугаю,
Соломенному чучелу, вороне.

В последний раз губами к ним притронусь,
Их детских век коснусь. – Прощайте,
Идите в мир. Теперь живите сами.
Я создал вас для счастья и несчастья,
Теперь вы на себя примите бремя мира.

* * *

А. К.

В кругу банальных тем,
В кругу избитых истин
Мы свой усталый дух
От этих истин чистим.

Отрепья их летят,
Как пена из лохани,
И вдруг в нагую плоть
Впиваются стихами.

СИБИРЬ

Бабочка летает здесь,
Словно маленькая ересь,
И младенческая спесь
Расплетает сизый вереск.

Под сиреновой сосной
Розовеет муравейник,
Плачет воздух слюдяной
И чернеет можжевельник.

Это нежная Сибирь,
Царство кедра и кипрея,
Разломилась вдаль и вширь,
На закате пламеня.

Здесь и жить, и умереть,
Наблюдая виды те же,
И держать родную крепь,
Как её стропила держат.

* * *

Мы медленно себя осознаём
И горечи своей не понимаем.
Своей судьбы глубокий чернозём
Не так рыхлим, как на пласты ломаем.

О, если бы когда-нибудь постичь
Всю высоту отеческого крова
И землю материнскую почтить
Цветущей силой разума и слова!

* * *

Я горожанин. Мой парус – мой угол.
Носимый волнами трамваев,
Блуждаю в тумане исчезнувших соборов.
Останки бывшего великолепия
Дождёвывает дождь.
По лужам ходят голуби,
Им это море по колено.
Намокнув, думаю, что нежности
Нам у дождя бы поучиться.
Вот как донимает! До озноба.
Здравствуй, мой город,
Сияющий окнами разума и труда.
Здесь нет ни одного закоулка,
Где бы я не бродил,
И ни одного упавшего тополя,
Которого я не оплакал.

* * *

Где пшеница расставила тонкие ости,
Где синица растренькала добрые вести,
Где сказаний собрали мы целые горсти,
Костянику преданий и жимолость песни,

Мы поставили дом, и вокруг посадили
Вперемежку малинник, берёзы и ели,
Чтобы птицы по ним, словно мысли, ходили
И в раскрытые окна всё лето нам пели.

Сколько весит земли нерушимая горстка,
Сколько силы в пушинке речного истока,
Сколько счастья вмещает душа, сколько горя, –
Знает зыбкий туман и косая осока.

Я ж доволен и тем, что мохнатые тучи
Мимо нашего дома плывут, убегая,
И когда, расшалившись, с грохочущей кручи
Сыплет листья на нас роза бурь молодая.

Дом наш прочен. Он выдержит радостный натиск
И медвежьи ухватки смеющейся вьюги.
И в оправу труда мы поставим сияние празднеств,
По земле проходя, как глубокие плуги.

* * *

Давно не брал я томик Тютчева,
Не раскрывал его давно.
Морозом образа могучего
Не тронута моё окно.

И пуст, как этот день светлеющий,
Свисающий из духоты,
Мой бред. И мысли ход немеющий,
И лёгкий щебет суеты.

И страх, как ласточка, стремительный
Сквозит в широкой наготе,
И удивительный, томительный
Мерцает холод на локте.

Да полно! Тот ли ты, наученный
Глядеть на всё глазами сна?
И, образом своим измученный,
Не выбросишься из окна.

...Люби, люби противоречия,
Товарищ мой по счёту дней!
Они как мускулы предплечия, –
Чем больше их, тем ты сильней.

И равновесия глубокого
Незатиhaющий испуг
Нарушить может спавший около
Совсем случайный, тихий звук.

* * *

Откуда взлетают бомбардировщики?
Вой. Дрожь. Старт.
Колёса несущие бегут
по широкой бетонной равнине,
по бетонной пустыне,
по бескрайнему полю
твоего сердца, приятель!
Вот откуда взлетают
Бомбардировщики!
Из твоего сердца. Да.
Из пустыни твоего сердца.

* * *

Эти женщины тоже, как птицы,
Из открытой ладони клюют
Лебедяную горькую пищу
Неизбежных коротких минут.
Я не плакальщик и не обманщик,
Не добыча и не птицелов.
Я всего лишь усталый шарманщик,
Ворошу свою песню без слов.

* * *

Необходимо быть суровым
Тому, кто, робость поборов,
Свою судьбу доверил слову
И от него не ждёт даров.

Но, зная вес упругих вёсел,
Плывёт один по стрежню вёсен,
А на корме, задумчив, волен,
Сидит горбатый, вещий ворон.

Не слушай ворона шального,
Его пророчества больного,
Не верь меняющейся тени,
Дремотной зелени сирени.

По струям светлой горести
Тебе тогда легко грести,
Когда свободою пропахла
Твоя солёная рубаха.

ПРОГУЛКА ПОД ДОЖДЁМ

Изогнуто время. На небе кривом
Чудовищно мчатся изгибы, извивы.
Дома неприступно стоят под дождём,
И жмутся к земле обнажённые ивы.

Столбы обрастают подобием слёз,
Дороги сжимают бетонные скулы.
Затихло. И снова дождя перекося.
Плывут по Обрубам весенние гулы.

Гаврила Степанович молча кричит.
Он рад, что гремят ошалелые воды,
Что тучи летят и что всюду журчит
И лезет наружу идея свободы.

Ну что ж, постоим под дождём без помех,
Послушаем ветра весеннее пенье.
Мы тоже сумеем раскатистый смех
Добыть из гранитного долготерпенья.

* * *

Бормочет колокол усталый.
Тяжёлых звуков бахроме
Висит над изгородью алой
У Воскресенского холма.

Он был, гудел, исчез. И снова,
Закут Вселенной обогнув,
Стоит у города родного,
Прильнув к туманному окну,

Расплющив нос, урод уродом.
Ты побирушкой жить привык.
Давно ты разлучён с народом
И с пустяками стал впритык.

Лишь иногда в концертном зале
Твой дивный голос задрожит
И, тронув музыку слезами,
В пустырь пространства убежит.

* * *

Жизнь идёт. Юродствуют пророки.
Мотыльки братаются с огнём.
Спят полупрозрачные сороки
В ноздреватом воздухе ржаном.

Прячутся ручьи под корни ивы,
Реки в море медленно скользят,
И дубы, суровы, молчаливы,
У истоков нежности стоят.

* * *

Нельзя обвинять
Реку
За то, что она текуча,
Озеро за то, что оно глубоко,
Улыбку
За то, что она бесстрашно летит
на любой человеческий свет.

ПО-ПРЕЖНЕМУ ЛЮБЛЮ

Я никогда не был одиноким,
Даже на берегу Белого озера
Среди умирающей листвы.
Даже когда удача и друзья
Перестали заходить в мой дом,
Я не был одиноким.
По-прежнему люблю
И нежно вспоминаю всех,
Кто хоть однажды
Говорил со мной.

* * *

От роду в году тридцать шестом
Я до дна реки достал шестом.

Посреди быстротекущих дел
Я загадкой Сфинксовой сидел,

И свою речью наповал
Сам себя я вечно убивал.

Мёртвым я покинул гиблый прах
И воскрес, чтоб снова видеть крах

Всех своих высоких пирамид,
Логос, разорвавший Парменид.

Стал я узким глазом красоты,
Ухом смысла, сердцем чистоты.

А частичку тёмную чернил
Пляшущим сознанием наделил.

И теперь над временем смеюсь.
Пусть себе шипит, как серый гусь,

Тянет шею, разевает клюв,
Тень мою за ногу ущипнув.

От роду в году тридцать шестом
Над рекой я выгнулся мостом,

Отражаясь в мимолётной мгле,
Я служу и небу, и земле.

* * *

Куда убежать от настырных настурций,
От впившихся в осень нагих ноготков?
Рыдания их отовсюду несутся,
И я на любое безумство готов.

Плакучие ивы, мохнатые астры,
Кривые берёзы, слепые столбы –
Всё сущее в стаи сбивается, в касты
По роду своей простодушной судьбы.

А я, как осенние блики, размазан
Меж теми и этими. Я вне границ.
Как солнце, смотрю циклопическим глазом
И взглядом цепляюсь за каждый карниз.

И хочется мне отряхнуть эту негу,
Расплывчатых линий цветущую жуть,
Хочу я к душистому, синему снегу
Вернуться, как в детство, и в нём утонуть.

Соскучился я по завьюженным дням,
По дремлющим птицам и скачущим пням.

АЗИЯ

Где качаются пьяные розы
И дрожит, как в соитье, земля,
И ползут по пескам тепловозы,
Тяжкий хвост в тишине шевеля,

Где пространства живые изгибы
Завораживают мой глаз –
В спящей гибкости чёрные ивы,
Вечной женственности соблазн,

Я опять, словно пена, всплываю
Из солёных глубин бытия,
Я испить этот жемчуг желаю
Перламутровой плоти ея.

О, сладки азиатские губы
И неистова юная плоть!
Пусть вовек не уходит на убыль
Жажда розы цвести и колоть.

* * *

Как любил я чужую речь
На тропе своей подстеречь.
Но не стоят твоей слезы
Все речения Лао-цзы.

Мудрость мудрого, как вода,
Как сияние изо льда.
А любовь идёт, как солдат,
На врага устремляя взгляд.

* * *

Сохатый идёт наискось
По морю сплошных незабудок
Туда, где пылает лосось,
Теряя багровый рассудок.

Я сторож весенних мостов,
Уключина белого леса,
И нынче сказать вам готов:
Мы люди простого замеса.

Мы с вами поладим, дубы!
Мы с вами подружимся, ели!
В крови моей светлой судьбы
Такая же светлая зелень.

И я безмятежен, и рад
По-детски заплакать в апреле,
Что птицы летят и летят,
Что ветер теплей и теплее.

* * *

Зелёных листьев чешуя
Рассыпана повсюду.
Русалочья иль щучья?
Придумывать не буду.

Затопим печь. Набъём дрова
В её гортань сухую.
Пошлёт же кто на Покрова
Такую ночь глухую!

Шуми, шуми, огонь в печи,
В ночную сырость вейся.
Ласкай рябые кирпичи,
Теплом в колени лейся.

И кровь моя, и мозг, и ты –
Одной породы жгучей,
Когда свиваются в жгуты
Мгновенья мглы летучей.

* * *

Я люблю, наслаждаясь покоем,
Засмеясь, увидеть на бегу
Красный Марс над заснеженным полем,
Пляску сосен в туманном кругу.

И в малиновой чаше заката
Я люблю голубой алкоголь,
И над лесом плывущих покато
Облаков перекатную голь.

И поющую где-то в пространстве
Ночь смеющихся голосов,
И черёмуху в белом убранстве,
Невесёлую дочь холодов.

Я люблю эту пышную скудость
Снеготелой российской зимы,
И печальную лёгкость, и трудность
Бытия среди снега и тьмы.

* * *

Задумавшись случайно, вдруг
Среди усталых разговоров
Я ощущаю тяжесть рук
И жажду бешеных просторов.

Я помню розовый курган,
И тёмное лицо Батыя,
И льнущие к его ногам
Дороги пыльно-золотые.

Я помню грубого седла
Метафизическую чашу.
Мы расплескали ярость нашу,
И нам осталась только мгла.

Умолкла выбитая степь,
Зачахли топтанные травы,
И мы, напившиеся славы,
Домой вернулись умереть.

А там, где степь кочует вдаль,
Где свет в зрачках орлиных меркнет,
Цветёт простая, как бессмертник,
Неутолимая печаль.

* * *

Туманы глазами прашуров
На нас глядят, и смутную
Рассказывают быль.
Неистово клубится их душа

Над нежной стынью трав.
Мы не умрём. Под белый купол сныти
Забрался шмель и палец мой сосёт
Младенчески невинно.

* * *

Почему люди
Весной смеются?
Потому что
Молодая травка

Щекочет им пятки
Сквозь
Толстые подошвы
Башмаков!

* * *

Вот и смолкло бешеное поле,
Рокота и снега перебор,
На ветру гудевший поневоле,
Наконец утих сосновый бор.

Мне осталась птичка-невеличка,
Певчая тростинка в камыше,
Нежных океанов перекличка
В каждой убывающей душе.

**Ирина Анатольевна
ПАВЕЛЬЕВА**

(1956–2015)

Поэт. Родилась в Омске. Окончила физический факультет Томского университета. Работала в институте онкологии Томского отделения АМН СССР. В начале 80-х посещала литературное объединение «Томь», занималась литературной деятельностью. Специалист по восточным психотехникам.

Публиковалась в журналах «Москва», «Сибирские огни» «Сибирские Афины», в коллективных сборниках и альманахах издательств «Современник», «Молодая гвардия», а также сборниках омских писателей: «Складчина-2», «Складчина-3», «Складчина-4», «Бабье лето», «Бабье лето-2», «Бабье лето-3». Автор сборников стихов «И с нитью нить слита» (1989), «Пространство следующего шага...» (2008).

Член Союза российских писателей.

* * *

Растерянно, жалко и гневно
В единственной жизни двойной
Пятнадцать часов ежедневно
Встречается взгляд со стеной.
Куда ему сладить с аршинной,
Впитавшей цементный раствор, –
Тут дерево пахнет машиной
И краскою, а не листвою.
Что ж душу – под прежнюю мерку?
– Душа, да и мерка не та:
Не звёзды плескучие сверху,
Но, мёртвая, давит – плита.
Какую, о Господи, школу
Ещё нам, – какую прошли:
Тут очи, опущены долу,
Часами не видят земли.
Ни друга, ни недруга рядом –
Всё так, чтобы сжаться в углу
И жутким, коснеющим взглядом
Вести коробок по столу...

* * *

Как в детстве детали бросались в глаза...
О, разница между «считает» и «молится»!
Была замечательна буря-гроза
Лишь тем, что в окошко впорхнула лимонница.
Я лапала крылышки мокрой рукой,
К лицу приближала, внимательно мучая:
Каким-то намёком, забытой тоской
Сдалась эта лёгкая, эта летучая.
– Ей век бы летать по лимонным садам,
На влажный песок опускаться на отмели,
Но я понимала, что нет, – не отдам:
Как будто уж раз не давала, да отняли.
И, с крылышек тонких стирая пыльцу,
Держала, – как самое главное в мире.
Пыталась понять, приближала к лицу, –
Смущённая девочка года в четыре...

* * *

Доносят тувельки, да бросят.
Выходят жёны из невест.
И лишь трава... пока не косят –
Та никогда не надоест.
Но чудесами так богаты
Лишь лес нетронутый и луг.
– Хоть вешай глупые плакаты
На всё: «Пожалуйста, без рук!».
Смотреть, смотреть и сразу – в строки.
А им бы лапоть, – дураки.
Но духа пламенные токи
Восходят к сердцу – от руки,
Чтоб неприметно нарождался
За мудрой скукой деловой
Тот знак вселенского гражданства –
Летучий нимб над головой.

* * *

Судьба-злодейка, – мягко стелешь –
А встанешь сторону на чью?
– Быть одинокой, – то есть с тем лишь,
С кем я хочу, с кем я хочу?
Так что теперь: спалить мосты мне?..
– Свеча. Тетрадь с карандашом.
В давно обещанной пустыне
Вольна идти за миражом.
Уже не мысля по-другому,
Приемля жажду и камчу:
Мираж такой, как мне угодно,
Как я хочу, как я хочу!
С себя последнее снимаю,
Без разговоров в срок плачу
За недоступную приманку,
Но ту, которую хочу.
А мир... Уж если провод порван, –
Под тишью ватной, снеговой
Быть одиночеству – так полным:
Без никого. Без никого!
Судьба, когда дала соседку, –
Злодейка, руки ты умой,
Отняв последнюю зацепку:
Принадлежать себе самой.

Но – верх издёвок и коварства, –
Лишь трону лиру за струну –
Моя несчастная товарка!
– Ей тоже надо тишину.
Так что ж, душа, – смирись, мужайся:
Напасти сроду – полосой...
Тем одиночество ужасней,
Чем больше слышно голосов.

* * *

Поплачь, душа моя, поплачь
Пред тем, как ты на волю выйдешь!
Летит на север чёрный грач,
Уходит в воду город Китеж.
Лежит во прахе и золе,
Во тьме мерцает еле-еле
Попытка Рая на земле
И вечной жизни в брэнном теле.
Зажётся ль новая звезда, –
Грядут бои и злей, и лише.
А волны времени всегда
По воле Божьей будут свыше...

* * *

На даче небо голубое,
На даче точно всё другое,
Там даже вроде нет зимы.
О, как мы жаждем пасторали:
Чтоб все купались, загорали
И даже как бы и не мы.
...Душа-Россия,
в поле выйдешь –
Рукой подать до града Китеж,
Рукой подать,
ступить ногой –
Там воды чёрные, трясина:
Так предстоит Душа-Россия
Опять и той же, и другой.
– Эй, кто живой –
идёшь по полю
– Учти, купанья будет вволю!
Иная воля здесь – мираж.

– Да нам бы дачу ближе к центру,
На крыше – баню,
в бане – церкву,
И Китеж издали покажь!
...На даче небо голубое.
На даче точно всё другое,
На даче вроде смерти нет...
Всего же лучше там зимою,
Когда душа с собой одною,
А нас и на дух близко нет.

* * *

Уж если нам не вырваться из круга –
Не замыкай в ещё одном кольце:
Не дай-то бог дожить, жалеть друг друга
За горькие морщины на лице.
«Не ведают колосья о косце –
Благословенна борозда от плуга...»
Но смысл в чередовании какой,
Когда свеча сгорает под рукой
Легко и безмятежно, как играет?
И новая свеча опять сгорает..
А пламя отрешённое парит,
Ничуть не остывая, не мельчая,
Но я-то знаю: вот она сгорит –
Любовь моя, душа, судьба, свеча моя.
Но раз уж быть причисленным к старью –
Скорее проржавел бы главный винтик:
Зачем я вижу, слышу, говорю
И, господи, зачем он тоже видит?!
Уж если в мир мы следуем иной,
Зачем (иной ли?!) руки за спиной?

* * *

Мальчик с серыми глазами,
Мальчик с грустными глазами –
В сетке три помятых розы,
Две бутылки «Алазани».
– Доля боли, доля позы –
Где судьба ему, судья, –
Кто застрелится, как Вертер,
Кто напьётся, как свинья.

– Мальчик с грустными глазами –
Что мы можем – ты и я?
Одиноки мы, но живы.
И слова другие лживы.
Потому, что есть надежда,
Потому, что нет ружья.

* * *

Ты помолчи, мой милый враль,
Что всё должно перемениться:
Какая жирная синица,
Какой болезненный журавль...
Какое тонкое стекло,
Какие хладные метели,
А тот и та не долетели, –
Печально в теле и незло.
Ни дюйм не выхвачен из тьмы,
Никто не вызволен оттуда,
И прежде шли, искали чуда,
Не доаукались, – а мы?
Незло в душе, нетяжело,
Тепло руке в недвижной позе.
Пусть соловей грустит о розе:
Она глупа, а он – трепло.
И бесполезны стих и песнь:
Певец в силках, цветок в стакане, –
Ведь жизнь – болезнь, нарост на камне,
Любовь – болезни той болезнь...
И лоб касается стола,
И соловей поёт в La Scala,
Я так ждала, и так искала,
И так люблю, и так ждала...

* * *

Вряд ли кем обнаружена,
Пишет виток за витком
Маленькая жемчужина
Под голубым колпаком.
Тем, кто,
    меж звёзд
        скитаясь,

Ищут во тьме огонь, –
Это почти что адрес:
Нету
    такой
        другой.
– Где вы летите, где вы?
Где вы молчите, где?
(Радары,
    будто зевы,
Тянутся
    к пустоте.)
В море щелчков и писка
Голос наш всё слышней:
– Не подлетайте близко...
Не подлетайте близко
К нашей планете, близко –
Не подлетайте к ней!
Там,
в облаков
        провале,
Там,
    в глубине
        корней,
Нету
её кровавей,
Нету
её черней.
Мы к ней давно привиты,
В нас её грех пророс.
Мы уже так привыкли,
Что под улыбкой –
    «SOS!».
Мы уже так привыкли...
Не изменясь в лице:
Мёртвых глаза –
навыкат.
Выживших –
    на прицел.
Не прилетайте, –
    кто вы?
Здесь,
    кто не понят, –
        враг.

Так пальцем проверяют острiе,
решая безошибочно: «До сердца».
А в будущем мы видим только свет –
там добрых дел поболее, чем ратных.
Как будто с тёмным прошлым связей нет:
прямых и, соответственно, обратных.
Чтоб не сейчас принять удар клинка,
до нас пока хватало жертв удвоенных...
И сочиняем Средние века –
Но погибаем в межпланетных войнах...

* * *

Когда Россия снова мир спасла,
Разрушив чары страшного числа,
И пробил миг, но не настало Часа, –
Ей век скоблить клеймо своё до мяса.
Она и со щитом, и на коне,
Но меч поднять мешает нож в спине.
Дана ей Доля, а казалось – дуля,
На сантиметр от сердца – вражья пуля.
Когда такая платится цена,
Уж если выживают, то спьяна,
Шатаясь, поднимая меч на зверя,
Божественною яростью трезвея...

* * *

Чернобыльник – один из видов полыни.
Я в безумной стране голодаю, о чём не жалею.
Вождь несёт ахинею, пророки бегут в Галилею.
Промокаю зимою дождливой, невиданной сроду.
Со звездою «Полынь» пью белёсую мёртвую воду.
– Это даже слегка приукрашено долгой привычкой.
Не жалею, довольно, я вскорости сделаюсь птичкой –
То ли в смысле прямо: трансмутацией в виде телесном,
То ли в смысле известном, но непостижимом умом...

* * *

О, любый мой дальний, немилый родной!
Рябины, Россия лачуг и пичуг –
Горчинки и сладости привкус двойной,
Падучей звезды ледяной сквознячок.

Куда-нибудь, дальний! К плечу – и помчи!
Но эти рябины, но гнёзда у стрех...
Летучее пламя плакучей свечи –
Душа покидает счастливых и всех.
Немилый, ведь тоже кровиночка, всех
Душа покидает, – лишь вьётся дымок.
Синичий ли щебет, собачий ли брех?
Рябины, Россия... – и в горле комок.

* * *

Какое дерево другое
Под грубой бурюю корой –
Как намерение благое
В душе под вечную чадрой.
Не тянет яблоню и грушу
Узнать о дереве чужом:
Нельзя увидеть ствол и душу
Без обнажения ножом.
А людям – слишком одиноко,
Душа и в близком – далека...
Кто сделал так, что видел много,
Тот погубил наверняка.

* * *

Ни по Босху, ни по Гойе,
Надреален, отвлечён
Запах высланной погони,
Белый ужас за плечом.
По дороге оголённой
С места «первую» беру, –
На зелёный, на зелёный: –
Это я веду игру!
Быть спасению, беде ли,
Но, подёнкой на свечу
И – на жёлтый. На пределе
Успеваю, проскочу!
Будто кто-то, не сама я,
Обгорая, как болид:
И – на красный! —
Понимая: ОН так гонит, так велит.

И – на красный,
Понимая:
Не поправить, не помочь. –
Марсианская, немая
О стекло пружинит ночь.
и, в последний миг влетевши,
Оглянуться... И в упор:
Ненавистный, безмятежный,
Отдаляющийся взор.

* * *

Я ветка, воткнутая в снег, –
Мне не на что надеяться.
А незнакомый человек
Подумал: это деревце.
И ветви в бурю и мороз
Тряслись от зависти всерьёз,
Хотя всегда жалели –
И дуб, и те же ели.
А я завидовала им,
Как дому – улетающий дым,
Хотя всегда жалела...
А после оттепель была,
И даже плесень зацвела.
И только сталь ржавела.

* * *

И пусть сравнения глупы,
Сравню, не устою:
Тебя целую в губы –
Как спирт с мороза пью!
А лес декабрьский стынет,
Чугунный и литой...
Очнуться бы в пустыне,
Под звёздочкою той –
И ночь зрачок свой сузит,
И луч войдёт в песок.
И змейка та укусит
В пылающий висок...

* * *

Ну и денёчки, – главное, подряд!
Такая свежесть чувств предгрозовая:
Опять на сердце копится заряд,
Удар беды невольно призывая.
От скудости природы, от нужды
В ней логика убийства ледяная:
Безумно расточительны, чужды
Любые страсти выше ординара.
Поняв её, природу, не вина,
Свою маюсь косвенной виною:
Вдруг молния ударит не в меня –
В того, кто рядом, кто всегда со мною...

* * *

Эти годы были прятки
От того, что – суета.
Эти дети были с грядки
На планете Тукита...
Языковые барьеры
Брать с обратной стороны
Ни поэты, ни атлеты,
Вырастая, не вольны.
Но допреж о той ли воле
Пела сладкая дуда?
– Словно перекасти-поле,
В степь. Неведомо куда...

**Георгий Алексеевич
ПЛИШКИН**

(1954–2018)

Георгий Алексеевич Плишкин (Томберг) родился 5 мая 1954 года в колонии-поселении Сиблага в Красноярском крае в городе Иланске.

Вырос в Новосибирске. Окончил ТГУ (физическая химия). Работал учителем химии в УССР. На пенсию вышел в должности ведущего инженера-химика НТЦ Томскнефтехима.

Умер 15 мая 2018 года. Похоронен на кладбище села Нелюбино Томского района.

НЕГРОМКИЙ ГОЛОС ДРУГА

В своей автобиографии Георгий Плишкин (Томберг), псевдоним взят по фамилии деда-эстонца, написал: «СЛОВО... Не бывает бесцельного слова. Доброе, злое или равнодушное – оно всегда нацелено, даже если сам автор этого не осознаёт или отрицает. Я разделяю искусство (искусство слова в том числе) на возвышающее человека и опускающее его. Литература и антилитература. У обеих – есть свои служители, «фанаты», ценители. Их «мирное сосуществование» исключено в силу их природы и целей. Они не просто не понимают друг друга – они воюют насмерть, на поражение забвением. Ведь их поле боя – культура, система ценностей человека. От исхода противостояния зависит, какая буква будет первой в слове «человек» – заглавная или мелкая. Я за Человека!».

Зная Георгия достаточно давно, всегда поражался его гражданской позиции. Поэтому считаю, что мне крупно повезло быть с Георгием Алексеевичем знакомым на протяжении 20 лет. Готовясь в 2004 году торжественно отметить 30-летие Томского Нефтехима, усилиями редактора многотиражной газеты «ТНХК» Т. А. Ламоновой на комбинате был создан «Творческий Нефтехим». За десять лет его существования издано более 15 коллективных сборников поэзии и прозы, среди авторов были не только пишущие рабочие и инженеры, но и тогдашний генеральный директор Л. М. Резников.

Будучи постоянным автором всех сборников, между их выпусками Георгий активно участвовал в разных поэтических конкурсах, становясь если не победителем их, то призёром.

О поэтическом таланте Георгия Алексеевича хорошо написал несколько лет назад мэтр томской словесности Б. Н. Климычев: «Стихи Георгия Плишкина подкупают меня своей простотой, которая достигается хорошим чувством слова... Блестки в стихах поэта радуют. Многие его строки наполнены просто великолепной экспрессией. Ирония украшает стихи Георгия, она делает их мускулистыми, пружинистыми. А он в своих стихах почти всегда идёт от жизни. Поэтому в стихах Плишкина есть откуда поэзии взяться: он каждым нервом ощущает нашу непростую жизнь, откликается на все ужасы, на всю её боль. А это делать в стихах не просто. Потому что боль приходится пропускать через своё сердце. Можно сказать, что муза Плишкина, это – муза гнева и печали, и он продолжает дело своего великого предшественника Николая Клюева. А для этого надо иметь и мужество, и мастерство».

На протяжении многих лет Георгий состоял в одной из ком-

мунистических партий, появившихся во времена Перестройки. Был членом Международного Союза писателей «Новый Современник». Более десяти лет работал в жюри сайта «Стихи.ру», помогая становлению молодых поэтов. В 2018 году принял участие в конкурсе «Славянское Слово», проводимом в Болгарии. По итогам конкурса там же, в Болгарии, был издан его сборник стихов «Сибирская Русь». Последней работой Георгия была подготовка к изданию итоговой книги, которую он не успел закончить. Книга под названием «Стихи и проза, избранное» вышла после его смерти. Завершил подготовку книги В. Б. Вайнштейн. Издать сборник помогли коллеги из Совета ветеранов и профкома Томскнефтехима. Я же за предоставленный материал к воспоминаниям о Георгии хочу поблагодарить его супругу Н. А. Лагунову. Из присланного Ниной Александровной материала узнал, что Георгий давно пробовал свои силы в прозе. Прочитав которую, я понял, насколько он был хорошим и многогранным прозаиком. Затронутые им темы – кладезь для интересующихся не только нашей, но и мировой историей. Настоящим же открытием для меня стало то, что он ещё и драматург! Правду говорят: «Талантливый человек – талантлив во всём!». На стихи Плишкина музыкантами и исполнителями Олегом Байзигитовым и Евгением Никитиным написаны замечательные песни. Его иронические, наполненные сарказмом стихи, являющиеся иногда законченными баснями, ушли в народ. А как он читал свои стихи! Выразительно, без бумажек, включая те, что написаны были Георгием на украинском языке.

Хотелось бы подробнее вспомнить биографию Георгия. Рассказать о его отце – фронтовике; матери, репрессированной из Прибалтики. Но, думаю, это каждый заинтересовавшийся творчеством Георгия Томберга, сможет сделать и без меня. Потому как Георгий Алексеевич был профессиональным поэтом и прозаиком. А о настоящих мастерах Слова не забывают их современники и помнят потомки.

Геннадий Анкудинов

НЕГРОМКИЙ ГОЛОС ДРУГА

Когда из шумной тишины
дойдёт негромкий голос друга –
отпустит тягостная мука,
терзавшая в глухие дни.
И тот же ветер, тот же снег
покажутся благой приметой,
как колокольчиковый смех
во славу будущего лета.
И жизнь уже прошла не зря,
когда поверх свистящей вьюги
мы слышим дальний голос друга,
наедине с ним говоря...

* * *

Дай Бог нам счастья дойти
до края нашего пути
пусть даже грязными,
но всё-таки без срама.
Дай срок любви, что есть в груди,
и прорасти, и отцвести,
оставшись ясными
мелодиями храма.
Позволь нам мудрость обрести
и быть у правнуков в чести –
пусть будут разными
и будут они с нами.
А если ж Ты решишь за нас,
что вышел наш последний час –
сойдём с улыбкою
и гордой, и упрямой!

* * *

Всё вянет, умирает, прячется в себя,
Цветной оркестр медленно смолкает.
По блёклой синеве, тепло любя,
Летят сурово и тревожно птичьи стаи.

Как незаметно тает жизнь земли!
Кто знает боль застуженного клёна?
Кто слышит хрип задушенной листвы
За золотым осенним перезвоном?
Чьи струны так жестоко тянет гриф,
Что от дыхания и плачут, и ликуют...
Кому указ не бог и не калиф,
А этот хрип сквозь осень золотую...

ЗВЕЗДА

Надо мною не ставьте креста,
С ветхим богом давно я в расчёте.
Пусть горит надо мною звезда –
Та, что нынче уже не в почёте.
Я родился под этой звездой,
Под её окровавленным светом.
Май стоял необычно пустой –
Для рожденья дурная примета.
Да, я вырос на красном ветру,
Мне от этого некуда деться.
За отцов достреляло в игру
Деревянными ружьями детство.
Долгим эхом гремела война,
Разрубившая злого соседа.
И сияли звездой ордена,
И звезда говорила: «Победа!».
На полях под крестами – враги.
Под звездой – всё наши и наши.
Из фанеры, из грубой фольги,
Как могли, заприметили павших.
Надо мною не ставьте креста –
И нательного хватит для неба.
Пусть горит надо мною звезда –
Никогда я предателем не был.

* * *

Словно дальние горы, висят облака,
ярко блещут на солнце вершины.

Так и люди порою – глядят свысока,
и важны, и значительны – издалика.
А коснёшься – туман и руины...

КРАСНОЕ И БЕЛОЕ

И потекло! Весна рванула лихо!
Снега отчаялись сражаться за мороз –
И побежали. Поначалу тихо,
Потом всё громче, громче... вкривь и вкось,
Разливами, потоками, ручьями,
Подлётными коварными путями –
Все – в Океан, который их вознёс.
А некогда они десантом пали
На жёлтый свет полей, на серость городов.
Бураном пели, вьюгою плясали –
Во славу вечных, белых холодов.
Теперь бегут, бегут, бегут с трезвоном –
Что, мол, весна идёт не по закону –
Авторитарно и без выборов!

МГНОВЕНИЕ ЗИМНЕГО УТРА ПОД ТОМСКОМ

Переливчатой шёрсткой лёг
перламутровый свежий снежок,
белой тенью на ветках повис,
не спешит вниз.
Приглушённый, как дымчатый, свет –
от горячего солнышка след.
Не играет оно, не горит,
прилегло, спит.
Чуть скрипит под ногами ковёр –
снежных зёрнышек жалостный хор.
А вокруг – светлой сказкой Сибирь,
это мой мир.
Будто нет ни банкиров, ни зла,
будто Родина наша цела...
Вот такой нынче хитрый февраль,
фантазёр, враль...

ТОМСК АВГУСТЕЙШИЙ

Льётся август с тяжёлого неба
Серой занавесью дождя.
Так приходит осенняя небыль
В наши северные края.
Мокрый город нахохлил крыши,
Краски смазались в цвет один,
По дождливому фону вышит
Влажный шелест сердитых шин.
Скоро, скоро оденется город
В золотисто-багряный свет,
И дымком по воздушному морю
Потечёт горьковатый след.
Это скоро. Сегодня ж лето
Плачет чистым серым дождём.
И прекрасно мгновенье это
Грустью светлую... ни о чём.

ТИХО ЗВЕНИТ ДОРОГА

Тихо звенит дорога,
звёзды повисли в ветках.
Смотрят на нас с тревогой
души забытых предков.
«Мы же с деревьев слезли,
мы же прямили спины...
Всё это зряшно, если
гнётесь пред господином.
Мы же дрались с судьбою,
жадно искали правды...
Что ж вы сдались без бою?
Какому обману рады?
Мы умирали, веря –
ваша дорога – к звёздам.
Не ваша – наша потеря –
что мир ваш бандитам отдан...»

Тихо звенит дорога,
звёзды повисли в ветках...

НЕ ПРОЙТИ, НЕ ПРИМЯВ ТРАВЫ

Не пройти, не примяв травы,
Без следа судьбы не прожить.
Значит, незачем дорожить
Суматошной волной молвы.
Если в дружеских лицах свет
От твоих, даже горьких, слов,
Если бьют они в глаз, не в бровь –
Это значит, что ты поэт.

И не важно, какой ценой,
И неважно, какой виной...

ДОЖДЬ НЕ ВОВРЕМЯ

Чуть выйдешь с тяпкой на картошку –
и дождь. Как будто он следит!
И ты назад волочишь ножки,
не заработав аппетит.
Сказал же кто-то: у природы
плохой погоды, дескать, нет.
Видать, не бил он тяпкой сроду
родной земли тугую твердь.
И не срезал с корней на грунте
из строя правильных рядков
боевиков зелёной хунты –
отряды буйных сорняков.
А дождь не вовремя – потери,
уходят дни, уходит срок.
И к небу слогом высшей меры
взлетает матерный упрёк.

МУРЛЫКАТЬ НАДО!

«Какая совесть у котов?! –
За что им ласка, стол и кров?» –
С обидой думала собака.
И злоба, почернее мрака,
переполняла жаром кровь.

«Ниспровержение основ!
И ночь, и день я на цепи,
дом от врагов остерегая,
а этот – с боку на бок спит,
поест – и тут же вновь зевает!
Ему и сытно, и тепло,
и чешет за ухом хозяйка –
понты такие! А трепло! –
секреты сдаст все, без утайки!»
Тут вылез котик на крыльцо
и, сделав хитрое лицо,
сказал собаке: «Зря вопишь,
как не домученнаямышь.
Ведёшь себя ты очень скверно,
и оттого тебе не рады.
А ведь рецепт есть самый верный –
не лаять, друг, мурлыкать надо!».

О ДНЕ СВЯТОГО ДУРАКА

Святых у нас – на каждый день,
хоть года, хоть недели.
Им чудеса творить не лень,
и все давно при деле.
Поставь лишь свечечку ему,
да и шепни на ушко...
Кому ему? Тому, кому
ты родственник по душкам.
А мне святого нет как нет,
я обречён на муки...
Да коль назвался ты «поэт»,
тебе и карты в руки.
И властью, данной свысока –
так ангелы напели –
мой День святого Дурака
чтить Первого апреля!

100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ¹

Врезана Русь чьей-то хитрою бритвою,
чавкает кровью родная земля.
Множатся боем и мором убитые,
множатся стаи лихого зверья.
Тёплый платок сбился серым калачиком,
пальцы к щекам, и во взгляде темно:
«Красные мальчики, белые мальчики,
что же вы целитесь в сердце одно...».
Как разгулялись чужие воители,
словно поставив страну на правёж,
даром что в каждой щели есть правители,
все они вместе – подрёберный нож.
Смолкли заводы, дороги заброшены,
нынче в России иная страда –
конная лава мчит полем некошеным,
сабельным звоном беря города.
Безличь вождей, под любыми расцветками –
лезут штыками за хлебом в село.
Да мужики-то сегодня с «ответками»!
Сколько их в страшных бунтах полегло...
Тёплый платок сбился серым калачиком,
пальцы к щекам, и во взгляде темно:
«Красные мальчики, белые мальчики,
что ж вы стреляете в сердце одно...».

НАРЯДЯТ В ФАТУ ДЕВЧОНКУ И ПРОПЬЮТ...

Нарядят в фату девчонку
И пропьют.
За соседского мальчонку
Отдадут.
Будут тосты величавы –
Дым из слов.
Свадьба выгорит на славу –
Сто столов!

¹ Осенью 1916 года в России введена продрозвёрстка. Началась Крестьянская война, на фоне которой полыхнула и Гражданская.

И под крики «Горько! Горько!
Как до дна!» –
Вспыхнет юная, как зорька,
Смущена.
Созоруют гости к месту
Соль-словцом –
Вгонят бедную невесту
В жар лицом.
Гул и гомон, звон стаканов,
Перезвон...
К ночи выскользнут меж пьяных
Двое вон.
Разбежится в мягкой спальне
Темнота.
Засияет перед парнем
Нагота.
А невестины подружки –
Ближе нет!
У окна теснят друг дружку –
Подсмотреть.
Свадьба бьёт ногами оземь –
Смех и гром!
Но задумчив и серьёзен
Тихий дом.

ПУСТЬ НА РОДИНУ ТУЧЕЮ ЛЯЖЕТ БЕДА

Пусть на Родину тучею ляжет беда,
Пусть обрушатся небо и камень,
Но всему вопреки никому никогда
Россияне не будут рабами!
Не затем мы пришли через бури веков,
Не затем умирали и жили,
Чтобы шайки чужих и своих подлецов
Нашу кровь, ухмыляючись, пили.
Нам отцы завещали страну навсегда,
Все права отчеканив словами:
Ни врагам, ни деньгам, ни себе никогда
Россияне не будут рабами!

ТО ЛИ Я ВИНОВАТ, ТО ЛЬ ПОГОДА

То ли я виноват, то ль погода,
То ли просто шалят провода,
То ль по злобной забаве кого-то
Попадаю звонком не туда.
«Это город, тот самый, который?..
Позовите мне голос её».
Слышу – там отвечают с укором:
«Эта женщина здесь не живёт».
Адрес сверим, и адрес не сходится,
Бормочу извиненья в трубу.
И опять, плюнув чёрту на рожицу,
Диск ворочаю, словно судьбу.
В уши лезет пурга электронная,
Мелким писком до дрожи сечёт.
А прорвусь – слышу песню знакомую:
«Эта женщина здесь не живёт...».
То ли я виноват, то ль погода,
То ли просто шалят провода,
То ль по злобной забаве кого-то
Попадаю звонком не туда...

НУ, ВАСИЛЬИЧ, НУ ПРОРОК...

Ну, Васильич, ну, пророк,
Угадал!
И в самом деле:
Дураки б в Москве сидели,
Кабы не было дорог.

ЖИВЫМИ НЕИНТЕРЕСНЫ

В. Антуху, поэту

Живыми неинтересны,
Поэты не выживают.
Но высшего слога песни
Долго не угасают,
По ветру вольному вольно
Радугами играя.

Нормальным того довольно.
Поэты – не выживают.
Чтоб петь, свою душу до дна
На люди вынимая,
Бесстыдно и бездоходно –
Поэты не выживают.
Чего их беречь, богему? –
В жизни труда не зная,
Что стоит черкнуть поэму? –
Поэты не выживают.
Бывает, что в доме чутком
Ценят их, улажая.
Но сытым живя желудком,
Поэты не выживают.
Их к стенке подводят просто,
Сложно их понимая.
Согнувшись на долю роста,
Поэты не выживают.
Жестокой судьбой искусства,
Жизни не размеряя,
Из чести, ума и чувства
Поэты не выживают.

О ЛЖИ И ПРАВДЕ

Актёр солжёт, как то предпишет роль,
Солжёт банкир во имя дивиденда,
За интересы трона лжёт король,
А врач всегда – для блага пациента.
У лжи любой есть правдочка своя –
Кто силе уступает, кто рассудку,
Кто ловит счастье в джунглях бытия,
Кто просто красит горькую минутку.
И каждого понять – простить легко –
Вода всегда течёт туда, где ниже,
А царь и бог далёко – высоко,
Своя ж рубаха – и одна, и ближе.

Но так смешно устроен этот свет,
Что лишь поэту оправданья нет.

БЕЛЫЙ СТИХ

Белый стих,
    как зима.
Серый снег городской
    под ногами
Сизый день равнодушно
    волочит по небу свой плащ.
Он зевает с утра.
    И с одышкой тащится еле,
Осыпая дыханье своё
    хороводом
        мерцающих игл.

ГИМН РОДНОМУ ГОРОДУ

Над красавицей Томью, на круче высокой
Обороной от жадных лихих степняков
Встала русская крепость сурово и строго,
Вознеся в небеса позолоту крестов.
Откатились от стен лавы конников диких,
Навсегда затерялись в минулой золе.
А Татары и Русь, два народа великих,
Вместе строили город на общей земле.
Это Томск! Это город труда и науки.
Это Томск! Нашей Родины ядерный щит.
Как красив он зимой в серебре затихающей вьюги,
Как пьянит по весне, когда юная зелень кипит!
Уходили леса перед поступью улиц,
Поднимались дома кружевною резьбой.
Вольный воздух Сибири! Здесь люди не гнулись,
Здесь умели ответить на всякий разбой!
С каждым годом взрослел удивительный город,
Молодёжи открылись дороги наук.
И учёным умом он прославился скоро,
А не только талантом торговли и рук.
В век жестокий, как бури страну ни косили,
Ты, мой город, всё сдюжил на жилке стальной.
Отдавал сыновей на защиту России –
Помнишь, Томск, как их мало вернулось домой...

Наша память с годами не станет короче,
И порукой тому бьётся Вечный огонь!
Славься, город студенческий, город рабочий!
По зелёному полю лети, белый Конь!
Это Томск! Это город труда и науки.
Это Томск! Нашей Родины ядерный щит.
Как красив он зимой в серебре затихающей вьюги,
Как пьянит по весне, когда юная зелень кипит!

НЕСТОМЛЁННЫЙ СТРАННИК

Загорелый и худой,
Черноглазый и курчавый,
Шёл Христос своей стезёй
Пострадать для Божьей славы.
Твёрд и точен мерный шаг,
Властность нервная в движеньях.
Взгляд, способный резать мрак,
Камни жжёт прикосновеньем.
Скоро Иерусалим,
Скоро – суд и высь Голгофы,
Скоро, скоро Божий Сын
Сложит огненные строфы.
С боковой тропинки вдруг
Некто вышел на дорогу,
Оглянулся – враг иль друг? –
И пошёл навстречу Богу.
Яснолик, зеленоок,
В чистом светлом одеянии
(Ни пылиночки дорог!) –
Шёл, сияя состраданьем.
Поравнялись. И Христос,
До хрипоты пропылённый,
Резко вымолвил вопрос:
«Кто ты, странник нестомлённый?»
Тот с улыбкой помолчал,
Будто взвешивая время,
И ответил: «Ты сказал.
Я – Христос из Вифлеема!».

В АКАДЕМГОРОДКЕ РАСЦВЕЛИ КАНДЫКИ

В Академгородке расцвели кандыки –
вот такие серьёзные вести –
фиолетовым светом горят лепестки,
жёлто-солнечной мякотью – пестик.
Уроженца тайги не посадишь в горшок –
не захочет расти он в неволе.
Но вот чем-то привлёк его наш городок –
видно, общею дикою долей.
О науке у нас говорят дураки –
мол, поддержка ей нынче така-ая!
А наука цветёт, как вон те кандыки,
к удивлению всех выживая.

Александр Регович РУБАН

(1955–2015)

Родился 23 июля 1955 года в Томске. В 1977 году окончил Томский политехнический институт. По окончании института работал в Томске, в Стрежевом, на Васюгане и в Северске – инженером, журналистом в областных, районных и городских газетах, плотником, отделочником, шорником, верстальщиком в издательствах.

Свою первую авторскую книгу «Чистая правда о том, чего не было» издал в 1990 году. Стихи и проза Рубана публиковались в альманахах «Сибирские Афины» (Томск), «Проза Сибири» (Новосибирск), журналах «День и ночь» (Красноярск), коллективных сборниках Киева, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Томска.

В 1995 году создал детско-юношескую литературную студию «Штудия» и руководил ею 17 лет.

В разные годы увидели свет ещё несколько поэтических книг Александра Рубана: две из них в миниатюрном издании – «Рубайки» (1998) и «Не зла моя судьба» (2000), а также «Мироздание по мне» (2003), «На небе и возле» (2004, в соавторстве с Анастасией Ануфриевой), «Глумы» (2007), «В пещере гнома» (2009), «Ядотерапия и Грязелечение» (2010), «Разархивируйте меня» (2011). Кроме того, изданы рыцарская сказка «Каникулы творца» (миниатюрное издание, 2000) и книга фантастики «Не Наташа» (2012).

Скончался 30 сентября 2015 года в Томске.

ФЛЕЙТА БОГА

Поэт не беседует с Богом:
он служит Ему словостоком,
порой не желая сам.

Обласканный или избитый,
из храма, из хлама, из быта
карабкается к небесам.

И – настезь душа поэта,
штормами астрального света
просвистанная насквозь.

И – едет поэтава крыша:
к ответам, услышанным свыше,
он так и не сыщет вопрос.

* * *

Выбирайте не цель, а дорогу,
по которой не стыдно идти,
потому что не к цели, а к Богу
мы придём по земному пути.

* * *

Все дорожки замечает чистый белый снег.
Убыстряет, убыстряет, убыстряет бег.
Крутится по улице белёсою пыльцой,
под ноги ложится и бросается в лицо.

Хмурится прохожий, поднимая воротник.
Хмуриться негоже, друг, ведь это первый снег!
От него светлеют лица, и душа светла,
если снегу удивиться первому смогла.

Самым белым, первым снегом город занесён,
и такое ощущение, будто снится он:
лёгкие, звенящие, летящие в тиши
высятся над чащею таёжной этажи...

ЗАДОЛГО ДО БЕЗДНЫ И ТЬМЫ

Начало зимы. Предполуночный час.
Конец сумасшедшего века.
Реальны, а значит, отдельны от нас
ненастье, фонарь и аптека.

Всё это уже далеко и давно,
пора бы забыть и смириться,
хотя непогода пьянит, как вино,
и ты продолжаешь мне сниться.

Мы были в тот вечер знакомы едва.
Ты мяла в руке мою руку.
Мы пили вино, говорили слова
и знали, что снимся друг другу,

что здесь и сейчас продолжается сон,
в котором встречаемся мы,
берущий начало в начале времён,
задолго до бездны и тьмы,

до Божьего Духа, витавшего над
пустой и безвидной землёй,
до трижды тонувшей горы Арарат –
мы снились друг другу с тобой!

Теряя значенья, звучали слова,
пока мы бродили по городу.
Был сыплющий искрами стылый трамвай,
дома, фонари, непогода,

и всё это было лишь фоном для нас –
от снега до лифтовой клетки.
Начало зимы. Предполуночный час.
Конец тысячелетья...

Меня до сих пор непогода пьянит,
когда я бреду через вьюгу
и очень старательно делаю вид,
что мы только снились друг другу.

ТЕНЬ ПРИВЯЗАННОСТИ

Страшит не выстрел, не пурга,
не лес густой, а жизнь пустая.
До спазмы в горле дорога
ягнёнку – стайка, волку – стая.

Жуя из яселек сенцо,
иль рыща в поисках добычи,
им страшно потерять лицо,
им важно соблюсти обычай...

Нет ничего в моей судьбе
ни от ягнёнка, ни от волка.
Я не принадлежу себе,
но и тебе – отчасти только,

и эта наша полусвязь
смешна без стирки и готовки,
когда сидим, уединясь
на многолюдной остановке,

среди отбившихся от стай
или оторванных от стаек,
чья цель проста, а жизнь пуста –
на целых полчаса пустая,

чьё нетерпенье разлито
по душам, и притёрты пробки:
не видит никого никто,
ломаюсь к троллейбусной коробке,

а мы сидим, о том, о сём
молчим и выглядим нелепо.
Уедем, каждый на своём:
тебе – направо, мне – налево.

Ну что ты ждёшь от дурака?
Ну что ты хочешь от поэта?
...Мне тень привязанности этой
до спазмы в горле дорога.

ПРИТЧА О ЦЕЛЕУСТРЕМЛЁННОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Шёл по жизни человек.
Знал, куда идти.
Падал снег и таял снег
на его пути.

В полдень шёл и в темноту,
не жалея сил.
– Почему один иду? –
вдруг себя спросил.

Цель звала. И человек
отогнал вопрос.
Шаг сменил почти на бег
и в который раз,

несгибаем и суров,
сердце в камень сжал,
не свернул на чей-то зов,
руку не подал.

Шёл по жизни человек.
Волосы седы.
Падал с неба белый снег.
Заносил следы.

* * *

Подслеповатым, но зрячим окном
щурясь на терема,
где-то, я верю, стоит этот дом –
там, где не сносят дома.

Будто на блюдечке белой зимы
ломтиком старины –
дом, что запомнил мой каждый миг:
радости, горя, вины...

Ясной дорогой шагаем ли мы,
бродим ли мы впотьмах –
смотрят на нас из далёкой зимы
нашего детства дома.

МЕТЕЛЬ

Белый танец. Последний в году.
Все снежинки – под луч фонаря.
И кружат у меня на виду,
меж собой о своём говоря.

Вот – царапнулся кто-то в стекло.
Да, метель. Я тебя узнаю.
Нет, метель. Столько зим протекло!
Я уже не танцую. Пою.

Я давно уж, метель, не чужак.
Я на прочном, покойном пути.
Ах, последний? Ну, разве что так.
Ветер, музыку! Ну, веди!

Закружи-ка меня, задурмань,
зашвырни в темпе вальса туда,
где туманов лохматая рвань,
а под ними вода, как беда,

где ни следа на белой земле
и синица не бьётся в руках,
где распятья распутий во мгле
и звезда, и звезда в облаках...

Да, метель. Мы с тобою не те.
Ты слабей, чем тогда. Я умней.
Я б пошёл за тобой. Но сначала, метель,
ты ворвись-ка попробуй ко мне!

Зря я войлоком дверь обивал?
Зря окно конопатил тряпьём?
Я, быть может, заранее знал:
ты ещё постучишься в мой дом,

ты поманишь меня в уют.
Я отвечу: «Какого рожна?..».
Ах, жена. Как метели поют за окном!
А в дому – тишина.

СОНЕТ

Мы встретились. Мы долго не встречались,
боясь, что распадётся наша связь.
Непрочной представлялась эта малость,
из глубины забвения светясь.

Но речка в оба берега плескалась,
соединяя нас, живущих врозь,
но сердце сладкой болью отзывалось
на имя – если вдруг произнеслось.

Всё оказалось не таким, как было.
Река не та, и берега не те,
и плеск волны в прибрежной темноте
не будоражит память с прежней силой.

Обыденно звучание имён...
Мы встретились. Распалась связь времён.

* * *

– Мир, конечно же, добр и вечен,
сам себя убеждал уходящий,
одеяло ветхого неба
подоткнув под края земли,
чтоб не пели в озоновых дырах
сквозняки из холодной выси
и беззвёздные злые мысли
не коснулись моей груди.

– Я вернусь... – обещал уходящий
и глаза отводил зачем-то,
теребил дырявое небо
и шептал, неровно дыша:
– Ты меня иногда перечитывай,
потому что я лгать не умею.
Стыдно мне называться учителем,
и опасно учить любви.

– Мир прекрасен, – он тихо выдохнул,
ты об этом пожалуйста, помни.

В это даже не надо верить:
просто помни – и будет так...
Я кивал, соглашаясь помнить
и почти обещая верить.

Надо мною мерцал и смеялся
не задутый ночник луны.

КРАСИВОЕ ЭХО

Бездумно-бесцельна была толкотня
и бессодержательны тосты,
без жала остроты и страсть без огня.

    Был вечер
    и гости.

Ах, если бы думать: вот был да прошёл,
ах, если бы знать: не вернётся...

Был редкостный вечер, когда хорошо
и
не поётся.

Ведь песня звучит не едва захочу,
она – только эхо, не боле,
красивое эхо, когда я кричу

    от счастья
    и боли.

В тот вечер не пелось. Плясалось, пилось,
трепалось... Меж пляса и вздора
я помню касание Ваших волос...

    Вот видите,
    как я скоро.

Четыре куплета – и вот она, суть.
Вы всё уже поняли, правда?

Нас разные судьбы куда-то несут
порознь.

    Вы рады?

Я тоже – Вы верите? – искренне рад,
что нам никогда не встречаться
и не восходить рука об руку в рай

    без боли
    и счастья.

Но утренний луч (всё окошко в огне!)
коснётся щеки ненароком –
и снится мне, будто я вижу во сне
тот вечер,
Ваш локон.

Не надо! Ведь утром опять толкотня,
а завтра – как нынче и прежде.

Не надо, прошу Вас, тревожить меня
мечтой
о надежде.

Дай Бог нам друг друга в толпе не узнать,
дай Бог Вам покоя и воли,
дай Бог мне допеть, не дай Бог потерять
ни счастья,
ни боли.

ДУША С ДУШОЙ ПЕРЕСЕКЛИСЬ

Протал в снегу. Дыра в заборе.
В чужой тетради чистый лист.
В пустопорожном разговоре
душа с душой пересеклись.

Она и он. Стрелок и дичь.
Язвительны и уязвимы.
Извилинами не постичь
судеб внезапные извивы.

Попутчики в чужом краю,
в полузнакомом лабиринте,
сквозь сердце пропуская нити,
она – свою, а он – свою,

не вместе – просто рядом шли,
стараясь выглядеть иконно:
без нарушения канона,
без отражения души.

...А город шурился из окон.
А вечер был на звёзды скуп.
А губы не искали губ,
соприкасаясь ненароком...

Кого с ухмылкой незлой
он едкой эпиграммой тронет?
Зачем запомнили тепло
её колен
его ладони?

ЗАПАХ ПОЛЫНИ

(Три стихотворения из повести «Поправка к судьбе»)

1

Всего-то и было – бессонные ночи,
разлуки без счёта и столько же встреч,
а кажется: многое, светлое очень
забыл, потерял, не сумел уберечь.

Всего-то и было – пяток детективов
да чудом попавший в общагу Вольтер,
а кажется: самое модное чтиво
мы чли торопливо, не то что теперь.

Всего-то и было – крутой и осклизлый
неблагоустроенный берег Томи,
а кажется: там и высокие мысли,
и лучшие строки, и юные мы.

Ах, знать бы и верить, как это ни горько,
что кроме случайно удачной строки
всего-то и было – костёр на задворках,
в котором сгорели плохие стихи...

2

У старой полыни особенный запах.
В нём – лето. Не это, которому рад,
а то, что дожди схоронили, оплавав,
и не возвратили. И не возвратят.

Узрев на пути неживые соцветья
на ломких стеблях с благовонной трухой,
пройди стороной. Не задень. Не заметь их.
Беги аромата полыни сухой.

К цветущим полянам! К поющим рассветам!
Но прочь от стеблей, чей пахучий излом
отравит веселие нового лета
пронзительной скорбью о лете былом!

3

Ухожу, не прощаясь. Под шёпот, кивки и молчанье,
под шуршанье отжившей листвы подо мною и над.
Ведь любое прощанье по сути своей – обещанье
обязательно встретиться снова и повспоминать.

Не хочу обещать. Не люблю навещать прожитое.
Не могу превращать прошлогоднее сено в траву.
Я уверен, что я и сегодня чего-нибудь стою.
Я надеюсь, что я и до завтра ещё доживу.

Облетает листва разговоров, застолий, размолвок.
Забываю детали. От этого не по себе.
Но встречаются новые лица, и снова я молод.
Станут новой листвой эти новые лица в судьбе.

И они облетят? Что ж, и вечнозелёное древо
обновляет листву, просто делает это тайком.
Зазывая: «А помнишь?» – пытается липкое чрево
ненасытного прошлого нас заглотить целиком.

Пусть коряв, пусть извилист мой ствол,
но он тянется к свету,
не всегда из надира в зенит, но всегда напролом.
Остаются ветвями вильнувшие в сторону ветви,
что когда-то хотели бы стать, но не стали стволом.

Я сегодня живу. Я старею, когда вспоминаю.
За коварным «а помнишь?»
ползут разложение и тлен.
За сегодняшний день свою чашу до дна осушая,
ухожу, не прощаясь, в неведомый
завтрашний день.

* * *

...поэт переводит поэта
по зыбкому мостику смыслов
над гибельной бездной безвестности,
над радугами, над порогами
слепец переводит слепца...

* * *

С камланием, шаманством, колдовством
поэзия повязана родством
по духу или, может быть, по крови.
Заклятием звучит удачный стих.
Из плоти сотворяя божество
и образ Бога воплощая в Слове,
поэт по жизни человеков ловит
и в небеса выбрасывает их.

ПРИЧИТАНИЕ

Умер сильный человек – надорвался.
Умер добрый человек – мало кушал.
Смелый – тоже сам нашёл свою смертушку.
Любопытный – был да сгинул, где – неведомо.
А весёлый – дошутился, с кем не следоват.
И остались мы одни-одинёшеньки...
Пропадааааааем!

Валерий Михайлович СЕРДЮК

(1945–2015)

Родился 23 декабря 1945 года в Томске. Школьные годы провёл на севере области – в Колпашеве и Парабели. В 1962 году поступил на историко-филологический факультет Томского государственного университета, вошёл в актив литобъединения ТГУ. В ноябре 1964 года с третьего курса был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке.

Вернувшись в Томск, пошёл работать – сначала в университетскую многотиражку (с октября 1967-го), а год спустя был принят в редакцию областной газеты «Молодой ленинец» сначала корреспондентом, а затем ответственным секретарём. В 1974 году окончил филологический факультет Томского государственного университета (заочно).

С 1975 года работал заместителем ответственного секретаря областной газеты «Красное знамя». С 1983 года – сотрудник Томского отделения Западно-Сибирского издательства, с января 1986 года – Томского областного книжного издательства. С декабря 2000 года – редактор профсоюзной газеты «Действие».

Автор поэтического сборника «Город детства» (Москва, 1983, изд-во «Современник»), книжки стихов для детей «Лесной аэродром» (Томск, 1991), книги избранного «В обе стороны жизни» (Томск, 2008).

Из наиболее значимых для себя публикаций отмечал стихи в новосибирских сборниках «День поэзии» (1964) и «Свет в окнах» (1975), московских альманахах «Поэзия», «Родники», а также в первом и третьем выпусках томского альманаха «Каменный мост».

Член Союза журналистов России. В апреле 2005 года был принят в Союз российских писателей. Скончался в Томске в 2015 году.

* * *

Это чувство открыто и чисто
от рождения входит в сердца.
Потому и зовётся –
Отчизна,
что судьбою была для отца.

Всё бывало – и радость, и горе,
но учила любить и прощать.
Потому-то и нежно, и гордо
произносится:
Родина-мать.

Жизнь – в начале. Ещё до итога
далеко. С каждым годом во мне
ощущенье сыновнего долга
всё острее живёт,
всё больней...

* * *

Доживу до скончания века,
и в две тысячи первом году
по годам своим, будто по вехам,
в путь обратный тихонько пойду.
Повторится всё то, что и было,
даже то, что давно позабыл.
Вот уже ты меня разлюбила.
Вот уже я тебя полюбил.
Вот уже я курить научился.
Вот на дерево первое влез..
Посмотрите: я только родился!
Посмотрите: совсем я исчез!
Меня будто и не было вовсе,
но заметите, коль не слепы,
от себя то поодаль, то возле
в обе стороны жизни следы.
Не был я ни в чести, ни в опале,
но я видел, как издалека
прилетели и в след мой запали
семена незабудки-цветка.

Доживу до скончания века,
если это судьбой суждено.
Только их не раздуло бы ветром.
Только бы проросло хоть одно...

23 декабря 1965 г.

* * *

Свет с темнотой не породнится,
у каждого своя пора.
А день сегодняшний – граница
меж завтра и вчера.

И в нём, как будто в сплаве прочном
(нельзя разъять!),
смешались будущее с прошлым,
мечта и явь.

Не следуй слепо и покорно
определившейся судьбе –
спорь с нею! Только верность корню,
истоку – сохрани в себе.

И различай среди явлений
и голосов,
где эхо прошлых поколений,
где будущего зов.

ДВЕНАДЦАТЬ ПАЛОЧЕК

Посреди двора поставлен
кирпич на ребро,
на него – доска наклонно
(это всё нехитро),
а затем – двенадцать палочек
на краешек доски...
Вот взлетят они веером,
И мы – взпуски!
Были толкотня и гомон –
станет тишь, пустота:
разбежимся все,
попрячемся
в укромные места.

Соберёт водящий палочки,
уложит на доске,
посреди двора пустого
оглядится в тоске.
Вот он ходит кругами,
от сараев к окну...
Двенадцать палочек
лежат на кону.
Мы следим из укрытий –
такая игра.
Вот ещё отошёл он...
Не успеет, ура!
Я срываюсь
и пульей
из-за бочки лечу
к тем двенадцати палочкам,
к тому кирпичу,
ударяю с разбега –
и взлетевшие вверх
заискрились на солнце...
Салют, фейерверк!

Так теперь не играют.
Далеки, как мечта,
стали палочки эти,
поп-гоняло,
лапта.
Эти игры забыты,
но всё чаще,
во сне,
словно вестники детства,
являются мне.
Словно вестники детства,
прекрасной поры...
А уже и не вспомню
всех правил игры.
Но прикрою глаза,
и – салют, фейерверк! –
двенадцать палочек
взлетают вверх...

ЛЁН

Льну дружно мы били поклоны.

Учитель гулял по меже.

И вот

по пологому склону

вразброд

разбежались суслоны...

Нам нечего делать уже.

Учитель, пока мы потели,

грибов подсобрал – полпортфеля.

– Ну что, ребятня, отдыхайте, –

такой отдаёт он приказ. –

Как нам обещал председатель,

машина придёт через час.

Усталыми и полусонными

легко нам лежать под суслонами.

Осеннее небо сквозное

белёсо – как будто льняное.

И – шорох в ушах. Потому что

коробочки льна – погремушки! –

под ветром шуршат, не стихая...

Прислушайся, сообрази:

как славно, что осень сухая –

картошку копать не в грязи.

ДОМОВОЙ

Как со вечера пороша,

со полуночи метель...

(Русская песня)

На восходе ночи,

на исходе дня

домовой захочет

греться у огня.

Поскребётся в двери,

постучит в окно...

Я в него не верю,
но не всё ль равно?
Холод – он не тётка,
не пирог в печи.
Вон оно метёт как
за окном в ночи!
Враг ему я, друг ли –
незачем решать,
просто нужно угли
в печке помешать.
...Пламя то стихает,
то опять гудит.
Он сидит, вздыхает,
на огонь глядит.
Отогревшись, вскочит,
сгинет, семена,
на исходе ночи,
на восходе дня.

* * *

Скажите мне, который час
и время года?
Необъяснимые сейчас
стоят погоды.

Остыло лето, но зато
зима раскисла.
И страшно докопаться до
причин и смысла.

И кто докажет, что беда
не в человеке?
В какие дни или года
и в кои веки?..

СТИХИ О ШАРОВОЙ МОЛНИИ

Раскаты и вспышки – игра грозовая.
И воздух вечерний, бодрящий озоном.
Как пьяное солнце, плывёт шаровая
над мокрым асфальтом, над грязным газоном.

Завидев её, человек или кустик
равно цепенеют, следят обалдело...
Плывёт шаровая – энергии сгусток,
потерянной кем-то без пользы, без дела.

(Природа людей воспитала на вере:
ничто в ней бесследно не может теряться.
Вот наши, ничтожные вроде, потери
достигли критической концентрации.)

То влево, то вправо, а то вдруг зависнет:
ещё погулять или враз разрядиться?..
Обуглится ветка. Осыплются листья.
Но доброе что-то уже не родится.

* * *

Зверь, бегущий на ловца,
верь: ещё не всё пропало!
Бабка надвое сказала,
И у палки два конца.
Пусть охотник не спешит
Со своим победным кличем.
Кто ловец и кто добыча –
Это жизнь ещё решит!

* * *

Человек, не машина,
а живу колеся.
Знаю – в чём-то ошибка,
а исправить нельзя.

Не гадаю, а что там
Впереди. И когда,
за каким поворотом
повстречает беда?

И нисколько не страшно,
что когда-то умру:
на миру жизнь прекрасна,
смерть красна на миру.

Ни о чём не жалею,
дождь ли,
ветер в лицо...
Так крутись веселее,
жизнь моя – колесо!

* * *

Днём и ночью в известные сроки
видеть мог расступившийся лес
поездов торопливые строки,
что бегут по линеечкам рельс.

И, наверное, видя такое,
не однажды пытался прочесть
скрытый за промелькнувшей строкою
или в ней заключённый подтекст.

Каково ж быть обманутым лесу
если вдруг, ни с того, ни с сего,
порожняк прогрохочет по рельсам
и впустую разбудит его?

* * *

Володе Крюкову

Завораживают стрекозы
пляски над цветами кувшинок.
Стали мне безразличны козни
врагов и завистников лживых.

Не тревожат, не жгут испытания
худой или доброй славой, –
убаюкивает стрекотание
кузнечиков в душных травах.

Ведь когда снега сползут в овраги –
новая проклюнется трава,
новая листва оденет рощи,
новый свет прорежется в ночи...
Всё воспринимать светлей и проще
заново меня ты научи!
Стынет ночь в ветвях заиндевевших...
Как теперь согреться ноябрю?
Выпал снег. И «Осень отшумела,
отпылала», – тихо повторяю...

* * *

Туман плывёт над спящею рекою,
баюкая ленивую волну.
Рассвет неслышно подойдёт к окну,
не нарушая этого покоя.
И кажется – за мирной тишиной
так далеки тревога и забота,
но каждый день, как Светлая Суббота
перед Отечественной войной.

СОН

Который год,
который год,
уже который год
тебе, отец,
всё снится взвод,
твой пулемётный взвод.
Тебе семнадцать лет всего –
пацан, сынок, птенец...
А тут от взвода твоего
отстал один боец.
Пора уже кончать привал
и далее идти,
но нет солдата...
Он отстал,
замешкался в пути.
А завтра – бой.
Твой первый бой.

...Усталые бойцы,
они стоят перед тобой,
любой –
тебе в отцы.
А тот солдат весёлым был,
имел такой талант,
он ус крутил
и говорил:
– Мой младший лейтенант,
твоя заботливость смешна,
мы знаем, что почём...
Ты командир.
Идёт война.
И возраст ни при чём.
Что ж,
на войне как на войне.
И ты себе сказал:
«Начало есть.
Ведь если не
найдём,
под трибунал
пойдёшь...
Но если опоздать
на огневой рубеж,
то не кому-то отвечать,
не взводу,
а тебе ж...».
И ты, подняв глаза на взвод,
сейчас проговоришь:
– Нале-во!
Правое – вперёд!..

Который год,
который год
ты давний сон хранишь.
Тобою этот мир спасён,
в нём тихо,
нет войны.
Но почему
твой старый сон
в мои
        стучится
                сны?

НАШ ВЗВОД ПОЁТ «БОРОДИНО»

Наш взвод поёт «Бородино»,
шагая строем на ученья.
Произнесённые давно,
слова особое значенье
приобретают в этот раз:
сдвигая даты все и сроки,
встают истории уроки –
Бородино и Сталинград.
Наверно, долго будут помнить
о горькой участи врагов
в бою на Бородинском поле,
в бою у волжских берегов.
Плохая им досталась доля!
Познали русские штыки
Наполеона и Адольфа
«непобедимые» полки.
И если снова враг ударит
по стороне моей родной –
скажи-ка, дядя, ведь недаром
наш взвод поёт «Бородино»?

* * *

Я живу, расту – как дерево:
незаметные извне,
годовые кольца памяти
навиваются во мне.
Длится жизнь. Её события
протекают чередой, –
что-то радостью отложится,
что-то болью и бедой.
Все извивы прихотливые
в переменчивой судьбе
годовые кольца памяти,
отразив, хранят в себе.
Взгляд пытливый и внимательный
прочитает из колец
не страницы жизни дерева,
но и то, чем жил весь лес.
Как в воде круги расходятся...

Их в себе не заглуши –
эти кольца,
кольца памяти
взбудораженной души.

АВГУСТ

Как горячи на закате
зелёные запахи трав!..
Ветер, в себя их вобрав,
смутной прохладой окатит.

Лёгкий туман у околиц.
И явственно слышится мне,
как тесно картошке в земле
и как наливается колос.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Погоди, пароход, погоди,
не спеши отойти от пристани.
Ведь тебя обманули с присказкой –
сказки нет никакой впереди.

Отойдешь – и на каждом шагу,
разгоняя туманы белёдые,
будешь, глупый, слепыми колёсами
спотыкаться в ночи о шугу.

Погоди, пароход, погоди,
не спеши, пароход, попрощаемся.
Мы не скоро теперь повстречаемся –
погоди, пароход, погоди...

* * *

А меня уносят лыжи
через шелест снежных струй,
и позёмка жадно лижет
лыжный след – подобье струн.

И выводят эти струны
незатейливый мотив.
И остаться грустным трудно,
песню снега подхватив.
И расстаться трудно с нею –
больно песня весела!..

Ходят ветры-снеговеи
вдоль околицы села.

БАКЕН

Леониду Горяеву

Только снег и звёзды. И собаки.
Да на берегу пустой реки
одинокий, весь продрогший бакен
лета ждёт, морозам вопреки.

Он глядит в насмешливые звёзды,
зимними метелями продут.
Знает он, что рано или поздно
над рекой зажжёт свою звезду.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ПЕРЕУЛОК

Переливчато и гулко
из-за каждого угла
в этом узком переулке
говорят колокола.
Никогда не позабуду
эти утра, сны без снов,
а над ними – перегуды,
перезвон колоколов.
Не пойду тропой окольной
по Калинову мосту, –
в переулок Колокольный
колокольчиком врасту,
чтоб точёные тычинки
в светлой чашечке цветка
запевали, будто льдинки

в ломких струях родника,
чтоб не грустный колокольный,
а весёлый и раздольный
колокольчиковый звон
слушал синий небосклон!

ПОДАРОК

Не в утешенье, не в обиду,
а просто так – от простоты
был в день рожденья инвалиду
подарен новенький костыль.

Мы пели песни, пили пиво
и кое-что ещё... А дед
коню дарёному учтиво
старался в зубы не глядеть.

Когда ушли, старик заплакал,
не обвиняя никого.
Костыль сиял фабричным лаком
и скалил зубы на него...

* * *

Вот я шагнул через порог,
шагнул –
и не споткнулся.
Но на скрещении дорог
зачем-то оглянулся.
Мой дом,
печали не тая,
смотрел тепло и строго.
И мама грустная моя
стояла у порога.
А я весёлым уходил.
Я счастлив был.
Да что там!
Ведь всё, что было, –
позади,
уже за поворотом.

И не собьют метели с ног,
плечо не тянет ноша.
Я прошагаю сто дорог,
а может быть, и больше.
Я прошагаю сто дорог...
И приведут дороги
туда, где дом,
где тот порог
и мама
на пороге.

* * *

Не новый человек в лесу,
шагаю не по компасу.
Любому кланяюсь кусту,
как старому знакомцу.

Я здесь от всех дождей укрыт,
от всех печалей спрятан.
Меня завидев, белый гриб
приподнимает шляпу.

**Сергей Борисович
СМИРНОВ**

(1957–2010)

Родился 11 мая 1957 года в Татарске Новосибирской области.

Прозаик, поэт. Член Союза писателей.

Окончил Томский университет (1982). Работал на студии телевидения, в издательстве, в городской газете «Томский вестник». Печатался как прозаик с 1981. Литературный псевдоним – Сергей Арбенин. Автор книг: «Проспект» (1992), «Спаситель мира» (1991), «Собачий бог» (2006), «Дети погибли» (2007). Фантастические рассказы и стихи публиковались в коллективных сборниках «Вполне порядочный мир» (1990), «Литературное Притомье» (1991), «Великий Краббен» (1983), «Первые строки» (1981) и других.

Скончался в Томске 10 декабря 2010 года.

ОПЯТЬ ЗИМА

Опять зима...
А у меня под сердцем
Пылает купиной неопалимой
Всё та же не стихающая боль.
От этой боли никуда не деться:
Мне никогда не стать самим собой,
Я ничего не значу без любимой.

* * *

Не гублю чужого дара –
Божий трачу дар.
Что глухому вальс Годара,
да и сам Годар?

Затоптать Глагол сожжённый!
Бог простит меня.
Ничего глухим не должен
ни Годар, ни я.

ИЗ ГЛУБИНЫ

И вот мы успели,
и нет нас на свете,
и наших имён
не запомнили дети,

и наших фамилий
не выбьют на камне,
и некому будет
поплакать над нами.

На наших могилах
дуреют от водки,
но глиной забиты
горячие глотки,

но руки и ноги
опутали корни,
и с каждым столетием
мы всё покорней.

Смирившись с молчаньем,
смирившись с покоем,
мы тайны своей
никому не откроем.

МЕЛОДИЯ МАРТА

Мелодия нежная, грустная,
мелодия ранних оттепелей
и сырых снегопадов.

Старые праздники позади,
новых пока не предвидится.

А тополя промочили ноги,
и молча роняют холодные слёзы.

О будущем
не грезится.
О прошедшем
плачется.

* * *

Что же нам делать здесь
без отцов
без дедов
без прадедов пращуров
Все они затерялись
где-то в глухих временах
в другом мире
почти
на чужой планете

Так что же нам делать
потерявшим прошлое
пришедшим из ниоткуда
почти
инопланетянам

Мы
дети мёртвых

Кто ты мой предок
предвидевший меня
сохранивший
в тысячах войн и потопов

В пещерах
рисовавший на стенах
видел ли ты меня

И вот сегодня я здесь
растерявшийся от одиночества
чужой для тех кто жил для меня
невероятно чужой
и далёкий

Так что же мне делать
не найденному вами
не нашедшему самого себя
Мне
последнему зелёному побегу
на самой верхушке древа
корни которого
так далеки
что стали невидимы

Что же мне делать
которому вы предназначили
неба достигнуть

Все мы
дети мёртвых
И наши дети
тоже
и дети наших детей

Но сегодня я ещё обязан
даже сквозь лёд прорасти
пережить потопа
землетрясения

А после
стать мёртвым
для живых

которые
будут вздрагивать по ночам
от внезапного страха:
а что если мёртвые
заговорят?

Не бойтесь
наши мёртвые всегда берегут нас:
они молчат по ночам
когда нам особенно одиноко.

1983

* * *

В пьяном гуле
В синем дыме
Жили-были
Молодыми.

Жили-были,
Песни пели.
Расставаясь,
Не жалели:

Приходили,
Уходили,
Друг о друге
Не тужили...

Незаметно
Постарели,
Подобрали,
Что сумели.

И тогда
Не горевали:
Доживали,
Успевали.

Жизнь сгорела
Папиросой.
Дым как дым,
И нет вопросов.

Смерть пришла,
За ней вопрос.
Умирают-то
Всерьёз.

Жизнь ответить
Не успела.
И Земля
Не опустела...

Янв. 1983

* * *

Кто ночью воет на луну
в соседнем парке?

Я прячусь от себя
От темноты
В накуренной и ярко освещённой
Пустой и тесной комнатухе

Закуриваю снова
Руки всё дрожат

А кто-то в парке
воет
воет
воет...

СТРАШНАЯ ИГРА

(Почти детское)

В городочке
вечерочком
встали домики
цепочкой.

В каждом домике
окошко,
за окошками
по кошке.

А на улочке
трамвайчик –
ярко-красный
попугайчик.

Светят лампочки,
как свечки...
Только где же
человечки?

Стало страшно
каждой кошке –
и погасли
все окошки.

И трамвайчик-
попугайчик –
шмыг по улочке,
как зайчик...

АЩЕ ЗАБУДУ ТЕБЯ, ИЕРУСАЛИМЕ

1

Я шёл по серому городу
по улице плотно забитой домами
обвалившаяся штукатурка
проходные дворы
пушка глухо стреляла
я не любил этот город
и вдруг впереди и вверху
вспыхнуло огромное и золотое
оно было больше моей любви
больше ненависти
больше страданий и гнева
Это был
купол Исаакия

2

На одном из фронтонов Исаакия надпись
НА ТЯ УПОВАХОМ ГОСПОДИ
ДА НЕ УСТЫДИМСЯ ВОВЕКИ

Мы не устыдились нет
не потому что чисты и безгрешны
просто мы разучились стыдиться
Мы предали все что могли
Даже камни

3

На парапете Адмиралтейской набережной
я сидел и курил
сплёвывал на невский лёд
надо мной плыл Исаакий
у Медного всадника
под бубен и зурну
танцевали молодожёны

4

В Петергофе
по отмели Финского залива
парень с девушкой ходят
джинсы закатав до колен
На берегу девочка
хочет запустить воздушного змея
лысый брадатый папаша
ею руководит
Чайки летают
Фонтаны шумят вдалеке
Тишина
только голос с причала
Начинается посадка на теплоход
следующий до пристани Эрмитаж
Я бросаю монетку в залив
Мне сюда никогда не вернуться

5

Немыслимая жара
Кое-кто думает что эта мебель
изготовлена в стиле буль
нет это не буль
хотя очень похоже
Экскурсия бродит по комнатам
в которых жили цари

Вот посмотрите ковёр
на днях ему исполнилось сто пять лет
Сзади подпирает следующая экскурсия
экскурсоводы торопятся
Екатерина закрыла фонтаны
она сказала
нельзя мучить воду
Екатерина запретила бы экскурсии
нельзя же так мучить людей
А вот посмотрите
нитки клубочки
мешок с рукоделием императрицы
а это семейная ванна
а вот сапоги императора
а тут на стене Айвазовский
отсюда вид на Финский залив
Нет просто немыслимая жара

6

Входим в Исаакий
надо бы молча
но под ухом зудит этот гид
надо от него отделаться
внутри продают открытки
ну очень красиво
мозаичный господь
он не в силах
прекратить это торжище в храме

7

Эрмитаж – вид спорта
забег на очень длинную дистанцию
В Эрмитаже тренируются марафонцы
полезное сочетают с приятным

8

Возле Гостиного двора
парень хватает за рукава
зверским голосом:
часы не нужны?
будто предлагает вступить
в троцкистско-зиновьевский блок

9

Большая Невка
Турист плачущим голосом
сфотографируйте меня пожалуйста!
Встал
Фоном – Аврора
Кто-то из них – исторический памятник

9

На Дворцовой
как трясуны-сектанты
покачиваются
на роликовых досках
На ступенях Александрийской колонны
молодёжь ловит кайф
и кажется
на вершине колонны
не ангел крылатый
а бес

10

Мы поднимемся очень рано
и улетим навсегда
Печальная это участь
прощаться
А дома
никто нас не ждёт
даже кошка

11

Томич
который во мне
он очень был рад
возвращенью

* * *

Увидеть Исаакий и умереть
Первая часть программы исполнена

1990

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА ИСКУССТВА

Ужасным себя я казню подозреньем:
не я ли убил старуху-процентщицу?

ИТОГ

Я вычерпал себя до дна,
И не нашёл ответа.
Дорога дальше не видна:
Её и вовсе нету.

Забор. Потёмки. Вой собак.
Не там искал, наверно...
Теперь я точно знаю – как
Уходят люди скверно.
Февр. 2005

* * *

Раскричались воробьи-патриоты:
пролетают над землёй самолёты,

уплывают корабли-тихоходы,
убегают поезда, словно годы.

Раскричались воробьи-патриоты.
Не вернуться корабли-самолёты,

не вернуться поезда на вокзалы,
ты уедешь навсегда, как сказала.

MEA CULPA¹

Всем детям, которых увели от нас.

Крестовый поход детей был вдохновлён походами взрослых; легендарный Крысолов из немецкого города Гамельна (Hameln) увёл детей так же, как уводят их наши нынешние идеологи, уводят со света в темноту. Дети слишком доверчивы.

А мы не просто играем на их доверчивости. Мы активно используем её в своих, часто безнравственных, целях.

Поэтому в этом есть и наша вина.

Точнее, в данном случае – моя.

Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.

Матфей, 24.

Дети – странный народ. Они нам снятся и мерещатся.

Ф. М. Достоевский.

Детей уводят навсегда
Через овраги.
Горит закатная звезда
Не из бумаги.

Молитвы, песенки... Слова
Им не помогут.
Спит придорожная трава,
И дремлют боги.

Детей уводят навсегда
В закат кровавый.
Гудят тугие провода,
Свистят составы.

---

¹ Mea Culpa (лат.) – МОЯ ВИНА, МОЙ ГРЕХ, слова католической молитвы.

Они уходят навсегда,
Забыв проститься.
И покидают города,
Где спят убийцы.

Они уходят навсегда,
Как мы когда-то.
Они уходят без следа,
Оставив даты.

Они уходят. Темнота
Стирает лица.

Они нам больше никогда
не будут сниться.

...

Детей уводят навсегда
Под плач фагота.
Стоят пустые города
И ждут кого-то...

СМЕШНАЯ СМЕРТЬ

Смешная смерть едва бредёт,
не ведая дороги.
Она не знает наперёд,
кто где протянет ноги.

Дом встретит на своём пути
и молча в дверь стучится.
И если ей дадут войти –
там что-нибудь случится.

Но не робей, гляди смелей
в лицо незваной гостье.
Смеяться мы должны над ней, –
а плакать будут после.

Она смешна, смешная смерть –
горбата, криворука.
Её бы впору пожалеть,
несчастную старуху.

Все ходит, ходит, ноги бьёт,
и не найдёт покоя.
Никто нигде её не ждёт, –
как вынести такое?..

Войдёт – и сядет в уголок,
уставшая, немая,
и ждёт, уставаясь в потолок,
чего – сама не знает...

* * *

Я умру от сомнений своих и печалей,
на казённой кровати умру.
И лечащий врач головой покачает,
как клён на осеннем ветру.

И старый прозектор возьмётся за дело,
искать у меня – где душа?
«Опять не успели – душа улетела», –
шепнёт он, меня потроша.

Найдёт он причину загадочной смерти,
и очень тому будет рад.
«Чудес не бывает, – он скажет, – на свете.
Душа не вернётся назад».

Он скажет: «Виною всему – сигарета,
ведь предупреждал же Минздрав!
От курева лошади мрут и поэты –
у них одинаковый нрав».

Диагноз поставя, прозектор учёный
отправится руки помыть.
А дождь будет плакать над городом чёрным
и ветер на улицах выть.

И в крике зайдётся ночная пустыня,
где спящий над спящим полёт:
«Враньё эти истины ваши простые!
И мир ваш нелеп и убог!».

ПСАЛОМ

Там, на реках Вавилонских
мы рыдали безутешно,
там, на реках Вавилонских
слёзы лили день и ночь.
Наказало небо грешных:
увело из гор Сионских,
и любовь к земле далёкой
Бог велит нам превозмочь.
Но любовь необорима
и сильнее меча и злата.
Не забыть Ерусалима,
не забыть родного града.

Кто осушит слёзы наши?
Кто облегчит нам страданья?
Только ветер с Иордана.
Только ветер с Иордана...

* * *

В этом городе пьяных мужчин
и шлюх подзаборных
мы все ищем причину причин,
а после – снотворных.

Знаем сами, что нам не найти
ни того, ни другого,
и останется только уйти
из тела нагого.

Но пока ещё день, а не ночь,
и неведомы муки,
что заставят нас прятать, как нож,
от себя наши руки.

* * *

Я сяду в замороженный трамвай,
чтоб навсегда уехать отовсюду.
Я больше никогда нигде не буду.
Я больше никогда нигде не буду...
И ты меня, мой друг, не вспоминай.

* * *

Нету денег ни гроша,
В жизни – вечная дорога.
И ничья не ждёт душа
У родимого порога.

И порога тоже нет.
И земля – почти чужая...
Остаётся только свет –
Тот, что светит, провожая.

* * *

Памяти В. Д. Колупаева

Жизни нет и смысла нет.
Есть приют, но он последний.
Знаешь, чтоб оставить след,
Надо жить ещё бесследней...

* * *

Правды полная бессмыслица,
И глубокий смысл вранья...
Справедливостью насытиться
Может кто-то, – но не я.

Не откроет время истины,
Прошлое – что тёмный лес.
Нас земля возьмёт нечистыми –
И очистит для небес.

2003

ВОЙНА. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ, ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

*Из воспоминаний моей мамы,
Марии Степановны Смирновой (Суминой).*

День рождения у меня 12 июня. В 1941 году я работала в школе в деревне Козловка Татарского района Новосибирской области, и на свой день рождения приехать к маме в Татарск, или, как мы называли этот город, Татарку, не могла – занималась ремонтом деревенской школы, подготовкой к новому (41–42) учебному году. И только 21 июня, в субботу, смогла вернуться в город.

День рождения мы справляли с подружками, в воскресенье. 22 июня пришли в гости подружки – молодые учительницы Люба Павлова, Надя Крайнова, Зина Черноусова – всего семеро девчат. Сели за стол, выпили ликёру, поём песни. Вдруг, было 10 часов утра, по радио голос Левитана: «...Гитлеровские войска без объявления войны бомбили города Киев, Житомир...». А мы не очень-то испугались – дальше поём. Вдруг мама двери открывает, плачет и говорит (она хохлушка, родилась на Украине, выдали замуж насильно, за старого мужа, тот и увёз её в Сибирь):

– Чи вы сдурили? Такэ горе, а вы спиваетэ!..

Мы притихли, тихо допили ликёр и тихо разошлись.

А на другой день старшего брата Ваню призвали на фронт (он уже отслужил действительную и работал в банке инспектором). Сестра Анастасия прислала телеграмму из Ташкента: взяли в армию её мужа Митю, она осталась одна, беременная, хочет вернуться домой.

Мы с роднёй посоветовались, и решили, что надо мне ехать в Ташкент, за сестрой. Пришли на вокзал (Татарка – станция крупная, узловая), а на поездах – народу! Все, кто мог, кинулись возвращаться, люди были на крышах, на ступеньках, ехали в тамбурах...

Мне было семнадцать лет. Приехала в Ташкент, вышла – ба-тюшки, кругом одни узбеки, спросить не у кого. Вдруг ко мне подбегает узбечка, дёргает за руку, хватается за чемодан и кричит:

– Ешь хлеб? Ешь хлеб! Ешь хлеб!..

Я – в слёзы, вырываю чемодан, тут прохожий остановился, русский. Узнал, в чём дело – рассмеялся:

– Иди с нею, это – хозяйка квартиры, где твоя сестра живёт!

Народ в Ташкенте гостеприимный. Провожали нас с сестрой хорошо, надавали продуктов на дорогу. На вокзале – народу, все бегут, лезут в вагоны, а тут ещё по радио сообщают, что такие-то города захвачены фашистами, немцы быстро наступают... Шум,

гвалт, хозяйка-узбечка сует нам арбуз, плачет и всё повторяет: «Ешь хлеб! Ешь хлеб!..» – она по-русски только эти слова и знала.

Вернулись в Татарку. И стало окончательно ясно: всё, хорошая жизнь кончилась. Младшего брата Колю (ему было только 14 лет) взяли на работу в Новосибирск, на военный завод. Он иногда приезжал домой – под вагоном, в «собачьем ящике».

Анастасия родила мёртвого ребёнка.

Потом мы с ней поговорили, и пошли в военкомат, проситься на фронт. Тасю сразу взяли – бухгалтером в воинскую часть, а мне велели через год приходиться...

Пришла через год, когда 18 исполнилось. Мама со мной – плачет. А в военкомате говорят: «Не берём. У вас – бронь». Так и вернулись домой со слезами. Я – от горя, мама – от радости.

Работала в школе, вела историю в 5–7 классах, а историю не любила. Посылали на фронт посылки – с вязаными носками, рукавицами. И письма писали бойцам, чтобы дух поддержать. Так вот, по фронтовой переписке, я и с будущим мужем-краснофлотцем познакомилась. Кстати, письма писали под копирку – сразу по пять.

Летом на три месяца нас с учениками (по 12–13 лет) посылали на работу в колхоз. Я одна – а учеников тридцать. Некоторые из них не потерялись, один и сейчас мне письма пишет – из-за границы, из Латвии. Он старик уже, и плохо ему там.

Мы заготовливали дрова: в лесу пилили деревья, на быках (лошади заняты были, тоже ковали победу) возили. Работали в поле, иногда собирали малину в саду (это, конечно, был праздник). Жили в школе. Нарвём, бывало, травы, настелем в классе, и спим вповалку. Мыться ходили в деревенскую баньку – договаривались с хозяйками. Мылись, стирали одежду в щёлоке, а поскольку сменной одежды не было, – надевали мокрое на себя. Кормили нас как придётся, хлеб да просянка. А хлеб чёрный, невкусный, и того не вволю – делила на всех, по кусочку. Однажды такой случай был: поужинали, легли спать. Я пересчитала – Оли Меклухиной нет. Вышла на крыльцо, а темно уже, – не знаю, что делать. Села и плачу. Вдруг слышу – шорох какой-то. Я за угол. Смотрю – стоит Оля и тоже плачет. Оказывается, боялась – не шла. Думала, попадёт от меня. А за что? За то, что хотела с колхозного поля огурцов наворовать. Сидела – ждала, пока сторож уйдёт. А сторож-старик её заметил и поймал. Спрашивает – чего, мол, хотела? Она говорит: «Огурцов!». Старик ей: «Ну бери». А она как заплачет: «Дак мне 31 огурец надо!»... В общем, нарвали со стариком огурцов – Ольга их за пазухой принесла. Ровно 31. Утром на завтрак каждому досталось...

Сейчас вспоминаю – очень трудно было, особенно в первые годы. Еды не было, одежды не было. В домах теснота – очень много эвакуированных прибыло. И всем ведь нашлись и угол, и работа... А сейчас гляну на улицу – столько бездомных... Почему так жизнь изменилась? Или это люди изменились?..

Фашисты нашим солдатам передышки не давали, а мы, в тылу, – себе. После Сталинграда легче стало. Нам в школу радиолу из райцентра прислали. Это для нас, ничего не выдавших кроме репродуктора и патефона, была диковинка. Стали после уроков оставаться, петь, плясать. Конец войны ближе – и люди веселей.

9 мая, когда объявили о безоговорочной капитуляции Германии, ко мне в пять утра прибежали учителя и ученики. Кто в чём, некоторые даже в ночных рубашках. Нам шёлковые сорочки выдавали по талонам, мы их носили вместо сарафанов... Ну вот, обнимались, целовались. Принесли в школу всё, что у кого было, а директор школы Любовь Никитична Маслакова (не знаю, жива ли она сейчас) принесла... живого петуха. Самогонки достали – разбудили деда, что по соседству жил. А он глухой – ничего понять не может. Мы сами в погреб к нему полезли, достали что-то мутное...

В тот день уроков в школе не было. А на деревенской площади митинг устроили. Так радовались – кто-то к бронзовому Пушкину целоваться полез! А бюст высоко стоял, без лестницы вроде и не достанешь, – нет, достали!..

И началась мирная жизнь. Счастливая. Нет, конечно, по-всякому было. Разной жизнь была. Но и счастливой – тоже. Точно.

Война. Письма ниоткуда

В самом начале войны, в июле 41-го, мы с подругой Шурой Орловой пошли в военкомат, проситься на фронт. Шуру взяли санинструктором, а мне сказали: «Вырастешь – приходи». Мне ещё 18 лет не было.

У Шуры была старенькая мать, 76 лет ей было. Младший брат Шуры Олег уже был на фронте, так что мама оставалась одна. Прощаясь с Шурой, я обещала, что буду заботиться о её маме.

А ещё через месяц на Шуру пришла «похоронка» – погибла при бомбёжке эшелона, шедшего на фронт. «Похоронка» пришла на мой адрес – так мы с Шурой условились, чтобы она письма писала через меня: мама-то была неграмотной.

Ну и что мне с этой «похоронкой» делать? Пошла к маме Шуры, на улицу Крестьянскую. Подошла к избе, села на лавочку... Зайти и правду сказать – не могу, боюсь. Думала-думала – и придумала от имени Шуры письмо написать.

Вернулась домой, написала коротенькое послание «с фронта», и пришла обратно. Мама обрадовалась, я ей письмо прочитала, поговорили, и я ушла.

И так продолжалось три года. Письма я уже прямо на лавочке писала. Написала – стучусь в дверь: письмо пришло! К тому же дома писать было некогда – весь день на работе, ночью, по осени, перелопачивали зерно в зерносушилке; зимой – обходила дворы, людей на заём подписывать. А лето мы с моими учениками (7 и 8 классы) работали в колхозе.

Через три года после первого «письма» мать Шуры умерла. Вернулся с фронта по ранению Олег, и я не выдержала, – рассказала ему про письма.

Он всё понял.

Только вот сейчас вспомнить уже не могу, о чём я в тех письмах писала. Словно тёмное пятно в памяти.

Война. Посылки на фронт

Мы постоянно посылали посылки на фронт. Вся страна посылала, и мы – что могли. Вязаные носки, варежки, самодельные кисеты, платки... А из чего было шить и вязать? Клубочки шерсти собирали всем миром, вязанье разноцветным получалось. На кисеты и платки сначала все свои скатерти порезали. Потом директор школы, где я работала, Любовь Никитична Маслакова, предложила: «Давайте снимем шторы в актовом зале!». Голубые шторы, красивые. Сняли, порезали, подрубили по краям, – много платочков вышло. На каждом разные имена мужские вышили.

Как-то сидим, шьём, и вдруг входит директор соседней школы Виктор Васильевич Зарубин (а мы своё шитьё от всех прятали), увидел, кричит:

– Что вы делаете?

Мы сознались, конечно. Зарубин засмеялся:

– Молодцы же вы, женщины!

И в своей школе тоже организовал «пошивочную мастерскую» из штор.

Однажды мы узнали, что на вокзальной почтовой сортировке наши посылки кто-то берёт, обратный адрес переписывает, и отправляет. Тогда ведь каждая организация должна была посылки на фронт слать, и вот кто-то схитрить решил. Нам не жалко – всё равно на фронт, но обидно.

И вот мы с Марией Филимоновной Петренко – подругой моей, тоже учительницей, – решили сами посылки в Омск отвозить, и самим в почтовый вагон класть. Так и стали делать. Садись ночью на поезд... Да не садись, – вставали боком на приступочку

почтового вагона и так, стоя, и ехали несколько часов. Омск – первая от нас остановка. Там соскакивали с подножки и ждали, когда омские почтовики начнут свою почту загружать, – тут мы и свои посылки подкладывали. И – обратно, домой, на любом проходящем товарняке: надо было успеть к урокам. А поезда в те времена медленно шли: когда 4 часа, а когда и все 6 до нашей станции Татарской. Да и посылок было много – по 20 штук. Бывало, что не успевали тетради проверить, или к уроку подготовиться, – так подменяли друг друга: одна урок ведёт, другая домой бежит тетрадки проверять.

Так вот и помогали бить врага.

Но забыли нынче обо всём, и кто старое помнит? Мария Филимоновна жива ещё, но тоже болеет сильно. Переписываемся всё реже: у обеих руки трясутся от старости и болезней.

1 декабря 2004 г.

КОШМАР НА ДАЧЕ

Быль

Давным-давно, когда мне было лет одиннадцать, я, начитавшись Майн-Рида и Конан-Дойля, решил проверить свою смелость. И изобрёл для этого не самый оригинальный способ: сказал маме, что иду с ночёвкой к однокласснику, прихватил кусок хлеба и отправился на дачу (дачи у нас называются почему-то «мичуринские участки», или просто «мичуринский», чёрт знает, почему, но все привыкли).

Мичуринский был не слишком далеко от города, но на отшибе: как бы отбился от массива других мичуринских и припал к заброшенным домам умирающей деревеньки. Место, конечно, живописное. Особенно ночью. И особенно для мальчика, всю жизнь прожившего в одной комнате с двумя старшими братьями.

Домик на мичуринском у нас был маленький, внутри – кровать и тумбочка, да инструмент; карта СССР во всю стену; два окошка: одно – на грядки и полуразвалившийся забор, за которым темнели необитаемые дома деревеньки, второе – куда-то в поле, на речку, на дальний лес.

Чем я занял свободное время до ночи – убей Бог, не помню. Видимо, играл в Робинзона Крузо. Помнится, одним из любимых моих занятий было создание глиняных горшочков и фигур, которые я пытался обжечь в самодельной – из железной бочки – печурке.

Ещё на огороде стояло пугало – нелепая фигура в долгополом плаще и старой офицерской фуражке. Понятно, что по мере приближения сумерек я, по обычаю всех смельчаков, поглядывал на это пугало, в тайной надежде, что по ночам оно не сходит с места и не разгуливает по огородам в поисках более подходящего занятия, чем размахивать рукавами, пугая воробьёв и трясогузок.

Темнело. Я сидел на крыльчке и смотрел на пугало, черневшее на фоне алого заката. Где-то вдалеке слышались разговоры – там, за логом, ещё оставались какие-то дачники. Голоса становились всё глуше, всё дальше. Стало тихо. Гас закат. Душа медленно уходила в пятки.

Домик снаружи закрывался чисто символически: на незакрытый старый висячий замок. Изнутри никаких задвижек и вовсе не было. Но теперь приходилось быть смелым. Поужинав хлебом с редиской и луком, я лёг на кровать. И даже, кажется, ненадолго уснул.

Проснулся я от чувства тревоги. За окном уже стемнело, лишь тоненькая полоска светлела за лесом. А за дощатой стеной слышались чьи-то шаги... Надо сказать, «гости» бывали у нас и раньше. Бывало, оставляли в домике стаканы, пустые бутылки, пользовались в качестве закуски дарами земли сибирской. Кажется, где-то недалеко жили «химики», они захаживали на мичуринские, иной раз и ночевали здесь, но шибко не бедокурили. Как бы там ни было, но, помнится, особого страха я не ощутил. Потом слышались неразборчивые голоса, они приблизились, кто-то потоптался возле двери. И вдруг совершенно отчётливый голос под окном произнёс:

– Дверь-то не на замке. Здесь он...

Я замер. Сердце стучало, как автомат Калашникова. Натянув на голову старое драное одеяльце, я постарался слиться с окружающим, и стать тоненьким-тоненьким, как листик бумаги... Бежать? Но ведь схватят!.. А что могло произойти дальше – страшно было даже подумать.

Полежав несколько долгих, как урок математики, мгновений, я вышел из оцепенения и бесшумно сполз под кровать. В домике потемнело – кто-то стоял, заслонив окно, и заглядывал внутрь. Если бы я мог – я остановил бы собственное сердце. А может быть, и действительно на какие-то секунды остановил. Потому что наступила гробовая – в полном смысле слова – тишина.

Потом в окне посветлело, и шаги двух негромко переговаривавшихся мужчин стали удаляться...

Я лежал под кроватью прямой, как гвоздь, и ощущал себя одновременно Мауглем, Мцырем и, возможно, Мумой в момент прощания с Герасимом.

Не знаю, сколько времени прошло. Скорее всего, с полчаса. Когда непроницаемая тишина вернула мне силы, я вылез из-под кровати, взял топор, постоял у дверей, и наконец тихо выскользнул из дома. Огляделся. Тишина и тьма, и редкие огоньки в деревеньке, и вялый далёкий собачий брэх... Пугало маячило передо мной, но уже казалось хорошим и добрым знакомым.

Осторожно, едва ли дыша, я взобрался на чердачок. Там, мне казалось, я был в большей безопасности. Положил топор в изголовье, у крошечного окошка, выходившего на тот же лес, дверцу чердака кое-как прикрутил проволокой. Лёг на ворох сена и стал ждать рассвета.

Но он почему-то не наступал. Наоборот, подул ветер, облака затянули звёзды, и стало ещё темнее.

Но, кажется, я всё-таки снова уснул.

Разбудили меня шорох и стук. Тьма кромешная, подвывает ветер, а по крыше будто кто-то водит жердиной. Провёл, а потом – стук! И снова: провёл – стук!

Дрожащей рукой я схватил топор, вжался в угол, замаскировался сеном. Точных своих ощущений я уже, конечно, не помню. Но, видимо, такие ощущения и нельзя запомнить. А пытаться их восстановить – так всё равно либо соврётся, либо приукрасишь.

До рассвета, пока не утих ветер, я пролежал в тоске и сомнениях. А на рассвете внезапно понял: прямо возле домика росла довольно большая берёза. Один её сук был сломан – и вот он-то, под ветром, и водил по рубероидной крыше и стучал в планку. Тогда, со свойственным мне (как вы уже, конечно, поняли) мужеством, я вылез на крышу с топором в руке и покончил со зловредным суком раз и навсегда. Кстати, буквально: утром я его сжёг в нашей самодельной печке.

А потом уже – точно помню – спокойно залез на чердак, укрылся старым отцовским плащом и уснул как самый мужественный в мире младенец.

Домой я вернулся победителем, поскольку предъявил домашним неопровержимые доказательства своего героического поступка: пучок лука и пучок укропа. Особенно зауважал меня средний брат, который был старше меня на три года, качал мышцу с помощью самодельной штанги, но на такие отчаянные по дерзости вещи не осмеливался.

С тех пор я много раз ночевал на мичуринском. Три ночи подряд – когда в четырнадцать лет поругался с родителями и ушёл из дома. Но подробностей тех ночей я совершенно не помню.

Прошло много-много лет... Теперь на месте мичуринских построены какие-то гаражи, деревенька превратилась в посёлок и

воспряла от сна. И город стал гораздо ближе. Да и дети уже совсем не те. Иного – из той же деревеньки – к топору лучше и близко не подпускать...

Кстати говоря, именно в те ночи, когда я проверял свою смелость, на наших мичуринских было совершено убийство. Подробностей не помню, но сей факт запомнил – сами знаете, почему.

ИЗГОЙ И БУМАЖНАЯ ЁЛКА

Рассказ

– А сметаны хочешь?

Витя кивнул.

– А пирожков? Пирожков хочешь?

Витя кивнул.

– А ты с чем любишь? Хочешь с вареньем?

Он кивал.

– А яблочек? А конфет? Хочешь, хочешь?

Витя кивал и кивал. Ему было неудобно отказывать тётё Люсе, которая так долго ехала сюда, в районную больницу, на тряском санитарном «газике», по бесконечной, продутой морозным ветром, степи.

И ещё он кивал потому, что сильно заикался, особенно с незнакомыми или малознакомыми людьми, и точно знал: сказать «Нет, не хочу» у него не получится. Нечего было и пытаться.

А тётя Люся, торопясь, выкладывала на прикроватную тумбочку какие-то банки с вареньем, мёдом, компотом, газетные свёртки. Поглядывала то на Витю, то в окно – за окном быстро темнело, – прятала гостинцы в тумбочку. И под конец достала из сумки огромное, неправдоподобно огромное ярко-красное яблоко.

– Изюму привезти? А сосиски ты любишь? Любишь ведь? А сметаны хочешь? – повторяясь, тараторила тётя Люся, явно думая уже совсем о другом, и Витя всё кивал и кивал, и тоже думал о другом. Тётя Люся сидела на табуретке, а он – на кровати. Кровать была огромная, взрослая, в этой больнице вообще не было детского отделения, дети лежали вперемежку со взрослыми. И так вышло, что Витя попал в палату, где других детей не было.

Тётя Люся вдруг замолкла, глядя на Витю. Витя опустил голову. Голова казалась огромной из-за наклеенного на неё в несколько слоёв лейкопластыря.

Тётя Люся порывисто вздохнула, поднялась.

– Ну, извини. У меня там Леночка одна. А ещё ехать сколько. Хорошо бы к двенадцати успеть. Ну, до свиданья. Я всё привезу... потом... после праздников...

Она порывисто обняла Витю, ткнулась губами в щёку и нос. Губы у неё были мокрыми, и лицо тоже почему-то мокрым. А потом она вдруг отвернулась. И быстро выбежала из палаты.

Витя знал, что тётё Люсе не повезло. Она работала медсестрой в медпункте в маленьком степном посёлке. У неё была дочка на три года младше Вити, и ещё – муж-пьяница. Витя плохо представлял себе, что это такое – «муж-пьяница». Но Витины родители говорили об этом так, что казалось, будто это и не человек, а какое-то страшное чудовище. Витя видел однажды это чудовище. Сильно сробел. А чудовище смеялся и хлопал Витю по плечу здоровенной, чёрной от загара рукой. В общем, чудовищем он не казался. А вот пьяный, лежавший в луже на пустыре, показался чудовищем. Случай такой был. Шёл Витя из школы, и на пустыре в луже увидел человека. Лежит шахтёр (их легко можно отличить по въевшейся в кожу угольной пыли), нос кверху, храпит. А возле лужи – вот же случай! – стоят громадные грязные сапоги. Разулся, значит, и лёг. Человек же, не скотина.

* * *

В больничной палате было пусто: взрослые ушли посмотреть телевизор. Телевизор был внизу, на первом этаже. Маленький, чёрно-белый, и включать его разрешали, только если шёл фильм. Сейчас как раз шёл фильм.

Витя посидел ещё, исподлобья глянул на яблоко. Красивое, как солнце. Ему почему-то захотелось заплакать, но он уже почти разучился плакать. Что-то было в этом яблоке непередаваемое, острое, от чего больно сжималось сердце. Почему? Витя не знал. Нет, он знал, конечно, что никогда не сможет это яблоко съесть: он стеснялся есть в палате, рядом с незнакомыми дядьками. Но это было не главное. Главным было другое – яблоко напоминало о родном доме, об уюте, о маминой ласке. Нет, это тоже было не главным. Тогда что же? Витя этого не понимал.

Он шмыгнул носом, изо всех сил преодолевая слезу. Пришлось отвести глаза от яблока, даже отвернуться от него. Яблоко было слишком красивым посреди унылой палаты, на поцарапанной тумбочке, на фоне окна, наполовину закрытого больничным одеялом – кто-то повесил его, чтобы не дуло.

Яблоко появилось из другого мира. Витя внезапно и остро почувствовал это, и жгучая, невероятная боль обожгла изнутри. Это волшебное яблоко прикатилось из неведомого, другого буду-

щего, где нету больниц, голодных бродячих кошек, где никто не валяется в луже, не ругается жуткими и грязными словами. Если бы Витя мог выразить всё это словами, он назвал бы этот другой мир неземным. Может быть, раем, где никому никогда не бывать.

Он судорожно вздохнул, проглатывая ком в горле.

Он не плакал. Он был уже большой, и до того, как заболел, успел целую четверть проходить в первый класс. В школе было хорошо. Его никогда не спрашивали на уроках – его мама была знакома с учительницей со странной фамилией Ли. Учительница хорошо знала Витю и ставила ему пятёрки, можно сказать, «автоматом». Да Витя и так все учебники за первый класс давно прочитал, – читал уже за второй. Книг-то в доме было немного, да и в посёлке всего один книжный магазинчик.

* * *

Витя вышел из палаты и спустился вниз. Там, в большом холле первого этажа, было полутемно: настольная лампа горела в дальнем углу, на столе медсестры. А в центре холла на больничной тумбочке стоял маленький телевизор. Его даже не было видно из-за множества голов. Больные тесно сгрудились вокруг, заглядывали поверх голов. Забинтованные руки, ноги, костыли, перемазанные зелёной лица...

Витя остановился. Видеть совсем уж малюсенький экран он не мог, зато хорошо слышал: по телевизору шёл фильм про войну, но артисты говорили по-казахски, и было совсем ничего не понятно. Зрители тоже ничего не понимали, – казахов в больнице не было. Зато все засмеялись, когда кто-то с экрана сказал:

– У, каскыр! – и раздалась автоматная очередь, короткая, сухая: стреляли немцы. И ругались по-казахски.

Кто-то тронул Витю за плечо.

– Эй, сосед! Садись ко мне колени!

Это был старик со сломанной ногой, из одной палаты с Витей. Костыли он поставил рядом с собой, на краешек лавки. Витя не хотел садиться на колени – не маленький же. Да и от старика вечно воняло какой-то дрянью. То ли лекарством, то ли болезнью. Витя поёжился, но отказаться было неудобно. Нечаянно зацепил ногами костыли, и они с грохотом попадали на пол. Больные возмущённо заглядывались: лица у них были синеватыми от света невидимого телеэкрана.

– Потише там! – сказал кто-то.

– Да ты по-казахски всё равно не понимаешь, – громко и добродушно ответил старик, подхватывая Витю и усаживая на колени.

Теперь Вите была видна часть экрана. Он увидел танк, мчав-

шийся прямо на пушку, из которой стреляли фашисты. Фашисты испугались и никак не могли попасть в танк, а потом побежали в разные стороны, а танк, наш замечательно красивый «Т-34», подмял пушку, поутюжил окоп и остановился. Откинулся люк, над ним появилось чумазое улыбающееся лицо в танкистском шлеме. Человек высунулся ещё больше, и тогда Витя увидел, что танкист одет в странную полосатую робу, вроде больничной пижамы. Станный танкист огляделся, улыбнулся ослепительно белыми – на фоне закопчённого лица – зубами. Потом озабоченно глянул внутрь. Из люка появилась вторая голова – в странной полосатой шапочке, похожей на бескозырку без ленточек.

– Солярка бермес! – сказал он.

– Тьфу, тэнтеклар! – ответил танкист, снял шлем, который назвал «тумак» и длинно выругался по-русски. Здесь перевода, видимо, не требовалось.

Витя вообще мало понимал по-казахски: у них в городке казахов почти не было, только продавцы да некоторые милиционеры. И даже в школе казахский язык изучали только с пятого или четвёртого класса. Витя знал, как вежливо поздороваться – «Саламат сиз ба», и как попросить в магазине белого хлеба – «Ак нан барма?». Ну, и ещё несколько слов – по магазинным вывескам. Например, «Китаплар». Это значило «Книги».

Витя завозился. Сидеть ему было неудобно, вытягивать шею – тоже: он боялся загородить старику экран своей заклеенной головой. Старик понял его по-своему:

– Что, ни бельмеса? – громким шёпотом сказал он Вите. На Витю пахло жутким табачным перегаром. – А тут, понимаешь, немцы в концлагере решили наш танк испытать. Выбрали трёх танкистов из заключённых, посадили в танк и стали расстреливать из пушек. А снаряды отскакивают. Броня, значит, крепкая такая. Ну, вот наши и сбежали...

На старика опять зашикали. Витя сказал:

– Я п-п-п...

Он хотел сказать: «Я пойду». Не договорил, залился краской, – даже слеза выступила, – и торопливо слез с колен. По пути, как назло, снова зацепил костыли, и они загремели почти оглушительно.

Витя опрометью бросился из холла к лестнице.

* * *

В палате было бело и пусто. Только огромное красное яблоко по-прежнему светилось на поцарапанной тумбочке. Витя поскорее отвернулся от яблока, сел на кровать, такую огромную, что

ноги не доставали до пола. Он глядел в чёрное окно, но взгляд сам собой натёк на яблоко. Над кроватью тихо бубнило радио. Сначала – по-казахски, потом – по-русски: «Странная война снова происходит в Катанге – этой самой богатой провинции Конго. Ставленник английских и бельгийских колонизаторов Чомбе ввиду ввода в Катангу войск ООН ещё в прошлом году был вынужден бежать вместе со своими приспешниками. Ничто не мешало войскам ООН очистить всю провинцию от банд Чомбе, но под нажимом английских и французских империалистов военные операции были приостановлены. Обнаглевший от безнаказанности Чомбе...».

Витя судорожно вздохнул.

В больнице бывал «тихий час», когда даже радио замолкало, и не разрешали даже вставать с кровати. А Витя не мог спать днём. Он лежал и долго, мучительно ждал, когда же по радио наконец начнётся бодрая комсомольская передача и заиграет заставка. Это значило: пять часов, «тихий час» закончился. Это был миг, почти равный счастью. Просто Витя, конечно, не знал, что «почти» – это и есть счастье.

* * *

Чтобы удержать слёзы, он вскочил, и снова выбежал из палаты. По коридору прошёл в большой пустой холл, – все, наверное, ещё досматривали кино, – подошёл к окну. К стеклу были приклеены несколько вырезанных из бумаги снежинок. И ещё в стекле отражалась чья-то белая огромная голова. Лица не было видно, и не было видно слёз. А всё оно, это яблоко...

Витя хлюпнул носом, вытер рукавом глаза и застыл. Он глядел на своё отражение, на бумажные снежинки, и ещё – в непроницаемую тьму за окном. Там, где-то далеко-далеко, – родной дом, мама, папа, старший брат. Наверное, они уже нарядили ёлку, хотя папа говорил, что в этом году ёлок в городок привезли совсем мало, только шахтёрам выдали, и то не всем, одним передовикам. И даже в Караганде ёлку купить трудно, – с папиной работы ездили, хотели купить. Вернулись ни с чем.

Ну, всё равно. В доме развешены самодельные гирлянды, на стенах и окнах детской наклеены снежинки. А детская у них особенная: старший брат, Славик, когда белили стены, вызвался сам побелить детскую. Взял у мамы ведро с извёсткой и налил в него чернил. Стены получились почти фиолетовыми. А Витя помогал Славiku потом по побелке рисовать акварелью ракеты и звёзды. Мама пришла в детскую – схватилась за голову. Но не сильно ругалась. Только поохала. Потом папа поворчал.

В общем, всё обошлось. Только вот спать в такой детской Вите, особенно одному, когда Славик уезжал в свой интернат, было страшновато.

А в школе, наверное, все праздники уже прошли, и дети получили подарки от самого Деда Мороза.

Витя вздохнул. Стало как-то легче. Ну подумаешь, подарки. Это же не главное. Подарки у него обязательно будут. Мама обещала ему, что купит новый конструктор. Старый растерялся, да и плохой он был – для маленьких. А мама купит самый настоящий, который в огромной коробке на витрине «Детского мира», с винтиками и колёсиками, чтобы можно было конструировать разные машины, даже краны.

А папа обещал, что после праздника Витю выпишут.

* * *

– Чего стоишь? – на ходу прикрикнула строгая санитарка. – Десятый час! Детям давно спать пора. Да и отбой уже скоро.

Санитарка несла в авоське что-то, завернутое в газеты. В свёртке звенело.

* * *

В палате сидел другой сосед – темноволосый и угрюмый. Он, наверное, не стал досматривать кино. Обычно он больше молчал, но тут, увидев Витю, вдруг сказал:

– Кино про войну, а называется «Жаворонок». При чём тут жаворонок, а? Я так и не понял.

Потом посмотрел на яблоко.

– А чего ты яблоко не ешь?

– Н-не х-х-х-о-ооо... – начал было Витя и замолчал.

– Понятно, – вдруг хмыкнул сосед почти весело. – Я вообще-то больше огурцы люблю и помидоры. У меня на даче знаешь какие помидоры вызревают? Во! Как твоя голова.

Он осёкся и вдруг спросил:

– А чего ты так ходишь, в лейкопластыре?

Витя удивился, но промолчал. Всё равно говорить у него получалось плохо.

– Некрасиво же, – объяснил сосед. – Надо шляпу какую-нибудь придумать.

– Мне мама обеща-ала, – внезапно сказал Витя, всего только раз запнувшись, – э-эспп...

И задохнулся, даже в животе закололо от натуги.

Он хотел сказать «эспаньолку сшить, с кисточкой. Красную. Как у испанцев», – но понял, что такую длинную фразу выго-

ворить не сможет. А эспаньолку мама действительно обещала сшить – точно такую же, как на картинке в книжке Михалкова, где рассказывается про испанских детей, которых спасали советские моряки во время войны в Испании. Будет у Вити эспаньолка, – пусть завидуют! Красная, с жёлтым кантом, и, главное, с кисточкой!

– А знаешь что? – сказал вдруг сосед, оживившись. – А давай я тебе шляпу сделаю.

– Ш-шляппп?.. – удивился Витя.

– Ну да. Щас сварганим. У меня и газеты есть, – жена натащила, почитать да в сортир ходить...

Сосед сноровисто развернул газету на маленьком столике, сдвинув чьи-то банки и молочные бутылки, и начал быстро и аккуратно сгибать газетный лист. У Вити расширились глаза: словно у соседа руки оказались волшебными. Прямо из-под пальцев появлялись очертания шляпы. Да какой! Не треуголки, какие носят маляры, нет – самой настоящей сомбреро! Витя такую только в кино и в книжке Михалкова видел!

Сосед оглядел сомбреро со всех сторон, сказал будто сам себе:

– Не, пожалуй, широкогато будет. И так голова большой кажется... В дверь не пролезешь, а? – Он подмигнул Вите. – Когда на уколы позовут.

– Меня не з-з-з...

Сосед отмахнулся. И так всё ясно: на уколы Витю не звали.

Он быстро подвернул два края шляпы, прогладил рукой верх, сделав «лодочкой» – и получилась настоящая ковбойская шляпа, слегка сплюснутая с боков!

– Нравится? – сосед надел шляпу Вите на голову, критически оглядел. – Законно! Вылитый ковбой! Надо верёвочку пришить, чтобы ветром не срывало... Ну сбегай, посмотри.

Витя, слегка придерживая шляпу, побежал в холл, к окну. Да, это было законно! Законно!! Настоящая шляпа! И сидит хорошо, крепко, – можно даже набекрень сдвинуть. Правда, сбоку на газете виднелась чья-то фотография, и вообще вся шляпа усажена разными буквами, словно крупными и мелкими мухами. Ерунда!

Когда Витя вернулся в палату, сосед ещё что-то делал из газеты. Сгибал, переворачивал, делал уголки и вставлял их в какие-то пазухи. На Витю в его обнове он даже не взглянул. Витя слегка обиделся и сел на кровать – боком. Глядел исподлобья.

А волшебные руки – большие заскорузлые руки, чёрные от вьёвшейся угольной пыли, – продолжали свою работу.

И когда сосед, закончив, как фокусник, отступил в сторону и потянул за верхушку сложенной газетной пирамидки, – Витя

ахнул. На столике вдруг оказалась настоящая ёлка! Витя даже взвизгнул тихонько от восторга.

Ну, не совсем настоящая, конечно – из газеты. На верху у неё красовалась звёздочка из фольги от шоколадки. Ёлочка топорщилась треугольничками, похожими на мохнатые ветки. Внизу – треугольнички побольше, а чем выше – тем меньше. На нижних ветках, правда, можно было прочесть заголовки вроде: «Н. С. Хрущёв в гостях у трудящихся Западного Берлина», и «Дело за вами, производственники», – но какая разница? Главное, что теперь у Вити была настоящая ёлка, которой не было даже дома! Эх, жаль, Славка не видит!

Сосед крякнул от удовольствия.

– На тюрьме всему научат, – загадочно и почти хвастливо сказал он.

Потом щёлкнул Витю по носу и ушёл досматривать кино.

Витя подумал, что сосед, наверное, работал на крыше тюрьмы и учился там складывать газеты. Но ведь это неудобно – на крыше? Газеты, наверное, постоянно уносило ветром, и соседу приходилось одной рукой ловить их, а другой продолжать складывать. Вот и сделались у него руки такими ловкими, – волшебными.

Витя торжественно положил под ёлку яблоко, сел к столу, и смотрел на них, не отрываясь.

* * *

А спустя два дня Витю позвали в кабинет. Доктор велел снять газетную шляпу, взял большие ножницы и стал разрезать лейкопластырь, закрывавший голову. Витя думал – будет больно, и даже зажмурился сначала, но было только слегка щекотно. Что-то шуршало и падало на пол. Витя посмотрел – и увидел большие куски лейкопластыря; с внутренней стороны на них темнели, будто приклеенные, густые пряди волос. «Так это ж мои!» – ахнул про себя Витя и хотел пощупать голову, но медсестра прикрикнула на него.

Доктор снял последний кусок пластыря, медсестра взяла палочку с ваткой и густо намазала лысую голову зелёнкой.

– Ну, вот и всё, – удовлетворённо сказал доктор. – Иди. Ишь, инопланетянин из Шахана... Да голову пока руками не трогай, – пусть высохнет!

– А шшшляппа же на шшшшт-то? – хвастливо выкрикнул Витя и выбежал почти счастливым. Почти.

Но ведь он и был счастливым. И в детстве «почти» не считается. Это в старости счастье не замечается. Остаются одни почти.

Ещё баба Тася, когда живая была, говорила маме с папой:

«Жизнь у всех позади – как минное поле: воронки, воронки, воронки. Оторванные ноги и руки... Все потерялись на этой войне. Все погибли. А мы вот выжили, всё пережили. Значит, поле-то прошли... Вот и счастье».

* * *

Витя побежал к окну, посмотреть на свою зелёную голову, – но за окном стоял солнечный день, и отражения в стекле не было. Зато ярко и празднично искрился снег, и степь вдали, у самого горизонта, казалась такой же голубой и сияющей, как небо.

Когда Витя вернулся в палату, сосед, делавший ему шляпу, сказал, глядя поверх газеты (он читал, лёжа на заправленной постели):

– А голова-то у тебя, оказывается, совсем и небольшая... Придётся, значит, другую шляпу сделать. Размера на три меньше.

* * *

Но делать другую шляпу не пришлось. В тот же день за Витей приехал папа на своём милицейском «газике». Папа сел с Витей на заднее сиденье, сказал, покосившись на Витю:

– Ну, красавец, ничего не скажешь. Шляпу-то сними, – шапку наденем. А то в машине сквозняки...

Водитель, тоже милиционер, оглянулся, хмыкнул и спросил:

– Чего это с ним сделали?

– Да лишай подхватил, – ответил папа. Подумал, и уточнил: – Стригущий. Всё с бродячими кошками возился, домой их тащил, поил, кормил, даже в постель ухитрялся...

– А-а... – протянул водитель, вырulingивая с больничного двора. – А мои тоже все переболели. Только в больнице не лежали. Зачем? Доктор мази дал, – и так прошло.

Папа почему-то стал угрюмым и промолчал. А Витя и не слушал их. Он вертел головой во все стороны, жадно глядел на улицы, на машины, на прохожих.

– Законная у тебя шляпа! – похвалил водитель. – Только большая очень.

Он помолчал.

– У нас на пятой один такой шляпник сидел. Мастак! Освободился года три как. С трёх лет по карманам работал... Руки волшебные! Из газеты человечков складывал...

Он замолчал, и больше не отвлекал Витю от проносащихся картин за окном, хотя Вите на минутку и стало очень любопытно: а что за человечков делал тот, кто на какой-то «пятой» почему-то «сидел»?

– Ты не переживай, – наклонившись, негромко сказал папа.
– Врач сказал: после лишая волосы вырастают очень красивые, пышные, волнистые. И иммунитет теперь у тебя. Года на полтора. Только кошек больше в дом не таскай, ладно?

– Л-л-лаадн-дн...

Папа снял его шляпу, как-то неловко погладил по изумрудной от зелёнки голове, натянул на неё шапку-ушанку, и вздохнул.

Витя вцепился в шляпу и сложил её в пачку к тем, свёрнутым, которые уже лежали у него на коленях. Вместе с огромным красным яблоком.

Папа снова наклонился:

– Тётя Люся приезжала?

Витя кивнул. Тётя Люся была родной сестрой папы.

– Один раз?

Витя снова кивнул.

Папа вздохнул.

– А мне сказала, что два. Вот балаболка. С детства такая.

Помолчал и снова вздохнул:

– Да и ладно: трудно ей сейчас. Иван как за месяц до Нового года загулял, так до сих пор заборы бодает. За Ленкой присмотреть некому. Люська её с собой на работу таскает.

Папа замолчал и тоже стал глядеть в окно. И водитель молчал, глядя на ослепительную белую дорогу, широкую и пустую, убегавшую далеко-далеко, в какие-то неведомые, совсем уж прекрасные, и уже без «почти», счастливые дали.

* * *

А дома Витю огорошили: Славик, его старший брат, уехал. А ведь Витя так хотел ему про больницу рассказать, про газеты, шляпу подарить. У него как раз голова была большая – по размеру...

– Не знаю, куда, – отмахнулась мама на кухне. – То ли в Кызыл-Орду какую-то, то ли в этот... Чимкент.

– В Коканде он, – угрюмо ответил папа, читавший на диване газету, – в психбольнице.

– А чего? – испугался Витя.

– Заболел, – кратко ответил папа.

Из кухни высунулась мама – руки по локти в муке, – и как-то надрывно сказала:

– Да пусть бы у нас жил, в семье! Ну не людоед же он!

– В том-то и дело, что не людоед, а шизофреник! – прошипел папа так, чтобы Витя, занятый на полу новым конструктором, не слышал. – Его с поезда сняли, – в Москву поехал! Да я замотался

по этим кокандам его искать! Хорошо, что в милиции свои ребята были, помогли. А врач сразу сказал... Он бы нас тут однажды ночью взял бы всех, да и...

Он не договорил, скомкал газету. Стал смотреть, как Витя строит какую-то интересную машинку. И даже сам слегка заинтересовался.

Мама вдруг заплакала в голос и ушла на кухню.

Витя собрал экскаватор, почти настоящий, понёс маме показать. Мама раскатывала тесто под пирожки. Витя потолокся вокруг, послонялся, нечаянно извадюкал в муке рукав рубашки, потом вспомнил:

– М-мам, а что т-тааакое «ши-зо-фер-ник»?

Он очень, очень старательно выговаривал это слово. И всё равно несколько раз запнулся.

Мама почему-то хлюпнула носом.

Витя вспомнил:

– Ма, а Сла-авик и меня-а с собой в М-москву-у з-звал...

Внезапно упала и покатилась по полу скалка. И стало тихо и страшно.

Витя взял свой экскаватор, поправил шляпу, тоже запачканную в муке, и торопливо убежал в детскую.

Но и в детской было тоскливо. Темно очень. От фиолетовых стен. И даже жёлтые звёзды и беловатые спутники не радовали. И ещё – пустая кровать у окна, на которой спал Славик.

* * *

А через неделю после Нового года в сугробе во дворе Витя увидел настоящую, живую ёлку: наверное, кто-то уже отпраздновался и выбросил её за ненадобностью. Витя схватил её и принёс домой.

– Мама, мама! – закричал с порога. – Смо-оотри! Пппустить и у н-наа-ас ёлка будет! Насто... это.... Настояааа...

Но тут уж он безнадежно забуксовал.

Мама выглянула из кухни, покачала головой.

– Облезла совсем, осыпалась, бедная. Ну, хоть иголки с пола мыть не придётся. Пусть постоит. – Она почему-то вздохнула длинно и очень-очень долго. – Сейчас достану игрушки...

* * *

И это был самый лучший новогодний праздник в жизни Вити. Безо всяких «почти». Счастливый – точка.

Руфь Мееровна ТАМАРИНА

(1921–2005)

Родилась 14 июня 1921 в городе Николаеве. Скончалась 11 июня 2005 в Асино Томской области.

Прозаик, поэт. Член Союза писателей СССР с 1966 г., член Союза российских писателей с 1996 г. Окончила Литинститут Союза писателей СССР (1939–1945).

Участник Великой Отечественной войны. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями.

Репрессирована в 1948 г., приговорена к 25 годам лагерей, после восстания в Степлаге и пересмотра государственной комиссией дел срок наказания был сокращён до 12 лет. По приговору ОСО МГБ отбыла 8,5 лет (из 25) в Степлаге, затем в городах Джезказгане и Балхаше. Освобождена условно-досрочно в 1956 г., реабилитирована в том же году. После реабилитации жила в Алма-Ате (1957–1994).

Была редактором на киностудии «Казахфильм», заведующей литературной частью Театра русской драмы в Алма-Ате, литературным сотрудником газеты «Казахстанская правда».

С 1994 года жила в Томске. Была членом томского «Мемориала». По её инициативе в Томске создано отделение Союза российских писателей. Печаталась как поэт с 1939 г.

Лауреат премии «Артиада России» (2001).

Автор книг стихотворений, вышедших в Алма-Ате: «Жизнь обычная», «Новые стихи», «В ливнях и грозах», «Зелёный ветер», «Весна, лето, осень...», «Надежда» и других.

Документальная повесть «Щепкой в потоке...» сначала вышла в Алма-Ате, расширенный вариант в Томске (издательство «Водолей», 1999). В томске вышли книги «Новогодняя ночь» («Водолей», 1999), «Такая планида, или Зарубки на «Щепке» (2002).

Публиковалась в журналах «Москва» и «Простор», альманахах «День поэзии», «Поэзия», «День и ночь», «Каменный мост».

НА СКЛАДЕ

На складе пахнет войлоком и мелом,
опилками и маслом для машин,
и кладовщик проворно и умело
кладёт ряды автомобильных шин.
Я вижу, как мелькает он по складу,
мне так знаком его широкий шаг...
Но с памятью усталой нету сладу –
и, с кем он схож, не вспомню я никак.

Вот он стоит у растворённой двери,
темнея силуэтом на свету...
И сразу я, глазам своим не веря,
ловлю воспоминанье на лету:
ведь он похож
на самого родного,
чужого и далёкого теперь...

Теперь я знаю – это очень много:
прозрачный свет, распахнутая дверь...

И оттого, что быстро ходит рядом
похожий на любимого старик,
мне очень хорошо на этом складе,
хранящем всё – от фонарей до книг.

* * *

Я немного актриса –
все мы, бабы, актёрки...
Но играю без риска
не потрафить галёрке.

Я на улице синей,
весенней, вечерней
всем прохожим кажусь
сумасшедшей, наверно.

Я иду не спеша,
монолог сочиняю,
и сама на ходу
его тут же играю.

То августовское утро
помню я до сих пор:
запах земли нагретой,
запах щепы сухой
тем подконвойным летом
в рыжей степи глухой.

* * *

Подступает лесная прохлада
прямо к сердцу – покоем в крови,
и приводит спокойную радость,
исцеляя от тёмной любви,
и зовёт в перепутья тропинок,
где в тени деловито спешат
муравьи между тонких травинок,
каждым мигом своим дорожа,
и твердит: бытием, а не бытом
дорожи,
    волхвованьем лесов...
Слышишь, ветер зелёным копытом
бьёт по ставням, сшибая засов.

* * *

Не возвращайтесь никогда
туда, где вы узнали горе.
Не помогает даже гордость,
и даже долгие года
удач, везенья и успеха
в работе и в любви – в судьбе,
когда былое горе
    эхом
беды аукнется в тебе...
Там всё по-прежнему.
    И даже
коль вместо сквера новый дом –
вам сердца перебой подскажет,
что здесь, хватая воздух ртом,
вы, помертвев, разлуки ждали,
споткнувшись о подножку зла...
Нет горше той глухой печали,
что к нам из прошлого пришла.

И тонкошеие мальчишки,
затянутые в портупей,
храбрившиеся чуть с излишком,
от первой нежности немея.

От первой нежности щемящей
до первой смерти в первом бое...
И медсестра мальчишку тащит
на плащ-палатке за собою.

И, задыхаясь от усилий,
твердит озябшими губами:
– Ну потерпи немного, милый!
А над землёй – заката знамя.

Какими были молодыми!
Когда же старыми мы стали?
Всю жизнь – одно мгновенье в дымке –
страницами перелистали...

Не так уж много нам осталось
листать страничек в этой книжке.
Но подрастают, подрастают
Вновь тонкошеие мальчишки.

И девочки с улыбкой смутной,
с улыбкой вечной Моны-Лизы,
опять спешат сиюминутно
судьбе и жизни бросить вызов.

И так они на нас похожи,
что мне порой бывает страшно –
неужто суждено им тоже
не избежать беды вчерашней?

Всем исступленьем материнским,
помноженным на все столетья,
творю, твержу одну молитву:
пусть будут живы наши дети!

Пусть наши дети будут живы,
и пусть у них достанет силы
прожить достойно и нелживо,
таких беспечных и красивых!

* * *

Этот день был подарком судьбы,
так счастливо в нём всё удавалось –
и окошко легко отмывалось,
и сдавались стихи без борьбы.

И казалось – не будет беды
и не будет осенних ненастий...
И покойно стояли сады,
отдавая счастливо плоды
людям добрым на радость и счастье.

Время свадеб, надежд и удач,
лета бабьего сладкое бремя,
не спеши и улыбок не прячь...
Золотистого яблока мяч
опускается плавно, как время.

* * *

Ночные деревья под ветром не спят –
колышут ветвями
тревожно и грустно.
Им серенький дождик
читает изустно
одну из библейских баллад.
Веками он помнит,
твердя наизусть,
её безысходную грусть...

«БОЛЕРО» РАВЕЛЯ

Блаженство –
это «Болеро» Равеля:
томительный гобоя чистый звук,
и ветер, шелестящий еле-еле,
и домиков белёных полукруг.
И ритм глухой большого барабана,
и вскрик платка цветастого: «Лови!»,
и запахи цветущего дурмана,
и нарастанье грохота в крови.

Их прямо с вечера гоните,
не дожили чтоб до утра!
Надежды тоненькие нити
спрядите в крепкий плат добра.

Тем платом обогрейте душу,
чтоб оберечь её от зла
и ненароком не разрушить
того целебного тепла,

что нам даруется с рожденья,
как Божий промысел, как речь –
с её прямым предназначеньем,
чтоб в душах Душу уберечь.

* * *

Я помню ночь: мне отроду три года,
переезжаем из Одессы в Харьков.
В степи костры и табором – подводды,
не помню где.
Как будто под Вапняркой.
Авария или угля нехватка –
не знаю, что случилось ночью этой,
но степь плыла дырявой плащ-палаткой,
незримо залатавшейся к рассвету.
И в темноте овсом хрумтели кони,
и женщина встревоженно смеялась.
И будто мы спасались от погони –
от ночи ощущение осталось.
А после было всё, как должно в детстве:
отсутствие забот и дни рожденья.
А эта ночь осталась без последствий.
Вот только лишь погони ощущение...

* * *

Мои воспоминания написаны
совсем не мною, и давным-давно.
Детали и подробности нанизаны
там, словно в ленте давнего кино.
А я, увы, совсем не помню частных
и дневников к тому же не вела.

У жизни – поясну для пущей ясности –
я жадно все подробности брала
в судьбу свою:
и всё, что ни случалось,
меня лепило, словно глины ком –
с любимыми навеки расставалась,
по льду судьбы летела босиком...
Теряя в жизни всё, что только мыслимо –
родителей, и брата, и дитя,
каким-то чудом я сумела выстоять,
надежду на спасенье обрета...
Мои воспоминания написаны
совсем не мною, и давным-давно...
Как в жизнь чужую, – вглядываюсь пристально
в свою, как в чьё-то дальнее окно...

* * *

И вот она, военная зима:
оранжевое солнце, дымный воздух
и беспокойные обрывки сна,
и в комнате два градуса мороза.
Учебники навалены.
Ведро
из рук озябших с грохотом валится...
От груза одиноких вечеров
и от озноба –
по ночам не спится.
Прислушиваюсь к комнате.
Она
живёт,
как будто нет меня в помине.
И ходит ветер около окна,
и синяя вода в графине стынет,
и нет тебя,
чтоб губы отогреть,
нет рук твоих,
чтоб руки отогрели...
и кажется, что суждена мне смерть
в насквозь промёрзшей ледяной постели.

Ни у одного я не увидела
капли настоящего тепла,
ни в одной из временных обителей
я себе приюта не нашла.

Я ждала Его, а Он не встретился.
Может, Он ещё в большом пути?
Неуютным одиноким вечером
суждено Ему ко мне прийти.

Вот тогда пойму по-настоящему:
раздарила я, не сберегла
девичьего, женского, щемящего,
просто – человеческого – тепла...

ФРОНТОВАЯ НОЧЬ

На чёрном небе – ни одной звезды.
Глухи раскаты тяжких дальнобоек,
и скакуном, не знающим узды,
весенний ветер бьётся, беспокоен...
На всех дорогах среди чёрной зги
грузовиков коротконосых стаи
торопятся туда, где, далеки,
разрывы красных молний вырастают.
Уставши от бессонниц, шофера,
чадя нещадно крепким самосадом,
берут атакой каждый буерак
и матерятся изредка с досады.
Так по ночам живёт и дышит фронт:
мотор рокочет в побледневшем небе,
рокочет где-то на земле мотор,
в хлебопекарне пахнет свежим хлебом...
А в час рассвета, дымчатый, сырой,
звезда ракеты сумрак разрывает –
в задуманный командованием срок
идут в атаку на переднем крае.

* * *

В медном марше запели трубы:
солдаты шагают строгим строем,
как будто все как один – герои –
сверкают на солнце в улыбке зубы.
Одним дыханьем колонну колышет
один и тот же чеканный ритм...
А мне всегда, когда марш услышу,
хочется горько заплакать навзрыд...

ПОЭЗИЯ

Борису Слуцкому

В этой «табели о рангах»
нет ни званий, ни чинов,
«представлений» нет пространных
и почётных орденов.
Не стоят в ней по ранжиру:
этот – выше, ниже – тот.
Есть бойцы и командиры,
и какой меж ними счёт?

Командира выбирают по велению души.
По нему себя сверяют –
мысли, строки, веру в жизнь.
И воюют не из страха
(не за страх – за совесть бой!),
стяг простреленной рубахи
вскидывая над собой!..

Бой то яростней, то глуше,
но задача в нём одна:
человеческие души –
вот редут, и вот цена.
Бой уже столетья длится,
«вечный бой», прекрасный бой!..
И становятся страницы
и оружием, и судьбой.

1978

Владимир Владимирович ШКАЛИКОВ

(1943–2021)

Родился 29 января 1943 года на станции Крыловская Краснодарского края. Скончался 9 марта 2021 года в Томске.

Писатель.

Родился зимой 1942–43 года в зоне боевых действий на Кубани, дошкольно остался сиротой. объехал весь Советский Союз, изучая родной социум методом включённого наблюдения: без отрыва от производства получил два десятка различных специальностей, три высших образования, освоил всерьёз десятков видов спорта, и таким образом получил возможность грамотно удивляться, беря интервью, и убедительно описывать действия и ощущения своих персонажей как в прессе, так и в художественной литературе.

Автор реалистических, фантастических и сказочных сочинений для взрослых и детей, лауреат Всесоюзной премии ЦК ВЛКСМ за художественно-документальную книгу о фронтовиках «Цена победы» (1981), лауреат литературного конкурса «Книжный Томск» за роман «Гений самосуда» (2011). Член Союза журналистов СССР и Союза писателей России.

Работал переплётчиком в Томской областной библиотеке им. А. С. Пушкина, вёл в интернете клуб рецензентов «Гамбургский счёт».

ТАЁЖНЫЕ ВИДЫ¹

Росказни старого лесника

Падающая звезда.

Хорошо ли много знать? Скажешь, глупый вопрос. А я скажу – спорный. Потому что не всегда приятно знать изнанку красивого. Или, наоборот, то, что непривлекательно на вид, может вызвать уважение своей обратной стороной. Вот тебе пример. Из моей северной жизни.

Только что скрылось солнце, и над таёжным горизонтом застыла красота высшей пробы – смесь золота и лазури, не испорченная ни одной грязной чёрточкой. Не хватает только маленького чуда, как сказал бы мой друг, старый живописец.

А вот и чудо. По-дурацки выражаясь, «в метре над горизонтом» из ничего вдруг проявляется крупная яркая точка – не слуну, но много ярче самой заметной ночной звезды. И явно не звезда, потому что заметно для глаза сразу начинает двигаться наискосок вниз. Или вдаль – разве разберёшь... Будто пушинка хочет осесть на острую вершину какой-нибудь ёлки или на кедровую папаху. Законченная, сказочная, васнецовская красота. А новорождённому светилу этого мало, оно начинает медленно расплзаться на три, нет, на четыре, нет, на пять звёздочек поменьше, а ещё через десяток секунд всё чудо бесследно гаснет в яркой пустоте.

Но никакое это не чудо. В наших краях многие знают, что как раз над теми заболоченными местами разваливаются в атмосфере отработавшие свой срок спутники, и их обломки падают в тайгу. И люди, которые воспользовались жёлтыми остатками космического топлива, потом занемогли...

Пора возвращаться домой. Опускаю глаза и обнаруживаю, что всё это время на меня тоже паялились – два круглых радужных глаза. Свернулась на большой клюквенной кочке грозная випера, прекрасная болотная гадюка почти метровой длины, в зелёных и чёрных геометрических узорах, отчёркнутых белыми штрихами – ни дать ни взять родственница той «пёстрой ленты», с которой подрался великий сыщик Холмс. Я, может быть, тоже кажусь ей украшением заката. Но я большой и, стало быть, представляю угрозу. И эту крупную ягоду она мне нипочём не уступит, хоть сама её и не ест. Просто из принципа: моя территория и всё тут.

¹ Фрагмент из произведения «Девчонка с котенком: таёжная сказка».

Я не трону её клюкву. У меня уже полна корзинка. Я спокойно удаляюсь и тихо горжусь тем, что нет у меня с собой и никогда не будет жёлтого ракетного топлива, которое я мог бы нечаянно уронить на её беззащитную голову.

Оля перечитала первый «вид» и расстроилась. Первый блин – комом, это точно по поговорке. Никто не поверит, что девчонка четырнадцати лет может писать таким слогом. Хотя и сказано в начале, что это «рассказни старого лесника», но неужто могла внучка так дословно запомнить взрослую речь?

А если переделать «под себя», получится, что у деда – детская речь. Тоже недоверие.

А чьё недоверие? Оля даже рассердилась. Для кого пишу? Для почтеннейшей публики? Так у неё и без меня хватает – любого читива. Не надо нам для публики. Сказано – для деда, значит – для деда. И вместо деда. А что его словами, так я не виновата, что у меня такая свежая память.

В общем, решила: пусть будет, как запомнилось. И писать теперь подряд, что вспомнится. Графоманить так графоманить.

Надо только вот ещё что добавить от себя. Не всю жизнь дед работал лесником. И не всю жизнь прожил в своей деревне. И рассказывал не только о тайге. Настоящий, в общем, дед. И мыслит в масштабах планеты. И словечко у него есть интересное, даже целых три: «Нарядная у нас планетка». Из них название получится получше, чем «Рассказни» или «Виды». Ну, дед, поехали!

Нарядная планетка.

ТРОЙНАЯ РАДУГА

Один знаменитый писатель – капитан дальнего плавания – назвал свою книгу – «Кто смотрит на облака». Эти слова он взял из стихотворения другого знаменитого писателя. Оба в красоте знали толк. Но чтобы этот толк познать, надо обязательно вырваться из города. В море, в поле, в горы, в лес...

В открытой местности поневоле смотришь на небо. И ловишь ветер. Становишься к нему спиной, и тогда вон то облачко слева – признак скорой плохой погоды.

Но вот уже облака всей массой мчатся на север – обычное дело для нашего материка, особенно летом. Облака клочковатые, низкие, быстрые, грязноватые – словом, «рвань», как говорят в авиации. Но вот ведь чудо: выше этой «рвани» движется солидная

стая белых, более мощных облаков, притом вовсе не в том же направлении, а как раз поперёк, на восток. Сквозь редкие просветы в этой стае можно уловить голубизну, в которой неподвижно парят, будто оконная кисея, высоко-перистые облака – такое поэтическое название дали им метеорологи. И уж совсем непонятно, почему мой флюгер на месте за минуту успеваешь посмотреть аж на три стороны света.

Спросишь, где же тройная радуга?

Вслед за чудесами прибыла солидная грозовая туча-«самовар», с тяжёлой чёрной подошвой и мощной «наковальной» на трёхкилометровой высоте. Из подошвы, естественно, хлестали молнии и ливень, а когда чудовище показало свой чёрный тыл, то на его фоне и встала яркая семицветная дуга – от Пионерного до Катильги. А прямо под ней, без малейшего просвета – другая, побледнее, будто вторым движением кисти положенная. А сразу под ними – третья. Она была ещё бледнее и в землю уже не упиралась. Краски не хватило.

Но всё равно: нарядная у нас планетка. Особенно после дождя.

ПУСТАЯ БУТЫЛКА

О том, как опасна бывает пустая стеклянная бутылка, я слышал давно и – не верил. Вроде бы всё по законам физики, но больно уж много требуется совпадений, чтобы и солнце правильно светило, и под бутылкой оказался достаточно воспламеняемый материал, чтобы луч, который под ней сфокусируется, вызвал воспламенение, как спичка вспыхивает под увеличительным стеклом или начинает тлеть бумага.

Но вот однажды сподобил случай: я не только увидел это явление в натуре, но и испытал его на себе, притом зимой.

В полукилометре от моей избушки, за леском, был проложен промысловый нефтепровод. У магистральной труба толстая, больше метра, а эта – всего 20-сантиметровая, но и в ней давление изрядное. И когда эта «трубочка» в слабом месте лопнула от мороза, напротив моей избушки за леском по болоту растеклось озеро нефти, размером с футбольное поле.

В сильные морозы погода всегда солнечная и имеет странное название – антициклон. По земле утрами стелется туман, над фонарями ночью стоят столбы света, а днём по бокам от солнца висят ещё два, поменьше. В то утро я выглянул в окно, порадовался было погоде, но тут же ощутил, что туман подозрительно пахнет бензином, соляжкой, мазутом и всеми прочими горючими материалами, из которых состоит нефть. Я поспешил на улицу и обнаружил, что это не морозный туман, а белый дым, всё гуще

наползающий от пожарища за леском. Над самим же пожарищем стоял столб чёрного дыма и отчётливо слышался треск горящей древесины.

Я бросился к телефону и связался с пожарными. Они ответили: «Видим, выезжаем». А я встал на лыжи и поспешил к пожару, чтобы оценить опасность для моей избушки.

Уже в сотне метров стало так душно, что пришлось дышать через шарф. Снег был усыпан длинными сгоревшими хвоями кедра и короткими – от ёлок и пихт. Все кусты пачкали одежду сажей. В полусотне метров снег меня уже не держал, да и подходить ближе стало невозможно. Всё «футбольное поле» жарко полыхало, огонь полз по неубранным стволам деревьев, сваленных при прокладке нефтепровода и дороги, а когда добирался до ещё живого хвойного дерева, то бросался вверх, к солнцу, и это напоминало старт космического корабля, только вызывало не гордость, а стыд и беспомощную досаду. Даже пожарные ничего не могли тут поделать. Они смотрели с дороги и с кем-то связывались по радио. Их коренастые фигуры отражались в болотной воде, по которой метался торжествующий огонь...

К пожарищу были доставлены бульдозеры, со строительства дорог были сняты самосвалы, и за несколько дней поистине адского труда огонь был засыпан песком. Но ещё долго он тлел в глубине торфяника, выползал из песка на торчащие обгорелые стволы, и тогда вонючий туман снова окутывал мою избушку, и я звонил пожарным. Они приезжали, принимали меры и благодарили меня за бдительность – так, для поддержания энтузиазма, ведь дым и так виден был за много километров. Я спросил у них о причине пожара. Они ответили, что нашли бутылку, которую кто-то на ходу выбросил из машины в лес, а она вот так удачно упала на сгнившую берёзу, под которой уже испарялась разлившаяся нефть. А береста возьми и загорись. Береста ведь абсолютно не гниёт. Впрочем, из машины могли выбросить просто непотушенный окуроч...

ОГОРОД НА ПОЛЯНЕ

В лесу человек постоянно не живёт: есть опасность озвереть. Но инстинкты в нас не только звериные.

Случилось мне побывать летом в одном вахтовом посёлке. Это такое место, куда рабочих привозят на две недели, а потом на этот же срок увозят домой, в город, отдыхать. Вахтовики прокладывают дороги, добывают нефть и газ, валят лес, какой можно – много чего делают и изрядно за день устают, потому что трудятся по 12 часов и без выходных.

А у меня вот выдался целый свободный день перед вылетом, и я отправился побродить по ближайшим лесам, благо раздобыть сапоги и мазь от комаров труда не составляло.

Сразу за посёлком был лес горелый. Ветер качал жуткие чёрные стволы, и корни погибших сосен, как когтистые пальцы чудовищ, высывались из-под горелого мха и со всхлипом прятались обратно в болотистую почву.

Я с трудом преодолел полосу пожарища и оказался на просеке, где следы бульдозеров и кошмарные завалы искалеченных стволов были памятником героической борьбы людей с огнём, ими же упущенным. На голой развороченной земле уже росли строчки – грибы-первопроходцы, любители свежего грунта. Местами проклюнулись хвощи, ростки кипрея и тонкие веточки с парой листочков – это принялись семена берёз и осин, первых обитателей пожарищ. Хвойные придут позже всех, но лет через двести-триста эта земля будет принадлежать только им...

За узкой полосой уцелевших деревьев виднелись мачты высоковольтной линии, а за ними плотно стояла матёрая тайга. Туда я и стремился – по грибы, по ягоды или просто сфотографировать какую-нибудь лесную диковинку: завязанную в узел берёзу, зелёную гадюку, охраняющую брусничник и мечтающую поделиться мудростью посредством прямого контакта; а то и просто паутинку – чудо неинженерного творчества.

Опушка вдавалась в лес живописной поляной, и я решил, что найду там зверобой и душицу для чая. Но находка превзошла ожидания. Тропинка вдруг стала ветвиться, деля поляну на прямоугольники, и я понял, что нахожусь на самом настоящем огороде. Сразу бросались в глаза шарики цветущего лука и чеснока. Ровными рядами зеленела морковная ботва, изрядно засорённая хозяевами – местными непобедимыми растениями. Вовсю цвела белым и сиреневым вполне ухоженная картошка, плотно и враждебно окружённая осотом, кипреем и дикой малиной, которая, впрочем, на всех грядках нахально лезла вверх даже из натоптанных тропинок. Изрядная плантация клубники, крупной, красной, вполне домашней, росла на гольной глине так плотно, что засорения не боялась, из неё торчали только полезные для неё петли чеснока да несколько особо живучих осотин. Особняком высились заросли нелюбимого городскими огородниками топинамбура: с виду подсолнечник, только с мелкими жёлтыми цветами, ростом он под три метра, а съедобная часть – грушевидные клубни, вкусом что-то среднее между репой, морковкой и ананасом, а урожайностью – поболее картошки, шибко полезный для диабетчиков, радикулитчиков, да и просто вкусный...

Был тут и скромный золотой корень рядом с мощными кустами аралии, любисток торчал до небес, и сильно пахло кориандром. Огородник собрал самые неприхотливые из домашних растений, которые и без человека не пропадут, а вот человеку без них – того, туго.

Грабить огород я, понятно, не стал, но немного клубники и крыжовника поел, потому что после лесной жимолости во рту было горько. Вернувшись в посёлок, попытался осторожно выяснить, кто же здесь такой хозяйственный. Может быть, есть в вахтовом посёлке уже и постоянные жители? Оказалось, нет. Такие же, как все, двухнедельники. Она – повариха, он – водитель самосвала. И работают, как все. Только встают пораньше других да ложатся попозже. В общем, любят это дело. И никто их не обижает, потому что, как сказал один повар, «таких людей – наперечёт» – ну, то есть, мало. А другой, механик, высказался пошире:

– Кто-то грабит землю, кто-то её гробит, а кто-то вежливо вживается: замещает одни растения другими и честно борется с непримиримыми хозяевами – дикими травами, кустами, деревьями. Если наша планета действительно имеет разум и страдает от человеческого разгула, то всё же есть среди нас такие, на кого ей можно ещё надеяться.

КТО СТАВИТ ПЕТЛИ?

В мае прошлого года навестил меня старинный друг, который так же, как я, живёт в лесной избушке, видимся редко, хоть и совсем недалеко добираться – сорок минут вертолётном. Можно, конечно, и на лыжах, но опасно: ни дорог, ни жилья, только медведи да росомахи. Волки, кстати (или некстати?), тоже стали появляться.

Чаюем, радуемся беседе, но вдруг он спрашивает: «Чем это ты озабочен?». Я не удивился: на то и друзья, чтоб замечать друг у друга заботы. Пришлось пожаловаться, что не столько забота, сколько досада. Прошёлся недавно по лесу и наткнулся на мёртвого зайца. Кругом уже всё стаяло, а он лежит, бедняга, на снежном пятачке в неестественной позе. Присмотрелся – блестит тонкая стальная проволока. Кто-то поставил на его тропе петлю, да и не пришёл больше. Погиб зверёк мучительной смертью, лучше бы достался лисе или волку, росомахе-то его не догнать. Вот и скорблю: какие это люди тут шляются, что даже петли к весне не снимают.

Друг, конечно, согласился, что это хуже свинства. Хоть бы с голоду охотились, а то ведь из баловства, азарт у них, видишь ли. И

ведь зарабатывают неплохо – на нефти, на газе, на лесозаготовках, на строительстве. Это у них древний охотничий инстинкт, который остался от диких предков. Я, говорит, у себя месяц назад ещё похуже видел. И рассказал:

– Пошёл в лес по последнему снегу, лыжи почти до земли проваливаются, но и без них ещё нельзя. Время не охотничье, зверьё уже линяет, взял только нож. Наткнулся на едва сохранившуюся чью-то лыжню, пошёл по ней. Скоро увидел пригнутую тонкую осинку, а на ней, как на новогодней ёлке, украшения – связки еловых шишек и кисточки красных ягод – калина и рябина. Ловушка такая. Для белки. Она увидит угощение, пойдёт по стволу, а тут петелька, а с той стороны – другая, а посередине – третья. Хоть в одну да попадёт. Достал я нож, пообрубил петли, пооборвал осинки украшения, разогнул её, пошёл дальше... За полчаса снял сорок петель, освободил двенадцать осинок и берёзок. И одну белку. Только её освободить было не нужно, от неё мало что осталось. Один хвост сохранился, художнику на кисточку. Но я не художник, хотя того охотничка, если бы встретил, я бы разрисовал от души...

Жаль, что в нашей северной тайге человека встретить трудно. Да такого лучше и не встречать. О таких кто-то хорошо сказал: «Чем больше узнаю людей, тем лучше отношусь к зверюшкам».

ЦЕЛЕБНЫЙ КАРМАШЕК

В тайге поневоле часто приходится что-то делать ножом – хоть на рыбалке, хоть на грибной охоте, а то и просто на прогулке. Бывает, и порежешься. Поэтому пакетик с бинтом и пузырьком йода у меня всегда лежал в кармане. Однажды забыл его дома и – как на заказ – крепко полоснул острым лезвием по пальцу. Тут же что-то попало в глаз, и пускать платок на перевязку тоже стало невозможно. Как всякий, кто попадает в затруднение, я машинально огляделся одним глазом: где бы найти выручку? Блеснула на гладкой коже пихты золотая капелька смолы. Не испробовать ли её? Потрогал. Нет, затвердела. Но вытекла она из вот этого горизонтального вздутия на коре, которых множество. Не заменит ли свежая смола медицинский клей БФ-6, хотя бы слегка? Срезал один кармашек, полный смолы, накрыл им порез и примотал ниткой, завалившейся в кармане. Боль сразу утихла, и ещё два часа я бродил по лесу. А когда дома развязал нитку, под пихтовым кармашком обнаружился только розовый шрамик... С тех пор вместо йода и бинта ношу по лесу в кармане только нитку. Ну и стараюсь не резаться.

НА «ЖИВЦА»

Известно, что кошка непредсказуемо умна. Но чтобы настолько... Несколько лет я жил в лесном домишке, и одно из них выдалось просто скандальным в смысле бурундуков. Мало того, что они съели на моём огороде весь зелёный горох, так даже просто выйти из дома было невозможно, чтоб тебя не освистали: полосатых хулиганов было полно в поленнице, построенной в десяти метрах напротив крыльца. Оттуда разбойники делали набеги на мои сени и вместе с синицами растаскивали всё, что недостаточно хорошо лежало.

Меня, конечно, этот мелкий разбой только забавлял, но мой чёрный любимец по имени Дивуар быстро додумался, как извлекать из грызуньей агрессивности личную выгоду, а заодно и поддерживать немного экологическое равновесие вокруг дома.

Первого бурундука он честно караулил у поленницы, но не съедал, а оставлял свеженького на полпути между домом и поленницей, а сам садился на крыльце и делал вид, будто наблюдает за синицами. Кто-либо из друзей или родственников покойного сначала звал его обратно в поленницу, потом – с множеством манёвров и предосторожностей – приближался и начинал растаскивать бедного «живца». Вот тут Дивуар и бросался. Удирающая дичь имела шанс в пять метров, кот – несколько больше, так что всё было честно. Такие соревнования продолжались, пока Дивуар не замаривал червячка, после чего он пытался угостить и меня – за то, что не вмешивался.

ЮМОР И ОПЫТ

Я не верил, что у птиц есть чувство юмора, пока мне не подарили щенка. Мы жили с ним в заболоченной местности, а вокруг стояла поздняя весна. Весь лес кудахтал, свистал, чирикал, ухал – в общем, пел на все птичьи голоса, а с неба несло даже лошадиное ржанье: это слабоголосые кулички, войдя в вертикальное пике, вибрировали крылышками – такой уж у них способ начинать создание семьи. Мой полугодовалый щенок по имени Босяк (за то, что вытаптывал грядки с луком) возмущённо вслушивался в этот небесный лошадизм и время от времени осуждающе лаял вверх, потому что был родом из соседней деревни и толк в лошадях понимал с младых когтей. Кулички, со своей стороны, тоже обращали внимание на домашнего зверя, и их пикирования вскоре начали обретать некоторую систему. Ржанье раздавалось всё ниже, всё ближе, а когда семьи были созданы, птички перешли к развлечениям – иначе я это назвать не могу.

Пара бесшабашных куличков заманивала Босяка к широчен-

ной канаве, заполненной болотными водами, и – приземлялась на бережок. Наивное собачье дитя с восторгом бросалось на них, но юмористы перелетали на другую сторону канавы и начинали оттуда пищать своими слабыми, но задорными голосками. Не желая мокнуть, Босяк обегал канаву и снова атаковал, уверенный, что теперь-то добыча не уйдёт. Но добыча без усилий перепархивала на старое место – всего три метра, и охотнику приходилось начинать всё сначала. Уже в первый день он мобилизовал весь генетический охотничий опыт: и стремительную погоню, и скрадывание, и дальний обход, и высокие прыжки, когда дичь взлетала перед самым носом, и, наконец, свирепый лай птицам вслед, чтобы или рухнули наземь от ужаса или уж совсем улетели. Обе стороны были неутомимы, и длились шуточки, пока шутники не удалились высидивать яйца.

На следующую весну Босяк уже не обращал на шутки куличков ни малейшего внимания, а я до сих пор гадаю: это он опыта набрался или потерял чувство юмора? Всё-таки хищникам юмор присущ меньше, чем тем, на кого они охотятся. Станный закон Природы, но с Ней не поспоришь.

КОРОТКАЯ ДРУЖБА

Избушка моя стояла посреди изрядной поляны. Она была сложена из бруса и проконопачена паклей. Вот эту паклю и наладились выщипывать кедровки, птицы крупные, сильные и хозяйственные. Поэтому я относился к ним бесцеремонно, гонял свистом. Одна из них как-то попалась. Залетела в сарайчик и распялилась на оконном стекле, как бабочка на булавке. Я вошёл и просто взял её со стекла, даже не ворохнулась. Видно, не могла взять в толк, почему воздух стал вдруг твёрдым. Я вынес гостью на волю и для начала разглядел. Вблизи любая живая тварь красива, особенно летающая. У этой серой птицы оказалось множество разноцветных перьев, разве что красного не было. И шикарный большой клюв, которым она запросто колет орехи. Этим клювом она взяла меня вежливо за палец и сдавила, как плоскогубцами, впору было запищать. Но я стерпел и тоже вежливо разжал руку. Почуввав понимание, птичка отпустила мой палец и отлетела на ближайшее дерево. Потом перепорхнула поближе к избушке. И уморительно поворачивала голову, будто сомневалась: каким глазом лучше разглядывать это чудо природы, столь великодушно отпустившее столь вкусную добычу.

Чтобы усилить хорошее о себе впечатление, я вынес и положил на пенёк перед избушкой хлеб, конфету, кашу и насыпал

орешков. Всё, кроме конфеты, было унесено в лес. Правда, наблюдать мне было позволено только через окно.

Тут я решил испытать эту орешницу на жадность и вынес ей мышь. (Жить в лесу – это обязательно страдать от мышей, и я глушил их простой хлопущкой, которую смастерил из двух плах и подпорки.) Сам не поверил, когда мышь была унесена в лес. Вот обжора!

Так мы и дружили всё лето, пока мне не подарили Дивуара. Он ещё легко умещался на моей ладони, но проявил такую свирепость, что в доме мгновенно исчезли мыши, и пришлось ему ходить за ними во двор и на огород. Там он распугал всё живое, включая и кедровок. А потом дошла очередь и до собак, которые иногда забегали из дальнего посёлка. Ближе десяти метров хороший кот не подпускает к своему жилищу никого, кроме двуногих без перьев.

НАУКООБРАЗНЫЕ

Не путать с паукообразными. Те просто живут себе, едят друг дружку, но в природе своё место соблюдают. А среди людей немало таких, кто не выносит работать вместе со всеми и что-то дельное производить. Это можно было бы назвать талантом, если бы без вреда. Ведь больше сил тратят на притворство, чем тратили бы на честные и полезные дела.

Так я недавно подумал, слушая по радио выступление одного такого наукообразного. Должность у него немалая, но дай ему пилу, он дерево в нужную сторону не завалит. А говорил как раз об этом. Говорил, что ещё несколько лет, и лес у него в районе ПЕРЕЗРЕЕТ, так что валить его в больших количествах просто необходимо, а то ведь у населения совсем нет другой работы. И объяснял: «Природа ведь сама валит лес. ВЕТРОВАЛЬНО-БУРЕЛОМНЫЕ ЛЕСОСЕКИ...». Я подумал: «Красивое название, научное». И вспомнил пару других, выдуманных для объяснения уже не природной деятельности: АНТРОПОГЕННЫЙ ФАКТОР, ТЕХНОГЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРИРОДУ. И тут же вспомнил, что за ними стоит. Точнее – стояло.

Мы мчались по бетонным плитам уже несколько километров, а дым не кончался, потому что вдоль дороги шла канава, наполненная водой с нефтью, нефть горела, а от неё горел лес. «Техногенный фактор». Я с самолёта видел множество лесных пожаров вокруг таёжных сёл – это разрослись непотушенные костры. «Антропогенный фактор». Мы, антропы, прорубили просеку под высоковольтную линию или нефтепровод, а тысячи сваленных деревьев растолкали бульдозерами к живому лесу, потому что

вывезти не могли, и они гниют, заражая здоровые деревья грибом. А так называемые «ветровально-буреломные лесосеки» – их многие видели с самолёта – тянутся на сотню-другую метров, это для природы терпимо.

Назвать бы всё это своим именем – ПАРАЗИТИЗМ, БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ, – да употребить изворотливый наш ум не на выдумывание названий безобразиям, а на сохранение того, в чём Природа нас поселила. Ведь зачем-то поселила? И уж наверно не затем, чтоб мы выполняли простую роль безмозглого гнилостного грибка.

ГРУСТНАЯ ТАЙНА

Я сказал Босяку: «Надоел твой тьяк. Иди вон в лес и поохоться. Наст крепкий, не провалишься». Он тьякнул на меня, но послушался и ускакал. Что возьмёшь, ему чуть больше года.

Кончался март, уже что-то выклёвывали из подтаявшей дороги бойкие сороки, уже свистела в ближнем лесу только что прибывшая стая каких-то мелких пичуг – наверно, синиц. Босяку не скучно. Вон и моя знакомая кедровка промчалась над домом – это пёс её спугнул.

Но вот он явился и приволок огромную, чуть короче себя, серую птицу. Одно крыло уже развернул красивым пёстрым веером с нежнейшей пуховой оторочкой, другое плотно прижато к телу. Бросил добычу к моим ногам: вот, мол, будь любезен не ворчать.

Я поднял бедолагу за мощное маховое перо. Красавицей была сова. Красива даже сейчас, хоть и прошёлся пёс зубами. Красивая и лёгкая, очень лёгкая, как все хищные птицы: для скорости, но и от постоянного голода. Трудна ведь в природе жизнь хищника. Он – крайнее звено в так называемой пищевой цепи. Улетели осенью мелкие птички, ушли под снег мелкие грызуны, выбили охотники зайцев и белок – погибать сове.

Я осмотрел её и попробовал представить, как погибла. Морозов в эту зиму больших не было, значит, скорее всего, не замёрзла, а попала под неметкую дробинку из какого-нибудь мимоезжего ружья. Сидела на сушине, была видна с дороги, пальнул кто-нибудь из досужих проезжающих, а она сумела улететь, и замёрзла медленно, мучительно и покорно, как умирают все дикие подранки. И лежала, аккуратно сложив могучие лапы, сжатые в кулаки, прижав прекрасные бесшумные крылья и вытянув шею, будто ныряя в другую жизнь.

Можно было из любопытства поворошить пуховую шубу, поискать место, куда вошла дробина, но я не стал. Вернул Босяку

его лёгкую добычу: пусть хоть конец у совы будет природным. Впрочем, она могла умереть просто от старости. Очень уж была большая.

КАК СМОТРЕТЬ

Я летел в сентябре над тайгой.

Тот, кому такое посчастливилось, сразу, конечно, всё представит и поймёт.

С высоты вертолёта – это метров триста-четырееста – самый лучший обзор. Не зря говорят – высота птичьего полёта: птицы хорошо понимают, с какой высоты их владения самые красивые. Они, правда, смотрят на лес потребительски – так считает наука. У птицы, дескать, нет эстетического чувства и так далее. Но вон она, пара коршунов, которые кувыркаются в струях верхового ветра всего в полусотне метров от моего иллюминатора. Какое такое в этом потребление? Просто удовольствие – оттого, что они вместе, оттого, что солнышко не только светит, но ещё и греет («бабье лето» же!), оттого, что внизу столько красок, что больше за год и не увидишь (птицы получше нас различают цвета), да просто от радости полёта, от свободы. А ещё оттого, что вон та шумная большая машина, перевозящая по небу опасных людей, сама по себе не опасна, если на неё не нападать.

Покувыркались и – я успел увидеть – распластали крылья и пошли по широкой дуге, явно любуясь видом, а не высматривая добычу. Потом они сядут на вершину сухого дерева и ещё полюбуются своими владениями. А потом уж, конечно, на кого-нибудь бросятся: голод – не тётка.

Я сошёл с вертолёта, приехал в свою лесную избушку и – увидел на высоченной сушине – в тех же пятидесяти метрах – тех же двух коршунов. Или других, какая разница. Они не бросались на добычу, а продолжали своё созерцание – я бы иначе это не назвал. Внизу – было видно – сновали бурундуки, порхали мелкие птахи, даже заяц, ещё не начавший линять, мне померещился. А хищники сидели и, вероятно, о чём-то беседовали. Была ли их беседа потребительской (по науке): кого съели, кого съедим? Или они обсуждали разницу двух красот – лесного простора с высоты полёта и вот этой рябинки, пестрее и затейливее всех деревьев изузоренной сентябрём? И спорили, может быть: действительно ли прекрасное лучше разглядывать издали, как учит наука эстетика.

Мне было не до их свободного созерцания. Мне следовало поскорее оживить запущенную избушку, чтобы ночью не замёрзнуть. И я пошёл заготавливать сушняк для печки.

После первого же удара топором коршуны сорвались с верхушки сухого кедра и занялись высшим пилотажем. Вот они о чём беседовали...

НЕВЕЛИКА РАЗНИЦА

Там, где мы жили, зайцы почему-то перевелись. То ли истребили их, то ли нефтью потравили, то ли мор какой. Одна лисичка вокруг мышковала, а заячьих следов не видели уже три года.

И вот наш сменщик Андреич предложил развести кроликов. Он так любил дичину, что я и за исчезновение зайцев на него грешил.

Мы с женой согласились и привезли из Томска кролика и двух крольчих. Андреич тем временем построил сарай-крольчатник и первую клетку. Он говорил, что хорошо знаком с этим делом, а мы почитали литературу, и работа началась. Я заготовливал сено, на общем огороде росли для кроликов разные корнеплоды, которые мы по очереди поливали, Андреич мастерил новые клетки.

Работали мы вахтовым методом. В пересменках Андреич строил планы: как славно мы обеспечимся мясом. Вместо «мяса» он говорил «дичь».

Но он был старый человек. В его вахту почему-то умирали крольчата и вяли овощи, забитые сорняками. Такое хозяйство в тайге требует немалых трудов, потому что дикий лес агрессивен: неохотно отдаёт землю под огород и быстро засеивает её так называемыми сорняками. Это ведь для нас они сорняки, а для тайги – исконные хозяева.

Одним словом, весной Андреич уверял, что к зиме нам некуда будет девать «дичь», а к первому снегу у нас было с десяток кроликов, которые прогрызали тонкие рейки клеток, прыгали по крольчатнику и норовили сделать подкоп на волю.

В ноябрьскую пересменку Андреич объявил нам, что переводит «дичь» на «напольное» содержание, и неожиданно для нас на два месяца улетел в отпуск. Когда мы прибыли на очередную вахту, содержание у кроликов было уже вполне таёжным. Они устроили подкоп, в лесу на них пытался охотиться наш бестолковый пёс Босяк, они разоряли наш огород и спасались от Босяка в крольчатнике.

К весне мы совсем перестали верить заявлениям Андреича, что кролик – домашнее животное. Эти зверушки оказались самой настоящей, без кавычек, дичью, легко дурачили Босяка и лису и загрызли насмерть не только все молодые осинки вокруг, но и всю смородину на нашем огороде. Исчезли кролики так же внезапно и бесследно, как зайцы.

МОРЕ ПОД НОГАМИ

Считается, что человек ко всему может привыкнуть. Я слышал, что даже у солдат под обстрелом постепенно притуплялось чувство опасности, и они переставали «кланяться» пулям и обращаться на выстрелы.

Нечто подобное происходит и в лесу, особенно на таёжном болоте...

Светило солнышко, ветерок был лёгкий и тёплый, клюква уродилась, комары уже не донимали, как в июле – в общем, образцовое «бабье лето». Даже ни одного медвежьего следа в этот день не попало.

Я мягко шагал по рыжему болоту. Оно тянулось в три стороны до горизонта, только сзади темнел сосняк, из которого я вышел час назад. В корзинке было уже на треть крупных ягод. Я брал только крупные. Они редко разбросаны по зелёным «окошкам» между кочками. За каждой присядь, но зато добыча выглядит солидно. Да и корзинка наполняется крупным скорее.

Я чувствовал себя хозяином всего этого безбрежья и представлял, что раньше здесь было море, да вот за тысячи лет заросло прочным ковром. Ковёр прогибается под сапогами, но не прорвётся, если не прыгать на одном месте, а идти всё дальше, держась поближе к кочкам. И вся эта клюква, вся перезревшая голубика, вся жёлтая морошка – моя. Могу сорвать любую, съесть (хотя уже набил оскому) или положить в корзину. Могу сесть на кочку, съесть бутерброд, запить чаем из термоса, и тогда снова захочется бросить в рот ягоду. Ну, и так далее.

Нет на болоте ничего опаснее благодушного настроения.

Я заметил впереди сверкающее водяное окно, не затянутое моховым ковром, и слегка уклонился с курса. Поперёк моего пути заструился к «окну» узенький ручеёк. Я – хозяин тайги и болот – решил его перепрыгнуть и мягко оттолкнулся от «ковра». Через секунду моя корзинка лежала на боку, на другой стороне ручейка, сам я висел по грудь в ручье, опираясь растопыренными пальцами на воздушно податливый пушистый мох, мой рюкзак оставался у меня за спиной, лежал пока ещё на мху, но уже начал намочить и мог утащить меня на дно. А где это дно, спросить можно было только у собственной памяти. И она сообщила, что Васюганские болота считаются самыми глубокими в мире: до дна – восемнадцать метров.

Я служил на флоте водолазом, для меня нырнуть на 18 метров было нормальной работой. Но ведь не с рюкзаком и не в болотных сапогах, а с аквалангом и в ластах. Впрочем, об этом я не думал, повиснув между берегами ручья. Я вообще не думал. Я настолько

не думал, что даже не испугался. Я выпростал левую руку из-под лямки рюкзака и положил её рядом с правой. Немедленно за этим я выдернул и правую – пусть рюкзак тонет без меня, хоть и жалко термоса с чаем. Я не позволил себе барахтаться, а на одних руках, расставляя их пошире, начал нежно выползать на тот берег, где валялась корзина: он почему-то показался мне прочнее. Намокли рукава до плеч и энцефалитка до горла. Намок в нагрудном кармане блокнот. Было жалко топить сапоги, тем более что снять их было, кажется, невозможно. Было очень интересно, долго ли будет этот моховой «берег» подминаться под меня и уходить в воду. Было жалко разбросанной у корзинки крупной клюквы. Было жалко топить рюкзак...

Не могу вспомнить точно, как удалось задрать одну ногу настолько, что она стала плоскостью опоры. Но после этого я вылез на «ковёр», дотянулся до рюкзака, собрал кое-как рассыпанную клюкву, отполз ещё немного и осторожно поднялся на дрожащие ноги.

«Ковёр» держал.

Чтобы мокрому не замёрзнуть и не дать болоту высосать моё тепло, пришлось от кочки к кочке, энергично, но осторожно, плавной дугой уходить с болота, собирая по пути крупные ягоды, обходя блестящие места и не делая резких движений. Полкорзинки всё же набрал. Чай выпил в лесу, на ходу. Испугался я уже дома.

Оля записала этот рассказик, удивилась, перечитала ещё раз и снова удивилась. Когда тонула прошлым летом, всё было точно так же! И в памяти ВСЁ ЭТО БЫЛО, а ведь не вспомнилось, не погнало подальше от ручейка...

«Вот и верь, когда говорят, что ты умная, – подумала она честно. – Дурёха дурёхой! И памяти никакой... Впрочем, надо ещё разобраться, о какой памяти речь. Есть память «быстрая», которая работает сразу, а есть «глубокая», до неё ещё надо докапываться, без спешки. А на болоте была спешка...»

Ну, если уж до конца честно, то глубокая память тут была не виновата. Выходя на болото, надо было вспомнить всё, что о нём знаешь, так-то... Это ей и дед говорил, да тоже слишком глубоко запрятала.

В общем, память надо постоянно ворошить, чтобы не слёживалась. Кто не ныряет в память, тому нырять в болото.

ПАНИКА

Когда я был водолазом, даже ещё раньше, когда только учился плавать, мне говорили: «Самое страшное для пловущего – паника.

Гарантия, что утонешь. Не спеши, не суетись, определи, где берег, а где дно...». Ну и тому подобное, очень полезно. И я вовсе не думал тогда, что вспомню водолазную науку – в сухой дремучей тайге.

Впрочем, тайга вовсе не выглядела в тот прекрасный день такой уж дремучей. Я гулял на самом её краешке, по широкой просеке, которая шла параллельно дороге. По дороге ходили мощные грузовики. Светило полуденное солнце. В общем, заблудиться было невозможно.

В просеке стояли высоченные мачты высоковольтной линии, тихо гудели провода, а между мачтами чего только не росло. У толстых пней – россыпи брусники. Среди сваленных трассовиками и давно гниющих вековых стволов – малина, смородина, кислица. А под ногами – подосиновики – хоть коси. Я и косил. Хоть и выбрасывал два гриба из трёх: очень уж черви любят этот гриб. Вот из-за червей я и решил немного углубиться в лес: там должны быть моховики, а они – почище.

Через полчаса, когда наполнились и корзина, и рюкзак, и даже капюшон моей куртки, я поднял голову и огляделся.

Во все стороны лес был абсолютно одинаковый, а небо затянули тучи. Такие перемены погоды на севере не редкость, и я не растерялся. Хоть и не было с собой компаса. В северном полушарии ветры почти всегда дуют с юго-запада. Впрочем, почти... Значит, по облакам ориентироваться не стоит. Тем более, что я не запомнил, точно ли на север шла просека. Да и вошёл я в лес не по широкой этой просеке, а по узкому геодезическому профилю, метров шести в ширину. Он шёл почти поперёк просеки. Опять почти. С самолёта видно таких профилей множество, и пересекают они территорию в самых разных направлениях. И среди них не только геодезические... Да и чего об этом думать, когда достаточно прислушаться, и по звуку моторов станет ясно, где моя дорога.

Я прислушался. В воздухе стоял только птичий свист да комариный зуд. Почему нет машин? Неужели так далеко ушёл? Я присел на валежину и несколько минут послушал. Ничего нового.

Да нет, не мог я далеко зайти. Должны быть видны высоковольтные провода. Там и просека, а за ней – моё шоссе. Вон, на часах полдень: все водители просто уехали обедать. Я внимательно взгляделся по очереди во все просветы между деревьями. Проводов не наблюдалось.

Ну и ничего страшного. Сейчас поставлю свою тяжёлую корзину вот на этот высокий пенёк и, не теряя её из виду, сделаю по лесу круг. Либо найду тот профилёк, по которому вошёл, либо ещё что-нибудь разгляжу. Я сделал круг и ничего интересного не разглядел. Зато потерял свою корзину.

Ладно, ничего страшного. Грибов полно, а корзину я сам скрутил из бересты, она старая, не жалко. Я решил повторить это упражнение и двинулся по кругу снова, теперь ориентируясь на рюкзак. Он был красный и висел выше моего роста на сломанном дереве.

Когда стало ясно, что и рюкзак не найти, я утешился тем, что рюкзак тоже старый, а главное – тяжёлый. Теперь, налегке, всё становилось проще. Только вот продукты остались на дне рюкзака. Если заблужусь, похудею. Вытряхнул моховики из капюшона и пошёл совсем пустой.

Я бродил так больше часа. Уже всем пора было отобедать и начать ездить по шоссе, но ни одна моя остановка не приносила ниоткуда ни звука, кроме усиливающегося воя ветра. Начинало смеркаться.

Я назвал это воспоминание – «Паника». Но если бы кто-то посмотрел на меня тогда со стороны, он увидел бы спокойно шагающего путника, имеющего совсем не такой вид, какой изображают артисты, «заблудившиеся» в кино. Паника состояла в том, что я начал бояться остановки. Казалось, вот остановлюсь – и упаду, и совсем потеряю ориентировку. Хотя ориентировки с каждым шагом становилось всё меньше. А каждый следующий шаг делался тяжелее. И коренья кедров будто сами высовывались из мха, чтобы я спотыкался. А все сучья павших ёлок целились пробить сапог.

Надо было остановиться и посидеть, подумать. С большим усилием я заставил себя остановить выбор на первом попавшемся полугнилом стволе и сесть.

Ещё полчаса – и станет совсем темно. Даже если меня тут не съедят, ночь будет плохая: холодная и мокрая. Хорошо хоть, что нож и спички при себе.

Тут я и услышал мощный гул мотора. Далеко, километрах в двух. Но за полчаса по сухому лесу это было вполне преодолимое расстояние. Я со сдержанной радостью ломился сквозь тайгу, внимательно обходя завалы, чтобы не повредить в них ногу – вот это почти верный конец.

Мотор гудел на одном месте. Время от времени его перекрывал истошный металлический визг, будто в сибирскую тайгу забрёл слон и заблудился. Мне так и хотелось откликнуться таким же воплем, потому что я уже понял, куда зовут меня эти звуки.

Я вышел не к шоссе, а к буровой вышке. Под визг затаскиваемых в станок железных труб мне сообщили чумазные люди, что вот по этой разбитой дороге до шоссе «всего шесть километров».

Как я потом искал (и нашёл!) корзину и рюкзак – особая исто-

рия. Это было уже на следующий год, случайно. Я шёл на лыжах. На лыжах даже без компаса не заблудишься.

МЕНЬШИЕ БРАТЯ

Моя внучка – вся в меня. Ей было три года, когда впервые увидела коров. Она подхватила с земли клочок соломы и бросилась в гущу стада с криком: «Кушайте, маленькие!». Потом босиком по сухой пашне гонялась за шипящими гусями, чтобы их погладить, и важные грозные птицы разбегались в панике, как только что коровы. Теперь она, правда, взрослая.

А я, кажется, до сих пор отношусь к любому зверю так же, как она в три года.

Весна. Иду по просеке, глядя под ноги, и только метрах в двадцати замечаю лося. Он так громаден, что до уха мне не дотянуться. Тоже проглядел человека и на миг слегка присел. Весной этот зверь опасен: у него гон, он перед медведем не отступит. И меня он может убить одним ударом переднего копыта. Но я об этом не успеваю подумать. В восторге от встречи восклицаю невольно: «Уй ты, моя лапонька!». Гигант фыркает и без особой спешки бросается наутёк.

Начало лета. Вокруг моей избушки рассаживаются на столбах и сушинах самые настоящие морские чайки. Я их знаю, это мартины. Надо же: от океанского устья Оби пролететь две тысячи миль над ледоходом и ещё сотню километров над тайгой, чтобы рядом с посёлком нефтяников навестить меня, бывшего матроса. Выхожу во двор, и одна чайка, что летала перед моим окном, начинает кружить передо мной. Я знаю, что в чаек вселяются души погибших моряков, я спрашиваю: «Ты – Илья Дребезов? Или Володя Чинчарадзе? Или ты за мной прилетела?». Она делает свои круги всё шире, всё выше и вдруг исчезает, будто растворяется в ярком небе.

Сентябрь. По заросшей молодым осинником просеке внезапно выхожу на пустое пространство, посреди которого – высокий, с меня ростом, пень. На нём – среди яркого дня – огромная серая птица с ушами. Я такого большого филина видел только раз, прошлой зимой, когда мой напарник хотел в него выстрелить, а я не разрешил и прогнал мишень. Конечно: «Уй ты, моя лапонька!». Филин бесшумной косой тенью соскальзывает к земле и на брющем улетает в чащу. Узнал он меня?

Декабрь. Утро до света. Выглядываю в окно на истерический лай Босяка. На птичек он тьякает, с людьми строго беседует, а вот так, с ужасом в голосе, пытается запугать того, кто для него опасен. В луче прожектора вижу, как стелется по снегу крупная тварь

побольше Босяка, с телом медведя и головой собаки. Неужто росомаха? Она же с голодухи ест собак! И, главное, абсолютно не знает страха. Босяк прижался к стене, бьётся в моё окно – он явно не хочет быть съеденным. У меня есть карабин, я имею право защищать себя и домочадцев. Босяк это знает, а росомаха – нет. Она садится на снег и что-то каркает Босяку. Тот отвечает. Тогда она встаёт и уходит, не проваливаясь на широких медвежьих лапах. Не голодна...

Опять весна. Глухая ночь. Плотная, непроглядная облачность. А из неё слышны крики гусиной стаи. Наверно, казарки. Летели на Север и припозднились. Кружатся в багровой горячей мгле над газовым факелом нашего нефтепромысла и совещаются, не присесть ли на ночь у нефтяной вышки, вон и водоём. Крикнуть бы им, что водоём этот – «амбар», заполненный подземной зловонной водой, насыщенной сероводородом и покрытой слоем нефти в палец толщиной. И гуси будто слышат мои мысли: крики почтенного совещания начинают смещаться...

Я часто думаю: если уничтожим себя и всех животных какой-нибудь катастрофой такого «антропогенного» характера, планетка без живности всё равно не останется – насекомые старше нас на два миллиарда лет, им все катаклизмы – тьфу. Но ведь скучища настанет! Разве что... скучать будет некому.

НАСТОЯЩЕЕ ГОРЕ

Обычно вороны грабили нашего Босяка остроумным и простым способом. Одна начинала его дразнить, когда он ел, а другая сидела в сторонке на невысоком дереве. Босяк сначала отлаивался от шумно пикирующей нахалки, и тогда она опускалась в нескольких метрах и, побрякивая, начинала бочком приближаться. На расстоянии двух прыжков выдержка изменяла Босяку, он бросался в атаку. Ворона немного отлетала низом и снова приземлялась. Босяк преследовал и забывал о собственной миске с кашей. Как раз в это время вторая ворона спускалась с деревца и обедала. Потом они с подружкой менялись ролями.

Но настал день, когда прилетела всего одна ворона. Я как раз наполнил миску, Босяк бегал где-то, и она, сделав всего один круг, осторожно опустилась недалеко от еды. Сильно хромая, стала к ней приближаться. У миски огляделась, клюнула несколько раз, и тут налетел Босяк. Бедолаге пришлось отталкиваться всего одной лапой, и она едва успела взлететь.

Так длилось месяц. Вторая ворона не появилась. А у этой лапа не проходила. Мне даже казалось, что хромает она всё сильнее. Увести Босяка далеко от миски не удавалось. Кормиться на ка-

кой-нибудь свалке возле столовой ей, конечно, не позволяли родители: все стайные существа бьют своих больных и отбирают у них пищу. Ворона худела на глазах.

Я пытался подкормить инвалидку, бросал ей куски на крышу. Но крыша была покатаая, с одной лапой на ней не удержишься. Птица пыталась хватать куски на лету. Но часто промахивалась, и еда падала в пасть бдительному Босяку.

Верно говорят, что беда не приходит одна. Может быть, кто-то выстрелил по двум неразлучным птицам. Одну убил, другой перешиб лапу. Или четверолапый хищник подстерёг сразу двоих. Что бы там ни было, а для птицы потерять сразу и друга, и здоровье – большая беда. Исчезла несчастная ворона так же, как исчезают все в её мире – внезапно и без следа.

ГЛУБОКИЙ КОНТАКТ

Это была моя первая встреча с гадюкой, когда она заметила меня раньше.

Вокруг широкого, как стол, кедрового пня выросла густая плантация брусники. Ягод было полно, я спешил собрать их до начала дождя и больше прислушивался к порывам внезапного ветра, чем к звукам из кустов. А оттуда текло прерывистое, нервное шипение. Когда я осознал, что оно означает, руки ещё суетились в пушистых зарослях. Левая ощутила укол, и я извлёк её на свет с двумя лишними «брусничинами» на пальце – контакт состоялся.

Я стряхнул кровь с пальца, а правая рука сама лапнула на поясе нож. Чёрная лесная гадюка заструилась прочь по щелястой поверхности пня, и моё мстительное лезвие ударило дважды.

Я выдавливал, как учили, отравленную кровь из онемевшего пальца, а сам смотрел в глаза отрубленной змеиной голове. Удивительные круглые глаза уставились на меня без той лютой злобы, какая бывает у собак, людей и прочих теплокровных хищников. В змеиных глазах я видел только мудрость и удивление. И сам удивился: откуда у пресмыкающегося эти качества? И зачем ей вокруг зрачка столько радужных колечек: целых четырнадцать, и каждое – своего цвета?

Кровь перестала выдавливаться, а горячая боль пошла вверх по руке. Мне становилось не до змеи. Я надрезал палец, выдавливал ещё, потом замазал ранку пихтовой смолой, обмотал руку платком и двинулся из леса. Хотелось спать, ноги плохо слушались.

Но я шёл и, чтобы не заснуть, думал о змее. Вероятно, вместе с ядом она влила в меня какое-то высшее, природное знание.

Я думал, что посредством укуса мудрый змеиный народ пытается сообщить нам, менее мудрым, что надо жить всем в согласии, не брать лишнего, не ломать встречного и не убивать зря. Мне казалось, я понял, откуда произошло выражение – «мудрость змеи».

Она содержится в змеином яде!

Хлынул дождь, и это придало мне бодрости.

Через два дня, когда отравление отпустило, я ни о чём таком уже не думал.

ПРИМЕТА

Лучше всего работается в лесной избушке зимой, когда не надо заботиться об огороде. Сиди и рукодельничай.

Как-то декабрьским утром я почистил снег во дворе, попил чаю и собрался работать. Извлёк из ящика бересту, выкройки для туесов и раскрыл свою коробочку с резцами. И отдёрнул руку. На моих инструментах расположился чёрный травяной паучок. Не из тех, что плетут сети и ждут в засаде, а крепенький и быстрый охотник, который бегаёт летом в траве и берёт добычу в честной погоне.

Но в такие мгновения мало кто успевает подумать об этих тонкостях. При встрече с кусачим членистоногим человек чаще всего действует машинально. Эти твари появились на Земле (если верить науке) намного раньше нас и чувствуют себя истинными хозяевами, а человек испытывает к ним высокомерное отвращение пополам со страхом, поэтому сначала бьёт, потом задаёт вопросы.

Я занёс руку, ожидая, что враг убежит. Он не стал спасаться, и моя рука ударила. Потом я спросил: «Почему ты не побежал?». Комочек хитина не ответил, конечно.

Ровно через месяц ответ нашёлся в неожиданно подвернувшейся книге. (Меня нужные книги часто находят сами.) Я прочёл, что знающие люди носят с собой таких паучков в коробочке или в ореховой скорлупе, подвесив на шею. Само присутствие этого «врага» приносит удачу в делах. Бывает, его даже съедают, чтобы вылечиться от мигрени или у всех выиграть в карты. Не написали только, чем же его, беднягу, в заточении кормят.

Выходило, что мой паучок сам как-то захотел стать талисманом, а я вот – не знал...

Осталось надеяться, что те паучки, которых я спасал из воды или обходил на тропках, замолвят за меня на своём языке слово перед невинно убиенным собратом. Ведь всё равно мне полагалось его съесть.

СТРАШНОВАТЫЙ СУВЕНИР

«Я жил тогда в лесной избушке». Эти слова читать – одно удовольствие. Да и писать приятно. Вот как я замечательно жил! Делал, что хотел, никто не мешал и так далее.

Но никакое удовольствие не даётся даром. Я в той избушке жил не просто так. В окно, которое выходило на восток, я поглядывал всё время, даже ночами. Там, за колючей проволокой, стояли четыре железных хранилища. А на гвоздике за дверью у меня висел заряженный карабин. А в северное окно я видел шлагбаум. Несколько раз в день к нему подъезжала специальная машина, я поднимал шлагбаум и впускал машину за колючую проволоку. Я охранял взрывчатку, которую используют для добычи нефти. Что это такое, рассказывать долго. А речь сейчас не о взрывчатке. Она лежит себе и совсем не опасна, пока не сработает детонатор, и чтобы он сработал, надо ещё весьма умело постараться.

Речь пойдёт о трансформаторе, который стоял в сотне метров от моей избушки за шлагбаумом. От него зависела вся энергетика моего склада: и огромные мощные прожектора, и отопление избушки, и свет в ней, и кухонная плита. От специальной электролинии к трансформатору спускались три толстых провода, а держались они на больших красивых изоляторах, похожих на молоденькие ёлочки. Если бы в линию ударила молния, изоляторы спасли бы трансформатор от ужасного разряда в миллион ампер. Это было весьма важно, потому что убить человека может ток всего в одну десятую ампера, а сто метров для электричества – не расстояние.

Я электричества не боялся. Бояться стоит лишь того, чего не понимаешь.

Была середина лета, жара невероятная. Я варил кашу и старался держаться подальше от раскалённой электроплитки. Подходил на секунду помешать и тут же удалялся к северному окну, чтобы полюбоваться гигантской тучей, которая летела прямо на меня и обещала освежить воздух и наполнить мои вёдра под самодельными желобами. Из мрака высывались жала молний, грохотало, но меня это не беспокоило: все заземления были на своих местах и постоянно проверялись нашим электриком (а ну как молнией – в мою взрывчатку?!).

Вот стало темно, по окну стегнул ветер, засвистело в форточке. Я включил свет, чтобы ещё раз заглянуть в кастрюлю, и сделал шаг к окну.

ОНО застало меня как раз на середине комнаты. Что-то мелькнуло рядом с правым плечом и взмыло под потолок. Тут же свер-

кнуло всё вокруг и ударило так, что воздух сильно содрогнулся, а я на миг присел. И из этого положения хорошо разглядел фейерверк, который поднялся над трансформатором. Если учесть, что до него было сто метров, высота огненного фонтана составляла метра три.

И тут же мне пришлось отскочить от окна, потому что из толстого электрического кабеля, проложенного под потолком, на меня густо полетели крупные искры. Свет погас, но темнее не стало: это бурно загорелась проводка.

Не будь меня рядом, сухая избушка сгорела бы в десять минут. Но я снял с вешалки рабочую куртку и задавил ею пламя. Пришлось для этого встать на табуретку да отмахнуться от капель расплавленного алюминия.

На всё событие ушло секунд пять. Осталось немного белого дыма с противным запахом.

Моя каша как раз дозрела, даже не успела пригореть.

Телефонная связь уцелела. Я пообедал и позвонил электрику. Он приехал после грозы, надел на все свои конечности резину, и мы пошли к трансформатору.

– Смотри, – сказал он, открыв шкаф предохранителей, – какая силища!

Мощная алюминиевая шина толщиной с карандаш на входе просто отгорела, а на выходе так интересно оплавилась, что конец её стал похож на красивый блестящий бутон белой розы, готовый сию минуту раскрыться и явить миру лепестки.

Я попросил электрика откусить это чудо так, чтобы остался хвостик. Мы наладили проводку, и он уехал. А я взял тонкое сверло, прокрутил в хвостике металлического бутона отверстие, продел нитку и несколько дней носил амулет на шее. Показывал знакомым, и рассказывал о шаровой молнии, которая родилась в моей кухне, пролетела у моего плеча, вошла в проводку, достигла по ней трансформатора и создала свой автопортрет – не на память, а чтоб не заносился перед стихиями.

Долго носить бутон на груди я не смог. С самого начала чувствовал себя мишенью для следующего разряда. Перед очередной грозой я его снял. Висит теперь дома. На гвоздике.

Дед рассказывал Оле про этот «бутон», когда она спросила о нём впервые. Ей тогда было пять лет. В шутку сказал: «Это молния», потом рассказал. Предложил подержать в руке, но Оля не решилась. Маленькая была, побоялась. Теперь она была втрое старше, но – так и не прикоснулась к алюминиевой ка-

пле. Даже после встречи с Виром¹ остался какой-то страх. И как это дед решается утверждать, что электричество – понятное явление?..

БОЛЬШИЕ ГЛАЗА СТРАХА

Между нашей сторожкой и посёлком лежала заболоченная долина ручья, метров сто в ширину. За полчаса мы лесом доходили до посёлка, если надо было закупить продукты или попариться в бане. А наши водители, чтобы привезти на склад воду во флягах или получить то, что мы охраняли, должны были проехать круговую пять километров.

Мы все работали вахтовым методом, то есть по 12 часов в день. И хотя люди уставали изрядно, бывали всё же и часы досуга. В один из таких зимних часов один из водителей навестил нас пешком. Шёл он, как и ездил, по шоссе, затратил на это весь свой час, а когда прибыл к нам, уже темно.

– Волки вдоль дороги ходят, – сказал он за чаем. – Я только что видел следы четырёх матёрых, отпечатки – с ладонь, прыжки – аж по два с половиной метра. Не боитесь?

И посмотрел при этом на мою жену. Мы с ней уже несколько лет работали в паре.

Моя напарница сделала круглые глаза и призналась, что по ночам вообще не выходит из дома: за каждым деревом, мол, мерещится по хищнику.

– Вот и я боюсь теперь обратно идти, – признался шофёр.

Я взял карабин и проводил его до посёлка через болото. Потом вернулся и застал жену в веселье.

– Больше никто к нам пешком не придёт, – говорила она сквозь смех. – Можешь спокойно резать свою бересту! Аж два с половиной метра прыжки!..

Я посмеялся вместе с ней. Волк, который приходил весной к нашему шлагбауму, во все лопатки удрал, едва я вышел из сторожки. То же сделала прошлой зимой и росомаха. Потому что, во-первых, слишком шумно и хорошо нынче вооружён человек, чтобы звери этого не знали, во-вторых, в лесу полно мышей, а в-третьих, не так уж голодно нынче живём, чтобы зверь не прокормился на наших свалках.

Что же касается звериных прыжков, то наш горожанин-шофёр очень бы удивился, увидев, как заяц, когда спешит, оставляет меж двумя касаниями запросто по шесть метров.

Почему мы не сказали этого гостю? Человек так устроен, что

---

¹ Персонаж из первой части произведения «Девчонка с котенком: таёжная сказка».

не поверит, если сам не увидит. И никто пусть мне не верит, пока не увидит. Только стрелять при этом не стоит. Зверь прекрасен, пока жив.

СЛЕДЫ

Однажды наш начальник смены напросился со мной за клюквой. Сказал интересно: «Покажи мне места моей молодости». Я спросил: «Что сие означает?». Он ответил: «Двадцать лет назад я работал на этих площадях в качестве молодого геолога. То есть, красиво выражаясь, открывал здешнюю нефть. По карте хоть что тебе найду, а на местности уже могу заблудиться: несколько изменились места за двадцать-то лет».

Мы шли сначала по заросшей просеке, которую я хорошо уже изучил, и он узнал искорёженный ржавый остов жилого вагончика: «Это у сейсморазведчиков взорвался зарядный ящик. Что стало с их жилищем, сам видишь, а о судьбе взрывника, который ошибся, можешь догадаться».

Свернули в молодой, двадцатилетний лес. Метров через двести вошли в матёрую тайгу. Тут пришлось обойти пустую железную клеть, в которой вертолётчики перевозят на подвеске разные грубые грузы. Михалыч узнал и её: «Размотался конец троса, на котором её несли, и захлестнул вертолёту хвостовой винт. Они уже шли на посадку. Не долетели до нас триста метров. Отцепили подвеску, она и рванула... Где-то здесь и обломки должны лежать». Мы прошли ещё сотню шагов и постояли у обломков «МИ-четвёртого». «Кто-нибудь уцелел?» – спросил я. «Они упали со ста пятидесяти метров», – ответил Михалыч. Высвободил из мха и багульника небольшой обломок дюралю – белый изнутри, зелёный снаружи – и сунул в рюкзак – на память. И показал рукой направление: «Идём туда».

Через триста метров я мог убедиться, что он не так уж и забыл места своей юности. Ещё одна пустошь, заросшая молодым осинником и березником, хранила следы буровых работ. Валялись помятые обсадные трубы, ржавело зубастое буровое долото, догнивал жердяной мосток через искусственный водоём, затянутый ряской и украшенный коричневыми головками рогоза. На короткой гриве искусственного происхождения желтели маслята и моховики. В стороне, среди тонких стволов, массивно темнел бетонный постамент, на который в пору было водружать памятник. Мы подошли. «Заглушенная скважина, – объяснил Михалыч. – К ней ещё вернуться, будут разбуривать». Постамент был накрыт толстой железной плитой, на которую с помощью электросварки навечно нанесли номер и информацию о том, кто и когда произвёл

здесь работы. Шутник с электродом добавил к официальному тексту и кое-что нецензурное от себя. Михалыч прочёл и усмехнулся: «С нами разные люди работали. – И вздохнул: – Без тебя я бы это место не нашёл».

Но теперь он уверенно отыскал среди деревьев старую колею и уверенно двинулся по ней туда, где нас ждала клюква.

Через пару километров тайга распахнулась обширным болотом. Колея, по которой мы пришли, двадцать лет неезженная, двойной ровной вмятиной уходила сквозь мхи и кочки к горизонту.

– Вот, – сказал Михалыч. – Вот тебе иллюстрация к известному предупреждению: «След, оставленный вездеходом на болоте, не заживает пятьдесят лет».

– Значит, ещё тридцать лет осталось?

– Через тридцать лет придём, проверим, – он мрачно усмехнулся. – Если доживём.

УШЕДШИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ СЕВЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

*С благодарностью за помощь
в сборе информации
Ольге Александровне Кочетковой
и Кутергиной Людмиле Фёдоровне*

Город Северск, много десятилетий живший наособицу, но прятавшийся в тени старинного Томска, разменял седьмой десяток. Разные пути приводили на эту землю будущих северчан. Для кого-то эта земля испокон веков была родной, но большинство – пришлые с разных концов страны. Город жил наукоёмким производством, следовательно, количество образованных людей в нём было велико. Можно, конечно, сказать – образование культуре не тождественно. Это правда, нередко среди людей, не прошедших высшую школу, можно найти интеллигентов и настоящих самородков. А образованный дурак и хам противнее вдвойне. Но всё же высшая школа даёт не только образование. Она развивает мышление, формирует круг духовных запросов, требования к уровню культурной жизни. А если государство ещё и осознаёт значимость этого города и щедро вкладывает финансы в его развитие, то формируется качественная почва для развития культуры. Наличие в небольшом и закрытом (это очень важно для понимания любой сферы жизни Северска) городе замечательного Театра музыкальной комедии, Природного парка с зоопарком, хороших библиотек – дорогого стоит. Как человек, выросший в Томске-7, скажу: талантливые люди здесь довольно быстро оказываются на виду, и встретиться им просто. Как сложится дальнейшая творческая жизнь – сказать трудно. Может, рамки города окажутся тесноваты для крупного и своевольного таланта. Или наоборот, город станет той почвой, от которой берёт силы автор. Но первый этап для роста таланта в Северске благоприятнее некуда. Как в теплице с богатой почвой и заботливыми садоводами.

Потому в 1958 году в городе, которому и десятка лет не исполнилось, появилось городское литературное объединение, издававшее свой альманах. У его истоков стояла учительница Е. С. Ветрова, с ранних сборников мы видим фамилии М. Скроботова, А. Крылова, Л. Медведева, М. Карбышева. Фамилий ста-

новится всё больше и больше. «Берёзка» пустила корни и росла. Поэтическое название «Берёзка» многие связывают со стихотворением одного из отцов-основателей ЛИТО – Леонида Медведева. Другие – с неофициальным названием города – Берёзки (потому что официальное имя – Северск довольно быстро попало под запрет. А Томск-7, при всём уважении к восхитительному своим возрастом соседу, лишало город индивидуальности. Ну, право, хоть зовись по старинке «Строительством 601» или по адресу – Почтовый ящик № 5. Кстати, привычное до сих пор в Томске «Пятый почтовый» в Северске использовалось мало). Люди в «Берёзке» были не равны талантами, и отношения между ними оказывались не всегда гладкими. Но надо отдать должное: они все были необходимы для жизни объединения. И они делали всё, чтобы произведения северских литераторов обсуждались (и этим стимулировали автора к росту), звучали на встречах с читателями, по радио, и публиковались (что необходимо пишущему человеку, что бы он там ни говорил). Это самое главное – чтобы росли молодые литераторы. Здесь нельзя не назвать имя Алая Фёдоровича Крылова (именно так записан он в паспорте, а Алоизом стал зваться, чтобы не слишком удивлять публику экзотическим именем). Человек, наделённый живым характером, юмором и самоиронией, тонким чутьём искусства, особенно – народного, своё творчество он оценивал иронически, и собственные стихи называл не иначе, чем «стишатами». А вот чужие творения умел оценить, и похвалить, и совет дельный дать. Именно потому этот добрый дядюшка и оказался во главе детского литературного объединения «Тополёк». Многие нынешние авторы Северска через эту школу прошли.

К сожалению, к 1990 годам «Берёзка» как-то зачахла. Иных не стало, другие оказались далече, да и характеры людей творческих часто мешают объединяться. Опять же, годы людям сил не прибавляют. «Берёзка» не исчезла – многие её авторы до сих пор делают своё дело: здесь надо добрым словом вспомнить Валентину Самойлову и Галину Семичеву, которые активно пропевают потенциальных читателей.

Но в 1994 году вокруг молодой (и по возрасту, и по времени жизни в городе) поэтессы Ольги Кочетковой собралась разновозрастная компания поэтов и прозаиков. В 1994 году сформировалось литературное объединение «Друза». Продолжила Ольга Александровна и деятельность «Тополька», работая с юными литераторами. Издавались журналы «Северский меридиан», «Ключевое слово», сборники и книги. В настоящее вре-

мя «Друза» распалась на отдельные кристаллы, у каждого из её членов – свой путь. Иных уж нет, а те – далече.

Сейчас в Северске действует ЛИТО «Гармония». Оно начало своё существование в 1999 году, сплотившись вокруг поэтессы Галины Ивановны Семичевой. Некоторое время этот клуб любителей поэзии и искусства собирался, не имея постоянной крыши. Но потом они обрели собственное имя (после выхода первого сборника «Родники» в 2001 году), нашли свой дом под эгидой Северской библиотеки, сперва в отделе «Мир семьи», а потом – в Центральной городской библиотеке. В ЛИТО издаются поэтические и музыкальные сборники (на настоящее время их число приближается ко второму десятку), авторские издания, дают концерты в библиотеке, школах и на городских мероприятиях.

Но мы сегодня говорим об ушедших, и потому в моём очерке имена живых упоминаются лишь тогда, когда обойтись без них совсем невозможно.

А вот тех, кто ушёл, хочется назвать поимённо. А заодно вспомнить, что с Северском были связаны многие авторы, чьим творчеством гордятся Томск и другие города: Валерий Сердюк, например, или Евгений Ерхов. Публиковались в сборниках «Берёзки» Эдуард Стойлов, Владимир Марьин.

Ушли, но остались первооснователи «Берёзки» Елена Ветрова, Леонид (Борода) Медведев. Только в памяти о школьных встречах с северскими литераторами остались подруги Елена Шадинова и Валентина Валиулина. Проводили в последний путь журналистов северского радио А. Болтачева и И. Погуляева. Не стало артиста Александра Шишкина. Талантливый организатор, для которого несколько инсультов не стали препятствием для создания организации «Ветераны-Инвалиды-Дети» Юрий Шипунов, тоже упокоился (вот, оказывается, этот деятельный человек был ещё и интересным автором). Издав сборник интереснейших очерков (собственных и своего отца) тихо ушла Тамара Полякова. Нет радушной хозяйки литературной гостиной и поэта Галины Ермаковой. Не стало одного из лучших руководителей Отдела культуры в Северске и яркого поэта Валерия Эльблауса. Покинула этот мир тонкий лирик Светлана Бучельникова. Смолкла гитара Михаила Новинского. Нет северского «древоточца», художника и поэта Владимира Козловских. Скончался почётный гражданин Северска, создатель единственного за Уралом музея Сергея Есенина Владимир Ни-

колаев. Нелепо погиб в ДТП молодой поэт и прозаик Дмитрий Янученко. Не стало Александра Канцедалова, Валентины Акатовой и Людмилы Арсёновой. Ушёл яркий и ершистый Михаил Карбышев, долгое время – единственный на весь Северск член Союза писателей СССР. Под гром аплодисментов – так всегда провожают артистов – ушёл из Центральной городской библиотеки в последний путь Алой Фёдорович Крылов. 2020 под занавес унёс жизнь Владимира Казина. В 2022 не стало Владимира Овсянникова.

За семь десятков существования в городе жили и творили немало ярких людей. Человеческий век короток, и даже память подводит. Я искала информацию о Вадиме Зимине, Михаиле Скроботове, Анастасии Фусаковой, В. Сурниной, Анатолии Саулове. Не так-то легко найти... О ком-то в памяти остались только стихи в старых сборниках.

Кстати о стихах. Наверняка северские литераторы писали на разные темы. Но в сборниках чаще попадают стихи, посвящённые родному городу и Великой Отечественной войне. Многие сборники издавались к юбилею города, под них выделялись деньги. Впрочем, понимаешь, что это не только «естественный отбор», проведённый временем (оно сохраняет далеко не всегда самое лучшее). Сейчас, спустя столько лет, смотришь на это другими глазами. Этим людям не надо было объяснять, что такое война, – она была в их жизни. И её отпечаток виден в судьбах, в том числе – в особом отношении к своей стране, к своему городу. На их памяти страну отстояли – и дорогой ценой! И свою землю они любили и ценили иначе, чем те, кому она просто досталась по наследству, мирная и удобная.

Татьяна Назаренко

Елена Сергеевна ВЕТРОВА

(1921–1980)

Педагог по образованию и по призванию, Елена Сергеевна Ветрова, грузинка по национальности, отлично знала русский язык и преподавала в одной из старейших северских школ русский язык и литературу. Её любили ученики и уважали коллеги. Елена Сергеевна была одним из инициаторов литературной жизни в городе Северске (Томск-7), стояла у истоков созданного в 1958 году литературного объединения «Берёзка». Писала стихотворения и стихотворения в прозе, публицистические материалы на тему морали, воспитания подрастающего поколения. Член Союза журналистов СССР.

ВЕТКА

(Стихотворение в прозе)

...Росла ветка, хрупкая, тонкая; липкие листики выпустила, тянулась к солнцу.

Шёл мальчишка, сломал, повертел; бросил – ему всё равно.

Ушиблась ветка и стала сохнуть. Согнулись листья, свернулись в трубки и, тихо звеня, падали на асфальт. На теле ветки открылись раны, она томилась, ей было сухо.

Проходил Лёнька – увидел ветку: «Может, она не совсем умерла?». Взял и посадил в цветочный горшок. Он каждый день поливал, но по-прежнему стояла она серая, и по-прежнему белели сухие раны.

– Брось ты эту затею, – говорили Лёньке, – разве не видишь – она мёртвая, даже палки из неё не получится.

Лёнька не слушал, он всё поливал, и снова поливал, и рыхлил землю.

Тянулась зима. Долго тянулась. А весной, когда небо стало розовым, под серой кожицей ветки появился бугорок. Он был крохотный – Лёнька едва нащупал. Замерло его сердце, и он тихо сказал:

– Молодчина, Ветка, я всегда знал, что в тебе осталась живинка!

Я СПЕШУ НА УРОК

Вечер снова зажёт огонёк.

В соснах тени шуршат, тихо в парке.

Я иду, я спешу на урок.

Вспоминаю парнишку за партой.

После смены устал – и не спал:

Посидел – не выходит задача.

На работу вчера опоздал,

И в сердечных делах неудача.

Не всегда ты хорош – ну так что ж:

Пусть ошибки и мучат, и учат!

Вижу – верной дорогой идёшь

И становишься чище и лучше.

А за парком огонь в сто окон.
Старым соснам пришлось расступиться.
Я иду, я спешу на урок,
Чтоб учить – и учиться.

ШЕНИ ЧИРИ МЕ...

(Отдай мне боль твою)

Больной, ты совсем как ребёнок.
Глухо бьётся под моей ладонью
Родное, живое сердце.
Обливаюсь холодным потом,
Отгоняю страшные мысли
И говорю тихо:
«Шени чириме...».
Отдай мне боль твою, любимый,
Пусть она перейдёт ко мне,
Пусть твоя боль войдёт в меня
Через руку по голубым жилам,
Перельётся с горячей кровью
Из твоего сердца в моё сердце.
Отдай мне боль твою,
И – гляди светло,
Отдай мне боль твою.

* * *

О вы, ответственные лица,
Как неприступен строгий взор,
Как в складках губ у вас таится
Всем осужденье и укор,
Как вы торжественно-спесивы
В своём ответственном раю,
Где подхалим поёт красиво
Про честность вашу и свою.
Вы лжёте посторонним людям,
А дома – матери с отцом,
И никогда из вас не будет
Лица с ответственным лицом!

* * *

Как мотылёк, на день, не боле
Рождённый без душевной боли,
Стих невесом и лжив.
Увы, таков закон искусства,
Что только искренние чувства
Вдыхает в слово жизнь.

МОРЕ

Море, море моё!
Ты всегда молодое.
А прошло столько лет.
У меня седина.
Несмышлёной девчонкой
Подружилась с тобою,
Расплетала мне косы шалунья-волна.

Ты всегда мне казалось огромным и мудрым,
Когда красное солнце
Из своих выпускало глубин.
Я взяла у ракушек
Перелив перламутра,
И взволнованный шёпот
Первой любви.

Это было давно – до войны, до войны.
Пред тобой невозможно душой размельчатся.
Что могла – отдала,
И на мне нет вины,
Если в вечном долгу суждено мне остаться.

Сколько славных ребят не вернулось к причалу!
Из друзей лишь одна я осталась живой.
Кто же в том виноват,
Что мальчишки пожилы так мало?
Море, мудрое море, если знаешь – открой!

У кого не погибло ни мужа, ни сына, ни брата?
По сей день нелегко добывается хлеб и покой,
И кровавой звездой

В сердце имя героя-солдата
Носит Родина-мать
И в живых устоявший герой.

Море, море моё! Я стою у причала.
Я вернулась иная.
Ракушечный блеск – не по мне.
Я хочу разглядеть, где берёшь ты начало,
Что таится в твоей глубине.

**Алой Фёдорович
КРЫЛОВ**

(1932–2011)

Алой (Алоиз) Фёдорович Ккрылов родился в 1932 году в Чаинском районе Томской области. В Северске жил с 50-х годов, с первых бараков. По профессии преподаватель-музыкант по классу хорового дирижирования. После окончания Томского музыкального училища работал в клубах Химстроя и других коллективах, преподавал музыку в школах. Писал стихи и прозу.

Публиковался в коллективных сборниках «Антология поэзии закрытых городов», «Любовь и судьба», в альманахе «Сибирские Афины», журналах «Совершенно открыто» и «Северский меридиан». Автор книг стихов для детей «Утренняя песенка», «Сутки на минутки» и «Котостан», а также книги о вкусном и здоровом пиве «Двенадцать кружек».

Член Союза журналистов России. Лауреат многочисленных творческих конкурсов.

Умер в Северске в 2011 году.

* * *

Галине Сергеевне Ермаковой

Кто – в пивную,
Кто – в аптеку.
Ну а я – в библиотеку.
Где она, скажи, пиит?
– На Курчатова стоит!
Сколько ей?
– Да четверть века:
Ничего библиотека.
Далеко ей до седин.
Ермакова – властелин!
Рада старая планета –
Жизнь кипит ключом:
Самозванного поэта
Манит калачом.
Где ты, сладкая истома, –
Я читаю стих...
Здесь-то мы, пожалуй, дома:
Я, Вадим, Мих-Мих,
И Шадинова Елена,
И, конечно, Борода –
Тут и море по колено,
Горе – не беда!
Ну – и кланяемся в пояс:
Нам до славы два шага.
В заключение Алоиз –
Ваш покорнейший слуга.
26 апреля 1980 года

ЛЕОНИДУ МЕДВЕДЕВУ

Взирая на лица,
Легко ошибиться.
Имея в виду
Его бороду.

Лицом – богомолец,
Душой – комсомолец:
Любые грехи
Сведёт на стихи.

ГОЛУБАЯ ЧАШКА

Когда в крапиве «чиж» –
Попробуй-ка – достань-ка!
Обиженный мальчиш,
Игру бросает Санька.
К забору, где дыра,
Несётся, как из пушки.
Какая там игра –
Дубиной по макушке?
Кипит, бушуя, двор,
А в доме, где потише,
Повылезли из нор, царапаются мыши.
...Тяжёлые шаги,
Зловещие зарницы.
Матёрые враги
Скребутся у границы.
Задумали разбить
Голубенькую чашку.
Успели позабыть
Чапаевскую шашку!
Ребята бьют «чижа».
Придут ещё руины!
Ещё на мальчиша
Не лезут буржуины,
Грядёт ещё удар
Пред бездною сраженья.
И жив ещё Гайдар,
Ребячий добрый гений.
Но ждёт уже свинец
Тимуровцев, Гаврошей.
Ну где же твой гонец,
Воитель мой хороший?
Уж ворон закружил,
Спокойствие тревожа.
Ты жизнью дорожил,
Но Родина – дороже.
Как тучи в небе хмуры,
Как зорек часовой!
Гайдаровцы-Тимурь,
Вернётесь ли домой?

«Никто не задрожит –
Ударим по фашистам!»
А девочка бежит,
Да с котиком пушистым.
Какая будет жизнь!
Бегите, мыши, в норы!
А ты, шпион, держись –
Крепки у нас дозоры.
Аукнул паровоз,
Огни во тьму пуская.
А жизнь валом гроз –
Хорошая такая!

* * *

Шелестят повидавшие виды страницы,
Как военная песня, тревожен рассказ.
Полыхают бои – и мерцают зарницы
В синеве растревоженных глаз.
Не унять ликование, и боль не умерить –
Над «Военною тайной» склонился малыш:
И победа близка, и не хочется верить,
Что погибнет Мальчиш-Кибальчиш.
Но шагал по земле барабанщик не даром,
И геройская жизнь прервалась, горяча,
Чтоб ребятам идти да идти за Гайдаром
В ту страну, где фанфары звучат.

РЕЧКА ЧАЯ

Имя самое простое,
Да забудешь ли его?
Цвета чайного настоя
Речка детства моего.

За далёкою верстой
Лес качается густой,
Невесомые берёзки
Щеголяют берестой.

Мне годок идёт шестой,
Пью живительный настой,
И на синей на матроске
Блещет якорь золотой.

Ни длинна, ни коротка,
Тихо плещется река.

Пароход, что лебедь белый,
Режет рыжую струю.
Пароход зовётся «Смелый»,
Я на палубе стою.

Мне вернуться бы домой,
Только годы – за кормой,
Где коричневая Чая
Омывает те края,
Лёгку лодочку качая
У истоков бытия.

ПОДГОРНОЕ

Тот палисад, что дарила мне песенка,
Вижу, друзья, наяву!
Кот полосат. Невысокая лесенка.
Мальчик бежит на траву.

Прыгает кот за игривою ниткою,
Катится наземь кольцом –
Это встречает меня за калиткою
Детство с весёлым лицом.

Долго скучал я по старому тополю,
Помня далёкий причал,
Волны колосьев, бегущие по полю,
В сердце своём привечал.

Дом под горою. Подгорное, вот оно!
С ним ли дорога светла?
Много ль колец годовых понамотано –
Вижу на срезе ствола.

Так распахнись же, родная околица,
Быстрые дни приструни.
Пусть под ногами по-прежнему колется
Жёлтая щётка стерни!

ПОЭЗИЯ

Проходя дорогой торной
Там, где пели деревья,
Воспевая в думе чёрной
Не дубравы, а дрова,

Я, настроенный на прозу
(О поэзия, прости!),
Заприметил ту берёзу,
Что стояла на пути.

И, подобная царевне,
Хороша и молода,
Провожая из деревни
В голубые города,

Замерла у перевоза,
Величава и чиста...
Ты, поэзия, Берёза,
До последнего листа!

ОБЕЛИСКИ

В пути далёком,
В краю неблизком
Я поклоняюсь обелискам.

Вставая вдруг за поворотами,
Не зная, что решит Потсдам,
Идут они живыми ротами
Навстречу скорым поездам.

Травую свежую поросшие
На гребне матери-земли
Бегут они в бывшее-прошрое,
Туда, где парни полегли.

Под взором солнца,
Под лунным диском
Нам поклоняться обелискам.

Цветы, клоня головки грустные,
Хранят их тягостные сны,
И снятся им подруги русые
Без седины.

В ПИОНЕРСКОЙ

Тревожа в памяти года
Лапты и «Мойдодыра»,
Я навещаю иногда
Людей иного мира.

Во мне рассказов – миллион,
И радости излишек,
Когда я тесно окружён
Толпою ребятишек.

Как прежде, все они дружны,
В игре немного шумны,
Порой в отваге рвут штаны,
Бывают остроумны.

Обиды долго не тая,
Воют понарошке.
...Отсюда нас во все края
Вели пути-дорожки.

И я, в плену приятных грёз,
За шахматной доскою
Сдаю позиции всерьёз
Отважному герою.

Владимир Исаакович НИРЕНБЕРГ

(1939–2004)

Родился 1 марта 1939 года в Запорожье. После окончания Омского химико-технологического техникума в 1959 году приехал в Северск. На СХК работал по 1993 год аппаратчиком, дозиметристом, конструктором на заводе подразделения изотопов, инженером на РМЗ. В 1968 году окончил Томский государственный университет. С 1993 по 2000 г. работал в Комитете по защите прав потребителей.

В 1978 году вступил в Союз журналистов СССР. Стихи публиковались в сборниках «Магистраль», «Антология поэзии закрытых городов», «Любовь и судьба», альманахе «Сибирские Афины». Лауреат городского конкурса, посвящённого 55-й годовщине Победы.

В 2004 году вышел двухтомник его стихов. В том же году ему была присуждена премия главы администрации ЗАТО Северск «За мастерство и творческую инициативу в развитии культуры».

Скончался 17 декабря 2004 года.

ПЕРВЫЙ КЛАСС

Первый класс. Послевоенный год.
Память оживляет давний снимок.
Где-то ты теперь, лихой народ,
Быстро выраставший из ботинок?

Первый класс. Шинельное сукно –
Мой костюм для повседневной носки.
Я смотрю сквозь дырочки в матроске,
Словно в мир иной через окно.

Первый класс над партами застыл.
Слово «МИР» впервые пишут дети.
Это слово через годы светит,
И не стало лёгким и простым.

Рано повзрослевшие друзья,
Тяготы войны на ваших лицах.
Я из этих вырос россиян,
Мы – послевоенные страницы.

И куда б ни разбросало вас,
В мыслях я за каждого спокоен.
Ты своих родителей достоин,
Мой послевоенный первый класс!

ВЛАСТЬ ТВОЯ

Мне ль молиться
На жребий везенья?
Упреждать все желанья твои?
Ты и боль,
И земное спасенье
От прошедшей,
Ушедшей любви.
Власть твоя
Надо мною безмерна.
Без сомнения ясно одно:
Преклоняю
В восторге колени,
Будто пью пресвятое вино.

ТЫ НИЧЕГО НЕ ЗАБЫЛА

Как ты стремительно ушла!
Как ты боялась оглянуться!
Была... Как долго ты была.
Как я просил тебя вернуться.

Я ничего не понимал.
Бессильно опускались руки.
Лишь кот доверчиво дремал,
А шторы морщились в испуге.

Нам не хватало только слёз
В ту отчужденья чашу.
И музыки с прощальным маршем...
Но в комнате висел вопрос:
А уходить не страшно?

МОЙ ГОРОД

Река поёт о городе сибирском,
В той песне есть слова и о тебе.
Поёт она о чём-то близком,
О том, что стало памятью в судьбе.

От этой песни город пробудился.
Ручьи людские потекли в рассвет.
В мой город я давно влюбился,
Мой его Коммунистический проспект.

Люблю его вечернее сиянье,
Люблю зарю над ласковой рекой.
Он – первое моё свиданье,
Неповторимо юный город мой.

Зимой город серебрится снегом,
Весной и летом зеленее нет.
Река не замедляет бега,
И песня не даёт покоя мне.

МИШУТИНО

Ах, как далёк я от деревни!
Моё Мишутино в снегу.
Смотрю на стылые деревья
И наглядеться не могу.

Вчера приснился палисадник,
Калитка ветхая во двор.
Пылит дорога. Мчится всадник.
Кто б мог подумать – дед Егор!

Не удивился. Посмотрел –
Нельзя ли к деду приспособить?
– Ну что, набегался, пострел?
Не разучился в поле робить?

Ах, как далёк я от деревни!
Опять Мишутино в снегу.
Смотрю на стылые деревья –
И наглядеться не могу.

Александр Петрович ШИШКИН

(1947–1998)

Родился в Москве. В 1966 году приехал в Северск.

Пробовал себя в самых разных ипостасях: актёр Северского музыкального театра, диктор радио и телевидения, региональный координатор связи МЧС РФ. В последние годы жизни всерьёз увлекся радиолюбительством. Обеспечивал связь с Большой землёй полярных экспедиций северских путешественников, много сил и энергии отдавал поиску пропавших в годы Великой Отечественной войны.

Публиковался в коллективных сборниках «Любовь и судьба», «Антология поэзии закрытых городов», журнале «Совершенно открыто» (1995), городской газете. Авторский сборник «Я и ночь» (1999).

* * *

Мы давно повзрослели,
возмужали давно,
Стали взрослыми ели
в парке возле кино.

Но заветное средство
Время вспять повернёт.
Из далёкого детства
Загудит пароход.

Сизой чайкой в начале
Промелькнёт он вдали,
Позовёт на причалы
Провожать корабли.

И в туманные дали
Нас с тобой уведёт...
Он достоин медали,
Детский наш пароход.

Хоть и стали мы старше,
Той поры не стереть...
Море – молодость наша –
Не даёт нам стареть.

ЮБИЛЕЙНАЯ ПЕСНЯ

Искрятся шпаги солнечных лучей,
Проснулся город радостно, без лени,
На площади, где бьёт людской ручей,
Навстречу солнцу руку поднял Ленин.
Наш город встал, усталость сбросив с плеч,
Глядится в Томь глазами синеокими,
И всё быстрее начинают течь
Проспект-река и улицы-притоки.

На страже мира твёрдо, как солдат,
Сегодня отмечая четверть века,
Стоит орденосный комбинат,
Рождённый доброй волей человека.

Наш город очень часто видит сны,
Он видит лица первых добровольцев
И первый дом, что вырос у сосны,
Построенный руками комсомольцев.
Наш город хорошеет с каждым днём,
На радость нам, на радость всей Отчизне,
Назло врагам, играющим с огнём,
Идёт он гордо по прекрасной жизни.

Я заявляю искренне вполне:
Считаю город самым милым домом,
Вот почему, наверно, утром мне
Все люди удивительно знакомы.
Пусть крепнет, хорошеет комбинат,
Во имя жизни, счастья человека,
Сегодня юбилею каждый рад,
Сегодня поздравлений льются реки.

На страже мира твёрдо, как солдат,
Сегодня отмечая четверть века,
Стоит орденоносный комбинат,
Рождённый доброй волей человека.

ПЕСНЯ О ВЕТЕРАНАХ

Друзья, стареть нам рановато,
И благодарны мы судьбе,
Что мы – частица комбината
И честь его несём в себе.

Чтоб спать спокойно стали дети,
Чтоб не коснулась их беда,
Чтоб пели птицы на рассвете,
Пришли с тобою мы сюда.

Был комбинат тогда на старте,
С тех пор минуло двадцать пять,
Был город молод, и на карте
Его пока не отыскать.

И были юны мы с тобою,
И был в работе каждый зол,
И каждый день для нас был боем –
Не мог иначе комсомол.

Взрослели мы, выросли сосны,
Но двадцать пять для нас – лишь час,
И повзрослел орденосный,
И дети выросли у нас.

Хоть мы немного поседели,
Но скажем прямо, без прикрас,
Что в нашем славном, трудном деле
Не обойтись пока без нас.

И дети, нам придя на смену,
Пусть пронесут через года
Той славной юности горенье,
Что мы с тобой зажгли тогда.

Нет в жизни возраста чудесней,
Нам двадцать пять, и жизнь светла,
Тому порукой эта песня
И наши славные дела.

* * *

Я не носил фуражку со звездой
И не был перетянут портупеей,
И с глазу на глаз не был я с бедой,
С бедою той, что всех страшней и злее.

Я слышал канонаду лишь в кино,
В атаку шёл, отца рассказы слыша,
И напряжённой, взмокшею спиной
Не ощущал, что небо смертью дышит.

Я не был там, где ради жизни – смерть,
Где познаётся кровью вкус победы,
Где строй людей – карающая твердь,
Которой не страшны любые беды.

Где человек сражался и любил,
Назло снаряду, бомбе, пуле, мине.
Я не был там. И всё же там я был,
С моим отцом, мечтающем о сыне.

* * *

Осень стала немного кислую,
Словно спелая клюква в болоте,
И считаю по пальцам числа я,
Сколько дней до моей субботы.

А в субботу многого хочется.
До того, как придёт мороз,
В погрустневших, осенних рощицах
Руки греть на огне берёз.

И хочу слушать песни ветра я,
Наблюдать, как углом, вдали,
Незнакомые с геометрией,
Путешествуют журавли.

А пока всё считаю числа я,
И о том совсем не скорблю,
Что осеннее время кислое,
Клюкву спелую я люблю.

ГОТОВНОСТЬ

Вспоминается миг, миг сложнейшей готовности первой,
Миг слиянья людей и громады стальной корабля.
«Боевая тревога!» – прерывистый зуммер по нервам
Хлестанул, как в набат, им в комок собираться веля.
Словно струны звенят, крепко в пирс уцепившись, швартовы,
«Боевая тревога!» – прерывистый долгий звонок.
«Боевая тревога!» – гигантской пружиной два слова
Распрямляется дробью бегущих по палубе ног.

В топках пламя ревущее вмиг пробудило машины.
«Самый малый вперёд!» – телеграф начинает отсчёт.
Пеленою тумана подёрнуты сопки вершины,
И форштевень, как бритва, упругую воду сечёт.

«Самый полный вперёд!» – и выходим из горла залива мы,
И в органнй аккорд механизмов слились голоса.
Просолённые волны в борта поседевшими гривами
Нежно трутся, как кони, поевшие вволю овса.
Напряжённые вахты. Безмолвно акустики слушают.
Каждый шорох и всплеск ультразвуком пронизанных вод.
И наводят радисты мосты между морем и сушею,
К отраженью атаки готов орудийный расчёт.

Валерий Освальдович ЭЛЬБЛАУС

(1951–1997)

Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Родился Валерий Освальдович в Омской области. В 1972 году окончил Новосибирский педагогический институт. Трудовую биографию в Северске начал учителем математики. Позже работал секретарём горкома комсомола, директором школы, заведующим отдела культуры города. Имя его неразрывно связано с открытием в Северске археологической экспедиции. По его инициативе были предприняты археологические раскопки на поселении бронзового века Чекист, расположенном в городской черте, которые дали блестящие результаты.

Публиковался в коллективных сборниках «Любовь и судьба», «Антология поэзии закрытых городов», «Иллюзии Пигмалиона», журнале «Совершенно открыто» (1995). В 2001 году посмертно вышел сборник его стихов «Снежность», составленный его дочерью Е. В. Сухушиной.

* * *

Откуда день берёт начало?
В чём таинство рожденья дня?
Ночь на прощание устало
Обнимет ласково меня.

Одарит звёздностью туманной,
Окутав грустью тишины.
Покажется немного странной
Улыбка старенькой луны.

Вдруг разом, будто по сигналу,
Замельтешит оконный свет.
Хороший день берёт начало.
И грусти нет, и ночи нет.

Уже отчётливее лица,
И ритмы утра всё быстреей.
Чуть-чуть бледнее свет струится
Уставших за ночь фонарей.

Светлеет небо на востоке.
С мечтою о хорошем дне
Рождаются простые строки,
Поэт рождается во мне.

ОКЕАН

Ночь зажгла над океаном
Звёзды рано –
Это странно.
Синь и тишина.
Белокрылых стаи чаек
Вновь скучают.
Их качает
Тихо грусть-волна.

Скалы тесною гурьбою
Льнут к прибою:
Мы с тобою,
С нами ласков будь!
Ходят звёздочки толпою
К водопою

Стал тропею
Светлый Млечный Путь.

Про себя чуть-чуть вздыхая,
Засыпает,
Затихая,
Тёмной сини гладь,
Чтобы утром встрепенуться,
Всколыхнуться,
Улыбнуться,
Новый день начать.

И, вздымая волны-плечи,
Дню навстречу
Гребни мечет
Тихий океан,
И вулкан, от солнца жмурясь,
Брови хмурит,
Трубку курит,
Словно капитан.

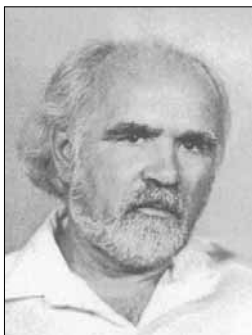
ТУПИКИ

Тупик исканий и сомнений,
В глухую стену поздний крик.
Тупик взаимоотношений
И светлой радости тупик.

Но, как бетонные преграды,
На оба рельса жизни всей
Затормозить движенье рады
Тупиковатостью своей:

Укор друзей, соседей шёпот,
Святых законов вечный зов...
Но неожиданное что-то
От сказанных украдкой слов

Рождает новую решимость,
И вновь разбита в кровь рука
О серость и неодолимость
И безысходность тупика.

Михаил Александрович НОВИНСКИЙ

(1932–2015)

Родился в 1932 году в Томской области. Был призван на действительную военную службу на Дальний Восток. После демобилизации вернулся с Камчатки в родные края. Окончил вечернюю школу и техникум. Работал на ТЭЦ ОАО «СХК».

Публиковался в коллективных сборниках «Пути-дороги», «Иллюзии Пигмалиона», «Антология поэзии закрытых городов», «Любовь и судьба», «Северчане», в журналах «Совершенно открыто», «Северский меридиан».

СЕВЕРСК

Здесь, в Сибири, на тропах лосиных,
Где встают зоревые рассветы,
Мы построили город красивый,
Мы построили город светлый.

На болотах, в затерянных чашах,
Что веками тайгу сторожили,
Мы построили город счастья,
Чтобы люди в нём добрые жили.

Ты нам, город, сердцем дорог.
Мы в твоих заботах дышим.
И в твоём дыханьи, город,
Пульс своей России слышим.
Здесь остались навсегда нашей жизни вехи.
Северск – ты моя судьба и любовь навеки!

Волей жаждущих, увлечённых
Город рос за стеною залесий.
Город атомщиков, город учёных,
Представителей разных профессий.
С ними вместе был в гуще событий
Город юности, город влюблённых,
Новых песен и новых открытий.
Я нашёл в тебе лучшего друга.
Здесь мой дом, здесь моя стихия.
Для меня ты не просто округа,
Для меня ты – моя Россия!

В ДОБРЫЙ ПУТЬ

По асфальту у клумб,
У зелёных газонов
Ходит мамин Колумб –
Годовалый ребёнок.

Забежал на газон
В резвой, радостной прыти.
Он теперь – Эдисон
На пороге открытий...

В руки стебель берёт,
Малышу всё занятно –
И немедленно в рот.
Пожевал – неприятно!

Сморщил губы, дружок,
Ищет мамину руку.
Вот он, первый шажок
В мировую науку.

Вот помчался вперёд.
Растянулся, ну, что же:
Это – первый полёт,
И падение тоже.

Поднатужился, встал,
И, представьте, не плачет!
Он ещё не устал,
Век его только начат.

Вот идёт человек,
Косолапа немного.
В добрый путь, новый век!
Дайте веку дорогу.

НЕ ХОДИ ДАЛЁКО

Не ходи далёко
В белые пороши,
В жизни одиноко
Без друзей хороших.

Жизнь пришла однажды,
И уйдёт однажды:
В этой жизни каждый
Не бывает дважды.

Дань своей отчизне
Отдаём мы песней,
Чтоб идти по жизни
Было интересней.

Хорошо живётся,
Где нас не бывает.
Без друзей хороших
Песни забывают.

А душа без песни
Загрустит-завянет,
Загрустит-завянет,
И к друзьям поманит.

Не ходи далёко
В белые пороши.
В жизни одиноко
Без людей хороших.

ЕЩЁ РАЗ О КОЛОБКЕ

Колобок, конечно, славный малый,
И в упрёк ему нам нечего сказать.
Дурни дед и баба здесь, пожалуй, –
Колобки на подоконники сажать!

Смысл рожденья им прекрасно понят:
В этом доме он, конечно, не жилец!
Знал он: пополам его разломают,
И съедят... И тут ему конец.

Потому и бродит он лесами,
Сколько лет? Не знают люди сами.
Испечённый в годы Ярославны,
Он идёт в далёкие века.
Путь его завидный, долгий, славный.
Славен мир, создавший колобка.

**Светлана Вячеславовна
БУЧЕЛЬНИКОВА**

(1963–2001)

Родилась в Северске. В 1985 году окончила Томской педагогический институт. Работала учителем математики в средней школе. В результате тяжёлой болезни лишилась зрения. Вела радиопередачи «Горящая свеча», «Страницы откровений». Поэзия Светланы звучала на Всесоюзном радио в программе «Белый лист».

Публиковалась в коллективных сборниках «Любовь и судьба», «Вольная птица», «Северчане. Стихи и проза», в журналах «Диалог» (г. Москва), «Совершенно открыто», «Северский меридиан». Автор единственного сборника стихов.

СЕВЕРСК

Я читаю свой город, где улицы – строки,
Нанизавшие чёткие буквы домов,
Растворяется утром в голубой поволоке,
Влажно-мятом пространстве замирающих снов.

Я читаю свой город, как волшебную книгу,
От пролога-порога по сегодня-сейчас.
Все страницы её – парус лёгкому бригу,
Неподвижно плывущему вдаль мимо нас.

Мы останемся здесь, в настоящем прошедшем,
За кулисами белых страничных полей.
Только бриг будет плыть, чтобы новым пришедшим
Жить, читать, и любить этот город сильней.

ПОЭЗИЯ

Отраженье воображенья
На нетронутом насте листа,
Откровения вдохновенья –
Слов хрустальная высота.

Осознание впечатленья –
Вспышка молнии ночью в горах!
Золотое сеченье мгновенья,
Перекрёст в параллельных мирах.

* * *

Смотря с обрыва бесконечности
В зрочки грядущих катастроф,
Мы, жадно ищущие вечности,
Рабы придуманных миров.

Скользя по краю, балансируем,
От ужаса в бесстрашье впав.
Своё сознание фокусируем
На будущем. И, зубы сжав,

Мы тянемся к той запредельности,
Где так заманчиво светло,
Где счастье с детством в нераздельности
По краю памяти прошло,

Где так легко и восхитительно
Идти дорогой всех дорог...
Не замечаем, как стремительно
Уходит почва из-под ног.

* * *

Очень просто, спокойно и странно немножко
Вечность бабочкой села мне на ладошку.
Разноцветной, изящной, совсем невесомой,
Словно были мы с ней бесконечно знакомы,

Словно хрупкая вечность мне доверяла –
Замерев, на ладошке моей отдыхала.
Изумившись, я чувствую смутно, тревожно...
Непонятная боль поднялась осторожно,

Набухая во мне осязаемой почкой,
Наливаясь живой поэтической строчкой.
И внезапно зелёным ростком хлорофилла
Пробивается раньше дремавшая сила,

Безмятежная радость, ощущение полёта...
И от боли я плачу, смеясь отчего-то!
Упорхнувшая вечность мне оставила счастье –
Одинокое сердце, распахнувшее настежь.

ВДОХНОВЕНИЕ

Войдёт бесшумно, дверь открыв ключом,
Не спрашивая, не предупреждая.
Любимым другом, палачом, врачом?
Не знаю. И, легко ступая,
По половицам комнаты пройдёт,
Потом на зеркале незримые картины
В молчаньи будет рисовать углём,
Во всех часах везде замрут пружины.

И остановится движение миров,
А взгляд немой и глубоко разящий
Меня уколёт, стихнет звук шагов,
Оставив след живой и настоящий.

ЛЕТОМ НА БЕРЕГУ ТОМИ

Там облака в полуденной истоме
Ползут улитками большими на восток.
И перелистывают волны томной Томи
Прибрежный, нежный, бархатный песок.
Там солнечные иглы вышивают
В межоблачном пространстве гладь воды,
Мерцающие блики проплывают
Витражным светом солнечной слюды.
И так спокойно в жизненном потоке
Скольжение вне тяжести сует,
Что осязаешь, поражённый, в шоке,
Небытия раскрывшийся секрет.

**Галина Витальевна
ЕРМАКОВА**

(1936–2009)

Родилась 25 июня 1936 года. Более тридцати лет проработала в Центральной городской библиотеке (г. Северск), став из библиотекаря специалистом высочайшего класса, директором ЦГБ, которую она возглавляла в течение двадцати лет. Деятельность Галины Витальевны – это целая эпоха в развитии библиотечного дела Северска.

25 лет ЦГБ была методическим центром для библиотек городов системы Минатома. На нашей базе готовились и были проведены несколько отраслевых совещаний. В 1985 г. за внедрение передовых форм работы ЦГБ была занесена в Книгу почёта Министерства культуры. Думающий руководитель видела перспективы дальнейшего развития. Именно она стояла у истоков автоматизации библиотечных процессов. Уже в 1995 г. была создана локальная сеть и библиотека приступила к созданию электронного каталога.

Галину Витальевну хорошо знали в городе не только как человека широкой эрудиции, но и как творческую личность. Много лет она была членом правления городского литературного объединения «Берёзка», сама писала стихи. За её простотой скрывался аналитический ум, душевная тонкость, глубокая истинная образованность, эрудиция и внимание к ближнему. Она умела не только сопереживать чужой беде, но и от души радоваться чужому успеху.

Скончалась 22 февраля 2009 года.

* * *

Горизонт расплавился –
Зной, зной.
Воздух обожжённый –
Злой, злой.
На плечах от пота
Соль, соль.
Голова тяжёлая –
Боль, боль.
Растянулось время
Вдлинь, вдлинь,
А в ушах бубенчики –
Динь-динь.
А песок горячий –
Скрип-скрип.
Пить нещадно хочется –
Хрип, хрип.
Шестьдесят на солнце –
Жуть, жуть!
Это всё пустыни
Суть, суть.

* * *

Хочу я вновь услышать шёпот звёзд,
Услышать тундры белые метели,
Почувствовать жестокий тот мороз,
Который не выдерживают ели.
Засела тяга к Северу в душе.
Всё крепче тянут нас его бураны.
И не сидится в тёплом «шалаше»,
И вновь идут в дорогу ветераны.

Владимир Николаевич КАЗИН

(1948–2020)

Родился в деревне Белобородово, а через год в этих местах началось строительство города Северска. Коренной северчанин, живущий в нём с первых дней его основания, Владимир Казин был патриотом и Северска, и родной деревни, этим городом поглощённой. Окончил Северский технологический институт. Трудился на СХК. Переехав в Балаково, с родным городом связи не порвал.

Художник, поэт, автор иронических рассказов. Публиковался на краеведческом сайте «Сибиряки вольные и невольные», в сборниках «Антология поэзии закрытых городов Росатома», журнале «Северский меридиан», издал книгу стихов «Параллельные миры».

ПАМЯТЬ

Простор и пыль
    Песчаными столбами.
Полынь под берегом
    Пролила горчину.
Дома взбоченились
    Рублеными углами,
Да распоясались
    Заплотами в длину.
Изгибом мягким
    Улица струилась,
У Барабинки
    Песня занялась,
Скамейка под окном,
    Где парочки влюблялись,
Рулада соловья
    Из-за реки лилась.
С обрыва высота
    Скользит в пространство,
На плёсе, под горой,
    Застыли баржи в ряд.
Далёкий Томск
    Глядится иностранцем,
Да пароходы
    Басом говорят...
Всё это стёр
    Волшебник древний,
Потом слепил
    Бетонные кубы,
И нет уже давно
    Моей деревни,
И только пыль встаёт
    В песчаные столбы.

УШЕДШЕМУ ГОДУ

И опять год умчался куда-то,
Закружась среди звёздных миров,
Прошагав в переулках Арбата,
Между питерских снежных дворов.

Пересёк всю Сибирь параллелью,
Заглянув на Алтай и в Кизи.
Наградил южный город капелью
И песками Сахары Алжир.

Завершает свой первый десяток
Двадцать первого века Христа
И, как водится, снайперски целит,
Выбивая всю сотню из ста.

Сто друзей, сто подруг, сто успехов,
Кратно сотне прокрутит года.
Новый год, это яркая вежа,
Промелькнёт и сгорит, как звезда.

ВНОВЬ ВЕСНА

Солнце в марте лучами
Притёплило крыши,
А сосульки капелью
Алмазной слезят.
Березняк будто розовым
Пламенем пышет,
И по льдинкам, как звёздочки,
Блики скользят.
Вновь весна распахнёт
Для света просторы,
А пернатые стаи
Тепло принесут.
Облака нарисуют
На небе узоры,
Лишь сугробы попрячутся
В хвойном лесу.
Но недолго отзймкам
В чащобе таиться,
Побежит из-под лапника
В звоне ручей,
И ватага мальчишек
По лужам помчится,
И заметнее станет
Короткость ночей.

ГОДА, ГОДА. ВСЕЙ ЖИЗНИ РИТМЫ

Года, года. Всей жизни ритмы
Копытом клячи отстучали,
И полустанком позабытым
Меня края мои встречали.

Осенний звук перрон кружил,
Локомотив кричал прощанье,
В другом я измереньи жил,
А в этом были лишь свиданья.

Как в детство, в воду заходил
Реки, текущей перекатом,
За отблесками лет следил
Под долгим северным закатом.

Как счастье, воду пил в ручье,
Как в смехе, под дождём купался.
Мне лес – приют, мне стог – ночлег
Душой я в юности остался.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

А как не возвратиться?! Как?
К родным могилам
И краям родным!
Когда душа и сердце
С трепетом внимают
Цветению черёмух за окном,
Полей простору,
Духу сенокоса
И шуму ветра
В солнечном бору
Из стройных сосен!
Всё это любо!
Сердце просит:
– Дай насладиться! Дай!
Нет! Не забыть мне отчий край!

**Валентина Алексеевна
АКАТОВА**

(1923–2012)

Родилась 2 августа 1923 г. в Ленинграде. В 1937 году она переехала с родителями на Дальний Восток, где ей пришлось в годы Великой Отечественной войны защищать восточные рубежи родной страны.

С 1955 по 1963 г. работала на объекте № 5, с 1963 по 1980 г. – на реакторном заводе № 45. Ударник коммунистического труда. Ветеран труда (1979 г.). Ветеран атомной энергетики и промышленности. Участник литературного объединения «Гармония», печаталась в газетах и литературных сборниках.

ПОРТРЕТ Е. АРСЕНЬЕВОЙ

Она была в гостях у Евы,
Ей Ева яблоко дала.
Из рая возвратившись, дева
Вкусила от сего плода...

Улыбкой хитрою сияя,
Победно с полотна глядит.
И шляпка набекрень, простая,
Задорно колосок торчит.

Ни страха, ни стыда не знает,
Взор девы как бы говорит:
«Да, я такая, вся земная,
Венера мне благоволит!».
И жизнь как праздник принимает.
Ей все преграды нипочём.
Как персик розовый сияя,
Зовёт вкусить тот плод вдвоём.

* * *

Я иду по аллеям любимого Летнего сада.
Это – сказочный мир.
Это – радость всего Ленинграда...
...Луч алмазный фонтана
Внезапно возник –
Всходит радуга малая
Ввысь в тот же миг.
Чудо, музыка брызг.
Ликованье лучей!
Солнце мая, свети
И тепла не жалеи!
Кружевные решётки
В чугунном литье
Гармонично вписались
Во всей красоте...
Летний сад! Летний сад!
Радость, сказка, любовь!
Я надеждой живу
Повидать тебя вновь...

Владимир ОВСЯННИКОВ

(1953–2022)

Родился Владимир Валентинович в Удмуртии, в посёлке Ува.

В Северске с 1971 года. Окончив ТПИ в 1988 г., много лет работал на Сибирском химическом комбинате, на ТНХК.

Писать стихи начал в зрелом возрасте. В ЛИТО «Гармония» г. Северска с 2010 г. Участник сборников ЛИТО «Гармония» и Антологий томской современной патриотической поэзии «Там, на Донбассе» и «Мы вместе», издал семь авторских сборников.

КОФЕ

Осень-красавица кофе варила,
Листья медяные в лужу крошила.
Кофе чудесный сварился на славу,
Сей аромат ей пришёлся по нраву.

Ветер холодный на запах примчался,
Где-то поблизости, видно, скитался.
Терпкий напиток он черпал горстями,
И между делом сорил новостями.

Солнце хозяйке шепнуло несмело:
«Я что-то кофе с утра захотело».
Лишь получив для себя разрешение,
Солнечный лучик приводит в движенье.

Луч, как соломинка, лужи коснулся,
Чуть задержался и к солнцу вернулся.
Хвалят за кофе хозяйку Осень.
Видно, пришёлся по вкусу им очень.

ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНИ

Жизнь всегда проблемы преподносит,
Как подарок нам вручает в срок.
То печаль, то радость вдруг подбросит,
Смотрит, как усвоили урок.
Если без проблем судьба оставит,
Радость пропадёт, исчезнет грусть,
Нашу душу пустота отравит.
Жизнь такую не приемлет Русь.
Нрав бунтарский не даёт покоя.
Вольный дух Руси в душе живёт.
Рок судьбы морской волной прибоя
Набежит, ударит, и падёт.
Справился! И снова солнце светит,
Радость в сердце льётся через край.
Сдался – грусть души глаза пометит.
Спектр эмоций – Божий дар, считай.

ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ

На краю Вселенной,
Может, в центре где-то,
Вечностью нетленной
Рождена планета.
Родилась в рубашке
Цвета голубого.
Там луга в ромашках
Лета озорного.
Осень злато дарит,
Зимушка – метели,
А весна всем варит
Бодрости коктейли.
Есть моря и горы,
Неба синь, цветенье,
Фауна и флора –
Всё земли творенье.
Нет планет прекрасней,
Чем моя земляца.
Верю! Не напрасно
Дали ей родиться.

РУСЬ ВЕЛИКАЯ

Русь настоящая! Русь многолика!
Нищая, битая, голодом венчана,
Но всегда гордая, смелая, вечная,
Ты рождена, изначально, Великая.

Труден был путь от рожденья до зрелости.
Опыт познаний мирских тобой выстрадан,
Ты все задачи решала не выстрелом,
Личным стараньем да собственной смелостью.

Ты научилась владеть дипломатией.
Много пришлось приложить сил и мужества,
В жизнь воплощая доктрину содружества,
Чтоб на земле возродить демократию.

Каждое слово твоё на вес золота,
Коль тобой сказано – будет исполнено.
Честью и совестью дружба наполнена,
Только к врагам твоя ненависть смолоду.

Жизней не мало за честь твою отдано,
Не ради славы спасали Отечество,
Земли Руси, всей земли человечество,
Нет тебе равных в любви твоих подданных.

Люди поверили, Русь, в твою силушку,
В твёрдое слово твоё благородное.
Матушка Русь – есть и будешь народная,
Многим друзьям помогла встать на крылышко.

МОЯ ЭПОХА

Родился я в эпоху реализма,
В стране надежд рабочих и крестьян.
Как все, мечтал дожить до коммунизма,
Да девяностые открыли в нём изъян.

Коррупция, любовь к деньгам и власти,
Презрение к народу и труду,
Страну Советов растащив на части,
Решили жить и дуть в свою дуду.

Смеялись янки, немцы, англичане
Над «мудростью величия князей»,
Советами своими поучали,
Нахально лезли в общество друзей.

Россия первой, сбросив чары «счастья»,
Очнулась от гипноза их речей,
Увидев в том великое ненастье,
Отвергла дружбу наглых ловкачей.

Я помню наши годы становленья.
В стране работы непочатый край,
Да денег нет, продуктов нет, в смятенье
Народ страны – как хочешь выживай.

Делились всем, чем можно поделиться,
А иногда был «перестройки» пост,
Но чтоб от перегрузки не свалиться,
Мы поднимали «За здоровье» тост.

Страна моя! Ты стала вновь великой.
Тобой горжусь, моя Россия-мать!
Сегодня янки со своею «кликой»
Уже не могут это не признать!

Людмила Александровна АРСЁНОВА

(1950-2019)

Арсёнова Людмила Александровна родилась в Северске в семье военнослужащего. После окончания школы и Томского педагогического института работала в сфере образования, в детском дошкольном учреждении, а затем преподавателем Московского государственного педагогического университета и заведующей кафедрой общегуманитарных дисциплин. Имеет 26 опубликованных научных работ. За высокий профессионализм неоднократно поощрялась почётными грамотами, благодарностями.

Писать стихи начала ещё в школе, в литературном кружке. Первое стихотворение было напечатано в 1967 году в альманахе «Берёзка». Публиковалась в местной газете «Диалог», журнале «Северский меридиан». В 2009 году стала членом северского литературно-поэтического объединения «Гармония». Вскоре ярко заявила о себе как лирический автор и автор, пишущий для детей.

Автор пяти поэтических сборников, участник изданий ЛИТО «Гармония», лауреат городских поэтических конкурсов.

* * *

Город в листопадном фейерверке

Н. Хоничев

Город в листопадном фейерверке.
Краски немудрёны и просты...
Осень у модистки на примерке
Разбросала яркие холсты.

Всё к лицу ей: золото с багрянцем,
Зелень пихт и белизна берёз.
Щёки рдеют молодым румянцем,
Голова в венке пшеничных кос.

А на нежной шее лебединой,
Сотни раз воспетое в стихах,
Ожерелье красное калины,
Дивные браслеты на руках.

Ей под стать сентябрьская погода
С нежным дуновеньем ветерка.
Приделась царственно природа.
Скоро всё угаснет, а пока...

Осень кружит в дивном, лёгком танце,
Машет на прощанье нам рукой,
И листочки в жёлто-красном глянце
Увлекает в танец за собой.

ПОДСНЕЖНИК

В круговерти мокро-снежной,
Под сосною, между кочек
Появился хрупкий, нежный,
Первый беленький цветочек.

Как ажурная снежинка
На зелёной ладошке,
С бледно-жёлтой серединкой
На одной танцует ножке.

Ветер треплет лепесточки,
Клонит до земли головку,
Как за горочку, за кочку
Спрятался цветочек ловко.

И стоит подснежник смелый,
Не страшась плохой погоды,
В круговерти снежно-белой,
Радуюсь весны приходу.

ОЧАРОВАНИЕ РОМАНСА

Романс меня очаровал,
Заворожил, звал за собою.
Ему пишу я мадригал
И тайну сердца приоткрою.

О, это было волшебством,
В душе проснувшимся смятением!
Семь нот!.. Певица колдовством
Владела, увлекая пением.

Я каждой клеточкой своей
Прекрасной музыке внимала...
А голос лился, как ручей,
Вдруг превращаясь в гром обвала;

Переливался и страдал,
Звенел, наполненный любовью.
Романс восторгом наполнял
И очищал незримой новью.

ПОЭТ ЖИВЁТ, ПОКА ЖИВУТ ЕГО СТИХИ

Моя страна берёзового ситца,
Воспетая Есениным в стихах,
За рубежом скитальцам часто снится.
Где месяц жёлтой тенью в облаках,

И клён опавший, стоя у дороги,
И плач тальянки где-то вдалеке
Им шлют привет в надежде и тревоге,
Да иней осыпается в тоске.

Поэт живёт, поёт, дразнит и манит
В родимый край вернуться навсегда.
И роскошь осени, и листьев пламя
В стихах не обесцветили года.

И тем силён поэт, что верно и надёжно
Любил поля, леса, родную Русь...
При жизни по своей кончине нежно
Излил в стихах берёзовую грусть.

СПАСИБО, ГОСПОДИ

О, Господи, ты сердце чуткое мне дал.
Я этих чувств по жизни не теряла.
Любовь мою я подниму на пьедестал,
Цинизм и злость свергая с пьедестала.

Спасибо, Господи, не обделил умом,
Позволил мне природой любоваться.
Детей мне подарил, уютным сделал дом
И научил несчастьям не сдаваться.

Не дай мне, Господи, людской судьбой вертеть.
Дай, Господи, соблазну не поддаваться,
Не лгать, не предавать, душой не оскудеть
И в горе человеком оставаться.

О ДУШЕ

Душа человеческая подобна дороге

*Архимандрит Иоанн
(Крестьянкин)*

Душа человека подобна дороге.
Проходят по ней и любовь, и тревоги,
Смятенье её беспокоит, и нежность,
Забота, тоска, суета, безмятежность.

И свежие мысли, и новые песни,
А с ними мир ярче, светлей, интересней.
Но много соблазнов в пути, искушений
И ветры злоторных идей и учений.

Тут важно душе устоять, не поддаться,
Умерить все страсти и не растеряться.
Но если душе важно Божие слово,
Господь помогает ей снова и снова.

Душа человека должна быть большою,
Нельзя, чтоб она оставалась пустою!

Леонид Александрович МЕДВЕДЕВ

Родился в Якутии. Ветеран Отечественной войны. Сражался под Сталинградом, Курском, форсировал Днепр. Освобождал Киев, войну закончил подо Львовом. Кавалер двух орденов Отечественной войны и ордена Красной Звезды. Первостроитель города Северска.

Один из зачинателей городской литературной группы. Самодельный поэт, сознавал недостаток образования и несовершенство своих стихов, отличался чувством юмора, добротой, отзывчивостью.

Печатался в военных изданиях и поэтических сборниках, выступал на радио и телевидении. Член Союза журналистов СССР.

Я – ТВОЙ СЫН

Нет милее родимого дома,
Что стоит среди белых берёз.
Здесь мне каждая ветка знакома
Под накатом искрящихся гроз.

Приходилось бывать и в столице.
В деревнях и других городах.
Там и птицы поют – все, как птицы,
Так же плещется рыба в прудах.

Тянут шеи могучие краны
В поднебесную ширь, в облака.
Великаны мои, великаны,
Вас не знали доныне века!

Но милее не сыщется дома,
Что стоит среди белых берёз,
Где мне каждая ветка знакома
Под накатом искрящихся гроз.

Потому и люблю край сибирский,
Потому и грущу неспроста,
Я – твой сын, широты богатырской,
И мне Томь – дорогая сестра.

ПОРОСЛЬ

(Отрывок из поэмы)

Море песен о БАМе
разливается вширь.
Комсомольское знамя
покоряет Сибирь.

Сквозь кремнистые скалы
Прорезается бур.
Бьёт кипенье кристаллов
В разноцветие бурь.

Над таёжною далью
По решенью ЦК
Золотой магистралью
Будут мчаться века.

От Байкала к Алдану,
По распадкам седым,
Курс возьмут к океану –
От Кремлёвской звезды.

На крутом перевале
Дышит солнца восход,
И под властью педали
Бьёт истории ход.

БЕРЁЗКА

Молочное море
Ромашек
Просторные топят луга.
Вокруг тёмно-синей
Гуашью
Дымятся лесов берега.

На взгорье высоком
Берёзка
Девницей стройной стоит,
Зелёную
Листьев причёску
Ей солнце лучом
Серебрит.

В нарядных она босоножках
Грустит от зари до зари,
Ведь ей
Золотые серёжки
Есенин в стихах подарил!

Живёт, не стареет
С годами,
По плечи – цветов
Глубина.
Глядит голубыми глазами,
В родные края
Влюблена.

Валентина ВАЛИУЛЛИНА

Родилась в селе Высокий Яр Парабельского района. Окончила курсы медсестёр. В 1960 году приехала в Томск, а в середине 1960 годов – в Северск. Работала швейей, разнорабочей, токарем, продавцом, контролёром, внештатным корреспондентом на Северском радио.

Самодельный поэт, её первое стихотворение было опубликовано ещё в детстве в «Пионерской правде». Один из старейших членов северского литературного объединения «Берёзка». Стихи её печатались в областной газете «Красное знамя», поэтических сборниках, звучали на городском радио Томска-7.

МОЯ БИОГРАФИЯ

Медсестра, швея, разнорабочая,
Продавец, кассир и билетёр.
Жизнь не раз толкала на обочину,
Но столкнуть не может до сих пор.

* * *

Скорбит душа. Ну что ей надо?
Уходит жизнь. За годом год,
Как в чаше, копится досада,
Исходит горечью, течёт.

Иссякла радость. Источили
Её тревоги да печаль...
И, словно осы гнёзда свили,
И яд в неё сочится с жал.

Скорбит душа. Скорбит и плачет,
Сжимается в тугой комок,
Но эта скорбь о жизни: значит,
Мы в этом мире есть, живём!

Кричу: Душа, скорбеть негоже!
На мир взгляни – последний миг,
Поймёшь, как все душой похожи,
И в каждом Шуберт есть и Григ.
Как в каждом омуте бездонном
Безмерна тайны глубина,
Так в каждой женщине – Мадонна!
Но только гению видна...

Скорби, душа, но скорбью светлой
И радость отпустив в полёт!
Пускай она, подобно ветру,
Всю накипь горечи метёт.

ХЛЕБ

Тихо. Завьюжены улочки.
Город задумчиво-строг.
Детство в коротенькой юбочке
Робко шагнёт за порог.

Стоптаны старые валенки,
Шуба с чужого плеча.
...Добрый старик на завалинке
Дал мне кусок калача.

Пахнувший подом и потом,
Сладок он был и горяч –
Плод непосильной работы,
Горький военный калач.

Бабы на тощих коровах,
Плугом ведя борозду,
Зёрна бросают, а рядом
Вдовью роняли слезу.

Тихо. Заснежены улочки.
Город задумчиво-строг.
Детство в коротенькой юбочке
Встанет на стыке дорог.

Спросит сурово и строго:
«Помнишь военный калач?
Пахнувший подом и потом,
Сладок он был и горяч».

ПОД СТАРОЙ РУССОЙ

Там, под Старой Руссой,
Спит солдатик русский,
В луговые травы тело уронил.
Пьют цветные росы
Свежие покосы,
А солдату встать бы – только нету сил.

А над Старой Руссой
Звёзды, как алмазы,
Небо расплескало тёплую лазурь.
Пролетели годы,
Но его ни разу
Не коснулись вихри налетевших бурь.

А над Старой Руссой
Обелиски густо,
Среди трав медовых – скорбный крик земли.
Пахнет горько донник,
Топчут щавель кони,
И грустит над речкой молодой тальник.

Там, под Старой Руссой,
Спит солдатик русский,
В травы луговые тело уронил,
И живёт в печали
Дом родной на Чае,
Из него в бессмертье парень уходил.

СЫН

А мне цветные снятся сны,
И в каждом – сын,
И в каждом – сын.

То у станка,
То на лугу –
Вихры погладить не могу.

Вот он в стремительном броске
Летит по речке в обласке,

То вдаль уносит рыжий конь,
И грива жжёт ему ладонь,
И плещет алый свет зари,
И режет глаз реки разлив,

И невесомой сини гладь
Под ноги сыну
Стелет мать.

ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ ШАДИНОВОЙ

Лена, Лена!
Как могло случиться,
Что до срока голос твой затих?
Вьётся окольцованною птицей
Над листом безмолвия твой стих.
Строчками очерченные мысли
В очерк не спешат на полосу.
Те же звёзды в бесконечной выси
Свет холодный над землёй несут.
Тот же снег, и те же вспыхнут вёсны,
И в портах не умолкает гул.
Песню не поднимет безголосый,
Не слететь словам с уснувших губ.
И мою неожиданную тревогу
Словом и улыбкой не смахнёшь.
Холодом последняя дорога
Бьёт в подошвы, словно острый нож.

Евгений Иванович ЕРХОВ

(1936–2014)

Родился в Запорожье. Окончил Томское военное училище, факультет журналистики МГУ.

Первые стихи публиковались в журналах «Смена», «Пограничник», газетах «Красная звезда», «Советский воин», в коллективных сборниках. В 1963 в Томске вышла его первая книга «В гостях у солнца». В московских издательствах вышли книги «Родник тревоги», «Красная колыбель» (1979), «Глубина боли» (1993), «На расстоянии крика» (1996), «Искушение воли», «Поезд в детство» (1995) и другие.

В 2016 году – году 80-летнего юбилея Евгения Ивановича – в подмосковном Пушкине в издательстве «Культура» вышел его объёмный том стихов и поэм «После всего».

*Я знаю – город будет!
В. Маяковский.*

* * *

Ещё нехитрые пожитки
укладывались в чемодан,
ещё готовились открытки
для писем будущих сюда.
И лишь мечта о жизни новой
несла нас к дальним берегам,
а в лица аромат сосновый
уже струила нам тайга.
Врывался в уши ритм колёсный
и встречный ветер в стёкла бил.
И, охая, валились сосны
под скрежет утомлённых пил.
И небо синевой искрилось,
всё шире открываясь нам.

И город первые стропила
нёс к удивлённым облакам,
и под дымящимся асфальтом
следы медвежьи хоронил.

И кто-то, торопясь, на карту
его названье наносил.

МАТЬ

Из ситца и из сатина
(Сатин был когда-то в моде)
Хранишь ты рубахи сына
В старом своём комодке.
В том самом месте, в каком он
Их сам, уходя, оставил,
На случай, если вдруг дома
Тебя, возвратясь, не застанет.
Настиранные, наглаженные,
К сердцу приложишь, любя,
И всё на окно поглядываешь,
И всё утешаешь себя.
Хлопнут средь ночи ставни, –
Спешишь, откроешь дверь...
Разве тебя кто заставит
Поверить в сыновью смерть?

ОБЛАКО

Нет ни близкого, ни далёкого
У бездомного этого облака.
Ни начала пути, ни причала,
Нет ни радости, ни печали.
Ни усталости нет, ни лени,
Ни желания, ни стремлений.
Ничего у бедного нету.
Даже... зависти к ветру.

Дмитрий ЯНУЧЕНКО

Молодой поэт и прозаик. Трагически погиб в ДТП в 2003 году.

ПРОЩАЙТЕ

Мы растрачиваем нежность
На неправедных подруг,
Их любовная небрежность
Стоит нам отбитых рук.

Поцелуи глядят губы
По прошествии часов

Отдаёмся, но не любим...

Опрокинутых весов
Жёлтая кривая чаша
Тихо стонет под ногою.

Я, касаньями украшен,

Затеваю бой с другою –
Грею пальчики в ладони,
Подпускаю их к душе –

Но алмаз забот уронен,

Мозг скользит на вираже...
Мы бежим опять по крыше,
Чтоб вскочить на парапет.
Мы летим, как будто дышим.

Опрокинутый балет
Наполняет моё тело...

Лишь секундам этим верю!
Прошлое покрыто белым.

Надо привыкать к потерям –

Мышью траченную душу
Не залечишь анальгином.

Тело дышит, крышу руша.

ЛЕДИ НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Ты живёшь за краем алеющего неба,
За спиной закатов в сказочной тиши,
Сколько я ни бился, кем я только не был –
Не успел на поезд, что к тебе спешил...
Шёл к тебе лесами, степью безотрадной –
Кровоточат ноги, сбиты башмаки,
Чтоб найти тропинку, пил кровавы травы,
И сумел заметить тень твоей руки.
Мне известен адрес: Пламенная Местность,
Почту туда возят раз в три тыщи лет,
Мне известно имя: Леди Неизвестность,
Девушка, Которой В Этом Мире Нет.
Я в тебя влюбился виртуальной ночью,
Тихим воскресеньем, в час, когда летал,
Ты, раскинув крылья, обнимала звёзды,
Сердце вдруг взорвалось и ушло в астрал.
Вдруг свернулось время, как бумажный свиток:
Ты мне улыбнулась светлотой небес!
Обжигая счастьем, мира жёлтый слиток
Мне казалось, смело тебе я преподнёс.
Но мигнуло небо бесконечным веком,
И меня сразила чернота ресниц,
Боль ко мне вернулась, сделав человеком,
И очнулось тело возле райских птиц.
Я пройду три мира, Землю и окрестность,
Поистрачу жизни, те, что есть, иль нет,
Я найду! Хоть имя: Леди Неизвестность,
Девушка, Которой В Этом Мире Нет!

18

В восемнадцатый раз к нам вернулась зима
И накинула шаль Вам на тонкие плечи,
В ней сплетаются улицы, снег и дома,
И в нескитанный раз в ней запутался вечер...
...Прыснут вдруг трещинки корочки льда –
Этот девичий белый шальной сапожок.
Проверяет, насквозь ли промёрзла вода,
Нежный сметая со льдины снежок.

* * *

Я всё таскаюсь по проулкам,
Измокнув под чужим дождём.
Сердечко барабанит гулко
Мы ведь чего-то вечно ждём.
На сгибе локтя стонут вены,
И мозг кристально страшно свеж.
Мне негде преклонить колени
И не на что вспахать манеж.
Я чист и светел, как покойник:
Две влажные руки крестом;
Как дачный мрачный рукомойник,
Заполненный гнилым листом.
И всё ж душа моя свободна,
А телу как бы всё равно;
Брожу, заглядывая в окна, –
Ищу свой дом, своё окно.

Елена ШАДИНОВА

Работала лаборантом на СХК. Активный участник Северского литературного объединения «Берёзка». Писала стихи и зарисовки.

ПИСЬМО ЛЕНИНГРАДУ

Не написать мне о войне.
Не я горела в том огне.
Не шла с солдатами вперёд.
Не я взрывала вражий дот.
Но я пишу тебе, солдат,
Письмо простое, в Ленинград.

Была тогда десятилетней,
И помню горький серый снег,
И помню сад безмолвный Летний,
Где собирала этот снег.

Родных от голода теряя,
Всё видела глаза отца.
Лежал он, молча умирая,
Лежал на лавке у крыльца.

Глаза уж не просили хлеба,
Не уговаривали ждать –
Они глядели только в небо,
Они хотели птицей стать.

И вниз бросаться на фашистов,
И разрывать их на куски!
Покуда сердце будет биться –
Вас не забуду, земляки!

* * *

Девчонки-мальчишки, едва ли по двадцать
Нам было в то трудное время, друзья;
Родные с тоскою просили остаться,
А мы так хотели проверить себя.

Станки, аппараты нас встретили строго,
Не ладилось дело на первых порах,
Баракы, столовки – хлопот разных много,
Но были упорство и вера в глазах.

И вот я сегодня иду по проспекту,
Где мы демонстрируем силу труда –
С какою заботой мы улицу эту
В сады наряжали на все времена!

Я утром, как прежде, спешу на работу,
По нашему парку иду на завод.
По жёлтой тропинке, где было болото,
Как прежде, шагает рабочий народ.

В цехах наша юность навеки осталась,
И в комнате Славы – портреты друзей.
И пусть к ветеранам уж осень подкралась,
Мы любим завод наш с годами сильней.

И в небо взметнулся значок комсомольский,
На мраморе белом, как пламя, горит.
И первостроителей подвиг геройский
Победами вновь молодёжь окрылит.

ПЕСНЯ

И к чему мне хоромы такие?
И зачем перезвон хрусталя?
Мне бы дали увидеть иные –
Встретить день на борту корабля!

Сколько чуда на нашей планете!
Сколько встречу я новых друзей!
Мы ведь, в сущности, малые дети,
Разве чуточку стали мудрей.

Убегу от уютного быта,
Загляну, что там есть, в небеса...
Друг мой, песня ещё не забыта –
Пусть поможет поднять паруса!

Вадим ЗИМИН

ШИНЕЛЬ

Сквозь дней суровую метель
И тысячи преград
Врагом пробитую шинель
Принёс домой солдат.

Висела много лет подряд,
Дырява и стара.
Уже друзья давно твердят,
Что выбросить пора.

И даже верная жена,
Порою, взгляд кося,
Ворчит: «Кому она нужна,
Уже истлела вся».

Пора бы сдать давно в утиль,
Но подойдёт солдат,
Стряхнёт с неё седую пыль –
И водрузит назад:

«Она прошла немало дней –
Надёжна и легка.
Не замерзал я в стужу в ней,
Не отлежал бока.

Не знаю, мать, поймёшь ли ты,
Ну как бы объяснить:
Ведь без шинели ни версты
Солдату не прожить.

Да что там – разве я один
Сумел её сберечь?!».
... И вот уже снимает сын
Шинель с широких плеч:

«Вот и моя прошла своё –
Два лета, две весны.
Пускай с отцовскою вдвоём
Былые видит сны.

Но если вдруг настанет час,
Придёт опять пора –
Они собой согреют нас
Надёжнее костра.

Они в суровую метель
Спасут своих солдат»...
И мать повесила шинель
В один – с отцовской – ряд.

ДОЛГ

Солдатские будни.
Подъёмы. Тревоги.
Холодные зори.
Полуденный зной.
Сегодня я дома,
А завтра – в дороге,
И в жизни не мыслю
Я доли иной.

На самых далёких,
Затерянных точках,
В бескрайних степях,
У морских берегов
Мой долг и забота –
Всегда –
Днём и ночью –
Отчизну родную
Беречь от врагов.

СОЛДАТСКАЯ МАТЬ

В маленькую тихую избёнку
Возле трёх молоденьких берёз
Горестную третью похоронку
Почтальон в конце войны принёс.

Покачнулось небо голубое,
Нам не снится это и во сне:
Трое ненаглядных было, трое!
Все остались в дальней стороне.

По деревне бабы голосили,
И в тоске безудержной своей,
Вспомнив бога, у него просили
Возвратить живыми сыновей.

Лишь она молчала, не просила,
Зная цену страшную войне,
Траурные ленты прикрепила
К третьему портрету на стене.

А когда спустился сумрак синий,
Мать застыла возле тех берёз...
Может быть, роса на них доньине
Солона от материнских слёз.

Александр Фёдорович КАНЦЕДАЛОВ

ГРЕШАТ ПОЭТЫ

Грешат поэты, и весьма:
«Мы песни пишем!».
Написано, и верно, тьма,
Но их не слышим.

– Пишите фибрами души,
Нутром пишите!
И рядом с Пушкиным в тиши
Стать не спешите.

Пишите так, чтоб умирать
И жить хотелось,
Да чтобы взгляд не оторвать,
Чтоб в сердце вьелось!

ВРЕМЯ ВЕЧНО

Беспечно жизнь, как Обь, катит.
Секунды – брызгами сверкают.
Жизнь бьёт ключом, но не спешит,
Лишь годы-топляки ныряют.

А время – вечно! Время есть.
До нас, и после время будет.
Но вот о нас благая весть
В мирских делах потом пребудет.

Жива та истина вовек,
Признает это всяк живущий:
Красив творящий человек!
Уродлив – время миг крадущий!

О ПРАВДЕ

Как будто холст при частом полосканье,
Ветшает правда в трудные года.
Она, как очищенье в покаянье,
Сегодня всем нужна, как никогда.

Её, как эдельвейс в горах альпийских,
С молитвой божьей трудно отыскать.
Но больше нет Указов экстремистских,
Чтоб запрещали жить ей и дышать...

ДОБРО И ЗЛО

Задумки есть сегодня у меня,
Но строчки на бумагу не ложатся.
Обидели меня в начале дня,
И мысли зло, как осы, копошатся.

Ну почему не ценится добро,
И почему его все обижают?
И почему так долго помнят зло,
А доброту так быстро забывают?

Давайте будем бережны к добру.
Ему так трудно жить в двадцатом веке.
Учить добру давайте детвору!
Его так не хватает в человеке.

Анастасия РУСАКОВА

---

* * *

Огоньково-золотистый
Цвет у зорьки по утрам.
Ну а птицы, как артисты,
Распевают тут и там.

И усыпаны поляны
Жемчуговою росой.
Тонет, падая в туманы,
Неокрепший луч косой.

Зорька смешивает краски –
Цвет лазури с перламутром,
И поют счастливо птицы:
«С добрым утром! С добрым утром!».

Валентина СУРНИНА

---

* * *

Пьяный март глядится в окна
Целой улицы с утра!
Заиграли солнцем стёкла,
От капли шаль мокра!

Захмелев у первой лужи,
Отощавший воробей
Бесшабашно, неуклюже
Торопился пить скорей.

Будто та вода горела,
Душу жгла и кровь его,
И, от счастья угорелый,
Он не видел ничего:

То, что плешь его намокла,
Что глядит на это кот...
Улыбнулась бабка Фёкла,
Огляделась у ворот:

Всё наполнилось вдруг смыслом,
В колею судьба вошла,
Руки в боки – коромыслом,
Карусель кругом пошла.

Закружилась, завертелась
С ней ребячья пестрота,
Сердце бабки отогрелось,
Отступила маята.

Михаил СКРОБОТОВ

---

* * *

Его не видел я живого.
И в мавзолее не приходил,
Но вечно ленинское слово
С собой по жизни проносил.

Его улыбка, глаз с прищуром
Повсюду помогала мне:
Когда я в тундре был каюром,
Иль шёл в атаку на Десне.

Когда я целину Алтая
Одним из первых поднимал.
Он рядом был, нам помогая,
Как всем нам в жизни помогал.

Его не видел я живого.
Но был он для меня живой.
И вечно ленинское слово
Руководило всюду мной!

* * *

Бирюза в серёжках светится,
А в глазах искрится смех...
Мне сказала: «Завтра встретимся» –
Та, что лучше, лучше всех.

Голоса тальянки звонкие,
Майский вечер так хорош!
Половицы гнутся тонкие,
Как плясать ты в круг пойдёшь.

Всё село тобой любит.
Ты в работе всем пример.
Каждый парень с нашей улицы
Твой нештатный кавалер.

Бирюза в серёжках светится,
А в глазах искрится смех...
Мне сказала: «Завтра встретимся» –
Та, что лучше, лучше всех.

* * *

За горизонт, за горизонт
Меня уносит каравелла.
За горизонт! За горизонт!
Как сердце, бьётся парус белый.
И Тихий – грозный океан –
Меня восторженно качает.
И пряный тропиков туман
Меня в объятия призывает.
Девятый раз, девятый вал,
Молитвой губы обжигает,
Мои прощальные слова
Водой солёной в рот вгоняет.
Но вновь шепчу: за горизонт,
Туда, где Север в льдах колдует.
За горизонт, за горизонт
Весь обмороженный, бреду я.
И в неизведанных местах,
Как дань, как плату за знакомство,
Я оставляю боль креста,
Я оставляю свои кости.
Но вновь иду в тайгу и степь,
К вершинам диким поднимаюсь,
Чтоб реактивный рёв густел,
Со мною к Марсу приближаясь.

Издание Томской писательской организации

<i>Е. Клименко. Ушли, но остались.</i>	
<i>Предисловие</i>	5
Владимир АНТУХ. <i>Стихи</i>	7
Олег АФАНАСЬЕВ. <i>Стихи</i>	20
Николай БАБУШКИН. <i>Проза</i>	32
Максим (Макс) БАТУРИН. <i>Стихи</i>	42
Владимир БЕЛЬЧИКОВ. <i>Стихи</i>	51
Владимир БРУСЬЯНИН. <i>Стихи</i>	61
Эдуард БУРМАКИН. <i>Проза</i>	78
Леонид ГАРТУНГ. <i>Проза</i>	131
Владимир ЖОЛНЕРОВСКИЙ. <i>Стихи</i>	147
Вадим ИВАНОВ. <i>Стихи</i>	159
Геннадий ИГНАТОВ. <i>Проза</i>	170
Александр КАЗАНЦЕВ. <i>Стихи</i>	193
Василий КАЗАНЦЕВ. <i>Стихи</i>	206
Михаил КАРБЫШЕВ. <i>Стихи</i>	219
Римма КОЛЕСНИКОВА. <i>Проза</i>	229
Любовь КОРАБЛИНА. <i>Стихи</i>	249
Давид ЛИВШИЦ. <i>Стихи</i>	261
Павел ЛОБАНОВ. <i>Стихи</i>	275
Борис ОВЦЕНОВ. <i>Стихи</i>	286
Михаил ОРЛОВ. <i>Стихи</i>	299
Ирина ПАВЕЛЬЕВА. <i>Стихи</i>	313
Георгий ПЛИШКИН. <i>Проза</i>	325
Александр РУБАН. <i>Стихи</i>	341
Валерий СЕРДЮК. <i>Стихи</i>	353
Сергей СМИРНОВ. <i>Стихи и проза</i>	369
Руфь ТАМАРИНА. <i>Стихи</i>	403
Владимир ШКАЛИКОВ. <i>Проза</i>	416

<i>Т. Назаренко. Ушедшие представители Северской поэзии</i>	443
Елена ВЕТРОВА. <i>Стихи</i>	447
Алой (Алоиз) КРЫЛОВ. <i>Стихи</i>	452
Владимир НИРЕНБЕРГ. <i>Стихи</i>	459
Александр ШИШКИН. <i>Стихи</i>	463
Валерий ЭЛЬБЛАУС. <i>Стихи</i>	469
Михаил НОВИНСКИЙ. <i>Стихи</i>	472
Светлана БУЧЕЛЬНИКОВА. <i>Стихи</i>	476
Галина ЕРМАКОВА. <i>Стихи</i>	480
Владимир КАЗИН. <i>Стихи</i>	482
Валентина АКАТОВА. <i>Стихи</i>	486
Владимир ОВСЯННИКОВ. <i>Стихи</i>	488
Людмила АРСЁНОВА. <i>Стихи</i>	483
Леонид МЕДВЕДЕВ. <i>Стихи</i>	498
Валентина ВАЛИУЛЛИНА. <i>Стихи</i>	501
Евгений ЕРХОВ. <i>Стихи</i>	505
Дмитрий ЯНУЧЕНКО. <i>Стихи</i>	507
Елена ШАДИНОВА. <i>Стихи</i>	510
Вадим ЗИМИН. <i>Стихи</i>	512
Александр КАНЦЕДАЛОВ. <i>Стихи</i>	515
Анастасия РУСАКОВА. <i>Стихи</i>	517
Валентина СУРНИНА. <i>Стихи</i>	518
Михаил СКРОБОТОВ. <i>Стихи</i>	519

Библиотека томской поэзии и прозы

УШЛИ, НО ОСТАЛИСЬ

Литературно-художественное издание

Организатор и руководитель проекта

Г. К. Скарлыгин

Редакторы-составители

Е. В. Клименко,

Т. Ю. Назаренко

Макет, вёрстка

О. В. Карташов

Корректор

И. А. Сердюк

Книга издана при поддержке председателя
совета директоров АО «Томские мельницы»

Евгения Леонидовича Рубцова.

Издание Томской писательской организации.

Подписано в печать 20.05.2025 г. Печать офсетная.

Формат 140×240 мм. Шрифт Cambria.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Интегральный переплёт».

Ул. Водяная, д. 78, стр. 3, офис 1